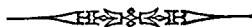

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XIV

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

У Ч Е Н Ы Е З А П И С К И
И Н С Т И Т У Т А
С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

Т о м X I V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. Н. Третьяков (ответственный редактор), *С. Б. Бернштейн*,
И. В. Бунина, *Л. Б. Валев*, *В. Н. Кондратьева* (ответственный
секретарь), *И. Н. Мельникова*, *И. С. Миллер*, *С. А. Никитин*,
С. В. Никольский

В. И. Владимирская

**БОРЬБА БОЛГАРСКОЙ РАБОЧЕЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(ТЕСНЫХ СОЦИАЛИСТОВ) ПРОТИВ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
(1914—1918 гг.)**

Годы первой мировой войны составляют особый период в истории Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов).

Первая мировая война подвела объективно-исторические итоги развития теснячества, выявила его сильные стороны и положительные качества и вскрыла недостатки и ошибки. Годы войны были завершающим периодом в истории партии тесных социалистов, исходным этапом ее преобразования в мае 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию.

Разработка истории БРСДП (тесных социалистов), особенно периода мировой войны, связана со всесторонним исследованием влияния ленинских идей и опыта большевистской партии на развитие революционного движения болгарского пролетариата.

Партия большевиков под руководством В. И. Ленина, ведя беспощадную борьбу против оппортунизма и центризма в русском рабочем движении и на международной арене, творчески обогащала и развивала марксизм применительно к новым историческим условиям эпохи империализма и пролетарских революций.

Ленин дал развернутую характеристику и оценку левым интернационалистским течениям в социал-демократических партиях II Интернационала и в том числе тесным социалистам. Он показал их положительные стороны и критиковал за ошибки по ряду коренных вопросов теории, стратегии и тактики. Борьба Ленина и русских большевиков против ошибок левых имела огромное историческое значение для всего дальнейшего развития международного рабочего движения. Именно эта борьба, которая велась большевиками с позиций творческого марксизма и пролетарского интернационализма, сыграла решающую роль в преодолении серьезных ошибок левых, в повороте лучших элементов левых на Западе к большевизму. Поэтому, раскрывая интернационализм партии тесных социалистов, положительные стороны в ее борьбе против империалистической войны, необходимо вскрывать ее серьезные ошибки по вопросам войны, мира и революции, ее идеологическую и организационную слабость, — все те черты, которые отличали в этот период партию тесных социалистов от последовательной и до конца революционной партии большевиков.

БОЛГАРИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Болгария вступила в эпоху империализма, будучи отсталой в технико-экономическом отношении, аграрной страной, с низким уровнем развития производительных сил. Отсталость болгарской экономики определялась прежде всего тяжелыми последствиями пятивекового господства турецких феодалов.

Освобождение от турецкого ига сопровождалось изгнанием турецких помещиков и разрушением феодальных отношений в деревне. Это создало благоприятные предпосылки для быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве. Шел активный и быстрый процесс развития буржуазных отношений в деревне, расслоения крестьянства, образования малочисленной, но экономически состоятельной группы кулацких хозяйств, обнищания основных крестьянских масс.

Одним из показателей и результатов этого процесса являлось распределение земли между различными социальными группами. В 1908 г. 11,5 тыс. собственников буржуазно-предпринимательского типа владели 345 тыс. га земли, в среднем по 30 га каждый. Из этого числа 215 крупнейших землевладельцев имели 155 тыс. га. На другом полюсе болгарской деревни 225 тыс. малоземельных крестьян владели 182 478 га. Их участки земли не превышали 2 га. В состав деревенской бедноты входило и 174 тыс. крестьян, имевших от 2 до 5 га земли, 172 тыс. хозяйств (от 5 до 10 га) были середнячками¹.

Трудящиеся крестьяне подвергались жестокой эксплуатации. Наряду с капиталистическими методами выжимания прибыли применялись и полуфеодалские формы эксплуатации: ростовщичество, натуральная и полунатуральная аренда и др.

Сельская буржуазия, сосредоточившая в своих руках значительную часть земли, рабочего скота, машин, обогащаясь за счет эксплуатации бедноты, а часто и середняков, стала влиятельной экономической силой.

Другой стороной процесса развития капитализма в сельском хозяйстве было образование сельского пролетариата и полупролетарских слоев, вынужденных прибегать к продаже своей рабочей силы.

Процесс пролетаризации мелкого крестьянства давал значительное число свободных рабочих рук, часть которых поглощалась в самой деревне кулацкими хозяйствами, а часть попадала в капиталистическую промышленность или пополняла резервную армию труда.

Хотя болгарская промышленность в начале XX в. переживала подъем (с 1900 по 1911 г. число предприятий и количество рабочих на них увеличилось более чем в 3 раза)², однако она попрежнему оставалась слабо развитой и по техническому оснащению отсталой.

Тяжелой промышленности в Болгарии фактически не было. Каменный уголь добывался в небольших размерах, главным образом в шахтах Перника (ныне Димитрово) и Бобов-дола. Еще в меньших количествах добывались медная и свинцовая руда. Металлообрабатывающая промышленность была в зачаточном состоянии.

Относительно быстро развивались пищевая промышленность, занимавшая по объему годового производства первое место (55,1% его стоимости); текстильная и табачная промышленность.

¹ Статистически годишник на Българското царство 1913—1922 гг., София, 1924, стр. 10—13.

² К. Попов. Стопанска България. Сб. на Българската Академия на науките. Клон историко-филологичен и философско-обществен, кн. VIII. София, 1916, стр. 313.

Несмотря на то, что в промышленности происходил интенсивный процесс вытеснения мелкого производства крупным, большую часть промышленной продукции (в 1911 г. — 75%) продолжали давать мелкие ремесленные предприятия³.

Характерной чертой капиталистического развития Болгарии было проникновение в народное хозяйство иностранного капитала. Он проникал в Болгарию прежде всего в виде займов, затем путем вложения в промышленность, а также образования филиалов крупнейших банков.

Выступая в Народном собрании, В. Коларов говорил: «Крупные промышленные предприятия были основаны у нас на иностранные капиталы. Все сахарные заводы и почти все электростанции основаны на иностранные капиталы. Софийский трамвай, софийская электростанция и большие механические мельницы в Варне и Ямболе принадлежат иностранным акционерным обществам, как и многие другие предприятия»⁴.

Так, например, в 1909 г. в каменноугольной промышленности иностранный капитал составлял 71,4%, в производстве электроэнергии — 96%, в химической — 34,7%⁵ и т. д.

Империалистические государства, и в первую очередь Германия, Англия и Франция, мешали развитию национальной промышленности Болгарии, подчиняя ее народное хозяйство своим интересам. Иностранный капитал захватил ключевые позиции в болгарской экономике (в промышленности, финансах, торговле), используя их для закабаления Болгарии.

Рост промышленного производства приводил к увеличению численности болгарского пролетариата.

Объектом официальной статистики в Болгарии были только предприятия, на которые распространялся «Закон о покровительстве государства местной промышленности». Таким образом, ее материалы не дают возможности определить общее количество рабочих.

В цензовой промышленности (включавшей и государственные предприятия), по официальным данным, в 1911 г. было занято 15 886 рабочих⁶. Однако эта цифра не отражала действительного размера применения наемного труда во всех отраслях народного хозяйства Болгарии. Общее число рабочих, занятых в промышленности, торговле, на транспорте, в сельском хозяйстве, составляло около 300 тыс. человек⁷.

В связи с процессом концентрации производства (в 1900 г. в Болгарии было 103 крупных предприятия, а в 1911 г. число их возросло до 345)⁸ происходило сосредоточение рабочих на крупных предприятиях, однако значительная часть рабочих была занята в кустарном производстве.

Рабочий класс концентрировался в основном в таких промышленных центрах, как София, Варна, Габрово, Бургас, Русе и др.

Положение пролетариата, как и основной массы крестьянства, было очень тяжелое. Отсталость промышленного развития, значительная зави-

³ К. Попов. Стопанска България, стр. 282.

⁴ Дневници (стенографски) на XVII обикновено народно събрание. Първа редовна сесия, стр. 1322. (Далее — Дневници на XVII ОНС, I р. с.).

⁵ Статистически годишник на Българското царство, год. II, 1910, София, 1911, стр. 261.

⁶ Дневници на XVII ОНС, I р. с., стр. 1321; К. Попов. Стопанска България, стр. 313.

⁷ Дневници на XVII ОНС, I и. с., стр. 1918. Благоев, опровергая утверждение о 16 тыс. рабочих, говорил о том, что общее число рабочих составляет 298 157 человек.

⁸ См. Хр. Кабакчиев и Караколов. „Болгария в первой мировой империалистической войне“. „Историк-марксист“, 1941, № 1, стр. 58.

симость от иностранного капитала, излишек рабочих рук создавали условия для жестокой эксплуатации рабочих.

Распыленность рабочих по мелким предприятиям, а в связи с этим меньшая возможность к организованному сопротивлению позволяла фабрикантам усиливать эксплуатацию рабочих, увеличивать до максимума рабочий день и снижать заработную плату.

Согласно официальным данным за 1909 г., на 153 предприятиях Болгарии продолжительность рабочего дня была от 10,5 до 12 часов, а в некоторых из них достигала даже 16 часов.

Данные, собранные Г. Димитровым в 1914 г. при содействии рабочих организаций, свидетельствовали о том, что тысячи рабочих и работниц всей текстильной промышленности, большинства табачных фабрик и складов, шахт Перника, всех мельниц, пивоваренных, сахарных и кирпичных заводов, предприятий по производству керамических изделий, кожевенных и обувных фабрик, большинства типографий работают от 10 до 18 часов без воскресного отдыха и праздников⁹.

В Болгарии длительное время не существовало законов об охране труда и социальном страховании рабочих. Жизнь и здоровье рабочих полностью зависели от произвола хозяина-предпринимателя. В результате подъема стачечного движения рабочих в 1905 г. правительство вынуждено было принять закон о женском и детском труде (1905 г.), закон о рабочих кассах взаимопомощи на предприятиях (1906 г.), а затем закон о помощи рабочим государственных предприятий в случае инвалидности и болезни (1906 г.).

Это не разрешало вопрос об улучшении условий труда, тем более, что и эти весьма курые законы предпринимателями не выполнялись.

Рабочие вели упорную борьбу за сокращение рабочего дня, за увеличение заработной платы, за улучшение условий труда. Первая русская революция 1905—1907 гг. оказала большое воздействие на болгарское рабочее движение, пережившее в это время период подъема. В 1905—1908 гг. произошли стачки шахтеров в Пернике, железнодорожников в Софии, стачки в Русе, Оряховеце, Варне, Бургасе. В конце 1906—начале 1907 г. вспыхнула общая стачка железнодорожников Болгарии. Бастовали рабочие текстильных предприятий Сливена.

С 1904 по 1913 г. в Болгарии произошло 680 стачек, в которых участвовало 32 519 рабочих¹⁰. Организаторами и руководителями стачечной борьбы рабочих были главным образом Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесных социалистов) и Общий рабочий профессиональный союз, созданный партией в 1904 г.

В массовых стачках этого периода рос, мужал и закалялся болгарский пролетариат.

Однако он был немногочисленным. Основную массу населения составляли мелкобуржуазные слои и прежде всего крестьянство. Это определяло в значительной мере своеобразие болгарской общественной жизни. Вопрос о том, на чью сторону станут средние слои, чьим резервом они будут, был одним из коренных вопросов политической борьбы в стране. Экономическое развитие приводило к социальной дифференциации средних слоев, к разорению, обнищанию и постепенной пролетаризации основной их массы. Молодой болгарский пролетариат состоял из различных прослоек. Наиболее выдержанной и революционной частью его были рабочие крупных промышленных предприятий. В. И. Ленин в 1912 г. подчеркивал

⁹ Дневники на XVII ОНС, I р. с., стр. 158.

¹⁰ Д. Коджейков. Материалы по синдикальному движению в България. София, 1949, стр. 44.

слабость демократических классов балканских государств (немногочисленный пролетариат, забытые, раздробленные, безграмотные крестьяне)¹¹.

Болгария являлась буржуазной монархией. Господствующей экономической силой в стране была буржуазия. Политика царя в основном соответствовала ее интересам. Болгарская буржуазия в своей хищнической политике эксплуатации и угнетения народных масс опиралась на монархию, видя в ней силу, способную держать в узде угнетенные классы.

Политическая жизнь в Болгарии отличалась обилием и пестротой буржуазных партий и группировок, вся государственная мудрость которых, по меткой и верной характеристике В. Коларова, заключалась, во-первых, в пресмыкательстве перед монархом, во-вторых, в искусстве проводить выборы, в-третьих, в умении бессовестно грабить¹².

Буржуазные партии ожесточенно боролись за власть. Они хотя и выступали иногда с критикой внутренней и внешней политики царского правительства, но по всем коренным вопросам и на всех решающих этапах оказывали полную поддержку монархии. В Болгарии того времени не было ни одной буржуазной партии, которая в своей программе выставляла бы требование установления демократического, республиканского строя.

В этих благоприятных условиях власть царя непрерывно усиливалась. Сила буржуазной партии, стремящейся к власти и захватившей ее, зависела во многом от поддержки монарха, придворной камарильи и военщины.

Интересы царя, придворной камарильи и бюрократии не всегда и не полностью совпадали с интересами отдельных фракций буржуазии. Отсюда наличие оппозиционных настроений в буржуазных партиях, возможность конфликтов и борьбы внутри господствующего класса и между его партиями и монархом по вопросам внутренней и внешней политики. Но не эта борьба была решающим фактором общественного развития. Таким фактором была борьба угнетенных классов и прежде всего борьба пролетариата.

В центре политической борьбы к 1914 г. стали внешнеполитические вопросы, неразрывно связанные с вопросами внутренней политики.

Такое значение внешнеполитических вопросов определялось как общей международной обстановкой кануна мировой империалистической войны, так и международным положением Болгарии, сложившимся к исходу двух балканских войн.

В балканских войнах болгарский народ потерял 55 тыс. человек убитыми и 105 тыс. ранеными¹³. Войны эти принесли ему бедствия и разрушение. Побуждаемые реваншистскими и экспансионистскими устремлениями, болгарская буржуазия и монархо-военная клика сразу же после заключения Бухарестского мирного договора начали готовиться к новой войне.

Эти реваншистские стремления поддерживали и раздували теперь Австро-Венгрия и Германия, которые стремились использовать Болгарию в качестве орудия своей империалистической политики на Балканах.

Таким образом, балканские войны послужили источником новых осложнений. Они обнажили старые империалистические противоречия между великими державами, вызвали новые противоречия и конфликты, обострили империалистическую и национальную борьбу на Балканском полуострове.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 340.

¹² См. Предисловие В. Коларова к кн. А. Булацель „Очерки социально-политической жизни современной Болгарии“. М., 1925, стр. 5.

¹³ Г. М. Димитров. Европейская война и рабочее движение на Балканах. „Коммунистический Интернационал“, 1924, № 5—6, стр. 234.

В развитие событий на Балканах постоянно вмешивались империалистические державы, разжигавшие противоречия между балканскими странами, рассматривая эти страны как разменную монету своей «большой» империалистической политики.

Хотя в 1908 г. Фердинанд провозгласил полную независимость Болгарии от Турции и сменил свой княжеский титул на царский, но ни монархия, ни буржуазия не могли обеспечить подлинной самостоятельности Болгарии, которая все больше вовлекалась в игру империалистических держав, утрачивая фактически свою экономическую и политическую независимость.

Зависимость Болгарии от иностранных монополий и империалистических государств приводила к тому, что буржуазные партии и Фердинанд I связывали возможность осуществления своих внешнеполитических планов с помощью той или другой империалистической группировки. Их требования и деятельность отражали не только интересы тех слоев болгарской буржуазии, которые они представляли, но и интересы того или иного империалистического государства или группы государств. Они были проводниками в Болгарии империалистической политики больших капиталистических государств.

В последние годы перед мировой войной, особенно после балканских войн, определились более глубокие, чем прежде, разногласия между буржуазными партиями по вопросам внешней политики, точнее, по вопросам внешнеполитической ориентации страны. Основой этого расхождения было обострение империалистических противоречий между двумя империалистическими лагерями в Европе.

Все буржуазные партии в Болгарии по вопросам внешней ориентации и выбора союзника к 1914 г. размежевались на две противоположные группы: германофильскую и антантофильскую. Взаимоотношения и столкновения этих двух групп заполняют собой всю историю политической борьбы буржуазных партий в этот период.

Поражение Болгарии во второй балканской войне послужило поводом для Фердинанда свалить всю вину за военные и дипломатические неудачи на русофильскую политику правительства Гешова—Данева.

Фердинанд I и его окружение способствовали германскому империализму в его экспансии на восток — к Константинополю и Багдаду, путь к которым шел через Болгарию.

4 июля 1913 г. Фердинанд уволил в отставку правительство Данева (прогрессивная партия) и призвал к власти партию либералов. Эта партия, либерализм которой ограничивался только названием, была одной из наиболее старых болгарских буржуазных партий. Ничем существенным не отличаясь от других буржуазных партий по вопросам внутренней политики, она связывала возможность достижения своих политических целей с Германией и Австро-Венгрией.

Либеральная партия, разделявшаяся на несколько групп, была связана главным образом с кругами промышленной и торговой буржуазии. Лидером этой партии был адвокат В. Радославов, ловкий политикан и царедворец, убежденный и последовательный германофил.

17 июля 1913 г. Радославов составил кабинет «либеральной концентрации», продержавшийся у власти с небольшими изменениями в персональном составе с июля 1913 г. по июль 1918 г.

Известный в свое время болгарский военный обозреватель полковник Василий Ангелов, член этой партии, в брошюре «Час Болгарии», вышедшей в июле 1915 г., откровенно излагал «пруссский» образ мыслей, политическое credo болгарских буржуазных «либералов»: «Пример Германии

напоминает нам, что гегемонию не получают, ее захватывают. Гегемония не достается в виде подарка, но приобретается насилем. Если мы не добьемся гегемонии, мы не будем «балканскими пруссаками». И далее: «...немцы при помощи значительных территориальных приобретений смогут образовать «Великую Германию». Нам же под покровительством победоносной Германии нужно поспешить создать на Балканах Великую Болгарию»¹⁴.

Оппозицию правительству Радославова составляли четыре буржуазные партии, которые представляли собой антантофильскую группу. В нее входили народная, прогрессивная, демократическая и радикальная партии.

Оппозиция требовала уничтожения Бухарестского договора и восстановления сан-стефанской Болгарии, но в отличие от правительственных партий полагала, что Болгария может добиться удовлетворения своих территориальных притязаний только в союзе с Антантой.

Земледельческий союз — массовая организация болгарского крестьянства, главенствующую роль в руководстве которой играло кулачество, и Болгарская рабочая социал-демократическая партия «широких социалистов» — оппортунистическая, реформистская партия, игравшая роль проводника буржуазного влияния на рабочий класс, — поддерживали политику буржуазной оппозиции.

Разоблачая «великоболгарскую», шовинистическую позицию как правительственной, так и оппозиционной группировок, В. Коларов показал, что и те и другие связывают осуществление националистических целей болгарской буржуазии с одной из больших европейских империалистических группировок. Он говорил, что «все болгарские политические мужи, преследовавшие «великие» болгарские национальные цели, были жалкими орудиями в руках империалистической политики великих держав...»¹⁵.

Против всего этого националистического фронта правительственных и оппозиционных партий выступала только одна партия, партия тесных социалистов, революционно-интернационалистская партия болгарского пролетариата.

Таковы были группировки выступавших на арене политической борьбы партий, представлявших различные классы и классовые прослойки.

Обстановка нарастания кризиса империалистической системы, приведшего к первой мировой войне, развитие классовой борьбы обусловили обострение межпартийной борьбы в Болгарии. В ноябре 1913 г. были проведены выборы в XVI Народное собрание. Однако они не дали правительству парламентского большинства (из 204 мандатов правительственные партии получили менее половины — 94)¹⁶. Значительного успеха на этих выборах добилась партия тесных социалистов. Она получила 55 тыс. голосов (18 мандатов)¹⁷. Эта победа была завоевана партией в результате ее борьбы против войны.

Так как Радославов не получил большинства в XVI Народном собрании, оно было распущено царским указом в январе 1914 г. Новые выборы были назначены на февраль 1914 г.

Избирательная кампания по выборам в XVII Народное собрание проходила в условиях небывалого даже для Болгарии террора. Правительство стремилось всеми имеющимися у него силами и средствами помешать росту

¹⁴ Цит. по кн.: Дмитриевич. Союз Болгарии с Германией перед судом свободной России. Пг., 1917, стр. 10.

¹⁵ Васил Коларов. Избрани произведения, т. I. София, 1954, стр. 331.

¹⁶ Статистически годишник на Българското царство, 1913—1922 гг., стр. 56.

¹⁷ „Ново време“, 1913, кн. V, стр. 130—131.

влияния партии тесных социалистов на народные массы. На одном из предвыборных собраний министр без портфеля Геннадиев заявил: «Самую большую опасность для нас представляют тесные социалисты, которые борются ожесточенно против настоящего общественного строя и с непреклонной волей добиваются своих конечных целей. Долг наш требует того, чтобы мы выступили всеми своими силами против тесных социалистов»¹⁸.

В объявленной войне теснякам правительство нашло союзников в лице всех буржуазных партий. Лозунг беспощадной борьбы с партией тесных социалистов был лозунгом, объединявшим все буржуазные и мелкобуржуазные партии в избирательной борьбе.

Несмотря на преследование и полицейский террор, тесные социалисты развернули широкую избирательную кампанию.

Партия пролетариата в своей избирательной кампании ставила основные вопросы демократически-республиканской программы. Она противостояла всем буржуазным и мелкобуржуазным партиям и смело разоблачала их националистическую и захватническую политику. Партия проводила большую агитационную работу, организовывала собрания рабочих, митинги, выпускала брошюры, ее агитаторы широко распространяли газету «Работнически вестник».

На большом собрании рабочих в Сливене была принята резолюция протеста против террора правительства. Сливенских рабочих поддержали трудящиеся многих городов и крупных сел. Массовые митинги протеста прошли в Берковице, Трояне, Дупнице, Хаскове, Пазарджике, Радомире, Русе и других местах¹⁹.

В митингах участвовали не только рабочие, но и ремесленники и крестьяне. «По грубому подсчету, только в городах и самых крупных селах эти митинги посетило более 50 тысяч избирателей»²⁰, — писала газета тесных социалистов.

Во время избирательной кампании полиция преследовала рабочих-избирателей, агитаторов партии тесных социалистов.

Партия через свою газету «Работнически вестник» призвала рабочих протестовать против полицейского произвола и требовать освобождения незаконно арестованного во время избирательной кампании Г. Димитрова. Рабочие Софии первыми ответили на призыв партии. В своей резолюции, принятой на митингах, они писали: «Предупреждаем болгарских правителей о необходимости положить конец их злодеяниям. Потому, что и нашему терпению есть предел...»²¹.

Митинги и собрания протеста прошли и в других городах страны. После трехдневного пребывания в тюрьме Г. Димитров был освобожден, так как правительство было напугано широким размахом организованной партией кампании протеста против террора и репрессий.

В результате выборов в XVII Народное собрание правительственные партии получили в парламенте в общей сложности большинство только в 15 мандатов. Итоги выборов показали, что, несмотря на жестокий предвыборный террор, к которому партия тесных социалистов организационно не была достаточно подготовлена, ей удалось все же сохранить $\frac{2}{3}$ мандатов (партия собрала 43 273 голоса и получила 11 мандатов)²².

Парламент, представляя различные слои буржуазии и послушно следуя за монархией, не выражал интересов и воли народа. Предавая националь-

¹⁸ „Работнически вестник“, 13. II. 1914.

¹⁹ „Работнически вестник“, 21. I. 1914.

²⁰ Там же.

²¹ „Работнически вестник“, 9. II. 1914.

²² Статистически годишник на Българското царство 1913—1922 гг., стр. 58—59.

ные интересы Болгарии, способствуя экономическому и политическому закабалению страны, правительство Радославова связало свои агрессивные стремления с политикой империалистической Германии, направленной на развязывание войны. Оппозиционные буржуазные партии и не помышляли о решительной борьбе против правительства Радославова и царя Фердинанда. Поэтому они разделяли всю ответственность за их авантюристическую политику, принесшую болгарскому народу неисчислимые бедствия и страдания.

БОРЬБА ПАРТИИ ТЕСНЫХ СОЦИАЛИСТОВ ПРОТИВ ВОВЛЕЧЕНИЯ БОЛГАРИИ В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ (1914—1915)

Первая мировая империалистическая война подвела итоги целой эпохе общественного развития и по-новому поставила основные вопросы социалистического движения революционного пролетариата. «Европейская война, — писал В. И. Ленин, — означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнуть авторитеты»²³.

Этот кризис не мог не затронуть и малые государства, втянутые в сеть империалистических отношений. В условиях империалистической войны малые государства Европы не могли играть самостоятельной роли. Но это вовсе не означало снижения их значения в дипломатической и военной борьбе империалистических хищников. Наоборот, стремление к закабалению малых государств, к превращению их в сателлитов великих империалистических держав усиливало их значение, делало их объектом борьбы. Малые государства, возглавляемые буржуазными правительствами, не могли отстоять свою независимость и в то же время пытались осуществить свои собственные захватнические планы при помощи той или иной империалистической группировки. Именно таково было положение государств Балканского полуострова и такова была политика их правительств.

В каждом звене империалистической цепи война привела к обострению социальных противоречий, к нарастанию открытых столкновений и острых конфликтов. Империалистическая война явилась серьезным испытанием для всех социалистических партий, в том числе и для революционно-марксистского авангарда болгарского пролетариата — партии тесных социалистов.

Война стала решающим фактором международного положения и всей общественной жизни Болгарии.

Правильная оценка характера первой мировой войны вообще и войны «своей» буржуазии в особенности определяли в конечном счете общую ориентировку партии тесных социалистов, ее политическую линию, ее лозунги и тактику.

Военно-политическая обстановка выдвигала перед партией новые задачи, требовала новых тактических приемов во всех областях пропагандистской, агитационной и организационной работы.

Вся идейно-теоретическая и практическая-политическая деятельность партии тесных социалистов была направлена на борьбу против империалистической войны. Но исторические условия этого периода были таковы, что борьба против войны, борьба за мир с неизбежностью вызывала

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 81.

необходимость постановки и решения коренных вопросов пролетарской, социалистической революции. Именно поэтому в связи с борьбой против империалистической войны с особой силой проявились как сильные стороны революционной интернационалистической партии тесных социалистов, так и ее идеологическая и организационная слабость, которая была характерной чертой всей меньшевистской части левого крыла II Интернационала.

Работы В. И. Ленина в период первой мировой войны «Война и российская социал-демократия», «Крах II Интернационала», «Социализм и война», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Военная программа пролетарской революции» и другие дали четкую, ясную перспективу международному пролетарскому революционному движению. В этих работах В. И. Ленина на основе творческого марксистского анализа всей совокупности экономических и политических явлений эпохи империализма были определены причины и характер первой мировой войны, стратегия и тактика революционной партии пролетариата.

Только партия большевиков развернула последовательную борьбу против империалистической войны, выдвинув в качестве основного лозунга — лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую». Большевики разоблачили предательство российских меньшевиков и иных социал-шовинистов из партий II Интернационала, ставших открытыми союзниками буржуазии и в целях обмана масс призывавших во имя «защиты отечества» к «гражданскому миру» во время войны.

Партии II Интернационала, его признанные лидеры изменили делу социализма. Оппортунизм, переросший в социал-шовинизм, привел к идейно-политическому краху II Интернационала.

Лишь незначительное левое, марксистское меньшинство оставалось на интернационалистских позициях, выступило против войны и пошло против течения, правда не вполне уверенно и не совсем последовательно, допуская ошибки и колебания при определении стратегии и тактики революционного движения пролетариата. К этой части левого крыла II Интернационала принадлежала и партия тесных социалистов, которая всегда вела непримиримую борьбу с буржуазией за интересы трудящихся, глубоко верила в победу рабочего класса, всегда отстаивала необходимость беспощадного разоблачения оппортунизма. Именно в силу этих положительных черт она смогла резко отмежеваться от социал-шовинистических партий II Интернационала, занять интернационалистскую позицию и мужественно вести борьбу против империалистической войны.

Партия тесных социалистов, дав правильную оценку мировой войны, как войны империалистической и антинародной, и разоблачая ложь и лицемерие буржуазно-шовинистической пропаганды, не смогла, однако, сделать все необходимые выводы для своей повседневной работы и воспринять полностью большевистские лозунги.

Центральный партийный орган — газета «Рабочнически вестник» — поместил ряд статей, разоблачающих истинный характер войны. В одной из них писалось: «Война, которую ведет сейчас Германия... не случайное явление или явление, не имеющее связи с империалистической политикой за последние два десятка лет... Германия бросилась в европейскую войну для достижения империалистических целей ее господствующих классов»²⁴.

Выступая 26 октября 1914 г. на большом собрании, Д. Благовоев говорил, что «основная причина европейской войны одна: это — та политика, которую капиталистические классы проводят давно, — капиталистическая

²⁴ „Рабочнически вестник“, 2.IX. 1914.

и империалистическая политика, капиталистический способ производства, который не может существовать дальше, не расширяя своих рынков... Причина нынешней войны в борьбе за захват новых рынков, в борьбе за сферы влияния немецкого и английского империализма»²⁵.

Правильно понимали тесняки и то, что войну империалисты стремились использовать для отвлечения пролетариата от нараставшего революционного движения, развращения его сознания ложно-патриотической демагогией, ослабления революционного натиска трудящихся и смягчения политического кризиса, представлявшего реальную угрозу для господства буржуазии²⁶.

Партия тесных социалистов выступила против вовлечения Болгарии буржуазно-монархической правящей кликой в империалистическую войну.

В обстановке, когда волна буржуазного национализма угрожала захлестнуть болгарский народ, тесняки повели систематическую самоотверженную пропаганду и агитацию против империалистической войны. В воззваниях и в печати, на митингах и собраниях, в речах своих представителей в парламенте партия разоблачала захватническую антинародную политику правительства Радославова и царя Фердинанда, предупреждала болгарский народ о приближении военной опасности, призывала его к борьбе против войны.

Сложность политической обстановки на Балканах заключалась в том, что балканские страны еще не завершили своего буржуазно-национального государственного оформления. Историческая эпоха народных национальных движений не была для них уже пройденным этапом.

В. И. Ленин в 1917 г. указывал, что «вообще «государственное строительство» на Балканах в направлении буржуазно-национальном не закончилось даже «вчерашними», можно сказать, войнами...»²⁷ (В. И. Ленин имеет в виду балканские войны).

Однако буржуазия балканских стран, в том числе Болгарии, стремились разрешить национальные противоречия на Балканах путем военно-дипломатического сговора с крупными империалистическими державами путем военных захватов.

Для понимания сущности политики правительства и буржуазии Болгарии в этот период важное значение имеет положение Ленина о том, что «если данная война есть реакционная империалистская война, т. е. ведомая двумя мировыми группами империалистской, насильнической, грабительской реакционной буржуазии, то всякая буржуазия (даже малой страны) превращается в участника грабежа...»²⁸.

Правящие круги Болгарии, преследуя свои захватнические цели, встали на путь превращения страны в финансово и военно-политического вассала Германии.

Растущая зависимость Болгарии от германского империализма, поставившая ее перед неизбежной перспективой вовлечения в войну, была в 1914 г. закреплена заключением соглашения о займе.

Переговоры Болгарии с Германией о займе проходили с апреля по июнь 1914 г. Условия займа и вся совокупность связанных с ним финансово-экономических обязательств носили для Болгарии кабальный характер. Она получила заем в 500 млн. левов ценой фактической утраты эконо-

²⁵ „Работнически вестник“, 27.X. 1914.

²⁶ См. „Ново време“, 1914 г., кн. XV, стр. 451—454.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 271.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 264 (разрядка наша. — В. В.).

мической и урезывания политической самостоятельности. Германские монополии получали право на эксплуатацию национальных богатств Болгарии (им были предоставлены концессии на строительство железных дорог, концессии в угольном бассейне, были расширены их возможности вмешательства в финансовую политику болгарского правительства). Все издержки этого кабального займа были возложены на трудящиеся массы. Правящая верхушка Болгарии использовала этот заем для подготовки своих военных сил к войне.

Вопрос о займе стал предметом острой политической борьбы. Оппозиционные буржуазные партии не протестовали против заключения правительством займа вообще, а выступали лишь против договора о займе с Германией. Они предлагали заключить соглашение о займе с Францией.

Следовательно, шумная борьба буржуазной оппозиции не была принципиальной борьбой против существа и характера займа, а порождалась лишь корыстными интересами буржуазных кругов, связанных с Антантой, и стремлением осуществить захватнические планы болгарской буржуазии при помощи другой империалистической группировки.

Обсуждение законопроекта о займе на заседании палаты 15 июля 1914 г. приняло форму бурных столкновений между правительственными и оппозиционными депутатами. Парламентская фракция партии тесных социалистов голосовала против займа. Д. Благоев выступил с заявлением, в котором разоблачал махинации правительства и маневры буржуазной оппозиции, раскрывал антинародную сущность их финансовой политики. В заявлении говорилось: «Нынешняя политика правительства в вопросе о займе составляет еще шаг в направлении к экономическому и политическому порабощению Болгарии иностранным агрессивным капиталом...»²⁹

Руководство партии тесных социалистов и ее парламентская группа организовали по всей стране собрания и митинги, на которых принимались резолюции протеста против займа.

Правительство, опасаясь революционизирующего влияния, которое могли оказать резолюции протеста против кабального займа, запретило их печатать в прессе. Сотни телеграмм с выражением поддержки парламентской группы тесняков, посланные в «Рабочнически вестник» и в ЦК партии, были задержаны правительственными органами³⁰.

17 июля 1914 г. соглашение о займе было утверждено Фердинандом.

Сейчас же после подписания условий займа германское правительство начало переговоры с Болгарией о ее присоединении к австро-германскому союзу.

ЦК партии совместно с парламентской фракцией издали «Обращение к рабочему классу Болгарии». В этом обращении соглашение о займе с Германией расценивалось как подготовка Болгарии к новой войне. В нем разоблачались империалистические стремления правительства и буржуазии³¹.

Партия тесных социалистов заняла правильную позицию и связала борьбу против займа с борьбой против войны и против антинациональной политики правительства и буржуазии.

Обращение партии нашло сочувственный отклик трудящихся и было поддержано на многочисленных митингах и собраниях, прошедших под лозунгами защиты экономической и политической независимости Болгарии и борьбы против войны³².

²⁹ Дневники на XVII ОНС, I р. с., стр. 2248.

³⁰ Там же, стр. 2655.

³¹ „Рабочнически вестник“, 18.VII. 1914.

³² „Рабочнически вестник“, июль—август 1914 г.

Борьба тесняков против займа и развернутая ими в связи с этим агитационная работа сыграли большую роль в политическом воспитании рабочего класса Болгарии и были важным звеном в борьбе партии против империалистической войны.

Тесные социалисты шаг за шагом разоблачали завоевательную националистическую политику болгарской буржуазии, которую она прикрывала лозунгами «национального объединения» и восстановления «Великой Болгарии». Руководители партии Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Димитров, В. Коларов в своих выступлениях показывали, что разногласия между правительственными кругами и буржуазной оппозицией по вопросам внешнеполитической ориентации Болгарии, значение и характер которых так стремились преувеличить лидеры буржуазных оппозиционных партий, имели частный характер преходящих расхождений по вопросу о путях и методах осуществления захватнических целей, объединяющих болгарскую буржуазию с правительством и монархией в единый лагерь.

После начала мировой войны активизировалась дипломатическая борьба обеих империалистических группировок за привлечение Болгарии на свою сторону.

Болгарское правительство заявило, что Болгария будет соблюдать строгий нейтралитет, однако в то же время вело переговоры с Германией.

Неправильно было бы думать, что буржуазия и правящая верхушка Болгарии ввязывались в мировую войну только в угоду германскому капиталу. Болгарская буржуазия преследовала свои цели. Она рассчитывала, что, выступая в союзе с Германией и Австро-Венгрией, сможет обеспечить себе значительные территориальные приобретения, тем более, что центральные державы не скупилась на обещания компенсаций за счет Сербии. Правительство Радославова готово было выступить против Сербии сразу же после нападения на нее Австро-Венгрии. Но Болгария только что вышла из второй балканской войны, она была экономически истощена, армия ее деморализована, а внутривластическое положение напряженно в связи с нарастанием народного возмущения. Поэтому правительство Болгарии заняло выжидательную позицию и объявило «строгий нейтралитет». Но этот «строгий нейтралитет» с самого начала был благожелательным по отношению к Германии и Австро-Венгрии. Д. Благоев в статье «Война и Балканы» писал, что «нейтралитет объявлен правительством по разным соображениям, но он объявлен для того, чтобы выждать удобный момент, подготовить народ, а затем толкнуть страну в военную авантюру»³³.

Тесные социалисты разоблачали пропаганду болгарской буржуазии, которая стремилась внушить народу доверие к себе и прикрыть свои захватнические устремления проповедью национального объединения с помощью той или иной империалистической коалиции. Они показывали, что победа Германии в войне, как и победа Антанты, означала бы национальное порабощение болгарского народа и ограбление Болгарии той или иной империалистической группировкой.

«Правительство ждет осуществления «национального объединения» от победы Германии и Австрии, но нетрудно увидеть и сейчас, что победа последних не только не несет «национального объединения» Болгарии, а исключает его навсегда... Не «национальное объединение», а национальную зависимость и порабощение несет нынешняя политика правительства... Она, так же, как и политика буржуазной оппозиции, предательская»³⁴.

³³ „Работнически вестник“, 12.VI. 1915.

³⁴ „Ново време“, 1915, кн. IX, стр. 260.

Понимание империалистического характера войны приводило и к правильному пониманию тесными социалистами того, что участие в данной войне не только не может принести национального освобождения и национального объединения болгарскому народу, а, наоборот, будет лишь способствовать еще большему усилению империалистического гнета. В. И. Ленин указывал: «Кто оправдывает участие в данной войне, тот увековечивает империалистское угнетение наций»³⁵.

Вся идеологическая подготовка к войне, интенсивно проводившаяся правительством вкупе со всеми буржуазными партиями, была рассчитана на использование живых в сознании масс традиций национально-освободительного движения. Националистической демагогией буржуазия стремилась отвлечь рабочих и крестьян от борьбы против империалистической войны, от революционной борьбы.

Историческая заслуга тесных социалистов заключается в том, что, разобравшись в объективной обстановке и разгадав спекулятивные махинации болгарской буржуазии, стремившейся использовать национальные чувства народа, они смело пошли против течения, разоблачая лицемерие и ложь буржуазно-националистической пропаганды.

Тесные социалисты неустанно разоблачали неспособность болгарской буржуазии сохранить политическую независимость страны. В одном из воззваний, выпущенном в начале войны, говорилось: «Болгарская буржуазия и монархизм, как показывает прошлое и настоящее... не были в состоянии вчера завершить национальное объединение болгарского народа, а сегодня они не способны защищать его политическую независимость».

Болгарский трудящийся народ не может больше верить правящим классам. Он должен быть начеку для того, чтобы взять в свои руки защиту верховных интересов страны»³⁶.

Тесняки рассматривали «свою» болгарскую буржуазию, как пособницу империалистов великих держав, которые затеяли войну ради грабежа чужих территорий.

Разоблачая националистические и реваншистские лозунги, при помощи которых правительство и буржуазия стремились идеологически подготовить болгарский народ к войне, тесные социалисты разъясняли трудящимся, что, вопреки утверждениям правящих кругов, разгром Сербии не только не в интересах болгарского народа, но, наоборот, создает благоприятную обстановку для грабежа балканских стран империалистическими хищниками и серьезную опасность для независимости Болгарии³⁷.

«Болгарский народ не имеет никакого основания радоваться несчастью сербского народа. Напротив, как только сербский народ будет окончательно разгромлен и поработен, болгарская независимость будет поставлена в несравненно большую опасность... Опасность эта велика еще и потому, что разгром Сербии отнимет и последнюю частичку ума у главных болгарских властителей, которые тянут Болгарию в войну»³⁸.

БРСДП (т. с.) развернула активную агитационную работу против вмешательства Болгарии в империалистическую войну.

Одним из опорных пунктов антивоенной работы партии тесных социалистов была ее фракция в Народном собрании, состоявшая из 11 депутатов: Д. Благоева, Г. Киркова, Г. Димитрова, В. Коларова, Хр. Кабакчиева и др.

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 277.

³⁶ „Работнически вестник“, 29.VII. 1914.

³⁷ „Работнически вестник“, 6.XI. 1914.

³⁸ Там же.

Тесные социалисты широко использовали парламентскую трибуну для разоблачения политики правительства Радославова и оппозиционных буржуазных партий, для борьбы против нарастающей военной опасности. При обсуждении бюджета члены парламентской фракции, выступая по его отдельным статьям, разоблачали политику правительства.

Парламентская фракция тесных социалистов выступала на первой чрезвычайной сессии Народного собрания, проходившей с 20 марта по 27 июля 1914 г., с протестом против попытки правительства и буржуазной оппозиции провести утверждение статьи бюджета на военные нужды без обсуждения в Народном собрании. Только парламентская фракция тесных социалистов объявила, что будет голосовать против военных кредитов и, мотивируя свою позицию, заявила: «Так как правительство объявляет, что оно стоит строго за сохранение нейтралитета, то нет необходимости в таком кредите. Вы не принимаете никаких мер в пользу народа, но все делаете для того, чтобы толкнуть его в войну. Поэтому мы не можем вотировать этот кредит»³⁹.

В. И. Ленин в годы первой мировой войны не раз указывал, что безусловный отказ от вотирования военных кредитов есть прямой долг действительно социалистических партий и первый их шаг в решительной борьбе против «своей» буржуазии и против империалистической войны. «Ни в мирное ни в военное время, — писал Ленин, — социал-демократическая партия и депутаты ее никоим образом не могут голосовать за военные кредиты, какими бы обманчивыми речами о «защите нейтральности» и пр. такое голосование ни оправдывалось»⁴⁰.

24 июля 1914 г. Радославов внес в Народное собрание законопроект о введении в стране военного положения. Решительный протест против этого антиконституционного акта выразили в парламенте только тесные социалисты.

11 августа 1914 г. вышел царский указ о введении по всей стране военного положения. Многочисленные инструкции правительства о военном положении и об установлении особого «общественного порядка» фактически ставили партию тесных социалистов вне закона.

В августе 1914 г. в стране были введены военно-полевые суды и военная цензура.

Таким образом, еще до вступления Болгарии в войну правительство предприняло шаги к установлению режима военно-полицейского террора.

Партия тесных социалистов в тяжелых условиях военного положения, полевых судов, цензурных преследований продолжала вести борьбу против войны. Митинги протеста против введения военного положения, военной цензуры и военно-полевых судов были проведены партией по всей стране. В резолюции митинга, состоявшегося в Софии, говорилось: «Софийские рабочие встретили с глубоким возмущением введение военного положения, при помощи которого болгарское правительство стремится... задушить свободу слова, собраний, печати...»

Протестуем против гибельной политики теперешних правителей... Долой военное положение, долой войну!»⁴¹.

Кампания протеста, проведенная тесными социалистами, вызывала чувство тревоги в правительственных кругах и в лагере буржуазной оппозиции.

Партии буржуазной оппозиции в это время не отказывались от намерения вступить в войну на стороне Антанты, но, понимая, что сейчас

³⁹ Дневники на XVII ОНС, I р. с., стр. 3365.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 128; см. также т. 21, стр. 139; т. 22, стр. 106.

⁴¹ „Работнически вестник“, 30.VIII. 1914.

реально угрожает опасность присоединения Болгарии к центральным державам, требовали соблюдения нейтралитета и выставляли себя спасителями страны от ужасов войны.

В августе и сентябре 1914 г. оппозиционные партии выступили с рядом воззваний, в которых выдвигали только два требования: 1) немедленный созыв Народного собрания для обсуждения внешней политики и 2) образование кабинета, в который вошли бы представители всех буржуазных и мелкобуржуазных партий от Радославова до Сакызова (лидер партии широких социалистов)⁴².

Буржуазная оппозиция не намеревалась покусаться на прерогативы монархической власти и чуралась всякой серьезной борьбы за преобразование государственного строя.

Партии буржуазной оппозиции фразами о «демократическом» коалиционном кабинете и «защите болгарского нейтралитета» обманывали народ и усыпляли его бдительность, облегчая тем самым правительству подготовку к войне. Они в такой же степени стремились к войне, желая лишь изменить внешнеполитическую ориентацию и поставить Болгарию на службу империалистам Антанты.

Правительство Радославова понимало, что без длительной подготовки, или, вернее, идеологической обработки масс в духе необходимости войны, вступление в войну будет чревато большими внутренними осложнениями. Это обстоятельство, а также последствия двух предшествовавших войн и обусловили сохранение в течение года нейтралитета, несмотря на самое горячее желание военщины и правительства немедленно бросить Болгарию в схватку на стороне германского империализма. Во время дипломатических переговоров в августе 1914 г. Радославов и царь Фердинанд заверяли германское правительство, что Болгария присоединится к тройственному союзу, как только будут разрешены некоторые внутренние затруднения.

Разрешить «внутренние затруднения» правительство Радославова считало возможным только в том случае, если будут подавлены антивоенные выступления трудящихся, ослаблено и подорвано влияние партии тесных социалистов. Поэтому правительство стремилось сочетать репрессии с политикой небольших уступок трудящимся массам. Важным звеном в этой политике было обещание разработать рабочее законодательство.

28 октября 1914 г., при открытии первой сессии XVII Народного собрания, царь Фердинанд, выступая с тронной речью, заявил, что его помыслы направлены якобы к продолжению и укреплению политики нейтралитета, и одновременно, желая создать видимость заботы о положении народа, провозгласил программу мероприятий в области рабочего законодательства⁴³.

Перед парламентской группой тесных социалистов встала задача разоблачить демагогию царя Фердинанда и его правительства. Необходимо было показать причины и истоки этого маневра правительства, вскрыть его политический смысл и тем самым обезвредить попытку обмануть рабочий класс.

Выступавшие с трибуны Народного собрания по вопросу о рабочем законодательстве тесные социалисты показали, что все предлагаемые законопроекты исходят из стремления правительства обмануть трудящихся Болгарии и создать только иллюзию заботы о благосостоянии народа.

⁴² Обвинительный акт против бывших министров от кабинета на д-р В. Радославов през 1913—1918 години. София, 1921, стр. 92—93.

⁴³ Дневници на XVII ОНС, I р. с., стр. 1—2.

Правительственный законопроект о государственном страховании рабочих предусматривал лишь объединение всех существовавших фондов в один, и эта административная мера не улучшала положения рабочих.

Поэтому парламентская фракция тесных социалистов выступила со своей программой рабочего законодательства, направленной на действительное улучшение экономического положения трудящихся масс. Эта программа была изложена в законопроектах «о государственной помощи рабочим и бедным семьям во время мобилизации и войны», «о выдаче заработной платы солдатам», «о государственной помощи безработным и их семьям», «о государственном страховании всех рабочих» и др.⁴⁴ От имени фракции с обоснованием предложенной программы выступал в Народном собрании Г. Димитров, который обрисовал действительное положение трудящихся. Его выступление свидетельствовало о том, что единственными представителями и защитниками интересов рабочих являются тесные социалисты и руководимые ими профсоюзы.

Разрабатывая законопроект о государственной помощи безработным, ЦК партии с помощью профессиональных организаций провел большую работу по выявлению действительного числа безработных в Болгарии. Поэтому, выступая в Народном собрании о необходимости помощи безработным, депутаты — тесные социалисты оперировали цифрами и фактами, о которых правительство стремилось умолчать. По приведенным ими данным общее число безработных в стране достигало 30 тыс. человек⁴⁵.

Внося законопроект о государственной помощи безработным, фракция тесных социалистов предлагала, чтобы средства для этого были изысканы путем специального обложения крупного недвижимого имущества и капитала и введения прогрессивно-подходного налога⁴⁶.

Выступая с законопроектом «о государственном страховании всех рабочих», тесные социалисты требовали 8-часового рабочего дня, определенного минимума заработной платы для всех категорий рабочих, гарантированного оплаченного еженедельного отдыха, учреждения рабочей инспекции, избранной от рабочих организаций и содержащейся за счет государства⁴⁷.

С трибуны Народного собрания тесные социалисты от имени болгарского пролетариата заявляли: «Выдвигая эти требования, мы не просим никакой милости, а требуем...»⁴⁸. Эти законопроекты были отвергнуты и правительством и буржуазной оппозицией. Г. Димитров заявил по этому поводу: «Вы, господа, представители буржуазных партий, в действительности интересуетесь не тем, что тысячи семей голодают, бедствуют, а тем, как расширить территорию, получить больше доходов и с большими для себя выгодами толкнуть болгарский народ в войну»⁴⁹.

Тесные социалисты, разоблачая социальную демагогию правительства и буржуазии, вскрывая ее политический смысл, мужественно отстаивали интересы болгарских трудящихся.

Тесные социалисты — депутаты проявили себя настоящими политическими деятелями болгарского рабочего класса и в ходе острой борьбы, которая развернулась на первой сессии Народного собрания по вопросам внешней политики.

⁴⁴ „Работнически вестник“, 25.III 1915.

⁴⁵ См. Дневници на XVII ОНС, I р. с., стр. 2604.

⁴⁶ См. там же, стр. 2392.

⁴⁷ См. там же, стр. 2604.

⁴⁸ Там же

⁴⁹ Георгий Димитров. Съч., т. 3, стр. 255.

Борьба в болгарском парламенте по внешнеполитическим вопросам шла по двум линиям. С одной стороны, между правительственными партиями и партиями оппозиции, включая широких социалистов, с другой стороны, между всеми буржуазными партиями, вместе взятыми, и партией тесных социалистов. Конечно, эти две линии борьбы отличались одна от другой самым существенным образом по своему характеру. В то время как борьба в буржуазном лагере шла по вопросу о том, какой империалистической коалиции продать болгарский народ и тем самым связать с ней свои захватнические стремления, партия рабочего класса выступала против всякого союза с империалистами, против участия в развязанной ими войне.

Наступление русских войск в Галиции и оживление военных действий в районе проливов вызвали более откровенные выступления за войну представителей буржуазной оппозиции.

Народники, прогрессисты, демократы и радикалы, выступавшие до этого за нейтралитет Болгарии, теперь, воспользовавшись создавшейся конъюнктурой, сбросили с себя личину защитников «мира» и повели открытую пропаганду за присоединение к Антанте.

Буржуазные оппозиционные партии издали ряд воззваний и брошюр, в которых требовали заключения союза с Антантой. Парламентская фракция широких социалистов, чтобы не потерять окончательно всякое доверие масс, формально продолжала поддерживать лозунг сохранения нейтралитета. Но, маскируясь этим лозунгом, широкие социалисты продолжали на деле свою прежнюю антантофильскую политику. Об этом наглядно свидетельствует статья «Новая фаза в европейской политике», помещенная в газете «Народ» в начале марта 1915 г. Говоря о перспективах Дарданелльской операции, газета болгарских социал-шовинистов открыто заявляла: «... для нас, болгар, занятие Царьграда и Дарданелл французами и англичанами принесло бы различные преимущества и помогло бы правильно разрешить балканский вопрос»⁵⁰. В апреле 1915 г. один из лидеров «широких» социалистов, К. Пастухов, выразил надежду, что балканский вопрос наконец-то может быть разрешен, так как Сербия должна будет подчиниться воле Антанты⁵¹.

Таким образом, широкие социалисты фактически вместе с буржуазно-оппозиционными партиями продолжали выступать за вмешательство Болгарии в войну на стороне Антанты. Партия тесных социалистов вела непримиримую борьбу с широкими социалистами, раскрывая все их демагогические маневры, предпринимаемые для обмана народных масс. Они раскрывали сущность конфликтов в буржуазном лагере и незавидную роль «широких», помогавших буржуазии подкрашивать ее империалистические цели, одурачивать и обманывать народ. «Самыми ревностными усыпителями народных масс, — писал орган БРСДП (т. с.), — являются широкие лжесоциалисты. В основе их политической деятельности лежит буржуазно-националистическая задача «национального объединения» — по принципу: пока Болгария не возьмет от соседей «все свое», до тех пор не будет мира на Балканах, а это означает не мир и не нейтралитет, а войну»⁵².

Таким образом, тесные социалисты, ведя борьбу со «своими» социал-шовинистами, показали себя на деле верными интернационалистскому долгу. «Социалист каждой страны, — писал В. И. Ленин, — должен

⁵⁰ „Народ“, 19.II. 1915.

⁵¹ Там же, 2.IV. 1915.

⁵² „Ново време“, 1915, кн. XV, стр. 453.

больше всего подчеркивать теперь в своей агитации необходимость полного недоверия не только к каждой политической фразе *своего* правительства, но и к каждой политической фразе *своих* социал-шовинистов, на деле служащих этому правительству»⁵³.

Тесные социалисты придерживались этого важнейшего принципа в своей борьбе против империалистической войны.

Тесные социалисты понимали, что империалисты, кроме всего прочего, стремились при помощи войны предотвратить угрозу нарастающей революции. Они говорили и писали, что «война явилась своего рода бегством от революции...»⁵⁴.

Указывая на империалистический характер начавшейся мировой войны, тесные социалисты продолжали в парламенте энергичную борьбу против всех мероприятий правительства, направленных на подготовку Болгарии к войне.

Мужественная борьба парламентской фракции тесных социалистов в Народном собрании была важным элементом антивоенной работы партии и служила серьезным средством политического воспитания рабочего класса Болгарии в духе интернационализма. Члены парламентской фракции не ограничивали свою деятельность рамками Народного собрания, но выступали против военных мероприятий правительства и на больших собраниях и митингах, организованных фракцией совместно с ЦК партии.

За время первой сессии XVII Народного собрания они провели 85 заседаний с привлечением широкого партийного актива, на которых обсуждались все законопроекты и запросы, вносимые фракцией в Народное собрание⁵⁵.

Центральный Комитет посылал депутатов в провинцию, где они выступали перед трудящимися с докладами о парламентской деятельности партии. Был создан денежный фонд из депутатских взносов для помощи семьям осужденных и сосланных в Сибирь русских большевиков-депутатов⁵⁶, которые дали образец использования парламентаризма революционной социал-демократией.

Парламентская деятельность партии приобрела большое общественное значение. Именно потому, что партия тесных социалистов оставалась верна своему интернационалистскому долгу, что она вела упорную и систематическую борьбу против империалистической войны, выступала против оппортунизма и социал-шовинизма, ей удалось решить трудную задачу создания действительно революционной парламентской фракции.

Ленин неоднократно отмечал, что большинство так называемых «социалистических» депутатов встало на путь прямой измены рабочему классу. Уже после войны он писал: «...трудно себе представить нечто более гнусное, подлое, изменническое, чем поведение гигантского большинства социалистических и соц.-дем. депутатов в парламенте за время войны и после нее»⁵⁷.

На этом фоне мужественную борьбу парламентской фракции тесных социалистов, несомненно, следует отнести к серьезным революционным делам партии. Поэтому В. И. Ленин дал высокую оценку деятельности тесняков в парламенте накануне вступления Болгарии в войну. В июле—августе 1915 г. он писал: «Парламентаризм признают Зюдекум с Гейне, Самба с Вальяном, Биссолати с Муссолини, Чхеидзе с Плехановым.

⁵³ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 202.

⁵⁴ Дневники на XVII ОНС, I р. с., стр. 249.

⁵⁵ „Работнически вестник“, 25.III. 1915.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 45.

И парламентаризм признают наши товарищи из РСДР Фракции, признают болгарские, итальянские товарищи, порвавшие с шовинистами. Парламентаризм парламентаризму рознь. Одни используют парламентскую арену, чтобы подслужиться к своим правительствам... Другие используют парламентаризм, чтобы оставаться революционерами до конца, чтобы исполнить свой долг социалистов и интернационалистов и при самых трудных обстоятельствах... Одни служат буржуазии, другие — пролетариату. Одни — социал-империалисты. Другие — революционные марксисты»⁵⁸.

Преодолевая все трудности, в условиях режима террора и преследований, партия тесных социалистов вела смелую борьбу против империалистической войны.

Под антивоенными лозунгами проходила и первомайская демонстрация 1915 г.

В передовой статье «Рабочнического вестника» выдвигались следующие первомайские лозунги: «...первого мая мощный клич разнесется по всей земле: мир между народами, борьба между классами!.. Рабочие и трудящиеся должны сбросить пелену с своих глаз, гордо поднять голову и громко заявить: «Мы требуем работы для нас и хлеба для наших жен и детей. Мы требуем защиты от безжалостной эксплуатации хозяев, фабрикантов и капиталистов. Мы требуем свободы высказывания наших нужд, мы требуем, чтобы наши права не попирались и не отнимались у нас. Мы требуем, чтобы был положен конец закулисным дипломатическим сделкам, мы решительно против всякой войны. Мы хотим жить в мире, мы хотим быть в братских отношениях с балканскими народами»⁵⁹.

Если учесть условия военного положения и сравнительную малочисленность болгарского пролетариата, то 3 тыс. участников демонстрации в Сливене, 1600 — в Пловдиве, более тысячи — в Софии и т. д. следует расценивать как внушительную демонстрацию авторитета и влияния партии тесных социалистов. Всего в городах участвовало в демонстрациях около 10 тыс. человек и такое же количество приняло участие в первомайских собраниях⁶⁰.

Таким образом, в центре всей большой агитационной работы партии стояли вопросы борьбы против империалистической войны и тесные социалисты оставались неизменно верны принципам пролетарского интернационализма.

Однако уже на этом исходном этапе своей борьбы против войны и военной опасности тесные социалисты допускали ошибки.

После введения в стране военного положения условия для развертывания антивоенной работы значительно ухудшились и усложнились. Для того, чтобы в такой обстановке вести настойчивую, систематическую агитацию против войны, партии необходимо было пересмотреть и перестроить формы своей работы. «Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату, — писал В. И. Ленин, — ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации»⁶¹. В этот период партия тесных социалистов практически не ставила перед собой такую задачу.

Развернув антивоенную агитацию с трибуны Народного собрания и вне его, партия не связывала эту агитацию с организационной подготовкой болгарского рабочего класса к революции.

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 293 (разрядка наша. — В. В.).

⁵⁹ «Рабочнически вестник», 12.IV. 1915.

⁶⁰ «Рабочнически вестник», 21.IV. 1915.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 17.

ОТНОШЕНИЕ ПАРТИИ ТЕСНЫХ СОЦИАЛИСТОВ К ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ КРАХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

В. И. Ленин в статье «Опportunизм и крах II Интернационала» писал: «Из признания войны войной за национальное освобождение вытекает одна тактика, из признания ее империалистской — другая»⁶².

Правильная оценка развернувшейся мировой войны, как войны империалистической, захватнической, антинародной, а также опыт борьбы с опportunизмом в болгарском рабочем движении дали возможность тесным социалистам нащупать правильную ориентировку в происходивших всемирно-исторических событиях, занять интернационалистскую позицию, вернуть смелую агитацию против войны и выступить против социал-шовинизма. Конгрессы II Интернационала неоднократно принимали решения, обязывающие социал-демократические партии вести борьбу против милитаризма и империалистических войн. Но опportunистические лидеры II Интернационала в течение длительного периода подменяли идею классовой борьбы и социалистической революции проповедью реформизма, сотрудничества классов.

Лидеры II Интернационала предали забвению принципы революционного марксизма и встали на путь прямой измены делу рабочего класса.

«Крах II Интернационала, — писал В. И. Ленин, — есть крах опportunизма, который вырабатывался на почве особенностей миновавшей (т. наз. «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале»⁶³.

Особенно много опportunистических элементов подвизалось в германской социал-демократической партии, занимавшей ведущее положение во II Интернационале. К началу войны партия растеряла остатки своей бывшей революционности именно потому, что в ее ряды проникли опportunисты, которые получили преобладание и разложили партию, при попустительстве и прямом содействии «ортодоксальных» лидеров. «Формулируя дело научным образом, — писал В. И. Ленин, — т. е. с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство социал-демократических партий и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата»⁶⁴.

День 4 августа 1914 г. был днем чудовищной измены, когда социал-демократическая фракция германского рейхстага одобрила военные кредиты и санкционировала установление военного положения и принятие ряда исключительных законов, направленных против рабочего класса. Только Карл Либкнехт выполнил свой долг интернационалиста и мужественно голосовал против военных кредитов.

Изменили пролетариату и вожди французской социалистической партии Ж. Гед, А. Тома, М. Самба, вошедшие в состав империалистического правительства. Так же поступили вожди английской рабочей партии и бельгийской социалистической партии — А. Гендерсон и Э. Вандервельде. Изменил делу социализма и Г. В. Плеханов.

В отличие от большинства партий II Интернационала, партия тесных социалистов вела борьбу против империалистической войны и резко осуждала поведение лидеров II Интернационала.

⁶² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 98.

⁶³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 15.

⁶⁴ Там же, стр. 183—184.

В то же время тесные социалисты заявили о своей солидарности с декларацией Карла Либкнехта и полностью напечатали ее в своей газете. А в редакционном заключении газета писала: «В этой декларации К. Либкнехт ясно и резко характеризует действительный характер войны... Смелые слова Либкнехта — это светлый луч будущего развития социалистического рабочего движения в Германии»⁶⁵.

Тесные социалисты осудили измену вождей германской, французской и других социал-демократических партий, голосовавших за военные кредиты и вошедших в империалистические правительства. Они определили эту политику как политику измены революционным традициям Интернационала.

В статье «Интернационал и война», опубликованной в феврале 1915 г., Д. Благоев дал развернутую оценку предательства лидеров социалистических партий и в первую очередь германской: «...как только пришло известие, — писал он, — что парламентская фракция германской социал-демократии голосовала за военные кредиты на империалистическую войну Германии, стало ясно, что Интернационал распался... Нет сомнения, что эта сотворенная Интернационалу пакость... была учинена не германской социал-демократической партией в целом... а ее оппортунистическим большинством»⁶⁶.

В. И. Ленин имел в виду, вероятно, именно эту статью Благоева, когда в работе «Крах II Интернационала» писал: «В Болгарии противники оппортунизма, «тесняки», печатно обвиняют германских социал-демократов в своем органе («Новом Времени») в «сотворении пакости»⁶⁷.

Следует отметить, что тесные социалисты критически отнеслись к доводам Каутского и ему подобных, пытавшихся отрицать, скрыть сам факт идейно-политического краха II Интернационала. В определении причин краха, условий и явлений, его породивших, они также стояли на правильной позиции, указывая на прямую связь социал-шовинизма с оппортунизмом, имея при этом в виду и собственный опыт борьбы с оппортунистами в болгарском рабочем движении.

2 сентября 1914 г. в газете «Работнически вестник» была напечатана передовая под названием «Германский империализм», в которой говорилось, что «империалистические стремления Германии составляют ось ее внешней политики... Отношения Германии к европейским и другим государствам в последние два десятилетия определялись прежде всего ее неукротимым стремлением к расширению влияния над чужими странами, к захвату колоний...»

«...Германия бросилась в войну для достижения империалистических целей ее господствующих классов...»⁶⁸. Эти выводы были очень важны для дальнейшей антивоенной революционной борьбы тесных социалистов, так как правильное определение целей германского империализма и правильная оценка поведения руководства германской социал-демократической партии означало укрепление позиций партии тесных социалистов в ее борьбе против империалистической войны, против своего правительства и буржуазии, против болгарских социал-шовинистов. Это важно было и потому, что в это время ренегаты германской социал-демократической партии всеми средствами помогали своему правительству втянуть Болгарию в войну.

⁶⁵ „Работнически вестник“, 3.XII. 1914.

⁶⁶ „Ново време“, 1915, кн. III, стр. 65.

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 219.

⁶⁸ „Работнически вестник“, 2.IX. 1914 г.

В этих целях они стремились оправдать свою измену в глазах болгарской рабочей социал-демократической партии, увлечь ее за собой на путь предательства и тем самым ускорить и облегчить вовлечение Болгарии в войну в качестве союзника Германии.

Такие попытки социал-шовинисты предпринимали неоднократно.

12 августа 1914 г. один из руководителей немецких реформистских профсоюзов, К. Легин — этот «вернейший, — по характеристике В. И. Ленина, — сторожевой пес буржуазии»⁶⁹ — обратился с личным письмом к Г. Димитрову, как к руководителю Общего рабочего профессионального союза. В этом письме К. Легин всячески оправдывал голосование парламентской группы германской социал-демократии за военные кредиты. Г. Димитров ответил на письмо Легина резким выступлением против измены лидеров германской социал-демократии⁷⁰.

В январе 1915 г. в Болгарию приехал один из наиболее воинствующих представителей германских социал-шовинистов Парвус. На собрании в Софии он обратился с призывом к болгарскому народу вмешаться в войну на стороне Германии.

Член Центрального Комитета партии Г. Кирков резко выступил против шовинистических призывов Парвуса. «Задачей болгарского пролетариата, — заявил Г. Кирков, — мы считаем борьбу против вовлечения страны в войну на стороне какого бы то ни было воюющего государства»⁷¹.

Несмотря на эту отповедь, которая дана была на собрании Парвусу, на XXI съезде партии тесных социалистов делегаты критиковали руководство партии за предоставление трибуны таким «социалистам», как Парвус⁷².

Революционная интернационалистская позиция тесных социалистов вызывала также недовольство социал-шовинистов стран Антанты.

В начале войны Г. В. Плеханов обратился к Д. Благоеву с просьбой опубликовать в болгарской социалистической печати его письмо к одному болгарину. В этом письме Г. В. Плеханов объявлял справедливой войну со стороны России и ее союзников.

Г. В. Плеханов пользовался большим авторитетом среди болгарских социалистов. Его труды способствовали оформлению марксистского мировоззрения тесняков. Д. Благоев высоко ценил заслуги Плеханова, однако решительно выступил против его ошибочных взглядов в годы войны. Д. Благоев опубликовал письмо Г. В. Плеханова в теоретическом журнале партии «Ново Време» и в том же номере ответил на него передовой статьей под названием «Magister dixit»⁷³.

Оппортунистическим установкам Плеханова Благоев противопоставил революционную позицию большевистской партии как единственно верную и отвечающую интересам рабочего движения в России и задачам борьбы социалистов против империалистической войны. Он писал, что убеждения Плеханова в том, что поражение России помешает успеху русского революционного движения «противно тому убеждению, которое существует у большей части русских социал-демократов и революционеров»⁷⁴.

В феврале 1915 г. Центральный Комитет тесных социалистов направил в Международное Социалистическое Бюро письмо, с которым просил ознакомиться все социал-демократические партии.

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 225.

⁷⁰ См. „Работнически вестник“, 10.IX. 1914.

⁷¹ „Работнически вестник“, 13.I. 1915.

⁷² „Работнически вестник“, 12.VIII. 1915.

⁷³ См. „Ново време“, 1914, кн. XXIII—XXIV.

⁷⁴ Там же, стр. 707.

В этом письме партия тесных социалистов официально объявляла о том, что она не согласна с позицией II Интернационала в отношении империалистической войны, осуждает эту позицию и считает, что II Интернационал, как организованный центр рабочего социал-демократического движения с момента предательства его лидеров перестал существовать⁷⁵. Это письмо было важнейшей политической декларацией, в которой с революционных позиций критиковалось положение в Интернационале.

Болгарская рабочая социал-демократическая партия (т. с.) выступала одним из инициаторов объединения левых элементов социал-демократических партий Сербии, Румынии, Греции.

13—19 июля 1915 г. в Бухаресте состоялась Вторая Балканская социал-демократическая конференция, на которой присутствовали делегаты румынской и греческой социал-демократических партий и болгарских тесняков (Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Димитров, В. Коларов).

Конференция решила, что лозунг Балканской демократической федеративной республики является основным требованием балканских социал-демократических партий в период империалистической войны. Но в решении конференции требование Балканской демократической федеративной республики не сопровождалось ясно изложенной программой революционных массовых действий⁷⁶.

В августе 1915 г., накануне вступления Болгарии в войну, состоялась XXI съезд Болгарской рабочей социал-демократической партии (т. с.).

Основные доклады и решения съезда определили позицию партии и программу ее действий в обстановке империалистической войны.

На партийном съезде были сделаны попытки найти новые пути, формы и методы работы.

Делегаты, выступавшие в прениях по отчетному докладу Центрального Комитета, говорили о необходимости усилить связи с массами, укрепить руководство партийными организациями, разработать конкретные мероприятия, которые дали бы возможность ЦК партии оперативно и четко направлять всю партийно-политическую и партийно-организационную работу⁷⁷. Съезд в своих решениях безоговорочно отверг всякое участие болгарского народа в мировой войне на чьей бы то ни было стороне, выразил протест против посягательств империалистических хищников на независимость балканских государств⁷⁸.

XXI съезд закрепил интернационалистские позиции, занятые партией с самого начала войны. Он потребовал от руководства еще более решительной борьбы против социал-шовинизма. Однако для того, чтобы определить правильный курс партии, необходимо было все лозунги подчинить решающему политическому лозунгу — лозунгу превращения войны империалистической в войну гражданскую. Этого съезд не сделал. Отсюда вытекают недостатки и ошибки в определении конкретных задач и форм партийной работы.

Большое значение для развертывания активной пропаганды и агитации тесных социалистов имели выдвинутые съездом лозунги: «Прекращение войны», «Борьба за Балканскую федеративную республику», «Никакой поддержки буржуазии в империалистической войне», «Против военных кредитов», «Борьба за установление демократических свобод», «Борьба за улучшение положения трудящихся».

⁷⁵ БРП(к) в резолюциях, т. I, стр. 366—369.

⁷⁶ См. „Работнически вестник“, 23.VII. 1915.

⁷⁷ „Работнически вестник“, 12.VIII. 1915.

⁷⁸ БРП(к) в резолюции, т. I, стр. 387.

Под такими лозунгами партия провела массовые митинги и выступления против подготовлявшейся мобилизации⁷⁹.

Центральным Комитетом БРСДП (т. с.) совместно с парламентской фракцией было издано «Обращение к рабочему классу Болгарии». В нем говорилось: «В этот решающий час мы снова обращаемся к рабочему классу, ко всем эксплуатируемым и угнетенным, ко всем, кому война принесет только нищету и бедствия, с призывом сплотиться еще теснее под знаменем социал-демократии, чтобы с новыми силами бороться за мир, за Балканскую федеративную республику... Спасение балканских и европейских народов от ужасов будущей мировой войны в уничтожении капитализма, милитаризма и империализма. А достигнуть этого можно только путем непримиримой революционной классовой борьбы пролетариата всех стран, сплоченных международной солидарностью»⁸⁰. Обращаясь к пролетариям Сербии, Румынии, Греции и Турции, партия тесных социалистов призывала их к совместной борьбе против войны.

Это обращение, изъятое военной цензурой из газет, было отпечатано листовкой и в десятках тысяч экземпляров распространено по стране. Партия пошла по правильному пути создания, вопреки цензурному режиму, нового типа «прессы» в виде листовок. На мобилизационных пунктах обращение читали тысячи рабочих и крестьян, отправляемых в армию.

Народ откликнулся на призыв партии тесных социалистов выступлениями против войны. Правительство Радославова привлекло к судебной ответственности всех членов Центрального Комитета партии. Следствие было поручено военно-полевому суду.

Правительство таким образом стремилось обезглавить партию. Тесные социалисты, не имевшие опыта подпольной работы, не сумели сразу перестроить свои ряды и организовать широкие и активные выступления народных масс.

23 сентября 1915 г. был издан царский манифест о всеобщей мобилизации в болгарскую армию. 14 октября Болгария вступила в войну против Антанты и Сербии. В ответ на это 16 октября Англия и Франция, а спустя несколько дней и царская Россия объявили войну Болгарии.

День вступления Болгарии в войну был днем поворота всей болгарской буржуазии к объединению с монархией и военщиной. «Оппозиционность» демократической, радикальной, народной, прогрессивной партий и партии «широких» социалистов правительству Радославова быстро исчезла. Лозунг «Гражданский мир!» объединил все эти партии во имя обогащения за счет войны. Буржуазные партии Болгарии сплотились в единый националистический лагерь на основе поддержки захватнической, реваншистской программы правительства. Газеты всех буржуазных партий и партии широких социалистов были полны шовинистическими призывами. Буржуазные партии, щеголявшие недавно наперебой друг перед другом своим «миролюбием» и «демократизмом», захлебывались от восторга по поводу военных успехов болгарской армии.

После вступления Болгарии в войну и, особенно, успешного завершения сербского похода буржуазные партии единодушно поддерживали правительство Радославова, проголосовав за военные кредиты. Косвенную поддержку правительству оказали широкие социалисты, воздержавшиеся от голосования.

Только парламентская фракция тесных социалистов, не страшась преследований и сохраняя верность интернационалистскому долгу, проголо-

⁷⁹ „Работнически вестник“, 25.VIII. 1915.

⁸⁰ БРП(к) в резолюциях, т. I, стр. 396—397.

совала в Народном собрании против военных кредитов. В декларации, которую огласил в парламенте Д. Благоев, говорилось: «...партия заявляет, что она отказывается от какой бы то ни было поддержки кровавого дела буржуазии и приложит все силы в борьбе за торжество мира и социализма. Исходя из этих соображений, мы голосуем против военного кредита...»⁸¹.

Мужественная декларация тесных социалистов выражала революционно-интернационалистскую линию в противоположность буржуазно-шовинистической линии всего парламента. При обсуждении военных кредитов тесняки широко использовали трибуну Народного собрания для разоблачения империалистической политики царя и болгарской буржуазии. Их смелые выступления вызывали ярость у буржуазных депутатов Народного собрания, выдвинувших весьма характерное обвинение против тесных социалистов: «они не хотят быть такими же хорошими болгарами, как их друзья по партии в Германии стали хорошими немцами»⁸². Депутаты — представители правительственных партий — требовали расправы с парламентской группой тесняков, заявляя, что «ни в каком другом парламенте социалисты не ведут себя так, как у нас»⁸³.

Таким образом, и после вступления Болгарии в войну тесные социалисты вели широкую агитацию против империалистической войны, использовали трибуну Народного собрания как социалисты-интернационалисты. В парламенте они стойко и самоотверженно отстаивали коренные интересы болгарского народа.

ТАКТИКА ПАРТИИ ТЕСНЫХ СОЦИАЛИСТОВ ПО ВОПРОСАМ ВОЙНЫ, МИРА И РЕВОЛЮЦИИ

Тесные социалисты в этот период вели мужественную борьбу против попытки болгарской буржуазии представить программу военных захватов и насильственных присоединений чужих территорий как дело «национального объединения» болгарского народа. ЦК партии проводил большую агитационную работу по разъяснению народным массам захватнического характера этой программы⁸⁴.

Шовинистической пропаганде тесные социалисты противопоставляли лозунг Балканской федеративной республики.

Программа Балканской федеративной демократической республики была выработана социалистами балканских стран при самом активном участии партии тесных социалистов и сербской социал-демократической партии на основе анализа сложившейся обстановки на Балканах.

Лозунг Балканской федеративной демократической республики они начали усиленно пропагандировать вскоре после 1908 г., когда на Балканах обострились противоречия и конфликты и создалась реальная опасность военных столкновений.

⁸¹ Дневники на XVII ОНС, II р. с., стр. 9.

⁸² Там же, стр. 349.

⁸³ Там же, стр. 1172.

⁸⁴ Центральный орган партии „Работнически вестник“ в июле 1915 г. выступил с рядом статей под названием „Национальное объединение или национальный разгром“. В одной из этих статей, обращаясь к буржуазным партиям, „Работнически вестник“ писал: „...Вы хотите создать „Великую Болгарию“, поработить сотни и тысячи сербов, албанцев, греков и турок... „Национальное объединение“, которое вы проповедуете, это только ширма, которой вы прикрываете вашу преступную политику истребления народов. Ваш путь „национального объединения“ привел к национальному разгрому в прошлом и ведет теперь к еще большей национальной катастрофе...“.

Д. Благоев — основатель и создатель партии тесных социалистов выступил в это время с рядом статей, в которых лозунг Балканской федерации был теоретически обоснован и связан с общими задачами партии.

Белградская общевалканская социалистическая конференция в 1910 г., обсуждая доклад руководителя сербской социал-демократической партии Д. Туцовича «Балканский вопрос и европейские державы», разоблачила происки империалистических государств и антинародную политику династий, правительств и буржуазии балканских стран.

Накануне и в период первой мировой империалистической войны лозунг Балканской федеративной демократической республики был лозунгом левых интернационалистских партий и течений в социалистическом движении балканских стран. Болгарские и сербские социалисты под этим лозунгом, правильным в конкретных исторических условиях начала XX в., вели борьбу против империализма и антинародной политики правительств.

Статьи В. И. Ленина, написанные во время и по поводу балканских войн, свидетельствуют, что он поддерживал борьбу социалистов за Балканскую федеративную демократическую республику. В. И. Ленин в статье «Новая глава всемирной истории», написанной в октябре 1912 г., указывал: «Сознательные рабочие балканских стран первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Этот лозунг: федеративная балканская республика»⁸⁵. В том же году в другой статье В. И. Ленин писал: «Только полная свобода и самостоятельность балканских народов, только федеративная республика балканская в состоянии обеспечить наилучший выход из теперешнего кризиса и действительное разрешение национального вопроса путем признания полного равноправия и безусловного права на политическое самоопределение за всеми без исключения национальностями»⁸⁶.

Таким образом, В. И. Ленин считал в то время лозунг Балканской федеративной республики правильным, поскольку он ориентирует на революционное решение задач демократизации общественного и государственного строя, крестьянского и национального вопросов.

Лозунг Балканской федеративной демократической республики был одним из основных тактических лозунгов партии тесных социалистов в период первой мировой империалистической войны. Выдвинут он был тесными социалистами «как средство для сохранения... политической независимости и разрешения национального вопроса на Балканах...»⁸⁷.

Создание Балканской федеративной демократической республики связывалось тесными социалистами с обеспечением независимости балканских народов, их национальной свободы от посягательств великих империалистических держав. Последние, стремясь превратить Балканы в объект угнетения и эксплуатации, использовали в своих целях захватнические устремления местной буржуазии.

Лозунг Балканской федеративной демократической республики тесные социалисты рассматривали как лозунг объединения и сплочения балканских народов для борьбы с империалистическими хищниками за сохранение Балкан для балканских народов⁸⁸.

Таким образом, политическое острие этого лозунга было направлено, во-первых, против шовинистических устремлений буржуазии балканских стран и, во-вторых, против империалистической экспансии великих держав.

⁸⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 340.

⁸⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 391—392.

⁸⁷ БРП(к) в резолюциях, т. I, стр. 369.

⁸⁸ „Ново време“, 1914, кн. XX—XXI, стр. 614.

Объективное содержание лозунга Балканской федеративной демократической республики определялось тем обстоятельством, что в тот период еще не были разрешены задачи демократизации всего общественного и государственного строя балканских стран. В условиях незавершенности буржуазно-демократической революции и сложного переплетения национальных отношений на Балканах лозунг федеративной республики приобрел актуальное значение. Он был выдвинут революционной демократией балканских народов еще в середине прошлого столетия, как лозунг борьбы с турецким абсолютизмом, с национальной разрозненностью и как средство обеспечения экономической и политической независимости балканских народов. За эту идею боролись болгарские революционеры Раковский, Каравелов, Левский, Ботев.

Этот лозунг в тот период соответствовал демократическим задачам, поставленным перед балканскими народами объективным ходом исторического процесса.

В начале XX в. в условиях сложившегося империалистического окружения, болгарская буржуазия окончательно связала свою судьбу с реакционным монархическим режимом, приобщилась к империалистическим группировкам крупных держав, вступила на путь националистической завоевательной политики и, таким образом, превратилась в антинародную силу, не способную к общественному прогрессу. Буржуазия балканских стран стала носителем национальных раздоров и вражды, национального угнетения и захватнических войн.

Но социально-экономическое развитие породило новую историческую силу в лице пролетариата балканских стран. Рабочий класс должен был решить задачи завершения демократического переворота.

Изменение исторической обстановки привело к изменению содержания лозунга. Теперь он мог быть осуществлен только в результате свержения буржуазно-монархических режимов, оттеснения и изоляции собственной буржуазии, широкого революционно-демократического движения крестьянских масс, возглавляемого пролетариатом. Так стоял вопрос накануне мировой империалистической войны.

Война 1914—1918 гг. создала новую обстановку. Назревавший общий кризис мирового капитализма создавал условия для пролетарской социалистической революции. В результате неравномерного развития разных стран в обстановке монополистического капитализма победа социализма стала возможной первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране.

Война обнажила всю связанность балканской буржуазии с империализмом, ее агрессивность, ее враждебность народу. В соответствии с изменившейся обстановкой должно было измениться и содержание лозунга Балканской федерации.

Именно в это время тесные социалисты более конкретно разрабатывали вопрос о лозунге Балканской федеративной демократической республики.

В газете «Работнически вестник» и теоретическом журнале «Ново време» печаталось много статей, разъяснявших и пропагандировавших лозунг Балканской федеративной республики. Эти статьи дают ясное представление о том, как понимали тесные социалисты сущность и содержание этого лозунга и каким путем мыслили его осуществление.

Условием создания такого государственного федеративного объединения партия считала последовательную демократизацию балканских стран и предоставление населявшим их нациям автономии⁸⁹.

⁸⁹ „Работнически вестник“, 9.VII. 1915.

Балканская федерация, по мысли тесных социалистов, должна была представлять демократическую республику. В качестве ее верховного органа намечался балканский парламент, избираемый путем всеобщего, прямого и тайного голосования⁹⁰. Федерация должна была иметь общую таможенную систему, общее финансовое управление и проводить общую военную политику.

Объединенные в балканскую федерацию Болгария, Румыния, Сербия, Греция и Турция создадут, как писал орган тесняков «Работнически вестник», единый оборонительный союз против внешнего нашествия: «Этот союз объявит нейтралитет и категорически заявит воюющим великим державам, что он борется со всякими вооруженными силами, посягающими на его границы, со всеми, кто посягает на независимость и целостность союзных балканских держав.

Но этот союз, — подчеркивала газета, — надо осуществить не только как военно-оборонительный союз, а еще и как единый политический союз...»⁹¹.

Таким образом, это была развернутая программа демократизации балканских стран в качестве необходимого условия создания федерации.

«Действительная свобода, — писал В. И. Ленин в 1912 г., — славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена только полной свободой внутри каждой страны и федерацией вполне и до конца демократических государств»⁹².

Популярность этого лозунга в народных массах давала возможность партии тесных социалистов организовывать и вести борьбу против захватнических стремлений болгарской буржуазии. В обстановке разнузданной шовинистической пропаганды в предвоенное и военное время этот лозунг был вместе с тем лозунгом борьбы против буржуазного национализма и шовинизма, способствовал воспитанию трудящихся Болгарии в духе интернационализма, мобилизовывал народные массы на борьбу за экономическое и политическое освобождение страны.

Однако правильно выдвигая лозунг Балканской демократической федеративной республики, тесные социалисты допускали ошибки в его постановке и обосновании.

Лозунг Балканской федеративной республики предполагал широкий размах демократических преобразований и в этом заключалось его достоинство. Однако тесные социалисты не рассматривали преобразования в демократическом направлении, как условие и предпосылку непосредственного перехода к борьбе за социалистическую революцию. «Надо уметь, — писал В. И. Ленин, — соединить борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, подчиняя первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть»⁹³.

Тесные социалисты не смогли понять суть и преодолеть трудности соединения борьбы за демократию с борьбой за социалистическую революцию. Они упускали из виду перспективу перехода к пролетарской революции — и в этом заключалась их первая ошибка. Более того, они считали возможным осуществить лозунг балканской федерации, оставаясь в рамках существующего строя, ограничиваясь апелляцией к реакционным буржуазным парламентам и призывая массы оказать давление на буржуазные партии и заставить их взять на себя инициативу создания федерации.

⁹⁰ „Работнически вестник“, 9.VII. 1915.

⁹¹ „Работнически вестник“, 20.VII. 1915.

⁹² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 324.

⁹³ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 213.

Они полагали, что задача пролетариата заключается в том, чтобы своей классовой борьбой «толкнуть... буржуазию по пути объединения балканских народов...»⁹⁴.

Выдвигая лозунг Балканской федеративной демократической республики, тесные социалисты мыслили его осуществление путем легальной борьбы в рамках буржуазного режима, а если иногда и связывали решение этого вопроса с революцией, то делали это весьма абстрактно, без конкретных практических выводов о необходимости подчинить свою работу задачам подготовки революции.

Таким образом, тесные социалисты вопрос о Балканской федерации сводили к вопросу конституционному и, не связывая его с задачами и перспективами революции, допускали, что буржуазия еще способна возглавить национальное, народное движение за демократическую республику — такова была их вторая ошибка.

Партия тесных социалистов, выдвигая лозунг Балканской демократической федерации в период первой мировой войны, сосредоточивала все свое внимание на прекращении войны и установлении мира, считая, что только мир создаст «условия для расширения классовой борьбы социал-демократии»⁹⁵.

Это был ошибочный взгляд, потому что он приводил к ограничению рамок классовой борьбы в период войны, когда создавались объективные условия для усиления революционного натиска угнетенных классов. В. И. Ленин, выступая против всякого догматизма и закостенелых схем, указывал: «Революция в связи с войной возможна и во время войны и после нее»⁹⁶.

Тесные социалисты выставляли лозунг мира, как один из основных лозунгов, в момент, когда правительство проводило подготовку к войне за ширмой нейтралитета, а буржуазные оппозиционные партии пользовались лозунгом мира и нейтралитета для того, чтобы добиться внешнеполитической переориентировки. Тесные социалисты тем самым фактически допускали, что Болгария в обстановке начавшейся империалистической войны может без революции сохранить мир и остаться вне войны⁹⁷.

В. И. Ленин неоднократно в годы первой мировой войны подчеркивал беспочвенность всяких надежд на то, что мелкие государства могут остаться в стороне от великих битв мировой истории⁹⁸.

Тесные социалисты продолжали и после вступления Болгарии в войну выдвигать лозунг мира как основной лозунг своей антивоенной борьбы наряду с лозунгом балканской федерации. При этом они не связывали его с задачей просвещения, воспитания и подготовки рабочего класса к решительной революционной борьбе против буржуазии своей страны.

В статье «Вопрос о мире», написанной в июле—августе 1915 г., Ленин дал всесторонний анализ лозунга мира в конкретно-исторических условиях периода первой мировой войны.

В. И. Ленин, отмечая сильное стремление народных масс к миру, которое было показателем и свидетельством разочарования их в буржуазной жи

⁹⁴ БРП(к) в резолюциях, т. I, стр. 306; см. также Хр. Кабакчиев. Към Балканската федерация. София, 1914, стр. 60.

⁹⁵ Дневници на XVII ОНС, II р. с., стр. 31.

⁹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 77.

⁹⁷ В статье, опубликованной в газете „Работнически вестник“ от 24 октября 1914 г., было написано: „... все усилия народа должны быть направлены на предохранение Болгарии от всякого вмешательства в европейскую войну. Наше требование должно быть одно — мир“ (разрядка наша. — В. В.).

⁹⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 75, 91 и др.

о «защите отечества», «о защите малых наций» и т. п., подчеркивал: «Одно дело — лозунги сознательного авангарда рабочих, другое дело — стихийные требования масс»⁹⁹. Партия обязана была не только поддержать стихийное стремление масс к миру, но, и это главное, указать пути борьбы за мир в условиях первой мировой войны. Научный анализ исторической обстановки привел В. И. Ленина к выводу, что в тех условиях всякая борьба за подлинно демократический мир, за мир в интересах народов, а не той или иной империалистической группировки обязательно должна быть органически связана с революционной борьбой против буржуазных империалистических правительств.

Таким образом, в условиях первой мировой войны идею мира нельзя было отрывать «от немедленной, прямой проповеди революционных действий»¹⁰⁰.

Последовательно революционная партия пролетариата должна «поддерживать начинающееся революционное брожение и содействовать ему (для этого нужен лозунг революции, гражданской войны, нелегальная организация etc.)»¹⁰¹.

Тесные социалисты, занимая интернационалистскую позицию и борясь против империалистической войны, были все же далеки от подобной ленинской постановки важнейших вопросов войны, мира и революции.

В своих выступлениях в период войны руководители партии тесных социалистов не давали четкого анализа конкретных социально-экономических условий Болгарии, на основании которых можно было бы определить характер предстоящей революции в стране и ее движущие силы. Тесные социалисты в это время не восприняли еще ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Несмотря на это, мужественная пропаганда и агитация тесняков служила делу борьбы против империалистических хищников и их балканских вассалов, борьбы за свободу и дружбу балканских народов. Выдвигая лозунг Балканской демократической федерации в противовес захватническим стремлениям болгарской буржуазии и монархической клики Болгарии, тесные социалисты организовывали борьбу народных масс против войны и воспитывали их в духе пролетарского интернационализма.

Под влиянием борьбы Ленина и большевиков с центризмом и на основе собственного опыта борьбы с оппортунистами — широкими социалистами тесные социалисты активно поддерживали линию Ленина на создание нового Интернационала и те организационные принципы, которые большевики считали необходимым соблюдать при его создании.

Тесные социалисты решительно поддержали требование большевиков о недопущении в новый Интернационал оппортунистов, социал-пацифистов и социал-шовинистов. Они считали, что создаваемый Интернационал должен представлять собой совершенно отличную от II Интернационала организацию по своим идеям, организации и практике¹⁰².

Это свидетельствовало о том, что партия тесных социалистов становится на путь окончательного организационного разрыва со II Интернационалом, на путь поддержки большевиков в их борьбе за новый, Коммунистический Интернационал. К весне 1916 г. в социал-демократических партиях усилился процесс размежевания с оппортунистами.

⁹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 264.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 146.

¹⁰² БРП(к) в резолюции, т. I, стр. 402.

II Циммервальдская, или Кинтальская, как она чаще называется, конференция, состоявшаяся в апреле 1916 г., способствовала дальнейшему сплочению интернационалистских элементов, из которых впоследствии образовался Коммунистический III Интернационал.

Делегаты Болгарской социал-демократической партии (т. с.) не смогли принять участие в этой конференции: они не сумели добраться до Швейцарии. Однако партия тесных социалистов, ознакомившись с манифестом Кинтальской конференции, который хотя и не выражал полностью взглядов большевиков, но был дальнейшим шагом вперед по сравнению с манифестом I Циммервальдской конференции, выступила с заявлением о своем согласии с этим документом.

В статьях Д. Благоева в журнале «Ново време» в 1916 г. пропагандируется необходимость создания нового, революционного Интернационала.

Центральный Комитет более настойчиво начал требовать от партийных организаций собирания сил и активизации их деятельности. Партия проводила большую работу по укреплению профсоюзных рабочих организаций. По стране происходили в течение всего 1916 г. массовые профсоюзные собрания с докладами: «Война и задачи рабочих профсоюзов», «Пролетарский интернационализм», «Классовая борьба и социальная революция»¹⁰³.

Активизировалась деятельность тесных социалистов в советах общин. Они выступали перед трудящимися на квартальных собраниях с протестом против империалистической войны, против захватнической и антинародной политики болгарского правительства и монарха.

Несмотря на тяжелые условия, тесные социалисты продолжали с трибуны Народного собрания разоблачать империалистический характер войны, защищать интересы трудящихся, требовать таких мер, которые могли бы облегчить тяжелое экономическое положение трудящихся¹⁰⁴.

Несмотря на тяжелые цензурные условия, «Рабочнически вестник» вел большую агитационную работу против империалистической войны. Правительство часто конфисковывало номера газеты, запрещало ее выпуск на целые недели, штрафовало газету даже за публикацию материалов Народного собрания. Солдаты, читавшие «Рабочнически вестник», подвергались репрессиям. Газета становилась все более популярной как в тылу, так и на фронте. Центральный Комитет партии решил создать фонд «Рабочнического вестника» для обеспечения выпуска большого тиража газеты. Это решение нашло живой отклик у трудящихся Болгарии. Рабочие Болгарии пожертвовали 200 тыс. левов на укрепление финансовой базы газеты¹⁰⁵. Число подписчиков на «Рабочнически вестник», которое в начале войны составляло 2500—3000, возросло до 14 тыс.¹⁰⁶ Многие рядовые члены Болгарской рабочей социал-демократической партии выступали на фронте и в тылу как агитаторы, пропагандисты партии, опираясь на те материалы, которые печатались в газете «Рабочнически вестник»; они же были и ее активными распространителями. Все это убедительно свидетельствовало о растущем авторитете и влиянии партии тесных социалистов.

Антивоенная деятельность тесных социалистов и их центрального органа «Рабочнического вестника» оказывала революционное влияние на народные массы. Народ не хотел войны и откликался на призыв партии выступить против войны. В 1916 г. произошло несколько антивоенных солдатских выступлений. Наиболее значительным из них было выступление

¹⁰³ См. объявления о собраниях в «Рабочническом вестнике» за август—сентябрь 1916 г.

¹⁰⁴ Дневници на XVII ОНС, IV р. с., стр. 52, 72, 412 и др.

¹⁰⁵ Васил Коларов. Избрани произведения, т. I, стр. 374.

¹⁰⁶ Там же.

21-го Среднегорского пехотного полка (конец 1916 г.). При подавлении этого восстания было расстреляно 150 солдат.

По данным, приведенным Г. Кирковым в Народном собрании, с 1916 по 1917 г. было осуждено 40 тыс. солдат и около тысячи офицеров, 2500 солдат и офицеров, в силу принятого во время войны нового закона о военно-полевых судах, было расстреляно¹⁰⁷. Все чаще и в тылу прорывалось недовольство народных масс политикой правительства. Женские демонстрации с требованием хлеба и возвращения с фронта мужей и отцов, стачки табачников Ксанти, в защиту которых выступили тесные социалисты в Народном собрании, забастовки трамвайщиков Софии и др. — все эти выступления свидетельствовали о том, что обострение нужды и бедствий народных масс приводило к росту их революционной активности и сознательности. Партия тесных социалистов, стремясь использовать рост революционных настроений, усиливала свою агитацию и организационную работу в массах, укрепляла и расширяла связи с ними.

Члены БРСДП (т. с.) вели большую агитационную работу среди солдат на фронте и среди трудящихся в тылу. Но вся эта работа не приобрела организованного характера, так как отсутствие нелегальных партийных организаций исключало возможность планомерного руководства этой работой со стороны Центрального Комитета партии.

Заслугой партии тесных социалистов в этот период ее деятельности явилось то, что она сумела мужественно пойти против течения, смело и активно выступить против империалистической войны, голосовать в парламенте против военных кредитов и под воздействием большевиков преодолеть влияние центристов, а затем порвать с ними, поддержать Ленина и большевиков в борьбе за создание нового, революционного Интернационала.

Однако БРСДП (т. с.) не считала себя такой силой, которая должна не только просвещать народные массы и объяснять им происходящие события, но и организовывать и руководить революционной борьбой масс так, чтобы подвести их в конечном счете к пролетарской революции.

Партия тесных социалистов в этот период в своей антивоенной агитации и пропаганде ограничивалась главным образом объяснением событий и не подготавливала массы к революционным действиям. А это создавало реальную угрозу отставания субъективного фактора, т. е. способности и умения партии подготовить и организовать революционные массовые действия, от развития объективных процессов, которые вели к назреванию революционной ситуации.

НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В БОЛГАРИИ

В 1917—1918 гг.

Продолжавшаяся война наносила все новые удары по слабой болгарской экономике, подорванной предшествовавшими войнами и хищническим хозяйничанием немецкой и своей буржуазии. Война довела страну до хозяйственной разрухи. Продовольственные затруднения первых месяцев войны превратились в 1917 г. в настоящий голод, охвативший всю страну. Испытывала затруднения даже столица, лишенная регулярного подвоза хлеба в количестве, необходимом хотя бы для самого минимального снабжения населения. Во многих городах страны суточная норма хлеба на человека составляла 200 г. Начинались большие перебои в продовольственном обеспечении армии¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Дневники на XVII ОНС, IV р. с., стр. 1419.

¹⁰⁸ Там же, стр. 336.

У крестьян отбирали не только излишки хлеба, но в большинстве случаев и все зерно, собранное в неурожайном 1916 г. Почти весь рабочий скот был реквизирован для нужд армии. Из-за недостатка рабочих рук и тягловой силы сильно сократились посевные площади. В 1917 г. не было обработано 30—35% пахотной земли¹⁰⁹. Вследствие плохой обработки земли и почти полного отсутствия удобрений резко снизилась урожайность. За годы войны валовой сбор зерна в результате сокращения посевных площадей и снижения урожайности упал более чем наполовину¹¹⁰. Урожай 1917 г. был одним из самых низких со времени освобождения Болгарии от турецкого владычества.

Война привела слабую болгарскую промышленность на грань полного паралича. Предприятия закрывались одно за другим из-за недостатка рабочих рук и сырья. Более 70% промышленных предприятий или полностью прекратили или сократили до минимума объем своего производства. Было закрыто 75% ремесленных мастерских¹¹¹.

За годы войны заработная плата рабочих повысилась в среднем на 20%, а цены на продукты питания и предметы первой необходимости выросли по сравнению с 1915 г. в 3—5 (на некоторые продукты в 10—12) раз¹¹². Это катастрофически снизило реальную заработную плату.

Болгарская буржуазия грабила народ, стремясь использовать военную обстановку для извлечения огромных прибылей.

В. Коларов в речи, произнесенной 22 июня 1919 г. в Софии на собрании трудящихся, назвал ряд акционерных обществ и банков, организованных во время войны различными представителями буржуазных партий, подвизавшихся на поприще военно-спекулятивных махинаций. Так, например, было создано «Национальное болгарское общество» с капиталом в 7 млн. левов. Это общество выступило в качестве посредника в эксплуатации угольных шахт «Перник» и «Бобов-Дол», которые по условиям договора о займе с Германией были переданы германскому банку Дисконто-Гезельшафт.

Министры, крупные чиновники наживали миллионные капиталы на спекулятивных сделках. Не отставали и некоторые лидеры Земледельческого союза и широких социалистов, которые успешно совмещали лицемерно-демагогические заявления о защите интересов народа с участием в дележе военных прибылей. Первые из них организовали акционерное общество «Плод» и участвовали вместе с представителями партии Радо-славова в организации банка «Объединение» и акционерного общества «Брикет». Деятели партии широких социалистов основали акционерные общества «Хемус» и «Бьдаше»¹¹³. Правительство все туже и туже обвиняло налоговый пресс, но финансовый кризис в стране продолжал обостряться. Государственный долг Болгарии к концу 1917 г. достиг огромной цифры в 7 млрд. левов, т. е. составлял почти 70% национального богатства страны¹¹⁴.

Болгарский народ находился под двойным гнетом. Его эксплуатировала своя буржуазия и вместе с тем грабили германские империалисты и немецкая военщина. В руках германских империалистов находились все

¹⁰⁹ Дневники на XVII ОНС, IV р. с., стр. 72.

¹¹⁰ Средний валовой сбор 1911—1915 гг. составлял 2,5 млн. тонн зерна в год, в 1916 г. он снизился до 2 млн. тонн, а в 1917—1918 гг. составлял всего лишь 1,2 млн. тонн (Дневники на XVII ОНС, II р. с., стр. 97).

¹¹¹ Кабакчиев и Караколов. Болгария в первой мировой империалистической войне (1915—1918). „Историк-марксист“, 1941, № 1, стр. 63.

¹¹² Дневники на XVII ОНС, IV р. с., стр. 52.

¹¹³ Васил Коларов. Избрани произведения, т. I, стр. 361, 362.

¹¹⁴ Дневники на XVII ОНС, IV р. с., стр. 213.

важнейшие железнодорожные узлы Болгарии, а также телеграфная и телефонная связь вдоль железных дорог. В Болгарии по существу был установлен режим военной оккупации, и немецкая военщина хозяйничала как в завоеванной стране.

Расположенные в Болгарии различные германские части и комендатуры превратились фактически в заготовительные органы, вывозившие в Германию целыми составами болгарский хлеб, скот, сырье.

В 1916—1917 гг. из переживавшей острый продовольственный кризис Болгарии в Германию сотнями тысяч килограммов вывозилась фасоль, которая служила главным продуктом питания болгарского народа и армии. Весной 1916 г. в Германию было вывезено 100 вагонов крупного рогатого скота, 200 тыс. кг риса, 500 тыс. кг фасоли и т. д. В 1917 г. в Германию с разрешения болгарского правительства было вывезено более 6 млн. кг шерсти¹¹⁵.

Монархо-буржуазное правительство и буржуазия Болгарии не только потворствовали немецким хищникам, но и были прямыми соучастниками грабежа, наживая колоссальные прибыли на вывозе сельскохозяйственных продуктов и сырья.

Правительство Радославова постепенно теряло реальную власть в стране. Действительными правителями Болгарии становились немецкие империалисты.

Д. Благоев, выступая в Народном собрании в 1917 г., говорил: «Мы находимся в страшной финансовой и экономической зависимости от Германии. Эта зависимость поставила нас в положение колонии, доставляющей сырье для фабрик и заводов нынешних союзников Болгарии. . . Продолжение войны принесет нам дальнейшее усиление нашей зависимости. . .»¹¹⁶.

Только выход Болгарии из войны, при условии революционного свержения правящей клики, мог спасти страну от окончательного разгрома и экономического разорения. К этому выводу народные массы шли стихийно, ощупью, подталкиваемые объективными условиями создавшейся обстановки.

Экономический кризис в условиях продолжавшейся войны, дороговизна, острая нехватка продовольствия, налоги и поборы, массовый голод — все это привело к обострению нужды и бедствий трудящихся классов Болгарии.

На основе обострения выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов росло глухое возмущение, усиливался протест, повышалась активность народных масс. Положение рабочих было настолько тяжелым, что, несмотря на действующие в стране законы военного времени и вечные угрозы отправки на фронт в случае неповиновения, в течение всей войны не прекращались забастовки рабочих, требовавших улучшения своего экономического положения. Во втором полугодии 1917 г. забастовки происходили в Софии, в Пернике, Габрове, Пловдиве.

Война принесла голод в деревню. Два неурожайных года (1916—1917 гг.), бесконечные реквизиции хлеба и других продуктов привели крестьянское хозяйство, лишенное мужской рабочей силы¹¹⁷, к полному обнищанию.

Письма родных к солдатам рисуют картину безысходной нужды болгарской деревни, которой война принесла нищету, разорение и угрозу

¹¹⁵ Обвинителен акт, стр. 246—247.

¹¹⁶ Дневници на XVII ОНС, IV р. с., стр. 215.

¹¹⁷ К 1917 г. в болгарскую армию был мобилизован миллион человек (см. „История гражданской войны в СССР“, т. I, ОГИЗ, 1935, вкладыш после стр. 24).

голодного вымирания. Эта правдивая информация о положении в тылу раскрывала глаза солдатам и усиливала брожение в армии.

В докладах командиров различных воинских частей и подразделений все чаще стали встречаться сообщения о голоде и падении морального духа армии. Генерал Жеков — командующий болгарской армией доносил правительству, что 20% солдат не имеют обуви, 25% не имеют нижнего белья, 20% не имеют шинелей¹¹⁸. В течение зимы 1917/18 г. болгарские солдаты, голодные, раздетые и разутые, обороняли громадный фронт от Охрида до Сереса. Недовольство в армии быстро росло. Под влиянием революционной пропаганды тесных социалистов усиливалось революционное брожение среди солдат.

Продовольственный кризис, тяжелое положение на фронте, упадок духа в армии, ограбление страны германским империализмом, осложнения в болгарско-германских отношениях по вопросу о Северной Добрудже (Германия отказалась передать ее Болгарии), потеря всякой надежды у буржуазии на скорую победу Германии над Антантой, а в связи с этим возобновление разногласий в лагере буржуазии — все это привело к тому, что в 1917 г. Болгария вступила в полосу тяжелого экономического и военно-политического кризиса. В этих условиях революционная пропаганда тесных социалистов против войны встречала горячее сочувствие и имела большое революционное значение.

Болгария в 1917—1918 гг. переживала общенациональный, затрагивающий и эксплуатируемых и эксплуататоров, кризис: в стране назревала революционная ситуация¹¹⁹, явившаяся составной частью общеевропейской революционной ситуации, порожденной войной.

Создавшаяся обстановка требовала от партии тесных социалистов по-новому поставить тактические и организационные вопросы.

Большое влияние на постановку этих вопросов имело быстрое развитие революционного движения в России.

Болгарская партия тесных социалистов была подготовлена своим собственным революционным опытом, своими историческими связями с русским революционным движением к тому, чтобы оценить всемирно-историческое значение борьбы русского пролетариата и деятельности партии большевиков.

Тесные социалисты пристально следили за нарастанием революционного кризиса в России. Они пришли к правильному выводу, что пролетариат России, став авангардом международного рабочего движения, указывает пролетариату всех стран, в том числе и Болгарии, путь борьбы против империалистической войны.

Февральская революция в России встретила горячий отклик в Болгарии. Измученный болгарский народ и истощенная болгарская армия увидели в русской революции залог скорого прекращения империалистической войны.

Газета «Работнически вестник» писала: «Русская революция утвердила веру и надежду в новую, революционную эпоху, которая принесет не только мир, но и торжество демократии и социализма. Поднявшийся русский пролетариат завоевал себе первенствующее место среди международного пролетариата»¹²⁰.

¹¹⁸ Л. Малеев. Принос към истината за катастрофата на България през септември 1918 година. София, 1921, стр. 141.

¹¹⁹ Вопрос о революционной ситуации в Болгарии рассмотрен в работе М. А. Бирмана „Нарастание революционна ситуация в България в 1917—1918 гг. и Владийское восстание“ (Ученые записки Ин-та славяноведения, т. V, М., 1952) и в труде „История Болгарии“ (т. II, М., 1955, гл. I).

¹²⁰ „Работнически вестник“, 31.V. 1917.

ЦК партии тесных социалистов, придавая большое значение правильной информации болгарского народа о революционной борьбе в России, направил двух своих членов — Г. Киркова и В. Коларова — в качестве специальных корреспондентов газеты «Работнически вестник» в Стокгольм. Здесь В. Коларов и Г. Кирков имели возможность ознакомиться с материалами «Правды», завязать связи с находившимися там большевиками, получить подробную информацию о борьбе русского пролетариата под руководством большевиков.

Статьи и материалы, которые посылали Г. Кирков и В. Коларов из Стокгольма для газеты «Работнически вестник», сыграли большую роль в правильном понимании происходивших событий в России и позиции партии большевиков. Замечательна в этом отношении корреспонденция Киркова, в которой дана высокая оценка революционной стратегии большевиков, рассчитанной на победу социалистической революции.

«Завершается первый этап русской революции, — писал Кирков. — Сейчас разгорается второй ее этап, который принесет события решающие не только для России и русской революции...»¹²¹

С мая 1917 г. в «Работническом вестнике» призыв к борьбе против империалистической войны стал все чаще соединяться с призывом к революционной борьбе за уничтожение господства капитализма. Летом 1917 г. тесные социалисты писали: «Не мирные увещевания правительственных социалистов, а борьба рабочего класса под руководством революционной социал-демократии против господствующих классов положит конец войне и принесет мир...»¹²²

Партия тесных социалистов, опираясь на стихийное движение народных масс, на подъем которого огромное влияние оказали революционные события в России, придала своей агитации против войны более широкий размах и действенный характер. Эта агитация шире велась в рядах армии и находила там живой отклик.

Солдаты болгарской армии проявляли огромный интерес к событиям в России.

Солдаты — члены БРСДП (т. с.), пишет участник революционной работы в армии Христо Халачев, рассматривали печатаемый в газете «Работнически вестник» материал о русской революции, о борьбе большевиков против империалистической войны, как руководство к действию, как практическое указание о том, как должна быть организована борьба против войны. «Именно в этих статьях партия как бы указывала нам, что путь русских рабочих и солдат — наш путь. Другого исхода нет»¹²³.

«Работнически вестник», сообщая о создании в России Советов рабочих и солдатских депутатов, доносил идею Советов до рабочих и солдат Болгарии, популяризировал ее, призывая трудящихся к революционной активности¹²⁴.

Солдаты — члены партии начали создавать в болгарской армии нелегальные полковые, дружинные и ротные комитеты. Эти комитеты занимались распространением «Работнического вестника», вели среди солдат агитацию против войны, разъясняли значение революционной борьбы русского пролетариата, организовывали братание солдат, а в дальнейшем стали организаторами революционных выступлений солдат против империалистической войны.

¹²¹ „Работнически вестник“, 30.VI. 1917.

¹²² Там же.

¹²³ Хр. Халачев. Бунтът в 28 пехотен полк. София, 1949, стр. 100.

¹²⁴ „Работнически вестник“, 14.VI. 1917.

Христо Халачев свидетельствует в своих воспоминаниях: «...мы знали, что после победы февральской революции в России, наряду с Советами рабочих возникли и солдатские советы в армии и на фронте. Мы тоже начали создавать нелегальные организации в форме полковых, ротных и дружинных комитетов... С созданием комитетов наша работа значительно улучшилась... В начале октября 1917 года была созвана полковая конференция представителей ротных комитетов»¹²⁵.

Далее Хр. Халачев рассказывает, что конференция предложила комитетам «усилить разъяснительную работу среди солдат — довести до их сознания, что война у нас может быть закончена только восстанием... Восстание же должно быть организовано так, чтобы оно началось одновременно по всей армии»¹²⁶.

Так, солдаты — члены БРСДП (т. с.) использовали опыт борьбы русского пролетариата для организации болгарских солдат на борьбу против империалистической войны. Русские солдаты, соприкасавшиеся на румынском фронте с болгарскими, оказывали на них большое революционное влияние. Уже в феврале 1917 г. русские солдаты и солдаты 3-й болгарской армии братались на льду р. Серет. Летом 1917 г. в расположении болгарских войск были найдены листовки, распространявшиеся русскими солдатами. В одной из таких листовок говорилось: «...пора кончить войну. Война нужна немцам да еще купцам. Мы своего царя убрали... и вы сделайте то же со своим Фердинандом...»¹²⁷.

Братание имело большое значение для революционного воспитания солдатских масс.

«Ясно, — писал В. И. Ленин, — что братанье есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции»¹²⁸.

Таким образом, революционный опыт русского пролетариата послужил толчком для развертывания нелегальной агитационной работы в армии, направленной против империалистической войны.

Тесные социалисты проявляли в этот период большой интерес к документам большевистской партии, к произведениям В. И. Ленина.

Труды В. И. Ленина об империалистической войне, о стратегии и тактике революционной борьбы пролетариата печатались в 1917 г. на страницах газеты «Рабочнически вестник».

27 июня 1917 г. газета поместила корреспонденцию В. Коларова из Стокгольма, в которой приводится большая выдержка из «Процального письма к швейцарским рабочим» В. И. Ленина. В этой заметке передается и подчеркивается мысль Ленина о том, что могучий размах буржуазно-демократической революции в России сделает ее прологом всемирной социалистической революции, и что «русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистской войной»¹²⁹.

В сентябре 1917 г. в газете тесняков была опубликована под названием «Классовая борьба в период русской революции»¹³⁰ работа В. И. Ленина

¹²⁵ Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 116—117.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Хр. Христов. Към въпроса за Влиянието на великата Октомврийска социалистическа революция в България. „Исторически преглед“, кн. I, София, 1949—1950, стр. 57.

¹²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 284.

¹²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 361; „Рабочнически вестник“, 27.VI. 1917.

¹³⁰ „Рабочнически вестник“, 6.IX. 1917.

«Письмо 1. Первый этап первой революции» («Письма из далека») ¹³¹. 2 октября 1917 г. были напечатаны с некоторым сокращением ленинские «Письма о тактике» ¹³². В этой работе, как известно, В. И. Ленин развивал идею Апрельских тезисов о необходимости борьбы за победу социалистической революции.

В газете «Рабочнически вестник» помещались в сокращенном виде материалы из «Солдатской правды», печатались важнейшие документы РСДРП(б), а также полностью были напечатаны резолюция VI съезда РСДРП(б) «Текущий момент и война» ¹³³, резолюция большевиков — членов Петроградского Совета о корниловском мятеже ¹³⁴.

В номерах от 12 и 13 октября 1917 г. на первой полосе был напечатан с некоторыми сокращениями «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии», выработанный по поручению VI съезда Центральным комитетом партии ¹³⁵.

Под влиянием большевиков и на основе своего собственного опыта борьбы против войны тесные социалисты пришли к важному выводу о том, что нет иного выхода из империалистической войны кроме того, образец которого давала партия большевиков.

Летом 1917 г. тесные социалисты порвали окончательно с циммервальдским центристским большинством, позицию которого они в основном поддерживали на I Циммервальдской конференции. На совещании левых циммервальдцев в Стокгольме летом 1917 г. Г. Кирков и В. Коларов присоединились к циммервальдской левой группе. Они вместе с большевиками подписали воззвание, в котором говорилось, что «только через пролетарскую революцию может быть достигнут мир...» ¹³⁶.

Большевистская «Правда» 11 июля 1917 г. напечатала заявление БРСДП (т. с.), в котором излагалась позиция партии по вопросам войны и мира. Публикация в «Правде» была дана под названием «Заявление болгарских социал-демократов — интернационалистов».

«Рабочая социал-демократическая партия Болгарии, — говорилось в заявлении, — стоит за немедленное заключение мира на основе мира «без аннексий и без контрибуций». Она решительно против насильственного подчинения, как и против насильственного держания в подчинении одного народа или части его другим народом. Она признает право на самоопределение болгарского народа, как и всех народов. Болгарский народ в своем целом имеет право свободно определить формы своей политической жизни, как и все другие народы на Балканах и в целом мире. Но право национального самоопределения не может быть проведено при условиях военной оккупации и военного положения. Народы должны быть свободны, чтобы свободно определить свою судьбу. Эту задачу, однако, невозможно разрешить иначе, как путем революционной борьбы против империализма и империалистической войны...» ¹³⁷.

В этом программном документе партия тесных социалистов выдвигает лозунг мира без аннексий и контрибуций и единственный путь к осуществлению лозунга видит в революционной борьбе против империализма и империалистической войны.

¹³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 291—301.

¹³² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 23—34.

¹³³ «Рабочнически вестник», 26.IX. 1917.

¹³⁴ «Рабочнически вестник», 20.IX. 1917.

¹³⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7-е, стр. 389—394.

¹³⁶ БРП(к) в резолюции, т. I, стр. 407.

¹³⁷ «Правда», 11.VII. 1917.

Правда, партия тесных социалистов к этому времени еще не смогла перестроить свою партийно-политическую и организационную работу, создать новые формы организации, использовать новые тактические приемы. Однако теперь постановка вопросов войны, мира и революции коренным образом отличала тесных социалистов от циммервальдского большинства. Они постепенно освобождались от влияния Каутского и в 1917 г. открыто выступили против проповедуемых им антиреволюционных, оппортунистических взглядов.

В августе 1917 г. «Работнически вестник» в статье «К новому Интернационалу» подверг критике каутскианскую «теорию» империализма. «Надежды на эпоху ультраимпериализма, во время которой большие империалистические государства смогут договориться и организовать мировое капиталистическое производство и уничтожить антагонизм и войны — это праздные иллюзорные надежды. Мировая империалистическая война не разрешает глубокие непримиримые противоречия, а обостряет эти противоречия...». В этой критике каутскианства тесные социалисты уже приблизились к ленинскому пониманию эпохи империализма, как кануна пролетарской революции.

Тесные социалисты отказались от всех предложений социал-шовинистов и центристов о совместных действиях. Революционные профессиональные организации Болгарии отказались участвовать в Международной конференции профсоюзов, которую организовали центристы¹³⁸.

В этих своих выступлениях на международной арене партия тесных социалистов показывала все более растущую под влиянием большевиков революционную зрелость.

В. И. Ленин писал в апреле 1917 г.: «Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления *новый*, революционный, пролетарский Интернационал или, вернее, не бояться признать во всеуслышание, что он *уже основан* и действует». И далее, В. И. Ленин пишет, что «это — Интернационал тех «интернационалистов на деле», которых я точно перечислил выше. Они и только они — представители революционно-интернационалистских масс, а не развратители масс»¹³⁹. В числе «интернационалистов на деле» В. И. Ленин назвал партию тесных социалистов¹⁴⁰.

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПАРТИЮ ТЕСНЫХ СОЦИАЛИСТОВ

Прорыв империалистической цепи в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции коренным образом изменил всемирно-историческую обстановку. Немедленное и непосредственное влияние этой перемены сказалось на развитии революционного движения во всех странах, в том числе и в Болгарии. Победа рабочего класса России над буржуазией вселила в сердца трудящихся всего мира непоколебимую уверенность в свои силы, показала им действительный путь борьбы против империалистической войны.

«Тактика большевиков, — подчеркивал В. И. Ленин, — была правильной, была *единственно* интернационалистской тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узко-националистическом желании отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное «наплевать», —

¹³⁸ «Работнически вестник», 8.X. 1917.

¹³⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 60.

¹⁴⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 57.

она была основана на правильном... учете европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах»¹⁴¹. В Болгарии это пробуждение проявилось в резком обострении классовых противоречий, в подъеме активности народных масс, в нарастании революционного кризиса.

Партия тесных социалистов с большим энтузиазмом восприняла Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Мы, — заявляла от имени болгарского пролетариата газета «Работнически вестник», — горячо приветствуем тебя, русский пролетарий, — носитель мира, свободы и братства народов»¹⁴².

Сразу после получения известия о победе социалистической революции в России Центральный Комитет партии обратился с воззванием «К рабочим и мелким собственникам в городах и селах». В нем говорилось, что «болгарские рабочие, как наиболее сознательная часть болгарского народа, должны по примеру своих русских братьев решительно и смело начать борьбу... Эта борьба должна завершиться полной победой демократии над монархией, полной победой революционного социализма над капитализмом, над политическим и экономическим рабством. Заря социализма и свободы взошла»¹⁴³.

Тесные социалисты понимали, что Октябрьская революция во много раз приумножила революционные силы международного пролетариата, подняв его борьбу против империализма и войны на качественно новую ступень. 16 ноября 1917 г. «Работнически вестник» писал: «Победа русского пролетариата имеет решающее значение не только для дальнейшего развития русской революции, она также имеет огромное историческое значение для международного движения пролетариата, для борьбы за мир»¹⁴⁴.

Партия тесных социалистов сделала правильный вывод о том, что русский пролетариат показывает пролетариям всех стран пример героической и самоотверженной революционной борьбы.

«Болгарский пролетариат и наша социал-демократическая партия, — писал «Работнически вестник», — видят в победе русской революции успех собственной борьбы за освобождение»¹⁴⁵. Газета подчеркивала, что лозунги, выдвинутые революционным рабочим правительством, воспримет пролетариат всех стран¹⁴⁶.

Буржуазная и социал-шовинистическая печать всех стран прилагала огромные усилия для того, чтобы дезинформировать трудящихся, извратить содержание революционных событий в России, не останавливаясь перед самой гнусной клеветой, самым грязным обманом, самой циничной ложью.

Партия тесных социалистов беспощадно разоблачала фальсификацию буржуазных газет. «Печать Антанты и Центральных держав, — писал «Работнически вестник», — распространяет тенденциозные сообщения о событиях в России для того, чтобы скрыть великое политическое и социальное значение разгоревшейся гигантской классовой борьбы в России не только для русского, но и для международного пролетариата...»¹⁴⁷.

¹⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 269—270.

¹⁴² «Работнически вестник», 10.XI. 1917.

¹⁴³ БРП(к) в резолюции, т. I, стр. 422—423.

¹⁴⁴ «Работнически вестник», 16.XI. 1917.

¹⁴⁵ «Работнически вестник», 2.I. 1918.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ «Работнически вестник», 19.XI. 1917.

Правдивая информация о событиях в России, о деятельности большевистской партии и Советского правительства приобретала в этих условиях огромное значение для политического воспитания болгарского пролетариата и всего народа.

Тесные социалисты мужественно и настойчиво, систематически информировали болгарский народ о славной борьбе русского пролетариата. Они часто прибегали к перепечатке или подробному изложению статей и выступлений В. И. Ленина, а также важнейших документов большевистской партии и советской власти.

Газета «Работнически вестник» 15 ноября 1917 г. в качестве передовой опубликовала статью В. И. Ленина «Кризис назрел», из которой читатель узнавал о соотношении классовых сил в России, о характере революции. Ленинскую статью газета сопроводила редакционным замечанием, в котором подчеркивалось ее важное значение. «Настоящая замечательная статья В. Ленина, — писала редакция, — дает яркое освещение современных событий в России»¹⁴⁸.

В газете «Работнически вестник» в течение ноября и декабря 1917 г. печатаются: воззвание II съезда Советов¹⁴⁹, декрет о мире¹⁵⁰, доклад В. И. Ленина о задачах власти Советов на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г.¹⁵¹. Доклад В. И. Ленина был перепечатан по газетному отчету в «Работническом вестнике» от 7 декабря 1917 г. полностью, за исключением последней строки.

В декрете о мире, принятом II съездом Советов ночью 8 ноября 1917 г., Советское правительство обращалось к народам всех воюющих стран с призывом решительной, беззаветной, энергичной борьбой помочь «успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»¹⁵².

Восприняв этот призыв, партия тесных социалистов с этого времени борьбу против империалистической войны облекала в конкретную форму широкой агитации за принятие предложения Советского правительства о всеобщем справедливом демократическом мире без аннексий и контрибуций, на основе признания права всех наций на самоопределение. Она разъясняла трудящимся Болгарии, что «предложение о мире русского революционного правительства является единственным, на основе которого может быть заключен мир между народами»¹⁵³.

Как только декрет Советского правительства о мире был опубликован в газете «Работнически вестник»¹⁵⁴, Д. Благоев от имени парламентской группы тесных социалистов выступил с требованием рассмотреть предложение Советского правительства. Это требование было отклонено.

Тогда Центральный Комитет БРСДП (т. с.) принял решение созвать митинг трудящихся Софии. 2 декабря 1917 г., несмотря на запрещение властей, митинг состоялся. На нем присутствовало более 10 тыс. трудящихся столицы. По поручению Центрального Комитета партии на митинге

¹⁴⁸ „Работнически вестник“, 15.XI. 1917; См. В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 52—59. Статья В. И. Ленина опубликована с незначительными сокращениями (очевидно, по цензурным соображениям опущены строки, говорящие о революционном движении в Германии и о восстании в немецком флоте).

¹⁴⁹ „Работнически вестник“, 10.XI. 1917..

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 208—209.

¹⁵² Там же, стр. 220.

¹⁵³ „Работнически вестник“, 14.XI. 1917.

¹⁵⁴ См. „Работнически вестник“, 10.XI. 1917.

выступили Д. Благоев и Г. Димитров. Они говорили о значении Великой Октябрьской социалистической революции, о необходимости всенародной поддержки предложения Советского правительства о мире. На митинге была принята резолюция, в которой говорилось, «что болгарские рабочие и работницы считают дело русского пролетариата своим собственным делом и готовы приложить все усилия для полного его торжества. Собрание требует принять русские предложения о немедленном перемирии на всех фронтах и начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций, на основе права народа на самоопределение...

Собрание заявляет, что мир без аннексий и контрибуций, мир, гарантирующий право наций на самоопределение, возможен на Балканах только после свержения теперешних буржуазно-монархических режимов и установления в балканских странах режимов демократической республики...»¹⁵⁵.

Резолюция митинга от 2 декабря 1917 г. была Центральным Комитетом партии отпечатана в виде листовки под названием «Русская революция и мир» и в тысячах экземпляров распространена в тылу и на фронте. В армию эта листовка попала главным образом через солдат-отпускников и была широко распространена почти по всем воинским частям. Везде, где бы ни читалась эта резолюция, она получала полное одобрение.

Популяризируя предложения Советской России, тесняки тем самым указывали народным массам образец революционной борьбы против империалистической войны.

Тесные социалисты разоблачали сокровенные стремления американских и англо-французских империалистов задушить Советскую Россию, уничтожить молодую советскую власть. «Мы не сомневаемся, — писала газета «Рабочнически вестник», — в том, что империалисты Антанты пытаются создать коалицию из всех европейских капиталистических государств против русского революционного правительства... И мы говорим, что если русские рабочие и крестьяне будут вынуждены защищать свободу и землю от этой коалиции, т. е. вести с ней революционную войну, то эта война будет иметь решающие последствия в отношениях между классами в капиталистической Европе...»¹⁵⁶.

Под давлением народных масс правительство Радославова вынуждено было вместе с Германией вступить в переговоры с Советским правительством о перемирии, а затем о мире.

В течение всего периода мирных переговоров в Брест-Литовске партия тесных социалистов выступала против чрезвычайно тяжелых, грабительских условий мира, которые навязывало Советской России империалистическое правительство Германии при участии и поддержке монархо-буржуазного правительства Болгарии. Тесные социалисты показывали, что такие условия мира диктуются животным страхом буржуазии перед революционной Россией¹⁵⁷.

Партия тесных социалистов после подписания мира в Брест-Литовске выступила с разоблачением его грабительского, империалистического характера¹⁵⁸.

Сознавая всю тяжесть Брестского мира для Советской России, партия тесных социалистов в то же время оценивала его как победу революционного пролетариата России, сумевшего выдержать натиск германского империализма и отстоять завоевания Октябрьской революции.

¹⁵⁵ Дневники на XVII ОНС, IV р. с., стр. 148.

¹⁵⁶ „Рабочнически вестник“, 22.XI. 1917.

¹⁵⁷ Дневники на XVII ОНС, IV р. с., стр. 1041—1043.

¹⁵⁸ „Рабочнически вестник“, 4.III. 1918.

«Несмотря на чрезвычайно тяжелый мир, — писала газета «Работнически вестник», — который империалисты «среднеевропейской коалиции» навязали революционной России, это — победа, так как глубокие общественные преобразования в России, которые произошли в результате революции, сохранились и продолжают вопреки всему развиваться...»¹⁵⁹

Таким образом, БРСДП (т. с.) после Великой Октябрьской социалистической революции основным содержанием своей борьбы против империалистической войны сделала борьбу за принятие мирных предложений Советского правительства, борьбу в защиту молодой Советской России. Агитация тесняков против империалистической войны стала более действенной, конкретной и способствовала тому, что массовое движение против войны постепенно превращалось в революционное движение как на фронте, так и в тылу.

Центральный Комитет партии тесных социалистов организовал издание и распространение как в тылу, так и на фронте нелегальных воззваний, листовок и брошюр, в которых пропагандировались лозунги Великой Октябрьской социалистической революции.

В декабре 1917 г. были также переведены на болгарский язык и распространены в тылу и на фронте изданное Советом Народных Комиссаров «Воззвание к трудящимся, угнетенным и обездоленным народам Европы» и обращение «К рабочим всех стран». В них сообщалось о мирных предложениях Советского правительства, о его борьбе за мир, о том, что оно опубликовало тайные договоры царской России¹⁶⁰.

Эти воззвания распространялись в тысячах экземпляров по всей стране. Центральный Комитет партии через солдат-отпускников поддерживал связь с членами партии — фронтовиками и через них распространял на фронте нелегальные воззвания и листовки. Христо Христов в своей работе «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции в Болгарии» приводит ряд архивных документов, подтверждающих наличие в это время постоянных связей между партийным центром и членами партии, находящимися в армии¹⁶¹. О существовании связи ЦК партии с фронтом через солдат-отпускников рассказывает в своих воспоминаниях и Христо Халачев¹⁶².

Нелегальные воззвания Центрального Комитета партии, непосредственные указания членов ЦК при встрече с солдатами-тесняками о необходимости развертывания революционной деятельности в войсках, массовое распространение среди солдат газеты «Работнически вестник», — все это способствовало революционизированию болгарской армии.

Под влиянием известий о Великой Октябрьской социалистической революции и призыва партии тесных социалистов «следовать примеру русских братьев» солдаты все смелее стали выступать против продолжения войны. В окопах, у колодцев и в других местах, где встречались солдаты, каждый день появлялись надписи: «Конец войне!», «Требуем мира!», «Да здравствуют большевики!»¹⁶³.

Борьба солдат против империалистической войны принимала все более широкий размах и острые формы.

Тесные социалисты, находившиеся на фронте, поднимали солдат на

¹⁵⁹ «Работнически вестник», 11. III. 1918.

¹⁶⁰ Българската комунистическа партия (тесни социалисти). Кореспонденция за партийни другари, № 5, 19. III. 1920. Съдебните преследования против тесните социалисти в България, стр. 10. (Далее — Кореспонденция за партийни другари).

¹⁶¹ Хр. Христов. Указ. статья. «Исторически преглед», кн. I, стр. 65.

¹⁶² Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 75.

¹⁶³ Там же, стр. 131.

протест против войны и болгарских буржуазных правителей, организовывали полковые, батальонные и ротные нелегальные солдатские комитеты.

Архивные материалы Министерства народной обороны Болгарии, приводимые в статьях болгарских историков и личные воспоминания участников первой мировой войны раскрывают картину революционного творчества солдат, в результате которого в конце 1917 г. и в течение 1918 г. во многих частях болгарской армии были созданы нелегальные солдатские организации¹⁶⁴.

Солдатские комитеты, существовавшие в частях болгарской армии, стали организующими центрами солдатских выступлений и в некоторых случаях сыграли впоследствии роль органов восстания.

В. И. Ленин в речи о международном положении на VI Всероссийском чрезвычайном Съезде Советов отметил, что идея Советов дошла до болгарских трудящихся¹⁶⁵.

Солдатские комитеты в большинстве случаев действовали разрозненно, стихийно, не будучи руководимы и направляемы из единого центра. Партия тесных социалистов, усилив агитацию среди солдат, не смогла организационно закрепить ее несомненный успех и возгласить солдатские массы, рвущиеся к активным революционным действиям.

Солдаты повсеместно стихийно поднимались на открытые революционные выступления против войны. Наиболее массовые солдатские выступления произошли в январе 1918 г. в 28-м пехотном полку, в феврале того же года — в 9-м и в июне — в 27-м Чепинском полку. Кроме того, весной и летом 1918 г. возникли волнения солдат в 34, 36, 48, 49 и 61-м пехотных полках¹⁶⁶.

Командование, обеспокоенное этими выступлениями, пыталось репрессиями подавить революционное движение, оградить армию от влияния тесных социалистов.

Под страхом тяжелых репрессий запрещалось солдатам, возвращающимся из отпуска, привозить с собой письма и посылки. У Народного дома, в помещении которого находились ЦК БРСДП (т. с.) и редакция газеты «Работнически вестник», были выставлены воинские и полицейские посты, которые арестовывали всех выходящих из этого дома солдат. В армии тысячи солдат были арестованы за революционную деятельность.

Почти всем арестованным солдатам — членам БРСДП (т. с.) военно-полевой суд выносил за революционную деятельность и участие в восстаниях смертный приговор. Выступая в феврале 1918 г. в Народном собрании, В. Коларов говорил: «...неделю тому назад военно-полевой суд II Фракийской дивизии вынес смертный приговор 21 солдату... Все подсудимые солдаты — или члены социал-демократической партии (тесняков) или сочувствующие ей... Единственной виной осужденных на смерть является только то, что они члены этой партии и сторонники социалистических идей...»¹⁶⁷.

Несмотря на репрессии, революционная агитация тесных социалистов на фронте не только не ослабевала, а, напротив, расширялась и захватывала все более широкие массы солдат. Нелегальные листовки и газеты распространялись в армии в большом количестве. Сразу после Великой Октябрьской социалистической революции правительство и командование

¹⁶⁴ Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 116.

¹⁶⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 140.

¹⁶⁶ Хр. Христов. Указ. статья. „Исторически преглед“, кн. I, стр. 75—78.

¹⁶⁷ Дневници на XVII ОНС, IV р. с., стр. 880.

запретили распространять в армии газету «Работнически вестник». Тогда солдаты под руководством тесных социалистов объявили бойкот всем другим газетам и добились того, чтобы «Работнически вестник» доставлялся на фронт.

Вопреки всем цензурным и карательным мерам, вплоть до наказания палками солдат, читающих газету (подобные факты привел в своем выступлении в парламенте В. Коларов)¹⁶⁸, газета тесных социалистов проникала в самые широкие солдатские массы.

По мере нарастания революционного движения в армии в нелегальных листовках БРСДП (т. с.), распространявшихся среди солдат, стали появляться призывы к вооруженной борьбе с классовым врагом. Так, в одном воззвании, обнаруженном весной 1918 г. в районе расположения 82-го полка, говорилось: «Нельзя бросать ружья, они нужны для расправы внутри страны...»¹⁶⁹

Нарастание революционного движения в армии было первым и важным симптомом складывавшейся летом 1918 г. в Болгарии революционной ситуации. Ширилось недовольство и в тылу.

В условиях обострения классовых противоречий и стихийного подъема революционного движения партия тесных социалистов развертывала нелегальную революционную агитационную деятельность. Имеются данные о том, что в Южной Болгарии была создана подпольная организация партии с центром в Старой Загоре¹⁷⁰.

Подобные же нелегальные организации тесняков были созданы в Бургасе и Сливене.

Отдельные нелегальные организации партии в тылу были связаны с нелегальными организациями на фронте. Не исключено, что в некоторых случаях эта связь осуществлялась по поручению Центрального Комитета партии. Так, например, из судебного дела группы членов БРСДП (т. с.) — телеграфистов софийской телеграфно-почтовой станции известно, что они выполняли поручения по доставке нелегальной литературы в действующую армию¹⁷¹.

Правительство пыталось при помощи репрессий и чрезвычайных мер пресечь революционную деятельность партии, разгромить ее активные силы, изолировать руководящее ядро от всей партии и массы трудящихся на фронте и в тылу.

Г. Кирков в феврале 1918 г. говорил в Народном собрании: «... всякий, кто выходит из Народного дома, арестовывается. Несколько дней назад в ряде городов были закрыты наши клубы, в Бургасе запрещено собирать профсоюзные собрания... Против нашей партии начались преследования со стороны военного командования и со стороны правительства. Таким образом вся наша партия поставлена вне закона в стране...»¹⁷². Главнокомандующий генерал Жеков потребовал запретить поездки тесняков-депутатов Народного собрания на фронт и в прифронтовые районы¹⁷³.

Тесные социалисты в это время все больше убеждались в необходимости широкого и всестороннего использования нелегальных средств и форм организации революционной работы.

¹⁶⁸ Дневници на XVII ОНС, IV р. с., стр. 880.

¹⁶⁹ Хр. Христов. Указ. статья. „Исторически преглед“, кн. I, 1949—1950 гг., стр. 72.

¹⁷⁰ Кореспонденция за партийни другари, № 5, 1920, стр. 8.

¹⁷¹ Там же, стр. 15—16.

¹⁷² Дневници на XVII ОНС, IV р. с., стр. 863.

¹⁷³ С. Благоева. Георгий Димитров. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 31.

Ни расстрелы на фронте, ни аресты депутатов — членов БРСДП (т. с.), ни полицейский террор, ни другие меры правительства не могли остановить неизбежный процесс дальнейшего развития революционной ситуации в Болгарии.

1918 год явился высшей точкой общенационального кризиса. Народные массы изнывали под бременем продолжавшейся войны, принесшей им нужду, бедствия и голод, который в 1918 г. достиг чрезвычайных размеров.

На этой основе поднялась волна стихийного протеста и возмущения. По всей Болгарии весной 1918 г. прокатилась волна массовых демонстраций женщин с требованием хлеба, прекращения войны и возвращения мужей, отцов и братьев с фронта. Такие демонстрации прошли в Софии, Пловдиве, Панагюриште, Плевене, Бургасе, Казанлыкe, Старой Загоре, Дупнице, Ямболе и других городах.

Особенно многочисленна была демонстрация женщин в Пловдиве. Ее инициаторами были работницы табачных фабрик Пловдива, профсоюзными организациями которых руководили тесные социалисты. Женщины вышли на демонстрацию с лозунгами: «Хлеба!», «Долой войну!». Полиция оказалась бессильной задержать и рассеять демонстрацию. Вызванным войскам только при помощи оружия удалось разогнать демонстрацию. При этом было много убитых и раненых. Значительная часть работниц — участниц демонстрации была арестована¹⁷⁴.

Демонстрации женщин в тылу вызывали самый живой отклик на фронте, будоражили солдат, толкали их на революционные выступления.

Недовольство и протест нарастали и в болгарской деревне, охватывая трудящееся крестьянство, вконец разоренное войной, правительственными реквизициями, кулацко-спекулянтским грабежом. Крестьяне всячески уклонялись от реквизиций и оказывали энергичное сопротивление местным властям. Правительство при помощи военных команд силой отбирало хлеб у бедствующего и голодающего крестьянства. Все это приводило к тому, что и в деревне зрела готовность к борьбе против существовавшего режима.

На борьбу за улучшение своего экономического положения и прекращение антинародной войны выступили шахтеры Перника, Бобов-Дола, железнодорожники Софии¹⁷⁵. В апреле 1918 г. началась забастовка трамвайщиков и рабочих электростанции Софии¹⁷⁶.

Борьба рабочего класса, массовые выступления солдат на фронте, демонстрации и митинги трудящихся — все это порождало острый кризис буржуазно-монархического режима.

Кризис правительственной политики нашел яркое выражение в падении правительства Радославова в июне 1918 г. и в приходе к власти слабого, неустойчивого правительства Малинова. Оно не имело опоры не только в стране, но и в парламенте.

Правительство Малинова понимало, что необходимо выйти из войны, чтобы предотвратить революцию. Основным пунктом своей программы Малинов провозгласил быстреее заключение «достойного для Болгарии» мира.

Новое правительство хотело организовать выход Болгарии из войны на основе «14 пунктов президента Вильсона», которые были программой империалистического мира, обеспечивающего американским монополистам привилегированное положение в ограблении народов.

¹⁷⁴ Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 201—202.

¹⁷⁵ „Работнически вестник“, 22.XII. 1917.

¹⁷⁶ „Работнически вестник“, 26.IV. 1918.

«Идеализированная демократическая республика Вильсона, — писал В. И. Ленин, — оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»¹⁷⁷. Именно таков был смысл и второго пункта вильсоновской программы, который под видом международной гарантии обеспечивал хозяйничание империалистических хищников на Балканах и ограбление балканских народов.

Широкие социалисты поспешили выступить в защиту империалистической программы Вильсона. В июле 1918 г. в своем центральном органе — газете «Народ» — они писали: «Программа Вильсона — подходящая база, на основе которой дружные усилия в борьбе за социализм во всем мире могут создать человеческое умиротворение...»¹⁷⁸.

«Рабочнически вестник» по поводу этих восхвалений очень метко писал: «Когда газета «Народ» призывает социалистов всего мира взять программу Вильсона «за основу» дружных усилий в борьбе за социализм; то это очень похоже на то, что после неудачных попыток восстановить II Интернационал, они теперь решили восстановить его с помощью Вильсона...»¹⁷⁹.

Тесные социалисты дали достойную отповедь попыткам изобразить Вильсона миротворцем. «Рабочнически вестник» писал, разоблачая «миролюбие» Вильсона: «Насколько серьезно его предложение о мире — показал сам Вильсон, когда на следующий день после того, как он выступил с предложениями о мире, он же толкнул Японию против России»¹⁸⁰.

Переговоры о сепаратном мире с Англией и Америкой, которые начал Малинов, закончились крахом. Торг не удался, и перед Болгарией со всей определенностью встала перспектива военного поражения и полной капитуляции.

Неотвратимо надвигался новый правительственный кризис.

Тесные социалисты правильно характеризовали его как часть общего экономического и политического кризиса, сложившегося в Болгарии на базе дальнейшего нарастания революционной ситуации¹⁸¹.

Объективные условия продолжавшейся империалистической войны и нараставшего в стране кризиса, воздействие Великой Октябрьской социалистической революции привели тесных социалистов к пониманию империализма как кануна социалистической революции.

Большое значение для этого имело подробное знакомство тесных социалистов с гениальной работой В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В мае и июне 1918 г. Д. Благов в своих статьях, помещенных в газете «Рабочнически вестник», почти целиком изложил работу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Она печаталась в переводе и изложении Д. Благова и с его комментариями. Такой метод был избран, вероятно, как наиболее приемлемый по цензурным условиям. Так, в номере от 11 мая 1918 года Д. Благов в статье под названием «Что такое империализм?» проанализировал определение империализма, данное Каутским, а затем полностью привел ленинское определение империализма¹⁸².

В передовых статьях «Рабочнического вестника» от 20, 23, 29 мая, 10, 17 и 26 июня 1918 г. Д. Благов продолжил почти дословное изло-

¹⁷⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 169.

¹⁷⁸ «Народ», 9.VII. 1918.

¹⁷⁹ «Рабочнически вестник», 11.VII. 1918.

¹⁸⁰ «Рабочнически вестник», 8.VIII. 1918.

¹⁸¹ «Рабочнически вестник», 3.VII. 1918.

¹⁸² «Рабочнически вестник», 11.V. 1918.

жение работы В. И. Ленина. Так, например, в номере от 23 мая 1918 г. с небольшими сокращениями напечатан второй раздел ленинского труда «Банки и их новая роль». В номере от 10 июня 1918 г., в передовой, подписанной Благоевым, напечатан четвертый раздел работы В. И. Ленина — «Вывоз капитала».

7 июля 1918 г. газета напечатала заключительную статью. Д. Благоев писал: «... Каутский, определяя империализм как политику, не дает научного обоснования нынешней империалистической политики. Взгляд его на империализм неправильный и немарксистский... Чтобы борьба против империализма была эффективной, пролетариату надо знать его сущность. Надо знать, что империализм создает все объективные условия для успешной борьбы пролетариата, для торжества социализма»¹⁸³.

Таким образом, под прямым влиянием В. И. Ленина тесные социалисты в это время пришли к окончательному выводу об антимарксистском характере каутскианской теории империализма, о том, что она служит оправданию реформистской, соглашательской, оппортунистической тактики. Ленинское учение об империализме, как последней стадии капитализма и кануне социалистической революции, открывало перед тесняками новые, революционные перспективы.

Партия тесных социалистов сделала вывод, что «мировая империалистическая война до крайности обострила классовые противоречия и подготовила объективные условия для самостоятельной борьбы пролетариата за торжество социализма»¹⁸⁴.

Однако тесные социалисты, восприняв ленинскую теорию империализма, еще не поняли, что закон о неравномерности экономического и политического развития в эпоху империализма, открытый Лениным, стал исходным пунктом революционной теории о возможности победы социалистической революции первоначально лишь в отдельных странах. Они продолжали считать, что необходима и возможна победа революции одновременно в большинстве стран мира. Дело, конечно, заключалось не в том, чтобы вывод Ленина прямо и непосредственно и, стало быть, механически применить к условиям Болгарии. Это было бы неверно в конкретно-исторических условиях дооктябрьского периода.

Болгария одна, как небольшая по территории и слабая в экономическом отношении страна, не могла бы, конечно, прорвать цепь империализма и устоять против натиска реакционных сил. Однако после победы Октябрьской революции мировое освободительное движение, в том числе балканских народов, могло успешно развиваться лишь в связи с реальной международной обстановкой, созданной возникновением первого в мире социалистического государства, лишь ориентируясь на победоносную революцию, происшедшую в России.

История доказала правильность ленинского учения о путях дальнейшего развития мировой социалистической революции через отпадение от капиталистической системы отдельных стран. Народно-демократические государства, и в том числе Народная Республика Болгария, ныне успешно осуществляющие строительство социализма, — ярчайшее тому свидетельство.

Тесные социалисты в этот период выступали с защитой идеи диктатуры пролетариата.

Выступления Каутского и других лидеров партий II Интернационала против диктатуры пролетариата тесные социалисты квалифицировали как

¹⁸³ „Работнически вестник“, 7.VII. 1918.

¹⁸⁴ „Работнически вестник“, 18.VII. 1918.

прямую измену делу рабочего класса, как отрицание революции, как полный отход от марксизма¹⁸⁵.

Однако это не означало совпадения взглядов теснячества и большевизма по вопросу о диктатуре пролетариата. Тесные социалисты не смогли подняться до понимания диктатуры пролетариата как классового союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства при обязательном условии, что руководящей силой этого союза является рабочий класс.

Большой ошибкой тесных социалистов была недооценка революционных возможностей крестьянства, а вместе с тем и неверие в силу пролетариата и его способность привлечь на сторону революции трудящиеся массы крестьянства и руководить ими. Ошибочные взгляды тесных социалистов в крестьянском вопросе непосредственно сказывались на их тактике, на отношении к крестьянскому движению в Болгарии, на постановке и решении вопроса о перспективах революции в стране.

Только в конце 1918 г. тесные социалисты начали выделять из общей массы крестьян «неимущих и малоимущих» и призывать их объединиться с рабочим классом под знаменем Болгарской рабочей социал-демократической партии (т. с.) для совместной борьбы¹⁸⁶. Но фактически тесные социалисты и в этот период продолжали рассматривать крестьян в целом как однородную консервативную массу, как «мелкобуржуазный класс, от которого нельзя ожидать абсолютно никакой революционной инициативы...»¹⁸⁷.

Таким образом, партия тесных социалистов под прямым воздействием Великой Октябрьской социалистической революции освобождается от ряда серьезных ошибок, но еще не переходит полностью на большевистские позиции по важнейшим вопросам стратегии и тактики революционной борьбы пролетариата.

Вследствие этого партия тесных социалистов, несмотря на свою несомненную преданность делу пролетариата, не сумела в это время выступить руководителем и организатором революционной борьбы народных масс.

Это проявилось особенно во время Владайского восстания, которое было самым крупным событием этого периода. Наличие работ¹⁸⁸, в которых освещен ход Владайского восстания, делает возможным ограничиться только кратким изложением позиции тесных социалистов в этом восстании.

Измученные войной и голодом, вдохновленные примером Октябрьской революции, трудящиеся Болгарии стихийно рвались к революционной борьбе за свержение буржуазно-монархического правительства, не видя иной возможности вырваться из омута империалистической войны.

Поводом, вызвавшим вооруженное выступление солдат, послужила военная катастрофа, разразившаяся на фронте в сентябре 1918 г. 15 сентября вооруженные силы Антанты, превосходившие во много раз по численности и вооружению болгарские войска, прорвали Македонский фронт у Добро-Поле и начали быстрое наступление в глубь страны. Не выдержав натиска, болгарская армия начала быстро откатываться. Одетые в солдатские шинели болгарские крестьяне и рабочие, расплачивавшиеся своей кровью за преступную политику правительства и буржуазии, решили

¹⁸⁵ „Ново време“, 1919 г. кн. I и II.

¹⁸⁶ „Работнически вестник“, 25.XI. 1918.

¹⁸⁷ БРП(к) в резолюции, т. I, стр. 305 (из статьи Д. Благоева „Балканская социал-демократическая конференция“).

¹⁸⁸ М. А. Бирман. Нарастание революционной ситуации в Болгарии в 1917—1918 гг. и Владайское восстание. Ученые записки Ин-та славяноведения, т. V, М., 1952.

повернуть оружие против зачинщиков и организаторов войны — против монархии и буржуазии. Солдаты отступавших частей восстали, расправились с реакционным офицерством и двинулись в глубь страны. Они захватили главный штаб болгарской армии в Кюстендиле, разгромили его и направились в Софию с лозунгом «Смерть виновникам войны». Это был стихийный взрыв, свидетельствующий об огромной силе революционной энергии, накопившейся в угнетенном, измученном, страдавшемся народе. Революция казалась неизбежной и близкой. Правящая клика уже более не заботилась о положении на фронте. Она была в панике перед нараставшей революцией и стремилась предотвратить ее любой ценой. Царь Фердинанд дал согласие на немедленные переговоры о перемирии с Антантой и одновременно отдал приказ во что бы то ни стало остановить продвижение восставших солдат на Софию.

Восставшие солдаты провозгласили республику и продолжали поход на Софию. В это время правительство Малинова с помощью американского дипломата Мэрфи поспешило начать переговоры о перемирии. Одновременно в Софии концентрировались офицерские и юнкерские части для подавления восстания. Германское командование, бросившее своих болгарских союзников в момент наступления Антанты на произвол судьбы, теперь охотно прислало свои войска для подавления восстания болгарских солдат.

29 сентября 1918 г. было подписано Салоникское перемирие, приведшее фактически к полной и безоговорочной капитуляции Болгарии.

Владайское восстание солдат в Болгарии в сентябре 1918 г. было подавлено объединенными силами англо-американского и германского империализма, пришедшими на помощь болгарской буржуазно-монархической клике.

Раскрывая позорную роль английских и американских империалистов, В. И. Ленин на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов говорил: «Возьмите Болгарию. Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации. Там теперь, где провозглашена крестьянская республика, в Софии, этом важном железнодорожном пути, все железные дороги заняты англо-американскими войсками. Им приходится бороться с крестьянской республикой маленькой страны»¹⁸⁹. В. И. Ленин подчеркивал большое революционное значение событий в Болгарии.

Владайское восстание было подавлено, но его сила и размах были таковы, что болгарская буржуазия и империалисты Антанты вынуждены были заставить болгарского царя Фердинанда отречься от престола.

В глазах болгарского народа Фердинанд Кобургский был воплощением всех тех реакционных, антинародных сил, которые заставляли болгарского рабочего и крестьянина в течение 6 лет, начиная с 1912 г., выносить страшные тяготы почти непрерывной войны. На нем концентрировалась ненависть масс к своим угнетателям. Болгарская буржуазия, стремясь предотвратить дальнейшее развитие революционного кризиса и сохранить свое господство, потребовала отречения царя Фердинанда.

3 октября 1918 г. царь Болгарии Фердинанд Кобургский вручил Малинову свое отречение в пользу своего сына князя Бориса. Этим актом болгарская буржуазия спасла монархию.

¹⁸⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 138.

4 октября возобновила свою работу сессия Народного собрания. После коротких прений было утверждено Салоникское перемирие. 11 октября 1918 г. в столицу вступили войска Антанты.

Такова самая общая фактическая картина событий последнего и завершающего для Болгарии этапа войны, закономерно совпавшего с обострением революционной ситуации и началом массовых революционных выступлений. Какова же была позиция и тактика партии тесных социалистов в этот критический период истории болгарского народа?

Серьезной ошибкой партии тесных социалистов в период Владайского восстания, явилась позиция «нейтралитета», которую она заняла и которая была одной из решающих причин поражения восстания.

Это привело партию тесных социалистов к пассивности, к устранению от руководства в момент революционного выступления народных масс.

Тесняки своей пропагандой лозунгов Великой Октябрьской социалистической революции, своей борьбой против империалистической войны, своими революционными призывами «последовать примеру русских большевиков» революционизировали армию и трудящиеся массы Болгарии и во многом способствовали росту революционного движения и, стало быть, возникновению Владайского восстания.

Но когда революционные солдаты выступили с оружием в руках, партия тесных социалистов не сумела возглавить революционный порыв масс. Она не сумела понять по-ленински огромное революционное значение этого восстания, оценить сложившуюся революционную ситуацию в стране и в соответствии с ней перестроить тактику и всю свою деятельность.

В. И. Ленин внимательно следил за развитием революционного кризиса в Болгарии. Он отмечал, что революционное движение пролетариата и крестьянства против империалистической войны сделало за последнее время громадные успехи. Подъем революционного движения в Болгарии В. И. Ленин ставил в прямую связь с влиянием Октябрьской социалистической революции и великих идей большевизма. В октябре 1918 г. он говорил: «Наша революция оказалась явлением мировым. О том, что большевизм есть теперь явление мировое, говорит и вся буржуазия, и от этого признания становится очевидным, что наша революция поползла с Востока на Запад и встречает там все более подготовленную почву. Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии»¹⁹⁰.

Тесные социалисты не оценили значения этих событий и не смогли стать организующим и направляющим центром начавшейся революции. Восстание болгарских солдат не имело четкой политической программы. Руководство партии рассматривало Владайское восстание только как стихийный бунт разбитых на фронте солдат-крестьян. Оно не смогло понять, что в обстановке революционной ситуации этот действительно стихийный взрыв был началом революции.

Вместо того, чтобы пойти с массами, возглавить их, упорно работать над превращением стихийного движения в организованное, революционное выступление масс, партия тесных социалистов заняла позицию пассивного наблюдателя.

Исходя из этой неправильной позиции, Центральный Комитет партии тесняков ограничился в период восстания лишь общими директивами о необходимости агитации против войны, о борьбе за мир без аннексий и контрибуций. Парламентская фракция партии попрежнему ограничилась внесением в Народное собрание декларации, в которой говорилось, что партия тесняков требует немедленного заключения мира и создания

¹⁹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 95.

Балканской демократической федеративной республики¹⁹¹. Газета тесных социалистов, имевшая большой авторитет у солдатских масс, не стала мощным рупором, призывающим к поддержке выступления солдат, к всеобщему революционному восстанию, она продолжала проповедовать старые лозунги и не сумела связать борьбу против империалистической войны и империалистического мира с начавшейся революцией.

Таким образом, партия тесных социалистов не выполнила своей революционной задачи в период Владайского восстания. Тесные социалисты, признавшие ленинский лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, не сумели понять его реального содержания, не смогли в нужный момент превратить его из лозунга агитации в лозунг прямого революционного действия.

«Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, — писал В. И. Ленин, — ...отупляет и надламывает одних, но зато просвещает и закаляет других, причем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались... больше, чем первых»¹⁹².

Для партии тесных социалистов опыт этого периода сыграл большую роль и стал школой политического просвещения и революционной закалки.

Тесные социалисты, будучи носителями лучших качеств и традиций болгарского пролетариата, при всех своих ошибках были теми честными и самоотверженными революционерами, которые, как говорил В. И. Ленин, творят историю своей головой и своим сердцем¹⁹³. Именно поэтому они под воздействием великих идей Ленина, под влиянием большевистской партии сумели осознать свои ошибки и решительно встать на путь освоения идейных, тактических и организационных основ большевизма. Однако большевизация Болгарской коммунистической партии (в мае 1919 г. партия тесных социалистов преобразована в БКП) была длительным и сложным процессом.

¹⁹¹ БРП(к) в резолюции, т. I, стр. 433.

¹⁹² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 191—192.

¹⁹³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 315.

К. Л. Струкова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДВИЖЕНИЯ ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ В ЮЖНОЙ БОЛГАРИИ В 1879—1885 гг.

В 1878 г. Болгария была освобождена от пятивекового турецкого гнета победоносной русской армией. По Сан-Стефанскому мирному договору создавалось большое Болгарское княжество, включавшее Придунайскую Болгарию, а также Македонию. Однако со стороны западноевропейских государств Сан-Стефанский мирный договор встретил резко отрицательное отношение. Под нажимом Англии и Австро-Венгрии (за спиной которой стояла Германия) царскому правительству пришлось согласиться на пересмотр мирного договора с Турцией.

На Берлинском конгрессе (июнь 1878 г.) Сан-Стефанский мирный договор подвергся существенному изменению. Недавно созданное государство было разделено на три части: из Северной Болгарии было создано вассальное Болгарское княжество, из Южной — автономная область Восточная Румелия, находившаяся под верховной политической властью султана; Македония вновь, без всяких оговорок, была возвращена Турции.

Отделив Южную Болгарию от Северной, Берлинский конгресс тем самым произвольно разделил на две части уже сложившуюся нацию¹. Благодаря проискам английской и австро-германской дипломатии создание единого национального государства откладывалось на неопределенное время. Искусственное разделение Болгарии на две части, нарушившее экономическое единство болгарской нации, наносило вред национальной экономике, задерживало развитие производительных сил страны, развитие капитализма. Наличие нерешенных вопросов буржуазно-демократической

¹ Можно считать, что болгарская нация в основном сложилась к 70-м годам XIX в. Начавшееся в Болгарии с конца XVIII — начала XIX в. разложение натурального хозяйства, развитие товарно-денежных и капиталистических отношений привели к созданию единого национального рынка, к укреплению экономической общности болгарского народа; возникали новые города, создавались экономические и культурные центры. К середине XIX в. оформился новоболгарский литературный язык, была создана новая болгарская литература, выдвинувшая такие фигуры, как П. Славейков, В. Друмев, Хр. Ботев и И. Вазов. Складывалась новая национальная культура. К 70-м годам XIX в. в Болгарии были налицо все четыре признака нации, общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Показателем степени зрелости болгарской нации явилась смена отдельных стихийных протестов против турецкого ига массовым национально-освободительным движением, развернувшимся в Болгарии в 60—70-е годы XIX в. Подробнее эта тема развита в статье И. Митева „Образуването на българската нация“ („Исторически преглед“, 1948, кн. 3).

революции создавало почву для развития национально-освободительного движения.

Центром этого движения стала Южная Болгария, бывшая не только экономически более развитой частью Болгарии, но и колыбелью болгарского национального движения 70-х годов XIX в.; к тому же незавершенность национального объединения чувствовалась здесь особенно остро.

Развернувшаяся борьба за национальное единство Болгарии, за полное уничтожение политической власти прогнившей феодальной Турецкой империи была прогрессивна, потому что «борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации» всегда прогрессивна². Стремление к созданию единого национального государства диктовалась глубокими экономическими причинами: только в рамках национального государства могли быть наиболее полно обеспечены условия для дальнейшего развития товарного производства, развития капитализма. «Образование национальных государств, — указывал В. И. Ленин, — наиболее удовлетворяющих... требованиям современного капитализма является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство»³.

Национально-освободительную борьбу в Южной Болгарии (находившую горячий отклик и поддержку в северной части страны) можно разделить на два периода: июнь 1878—апрель 1879 г. — борьба против решений Берлинского конгресса и май 1879—сентябрь 1885 г. — борьба за воссоединение с Болгарским княжеством.

Рассматривая борьбу болгарского народа за создание единого национального болгарского государства, буржуазные историки (Маджаров, Матвеев, Радев, Станев и др.) обычно ограничивались политической стороной событий, не исследуя социально-экономических корней национально-освободительного движения. Историки народно-демократической Болгарии тоже не уделили достаточного внимания этому вопросу. В советской исторической литературе имеется только статья В. Д. Конобеева «Борьба болгарского народа за национальную независимость в 1877—1878 гг.»⁴, в которой автор, прослеживая развитие национально-освободительного движения в Северной и Южной Болгарии, раскрывает его социально-экономические причины. Но в то время как период 1877—1878 гг. нашел отражение в исторической литературе, период 1879—1885 гг., особенно для Южной Болгарии, в интересующем нас аспекте все еще мало изучен.

В данной статье ставится задача показать развитие экономики Южной Болгарии в 1879—1885 гг., его буржуазный характер и на этой основе раскрыть социально-экономические причины борьбы за воссоединение, развернувшейся в Южной Болгарии в 1879—1885 гг. и приведшей к созданию единого Болгарского государства.

* * *

Искусственно созданная из Южной Болгарии автономная область Восточная Румелия охватывала плодородные и в промышленном отношении наиболее развитые районы страны. Города Пловдив, Сливен, Панагюриште, Копривштица, Калофер, Сопот, Карлово и другие были центрами ре-

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 368—369.

³ Там же, стр. 368—369.

⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. статей. М., 1953.

месла и мануфактуры. Порт Бургас был самым крупным в Болгарии; к тому же национальный капитал занял там уже господствующее положение: торговля через этот порт почти целиком находилась в руках десяти болгарских купцов. По количеству городского населения Южная Болгария тоже опережала Северную, процент городского населения здесь был всегда

Таблица 1

Год	% городского населения	
	Южная Болгария	Северная Болгария
1880	24,2	17,7
1887	24,6	17,3
1892	25,2	17,9

выше, чем в Придунайской Болгарии (табл. 1)⁵.

На первом месте по числу жителей даже в 1880 г. оставался главный город Южной Болгарии Пловдив, насчитывавший 33 тыс. жителей (в Софии — 30 тыс.).

Отрезая от Болгарского княжества наиболее богатую и промышленно развитую южную часть страны, западно-

европейские дипломаты хотели не только уменьшить политические последствия русско-турецкой войны, но и затормозить экономическое развитие Болгарии.

В результате русско-турецкой войны в Южной Болгарии произошли по существу те же изменения в социально-экономических отношениях, что и в Северной Болгарии. Политическая зависимость Южной Болгарии от Порты под воздействием национально-освободительного движения на практике оказалась минимальной, турецкий феодальный строй был уничтожен: в ходе войны болгарское крестьянство отказалось от выполнения феодальных повинностей, захватило земли бежавших турецких помещиков⁶. Отмена феодальных ограничений, превращение всех видов земельной собственности в свободную буржуазную собственность были закреплены Органическим статутом области, статья 14-я которого была целиком посвящена земельным отношениям. Органический статут лишь фиксировал совершившийся в Болгарии во время войны аграрный переворот. Но превращение феодальной земельной собственности в свободную частную собственность происходило в Южной Болгарии выгодным для феодалов путем: крестьяне должны были выкупить земли и права на них. В статье 14-й Органического статута указывалось, что каждый владеющий «освобожденной земельной собственностью», т. е. бывшей помещичьей землей, обязан постепенно выплатить в качестве выкупа годовой доход, получаемый ранее владельцами этой земли, и особое вознаграждение, устанавливаемое специальной комиссией, созданной для этой цели в каждом округе. Предусматривалось право и сразу заплатить всю сумму выкупа⁷.

Таким образом, Органический статут устанавливал обязательный выкуп всех захваченных земель на весьма кабальных условиях.

Берлинским договором, а на его основе — Органическим статутом, в Южной Болгарии были признаны права турецких феодалов на земельную собственность. С осени 1879 г. в Южную Болгарию стали возвращаться многие турецкие землевладельцы, но главным образом лишь для того, чтобы получить деньги за свою землю и другое иму-

⁵ К. Попов. Стопанска България. София, 1916, стр. 4.

⁶ Подробнее об этом см. в статье Н. Т. Левинтова «Аграрный переворот в Болгарии в 1877—1879 гг.» (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сб. статей. М., 1953, стр. 139—221); Л. Беров. Аграрное движение в Источна Румелия по време на освобождението. «Исторически преглед», 1956 г., № 1, стр. 3—35.

⁷ Органический устав на источната Румелия, Пловдив, 1879, стр. 128—131.

щество. Процесс продажи земли турецкими землевладельцами и последующее их выселение в Турцию продолжались в течение всей первой половины 80-х годов XIX в. Южноболгарские газеты того времени отмечали, что мусульманское население, владевшее большей частью обрабатываемой земли, постоянно продавало землю⁸. Газета «Народен глас» писала, что многие из турок возвращались в Южную Болгарию лишь затем, чтобы продать свое имущество и затем навсегда уезжали в Турцию⁹.

А. Илиев, префект Старозагорского департамента, отмечал в своих мемуарах: «Турки начали постепенно все в большем и большем количестве продавать свое имущество болгарам и выселяться. Значительное число домов, виноградников, полей, мест для застройки, принадлежавших туркам, покупалось болгарами в городе и деревне»¹⁰.

Так, крестьяне вынуждены были покупать у турецких землевладельцев фактически давно уже захваченные земли. Согласно официальному сообщению, в Южной Болгарии с 1879 г. по 1883 г. было продано недвижимого имущества на 102 158 237 грошей, из них турками болгарам на 72 229 517 грошей¹¹. Л. Беров утверждает, что с момента освобождения до 1883 г. в Восточной Румелии было продано 563—576 тыс. уврат¹² турецких земель, что составляло более $\frac{1}{3}$ всей пахотной земли в этой части Болгарии¹³.

Таким образом, в Южной Болгарии окончательно закреплялись ликвидация турецкого феодального землевладения и переход земельной собственности в руки болгар. Южная Болгария (в несколько меньшей степени, чем Северная) превращалась в страну преимущественно мелкого землевладения.

В целом количество чифликов значительно уменьшилось. Однако в Южной Болгарии, где крупное землевладение и до войны имело больший удельный вес, чем в северных районах страны, оставалось еще сравнительно много чифликов. Согласно сборнику материалов финансового министерства, в Болгарии в 1888 г. насчитывалось 177 чифликов, из них 145— в Южной Болгарии: в Бургасском округе — 14, Сливенском — 25, Старозагорском — 4, Пловдивском — 79, Т.-Пазарджикском — 17 и Хасковском — 6¹⁴. Следует думать, что большинство оставшихся чифликов находилось в руках болгарских землевладельцев. Например, в Старозагорском округе из четырех имевшихся в 1888 г. чифликов три принадлежали болгарам и один турку¹⁵.

Необходимо отметить, что перераспределение турецкой земельной собственности среди болгарского населения происходило неравномерно. Сельская буржуазия расширяла свои поля, а бедное и безземельное крестьянство приобретало подчас весьма незначительные участки, лишь формально превращаясь в «хозяев». По данным А. Илиева, относящимся к Старозагорскому округу, в известной степени можно судить о дифференциации сельского населения в Южной Болгарии к 1885 г. В Старозагорской око-

⁸ «Марица», 1880 г.

⁹ «Народен глас», 6.VI. 1880.

¹⁰ А. Илиев. Спомени, София, 1926, стр. 229.

¹¹ К. Иречек. Княжество България, т. I. Пловдив, 1899, стр. 223—224.

¹² Уврат = 912 кв. м.

¹³ Л. Беров. Аграрното движение в Източна Румелия по време на освобождението. «Исторически преглед», 1956, № 1, стр. 21.

¹⁴ К. Иречек. Указ. соч., т. I, стр. 225; W. P. Antschow. Die Agrarverhältnisse des Fürstentums Bulgarien in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig, 1893, S. 66—67.

¹⁵ Д. Косев. Селското движение в България в края на XIX в. «Исторически преглед», 1949 кн. V, стр. 552.

ли наиболее крупные крестьянские хозяйства имели до 300 уврат земли с двумя-тремя парами волов, наиболее мелкие — 10 уврат с парой волов или одним волом. Такие хозяева для полевой работы были вынуждены объединяться с соседями. В Казанлыкской околии самые крупные хозяйства имели 200 уврат земли и 20—40 голов крупного скота, а самые мелкие — 5 уврат с парой волов. В Чирпанской околии самое крупное хозяйство имело 10 уврат земли и пару волов или корову. В Новозагорской околии распределение земли было такое же, как в Старозагорской¹⁶.

Однако не все болгарское крестьянство приобрело землю. Например, в Старозагорской околии только $\frac{1}{5}$ прежних сельскохозяйственных рабочих стала владельцами земельных участков¹⁷. В то время как зажиточное крестьянство покупало землю (в размерах, безусловно, больших, чем бедное крестьянство) на наличные деньги, бедное, а часто и среднее крестьянство для этих же целей вынуждено было обращаться к ростовщику, продавать свой инвентарь и рабочий скот. Ростовщики ссужали деньги на самых кабальных условиях — под 50, 100 и даже 150%.

«Болгары не жалели ничего, чтобы купить хорошие турецкие владения. Многие из них задолжали ростовщикам, но покупали необходимую землю»¹⁸. Газета «Марица» подтверждала, что для покупки земли крестьянин часто продавал дом, скот, шел к ростовщику¹⁹. Тот факт, что болгарские крестьяне (бедняки и середняки) приобретали у турецких собственников землю на деньги, взятые у ростовщиков, способствовал дальнейшему расслоению болгарского крестьянства. Освободившись от гнета турецких феодалов и получив землю, крестьянин одновременно попадал в экономическую зависимость от ростовщика.

Задолжав ростовщику, крестьянин, при малой доходности хозяйства, не мог погасить свой долг и из года в год делал новые долги. Южноболгарские газеты всего периода существования Восточной Румелии полны объявлений о продаже земли и другого недвижимого имущества крестьян за долги частным лицам²⁰. Например, в ноябре 1881 г. было объявлено о продаже земли и домов крестьян нескольких сел Казанлыкской околии (сел. Бояслий, Чараганово и др.) за долги некоему И. Т. Келеву на общую сумму 65 854 грошей²¹.

Нередко с молотка продавалось последнее имущество крестьянина, и он превращался в пролетария. Земельные участки многих таких «хозяев» были смехотворно малы: 10, 5, 3, 1 уврат²². Даже в официальных сообщениях отмечалось, что экономическое положение крестьян «далеко от завидного»²³.

«На населении, — указывалось в докладе сливенского префекта, — лежат тяжелые старые и новые долги. Вы встретите в каждом селе должников и немалое количество, у которых из собранного урожая после уплаты процентов и части долгов ничего не остается для себя, и они вынуждены покупать продукты»²⁴. Газета отмечала, что как в княжестве, так и в Восточной Румелии наблюдалось большое разорение крестьян из-за высоких процентов, которые брали с них ростовщики. Хотя закон запре-

¹⁶ Д. Косев. Селското движение в България в края на XIX в. „Исторически преглед“, кн. V, стр. 553.

¹⁷ К. Иречек. Указ. соч., т. I, стр. 226.

¹⁸ „Марица“, 5.IV. 1883.

¹⁹ „Марица“, 31.I. 1884.

²⁰ „Марица“, 1880—1885 гг.; „Народен глас“, 1880—1881 гг.

²¹ „Марица“, 24.XI. 1881.

²² „Марица“, 1881—1882 гг.; „Народен глас“, 1881 г.

²³ „Марица“, 23.IX. 1880.

²⁴ „Марица“, 8.X. 1882.

щал брать более 12%, однако его обходили всякими способами. Крестьянин, оставшийся к весне без хлеба, вынужден был на любых условиях обращаться к ростовщику²⁵.

Ростовщичество принимало различные формы. С развитием торговли зерном широкое распространение получило «зеленичарство», т. е. продажа зерна на корню. Это был наиболее кабальный вид ростовщичества. В апреле—мае (иногда позднее) крестьянин, оставшийся без хлеба, обращался к подобному ростовщику (их называли еще селимаджии) за деньгами до нового урожая. В это время килограмм зерна стоил 60—70 грошей. Ростовщик же давал деньги крестьянину в счет нового урожая из расчета 20 грошей за килограмм. К моменту сбора урожая цена на зерно устанавливалась около 40 грошей. Таким образом, крестьянин платил чудовищные проценты. На следующий год крестьянин еще раньше обращался к ростовщику, и вскоре пашня и виноградник меняли хозяина²⁶.

Правительство пыталось бороться с подобной практикой продажи урожая на корню. Весной 1880 г. генеральный секретарь области (он же директор внутренних дел) направил префектам указ, запрещающий продажу хлеба «на зелено» и объявлявший подобные контракты незаконными. Подчеркивалось, что торговцы не имеют права заставлять крестьян насильно отдавать им зерно по заниженным ценам, а могут только требовать уплаты денег с законными процентами (не выше 12%). Этот указ был опубликован 6 июня 1880 г.²⁷ Однако реального значения он не имел. «Несмотря на строгие меры, принятые местными властями по предписанию директора внутренних дел, — сообщал префект Старозагорского департамента, — нашлись люди, которые тайком от правительства берут и дают деньги «за селим», но кого можно винить? Крестьянин говорит, что «селимаджия» милостивее нужды и голода»²⁸.

Разорению крестьян способствовала и налоговая политика восточно-румелийского правительства. Налогов было не меньше, чем при турецком господстве. «Вряд ли румелийский гражданин платит меньше налогов, чем в турецкое время. Он оплачивает и областные, и департаментские, и общинные расходы»²⁹.

При неразвитых хозяйственных отношениях главным источником доходов были прямые налоги, а главными налогоплательщиками — крестьяне. В первые годы после войны в Южной Болгарии попрежнему взималась десятина (натурой). Важное значение десятины в бюджете страны отмечала «Марица»: «Самым существенным доходом страны является десятина. Она составляет половину доходов области и может служить мерой нашего финансового благосостояния»³⁰.

Система десятины (продолжала практиковаться отдача ее на откуп) препятствовала развитию сельского хозяйства области и вызвала недовольство населения. Поступали жалобы на медленный учет снопов, порчу продуктов. «Гниение продуктов, пока свершится подсчет снопов, было всегда одним из главнейших зол этой средневековой системы»³¹.

В 1882 г. десятина была заменена поземельным налогом, который взимался со всех имеющихся земель (десятина только с обрабатываемых). При установлении размера поземельного налога бралась средняя цифра

²⁵ „Марица“, 21.I. 1884.

²⁶ „Народен глас“, 3.VI. 1880.

²⁷ „Народен глас“, 6.VI. 1880.

²⁸ „Марица“, 6.X. 1881.

²⁹ „Марица“, 15.IV. 1883.

³⁰ „Марица“, 4.III. 1880.

³¹ „Марица“, 26.VIII. 1880.

взимаемой десятины за последние десять лет. Общая сумма поземельного налога оказалась выше прежней десятины. В то время как в 1881 г. десятина исчислялась в 26 млн. грошей на всю область, поземельный налог на 1882 г. был утвержден Областным собранием в 33 млн. грошей³².

Новый поземельный налог не улучшил положения крестьян. Корреспондент «Марицы» писал, что крестьяне вынуждены продавать свой бедный скраб, чтобы уплатить налог³³. В случае неуплаты поземельного налога на имущество крестьянина налагался арест, и оно продавалось с публичных торгов³⁴. В Областное собрание поступали многочисленные жалобы крестьян на непосильный налог и просьбы его уменьшить.

Разорение крестьян способствовало и резкое понижение цен на хлеб, наступившее в начале 80-х годов³⁵. Следует также учесть разорение страны после войны; уничтожение значительной части рабочего скота, недостаток сельскохозяйственных орудий и т. п.

Из Старозагорского департамента³⁶ началось выселение крестьян (в княжество выселилось около 130 семей, в другие районы области — 73). Отвечая на вопрос в Областном собрании о причинах выселения, директор внутренних дел Крыстевич указывал (основываясь на рапорте Старозагорского префекта) на следующие факторы, вызвавшие выселение: недостаток земли и пастбищ для скота, задолженность ростовщикам, тяжелые налоги (особенно поземельный) и т. п. Бедственное положение крестьянства приводило к огромным недоборам при сборе налогов, как в названном департаменте, так и во всей Восточной Румелии³⁷. Большинство крестьян, за исключением зажиточной верхушки деревни, влачило нищенское существование. Но «обеднение массы народа»... — писал В. И. Ленин, — не только не препятствует развитию капитализма, а напротив, именно выражает собой его развитие, является условием капитализма и усиливает его»³⁸.

Рассмотренные выше процессы приводили, с одной стороны, к обезземливанию крестьян, превращению их в сельскохозяйственный пролетариат, а с другой — к росту концентрации земли в руках сельской буржуазии. Другими словами, в 80-е годы в южноболгарской деревне (как и в княжестве) шло интенсивное разложение крестьянства.

Этот процесс создавал внутренний рынок для развивающегося капитализма. Бедный крестьянин должен был прикупать себе хлеб, продавая свою рабочую силу; сельская буржуазия производила хлеб на продажу; земледелие Южной Болгарии принимало все более товарный характер. Мы не располагаем данными, чтобы показать развитие внутренней торговли хлебом, но о производстве зерна на рынок отчетливо свидетельствуют данные об экспорте: в 1882 г. Южная Болгария вывезла в Северную Болгарию, Турцию, Англию, Францию и Австрию зерна на 18 818 612 грошей, при общей сумме вывоза в 40 547 707 грошей. Отмечая возросшее значение зерновых продуктов в экспорте страны, газета «Марица» указывала, что «значительная часть зерна производится чифликчиями или чифликсайбиями»³⁹.

³² „Марица“, 19.X. 1882.

³³ „Марица“, 14.X. 1883.

³⁴ Объявления о продаже земли и другого недвижимого имущества в пользу областных казначейств и др. „Марица“, 1878—1885 гг.

³⁵ „Марица“, 20.IX и 14.X. 1883.

³⁶ Согласно существовавшему в Восточной Румелии административному делению.

³⁷ Дневници на Областното Събрание от 5 редовна сессия, София, 1892, стр. 140—142.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 86—87.

³⁹ „Марица“, 27.III. 1884.

На рынок шли также продукты виноградарства и табаководства. Вино и табак были главным предметом вывоза Восточной Румелии в Болгарское княжество. В 1882 г. в области было изготовлено 16 834 680 ок вина и 1589 312 ок водки и 547 248 ок табаку⁴⁰. Увеличилось производство розового масла: так, в Казанлыкской околии размеры розовых полей по сравнению с довоенными возросли вдвое. Вывоз розового масла находился в руках пяти-шести болгарских торговцев⁴¹.

До русско-турецкой войны в Пловдивском районе имелись рисовые поля (чалтици). В период русского гражданского управления обработка этих полей была прекращена ввиду того, что болотистая почва являлась рассадником малярии. Стремясь к росту торгового земледелия, буржуазия потребовала возобновления обработки этих полей⁴².

Зажиточное крестьянство и буржуазия были заинтересованы в товарном, торговом хозяйстве. «Недостаточно иметь только изобилие продуктов, — писала «Южная Болгария», выражая интересы этих слоев болгарской деревни, — необходимо, чтобы происходила продажа, происходил вывоз»⁴³.

Сельская буржуазия, владельцы оставшихся чифликов, ведя торговое хозяйство, широко применяли наемный труд. Мы встречаемся с категориями годовых, сезонных и поденных рабочих. Сельскохозяйственный рабочий — момык, арагати — весь год трудился по найму. Плату он получал частью деньгами, частью продуктами. Например, сельскохозяйственный рабочий в районе Старой Загоры получал 300—600 грошей; 15—18 кг (до 44 ок) зерна и семена для посева на 2—3 уврата земли. Во многих местах в заработную плату входил и небольшой участок земли (параспор), который хозяин предоставлял рабочему во временное пользование. Свой участок рабочий обрабатывал инвентарем хозяина⁴⁴.

На сезонную работу в Южную Болгарию из Северной переходили целые артели рабочих⁴⁵. Газета «Независимость», перечисляя категории наемных рабочих в княжестве, наряду с момцами упоминала и поденных рабочих (надничинар)⁴⁶.

Неразвитость капиталистических отношений в Южной Болгарии сказывалась как в полунатуральной оплате труда, так и в наделении рабочего участком земли.

Занимаясь торговлей хлебом, сельская буржуазия стремилась к улучшению способов ведения хозяйства, повышению сельскохозяйственной культуры, заводила усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь и машины. Только она была в состоянии улучшать методы ведения своего хозяйства, так как бедному и среднему крестьянину было не до технических улучшений.

В своем докладе в сентябре 1883 г. пловдивский префект отмечал, что за текущий год в округе появилось несколько современных плугов, одна-две жнейки и пять-шесть веялок⁴⁷. Сельскохозяйственные машины приобретали зажиточные хозяева⁴⁸. «По инициативе румелийского правитель-

⁴⁰ Статистически сведения на дирекция на финансите на Источна Румелия. Пловдив, 1883, стр. 8.

⁴¹ К. Иречек. Указ. соч., т. I, стр. 213.

⁴² Дневници на Обл. Събр. от 5 р. с., София, 1892, стр. 475; Дневници на Обл. Събр. от 6 р. с., стр. 516).

⁴³ „Южная България“, Пловдив, 13.IX. 1884.

⁴⁴ К. Иречек. Указ. соч., т. I, стр. 227.

⁴⁵ Там же, т. II, стр. 182.

⁴⁶ „Независимость“, 28.II. 1881.

⁴⁷ „Марица“, 23.IX. 1883.

⁴⁸ „Марица“, 18.IX. 1884.

ства и окружных постоянных Комиссий землевладельцы накупили много сельскохозяйственных машин, которые тут же были применены с успехом; в Старо-Загорском округе работали в 1884 г. 38 жнеек, в Пловдивском — 17, в Бургасском — 13»⁴⁹ и т. д. Имелись и другие типы машин. Использование сельскохозяйственных машин (пока еще все-таки незначительное) было несомненным признаком развивающегося капитализма.

Стремление перейти к новым, усовершенствованным методам ведения хозяйства наблюдалось на каждом шагу. В 1881 г. была сделана неудачная попытка создать «Южноболгарское сельскохозяйственное общество» (организаторы нам неизвестны), целью которого было «покупать и обрабатывать на свой счет земли, чтобы поощрить усовершенствование земледелия»⁵⁰. Приветствуя решение Областного собрания об открытии сельскохозяйственной школы в Садово, газета «Марица», выражая интересы крепнущей сельской буржуазии, писала, что школа должна начать работать возможно скорее, так как способы ведения хозяйства в Восточной Румелии нуждаются в коренном улучшении. Школа должна быть рассадником новых, более совершенных способов обработки земли, применения удобрений, употребления новых семян, введения лучших пород скота⁵¹. Шевкет-бей, один из крупных землевладельцев Старозагорского района, послал обучаться в Садовскую сельскохозяйственную школу на свой счет бедного болгарина с тем, чтобы по окончании этой школы, он стал управляющим его имениями. Газета призывала крупных землевладельцев последовать его примеру⁵².

Но основная масса крестьянства не имела материальных возможностей улучшить ведение своего хозяйства. Сохранялась система трехполья, земля обрабатывалась при помощи деревянного плуга (рало), удобрения применялись редко и т. п.; производительность труда была очень низкой. В то время как богатый крестьянин, имея хороших волов, вспахивал парой волов от 25 до 30 уврат в день, бедный крестьянин, вынужденный пахать на корове или загнанных волах, вспахивал не более 10—12 уврат⁵³.

Наряду с общей отсталостью хозяйства более интенсивному развитию капитализма в Южной Болгарии мешали пережитки феодальных отношений, ликвидация которых затянулась вплоть до XX в. Например, в Бургасской околии местное население осталось без земли, находясь попрежнему в полуфеодальной зависимости от своего владельца. В этой околии шесть-семь сел находились на земле константинопольского банкира Зарифи. Крестьяне этих сел не имели «ни клочка земли» и работали как «рабы» на землях турецкого помещика⁵⁴. Зарифи соглашался продать свою землю при условии, что в течение 6 лет крестьяне выплатят ему 30 тыс. турецких лир при 6% годовых и что поручителем в этой сделке будет румелийское правительство. Правительство не смогло согласиться на это ввиду высокой цены и короткого срока выплаты⁵⁵.

К остаткам феодализма следует отнести и натуральную аренду. Многие из владельцев чифликов и представителей сельской буржуазии сдавали свою землю в аренду «исполу», получая при этом половину урожая; применялась также аренда и из одной трети. Около Старой Загоры урожай делился еще в снопах, в других местах — после молотбы⁵⁶. Оплата

⁴⁹ К. Иречек. Указ. соч., т. II, стр. 183.

⁵⁰ „Марица“, 13.X. 1881.

⁵¹ „Марица“, 24.VII. 1881.

⁵² „Марица“, 17.V. 1883.

⁵³ „Марица“, 22.IV. 1884.

⁵⁴ „Марица“, 28.I. 1884.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ К. Иречек. Указ. соч., т. I, стр. 226.

сельскохозяйственных рабочих, как отмечалось выше, носила полунатуральный характер. Крупное землевладение не было полностью ликвидировано, превращение вакуфов (церковных земель) в частную собственность (санкционированное Органическим статутом) всячески тормозилось Турцией.

Однако все это не могло заслонить того факта, что, несмотря на общую отсталость хозяйства и остатки феодализма, в Южной Болгарии, как и в Северной, происходило все углубляющееся развитие капиталистических отношений. В южноболгарской деревне были налицо несомненные черты капиталистической системы: разложение крестьянства, применение наемного труда, улучшение сельскохозяйственной техники (введение машин, открытие сельскохозяйственной школы и т. п.), рост торгового земледелия, специализация земледелия и т. д.

Развитие капитализма происходило и в южноболгарских городах. К моменту освобождения Болгарии от турецкого ига болгарская промышленность в основном не выходила за рамки ремесленного и мануфактурного производства, в стране имелись лишь отдельные фабрики. Переход к промышленному капитализму в Южной Болгарии в 80-х годах XIX в. совершался медленно. Одним из основных моментов, задерживавших развитие экономики юга Болгарии (как и всей страны в целом), была конкуренция западноевропейских промышленных товаров, вызвавшая упадок местных ремесел и мануфактур. На Южную Болгарию как на часть территории Турции распространялся режим капитуляций. Западноевропейские товары наводнили страну; ввозились как предметы роскоши, так и предметы широкого потребления. Оживление городской жизни, создание собственной бюрократии вызвали к жизни новые потребности. Местные товары ни по цене, ни по качеству не могли конкурировать с товарами западноевропейских стран.

В статье «Наше экономическое положение» газета «Земледелец» отмечала, что упадок восточнорумелийской торговли и индустрии наступил главным образом с того момента, когда в области появились английские, немецкие и французские товары⁵⁷. В плачевном состоянии находились «не только Сопот, где сотни семей остаются без занятий; в том же положении находятся Сливен, Карлово, Калофер, Клисуря, Копривштица, Котел и др. Эти небольшие центры нашей промышленности находятся в настоящее время в далеко не завидном положении»⁵⁸.

Основным занятием в Сопоте, Карлово и Калофере было прядение шерстяной пряжи и изготовление из нее гайтана (шнура для одежды).

«Долгие времена бедное население Карлово, Сопота, Калофера и некоторых ближайших сел Сремской околии занималось изготовлением шерстяной пряжи, из которой гайтанджии делали гайтан, расхившийся довольно широко по Балканскому полуострову и торговля которым приносила достаточно хороший доход населению... Изготовление пряжи шло таким образом: люди более богатые покупали шерсть, изготовляли пряжу и продавали ее торговцам, а более бедные брали шерсть у гайтанджиев, изготовляли пряжу и за эту работу им платили. Это были беднейшие классы населения...»⁵⁹.

Конкуренция европейской и главным образом английской пряжи была одной из важнейших причин упадка прядения и торговли гайтаном в названных городах⁶⁰.

⁵⁷ См. газ. „Марица“, 22.II. 1883.

⁵⁸ „Марица“, 5.III. 1883.

⁵⁹ „Марица“, 8.IV. 1883.

⁶⁰ „Марица“, 22.I. 1885.

Упадок местных ремесел в результате конкуренции европейской пряжи вызвал волнение среди прядильщиц и ткачих Сопота, Колофера и Карлово. «Бунт» начался в Сопоте. По официальным данным, 7 марта 1883 г. толпа женщин напала на телегу с европейской пряжей, принадлежавшей сопотскому торговцу гайтаном Илье Мангырову. Напавшие часть пряжи сожгли, часть выбросили в реку. Затем они направились к дому Мангыров и его сын несколько раз выстрелил в толпу. Одна женщина была легко ранена в голову. Местные власти арестовали и отправили в г. Карлово около 30 женщин. 8 марта прошло спокойно, но 9 марта, когда сопотские женщины пришли требовать освобождения арестованных, к ним присоединились женщины Карлово. Они волновались и хотели вместе напасть и на других торговцев, имевших европейскую пряжу⁶¹. «Если сведения наши верны, — писала «Марица», — искра женской бури перебросилась в Калофер и местные прядильщицы и ткачихи вооружились прялками и веретенами против употребления европейских товаров»⁶².

Волнение в названных городах вызвало тревогу у румелийского правительства, и оно запретило ввоз иностранной пряжи в Сопот, Карлово и Калофер. Это в свою очередь вызвало жалобы торговцев гайтаном в Карлово. Правительство создало специальную комиссию для изучения положения производства гайтана и торговли им в Карлово. 22 января 1885 г. газета «Марица» опубликовала рапорт комиссии, в котором отмечалось, что торговля гайтаном в Карлово находится в полном застое. Застой, увеличившийся особенно в последние 3—4 месяца, охватил не только Карлово, но и Калофер и Сопот. В рапорте указывалось, что у торговцев в этих городах имеется значительное количество гайтана, который не находит сбыта даже и по пониженной цене, так как нет спроса. Застой в гайтанджийской торговле пагубно влиял и на положение прядильщиц. Последние не находили работы даже за самую низкую плату. Дальнейший застой в торговле гайтаном, а вместе с тем и в прядении (единственном занятии значительной части населения городов Карлово, Калофер и Сопот) мог привести к тяжелому кризису. Согласно официальным источникам, из Карлово в 1883 г. было вывезено 142 тыс. ок гайтана, а в 1884 г. — всего 126 тыс. ок. Цена гайтана значительно упала: с 60 грошей за оку в 1883 г. до 47 грошей за оку в 1884 г. Подобный упадок вывоза, а также и цен наблюдался и в городах Калофере и Сопоте. С некоторого времени такие главные потребители гайтана, как Босния, Македония, Анатолия и Сербия, начали вывозить гайтан из Габрово и других мест, где он изготовлялся из заграничной пряжи, которая была дешевле местной и значительно лучше ее по качеству. Лучшим средством для преодоления этого застоя комиссия считала улучшение машин для прядения и снятие запрета на ввоз иностранной пряжи, что приносило большой вред торговле⁶³.

Упадок производства гайтана вызывался не только конкуренцией европейской пряжи и изготавливаемого из нее гайтана, но и ввозом европейских товаров, распространением европейского костюма и т. п. Комиссия отмечала в рапорте, что гайтан не находит спроса, так как население начало носить одежду без гайтана.

Упадок местных ремесел и мануфактур усугублялся наличием таможенного барьера, установленного между Южной и Северной Болгарией.

⁶¹ „Марица“, 1.IV. 1883.

⁶² „Марица“, 15.III. 1883.

⁶³ „Марица“, 22.I. 1885.

Установление таможенной границы, нарушившей экономическое единство нации, препятствовало нормальному развитию национальной экономики. Создание двойного ряда таможен — на границе Болгарского княжества и на границе Восточной Румелии — подорвало многолетние экономические связи, существовавшие между обеими частями страны, усилило упадок ряда местных ремесел и мануфактур и нанесло тяжелый удар целым районам по обе стороны Балканского хребта, производившим до того постоянный обмен товарами⁶⁴. «Эти китайские стены, — писала газета «Средец», — убийственны для развития торговли, развития народной промышленности как в Болгарии, так и в области»⁶⁵.

До войны сырье (шерсть) для таких развитых видов мануфактур, как гайтанджийство, производство абы и шаека (виды сукна), шло главным образом из Северной Болгарии. Введение пошлин на все товары, ввозимые в Восточную Румелию и вывозимые в княжество, в том числе и на шерсть, сильно подняло цену на сукно местного производства, гайтан и другие изделия из шерсти, что вело к понижению спроса на них.

Владельцы мануфактур, население, занятое в подсобном производстве (изготовление на дому пряжи для гайдана и т. п.), с самого начала установления таможенной границы стали обращаться к правительству с просьбами об отмене пошлин. Жители Сливена подали прошение Постоянному комитету об отмене пошлин на шерсть, которая шла к ним из-за Балканского хребта и переработкой которой в абу и шаек они занимались. До войны шерстяные изделия сливенских ремесленников расходились по всей Болгарии, Добрудже, Боснии, попадали в Малую Азию.

Теперь за ввозимую из Болгарии шерсть для изготовления сукон приходилось платить пошлину: при вывозе готового товара в Болгарию снова взималась пошлина. «При таких обстоятельствах, — спрашивали сливенцы, — можем ли мы конкурировать с иностранцами?». Поэтому они просили Постоянный комитет о снятии пошлин с ввозимой из княжества шерсти и просили также ходатайствовать перед правительством княжества о снятии пошлин с вывозимой из Румелии готовой продукции⁶⁶.

В г. Котеле до войны тоже было развито изготовление абы и шаека. Установление таможенной границы настолько подорвало производство, что многие жители покидали город и переселялись в Пазарджик, Балчик, Каварну, а также в села Добруджи⁶⁷. Это привело к упадку города: население Котела сократилось с 7481 человека в 1880 г. до 6010 человек в 1885 г.⁶⁸

Просьбу об отмене пошлин на шерсть подали также жители Карлово, Калофера, Сопота и окрестных сел, бывших центрами гайтанджийства в Южной Болгарии⁶⁹. В результате европейской конкуренции, наличия таможенной границы мелкие ремесленники в Южной Болгарии (как и в Северной) разорялись. Например, в 1875 г. в Казанлыке имелось до 20 мыловаренных мастерских, изготавливавших до 20 тыс. ок мыла и до 28 тыс. ок свечей. К 1885 г. производство мыла упало до 13 тыс., а свечей до 1 тыс. ок. Абаджийских мануфактур было до войны 20, в «румелийский» период — 16; число сапожных мастерских упало с 50 до 20⁷⁰. Такая же картина наблюдалась и в других городах.

⁶⁴ „Марица“, 6.VI. 1882.

⁶⁵ „Средец“, 9.VI. 1884.

⁶⁶ „Марица“, 21.IV. 1881.

⁶⁷ „Марица“, 9.IX. 1880.

⁶⁸ Официална статистика на источно-румелийското население. Пловдив, 1880. Fr. Vattenberg. Die volkswirtschaftlichen Entwicklung Bulgarien. Leipzig, 1890, S. 21.

⁶⁹ „Марица“, 3.IV. 1881.

⁷⁰ Ж. Натан. Икономическа история на България след освобождението. София, 1938, стр. 50.

Но наряду с упадком некоторых ремесел и мануфактур в Южной Болгарии постепенно начинали развиваться новые отрасли, такие, как производство спирта, пива, обработка табака и т. п. В обрабатывающей промышленности мануфактуру все больше вытесняла фабрика.

В 1879 г. в «Марице» появилось объявление, что в Пловдиве начала работать табачная фабрика⁷¹. В декабре 1881 г. владельцы открываемого в г. Станимаке спиртового завода (изготавливавшего спирт из зерновых продуктов) подали в Постоянный комитет просьбу об освобождении на несколько лет от налогов⁷². В Сливене, кроме казенной фабрики сукои, существовавшей еще до русско-турецкой войны, в 1880 г. была открыта частная фабрика неких Сыроиванова, Кювлиева и Поповича; в 1888 г. была открыта вторая фабрика (в 1887, 1888, 1889 и 1890 гг. в Сливене были основаны и другие фабрики)⁷³.

В докладе пловдивского префекта за 1883 г. говорилось о недавнем открытии в округе трех спиртовых заводов и одной паровой мельницы («фабрика за брашно») ⁷⁴. В докладе того же префекта за 1884 г., кроме упомянутых трех заводов и паровой мельницы, мы встречаем данные о двух пивоваренных заводах, одном мыловаренном («за европейски сапун») и трех шерстопрядильных фабрик («за влачене вълна») ⁷⁵.

К сожалению, мы не имеем данных по другим департаментам, но можно с уверенностью предполагать, что отдельные фабрики возникали и в других районах Южной Болгарии. Наряду с развитием фабричной индустрии зарождался и промышленный пролетариат.

Южноболгарская буржуазия в погоне за прибылями стремилась к развитию промышленности. «Что касается нас, — писали предприниматели на страницах местных газет, — то мы будем требовать, как требовали и требуют еще многие: индустрия! индустрия! и опять индустрия! Дайте нам технологов, дайте нам мастеров, дайте нам фабрики и тогда и земледелие поднимется... и торговля оживится» ⁷⁶.

Буржуазия жаловалась, что Берлинский трактат лишил Южную Болгарию возможности вести протекционистскую политику, навязав ей режим турецких капитуляций⁷⁷. А пока буржуазия использовала все возможные средства для поднятия местной промышленности. Открытием «практических курсов», выделением правительственных стипендий для обучения молодежи за границей она стремилась создать кадры технически обученных людей.

В бюджете области на 1883 г. была предусмотрена сумма в 40 тыс. грошей на открытие «практических курсов» по ткачеству, прядению, крашению и т. д. на правительственной сукноткацкой фабрике в Сливене⁷⁸. Областное собрание отпустило 2 тыс. турецких лир на открытие технического училища⁷⁹.

В 1885 г. Старозагорский Главный совет принял решение об открытии следующих курсов: по обработке железа — в Старой Загоре, по обработке

⁷¹ „Марица“, 11. IX. 1879.

⁷² Дневници на Постояний Комитет за 1881—1884 години. Скратени протоколи. София, 1890, стр. 28.

⁷³ Д. Мишайков. Вълнени текстилни фабрики. Списание на Българско Икономич. Дружество, год VII, кн. 7.

⁷⁴ „Марица“, 23. IX. 1883.

⁷⁵ „Марица“, 18. IX. 1884.

⁷⁶ „Марица“, 25. X. 1883.

⁷⁷ „Марица“, 7. V. 1885.

⁷⁸ Дневници на Постояний Комитет, кн. 3, стр. 245.

⁷⁹ Дневници на Обл. Събр. от 5 р. с., стр. 765, 887, 948.

дерева — в Казанлыке, по крашению — в Чирпане и ткачеству — в Новой Загоре⁸⁰.

В 1884 г. было открыто областное ремесленное училище⁸¹. Ликвидировались повреждения, причиненные войной; заново отстраивались разрушенные города (например, Старая Загора). В стране строили и ремонтировали дороги и шоссе, возводили и поправляли мосты⁸².

О развитии капитализма в Южной Болгарии в 80-е годы XIX в. говорит и рост городского населения. «Самым наглядным выражением рассматриваемого процесса (развития капитализма. — К. С.), — писал В. И. Ленин, — является рост городов. . . Население городов, представляющих из себя крупные индустриальные и торговые центры, растет гораздо быстрее, чем население городов вообще»⁸³.

Таблица 2

Статистические данные⁸⁴ для Восточной Румелии наглядно подтверждают это положение (табл. 2).

Город	Количество населения	
	по переписи 1880 г.	по переписи 1885 г.
Пловдив	24053	33442
Сливен	16593	20248
Татар-Пазарджик	14380	15425
Старая Загора	13279	15258
Хасково	11790	13797
Чирпан	10477	11573
Станимак	9425	11784
Ямбол	8463	10771
Панагюриште	8426	8510
Казанлык	7636	9469
Котел	7481	6010
Каваклий	4274	5039
Бургас	2950	5865

Таблица свидетельствует о значительном росте населения Пловдива, главного города области, важного торгового и промышленного центра, а также таких крупных городов, как Сливен, Татар-Пазарджик, Старая Загора, Хасково и др. Население Бургаса, важнейшего порта Южной Болгарии, возросло более чем в 2 раза.

Известную роль в увеличении городского населения играло и создание большого управленческого аппарата в таких административных центрах области, как Пловдив, Сливен, Старая Загора, Пазарджик и др. Об оживлении городской жизни в Болгарии после русско-турецкой войны говорят и болгарские историки, например Станев⁸⁵. Таким образом, в южноболгарском городе, несмотря на неблагоприятные условия, хотя и медленно, но шло развитие капиталистических отношений.

Большое значение в экономике Южной Болгарии имели торговые связи с княжеством. Торговля между Южной и Северной Болгарией велась главным образом по двум дорогам: по дороге через Ихтиман и по дороге, идущей по равнинам Старой Планины от Карлово на Златицу и оттуда к Софии. Последняя дорога являлась кратчайшим путем из Софии в Карлово, Калофер, Казанлык, а также и в города, находившиеся по другую сторону Балканского хребта, — Троян, Габрово и др.⁸⁶. Основными предметами вывоза Южной Болгарии в Северную были вино, водка, табак, строительные материалы, гайтан, шелк и соль. Болгарское же княжество

⁸⁰ А. Илиев. Спомени. София, 1926, стр. 257.

⁸¹ М. Маджаров. Източна Румелия. София, 1925, стр. 343—350.

⁸² Дневници на Обл. Събр. от 2 р. с., стр. 162—163; от 4 р. с., стр. 520—526.

⁸³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 489—490.

⁸⁴ Официална статистика на источно-румелийското население. Fr. Battenberg. Op. cit., p. 21.

⁸⁵ Н. Станев. История на Нова България. София, 1942.

⁸⁶ „Марица“, 25. I. 1884.

ввозило в область мелкий и крупный скот, шерсть, сыр, масло и другие продукты животноводства⁸⁷.

По объему ввоза и вывоза в 1882 г. первое место в румелийской внешней торговле занимало Болгарское княжество (табл. 3)⁸⁸.

Совершенно очевидно, что Болгарское княжество было важным рынком сбыта для Южной Болгарии, как в свою очередь и последняя для него.

С самого начала установления таможенной границы пограничные города как в Южной Болгарии, так и в Болгарском княжестве начали обра-

Таблица 3

	Ввоз (в млн. грошей)	Вывоз (в млн. грошей)
Болгария	25,99	18,63
Турция	3,69	30,57
Россия	1,81	0,55
Сербия	1,52	0,94
Румыния	0,58	0,88
Австрия	0,48	0,38
Франция	0,44	9,67
Англия	0,04	1,24
Италия	0,02	—
Греция	—	0,07

щаться к своим правительствам с просьбой освободить от пошлин хотя бы наиболее важные товары местного производства. Например, в районе г. Котела, расположенного среди гор, неподалеку от болгарской границы, население не занималось земледелием. Почти все продукты ввозились в Котел с севера, т. е. из сел, которые по Берлинскому трактату отошли к княжеству. Установление пошлин на ввозимые из княжества продукты вызвало

резкое увеличение цен на них. Областное собрание, учитывая просьбы жителей, издало указ об отмене пошлин на зерно и муку. Однако жители Котела просили еще снять пошлины с таких продуктов, как чечевица, рожь и ячмень, которые покупало бедное население, а также с фуража для скота. Самое же лучшее, отмечала газета «Марица», — это отменить пошлины по всей границе на товары местного происхождения, ввозимые из Северной Болгарии. То же должно сделать и княжество⁸⁹.

Таможенная граница подрывала джелепчийство (торговлю крупным и мелким скотом)⁹⁰. Одной из причин, способствовавших упадку этого промысла, был так называемый «повторный беглик» на овец. При перегонке купленных овец из Северной Болгарии в Южную торговцы на границе княжества должны были платить беглик, на румелийской границе — второй беглик. Следует еще заметить, что джелепчии имели большие пастбища как в Северной, так и в Южной Болгарии. На зиму скот угонялся к югу, а летом вновь возвращался на пастбища Северной Болгарии, и по существующим законам джелепчии должны были платить беглик и Румелии и Болгарскому княжеству столько раз, сколько раз они перегоняли скот⁹¹.

Правительства княжества и Восточной Румелии, стремясь ослабить губительное действие таможенной границы, отменяли (в нарушение постановлений Берлинского трактата) пошлины на ряд товаров местного происхождения. До декабря 1879 г. румелийское правительство пропускало без пошлин все товары, идущие из княжества. Но с декабря 1879 г. директор финансов Шмидт, основываясь на 195 статье Органического статута,

⁸⁷ „Марица“, 21.VIII. 1884.

⁸⁸ Статистически сведения на дирекцията на финансите на Источна Румелия. Пловдив, 1883. Fr. Battenberg. Op. cit., p. 126.

⁸⁹ „Марица“, 8.II. 1880.

⁹⁰ Напомним, что одной из основных статей болгарского импорта в Восточную Румелию был скот.

⁹¹ „Отечество“, 10.III. 1884.

приказал взимать пошлины со всех товаров, поступавших из княжества. Княжеское правительство ответило тем же. Однако, учитывая жалобы населения, Областное собрание в ноябре 1880 г. постановило не брать пошлин с зерновых продуктов, ввозимых из княжества. В июне 1881 г. был издан указ о снятии пошлин с ввозимой из княжества шерсти. В октябре 1881 г. в Болгарском княжестве был издан указ о снятии пошлин со всех южноболгарских товаров, за исключением вина, водки, табака и соли. При этом областному правительству было поставлено условие об издании подобного же постановления. Между двумя правительствами возникли трения, так как основные статьи ввоза были различными для обеих сторон. Постоянный комитет в марте 1882 г. принял решение о снятии пошлин со всех товаров, ввозимых из княжества, за исключением вина, табака, соли и скота. Последний пункт вызвал недовольство в княжестве. Переговоры затянулись. С июля 1884 г. правительство Болгарского княжества решило брать пошлину со всех румелийских товаров⁹². Лишь в сентябре 1884 г. оба правительства пришли к взаимному соглашению освободить от пошлин все товары местного производства, за исключением соли и табака. За спирт и водку должен был взиматься только «акциз»⁹³.

Однако частичное восстановление экономических связей не уничтожило тяжелых последствий раздела страны. Многочисленные протесты, поступавшие со всех сторон, показывали, что искусственное нарушение экономического единства нации препятствовало дальнейшему хозяйственному прогрессу болгарского народа. С каждым годом все больше чувствовался вред, наносимый национальной экономике разделом страны. Поэтому болгарская буржуазия (юга и севера страны), стремясь к объединению национального рынка, активно выступала за воссоединение Южной Болгарии с Северной.

* * *

Интересные данные относительно характера социально-экономического развития Южной Болгарии в 1879—1885 гг. дает анализ законодательной деятельности Областного собрания Восточной Румелии.

В первую очередь Областное собрание обратило внимание на урегулирование земельных отношений, на снятие феодальных ограничений, превращение всей земельной собственности в свободную буржуазную собственность.

Органический статут предусматривал превращение вакуфных земель в частную собственность⁹⁴.

На основании соответствующих статей Статута на рассмотрение 3-й очередной сессии Областного собрания (октябрь—декабрь 1881 г.) был представлен «Законопроект о превращении в свободную собственность недвижимого имущества вакуфов». В законопроекте указывалось, что все земли и другое недвижимое имущество вакуфов превращаются в частную собственность настоящих законных их держателей или имеющих право на эту собственность после исполнения ряда формальностей, предусмотренных законом (ст. 1-я).

Уничтожались все «вакуфские и помещичьи права и обязанности», которые лежали на землях и другом недвижимом имуществе вакуфов (ст. 2-я). Все земли и другое недвижимое имущество, которое непосредственно использовали сами вакуфы, оставались их собственностью (ст. 3-я), остальные же становились частной собственностью настоящих

⁹² „Марица“, 21.VIII. 1884.

⁹³ „Марица“, 21.IX. 1884.

⁹⁴ Органический статут на источната Румелия. Пловдив, 1879, гл. 14.

их держателей за соответствующий выкуп вакуфам, предусмотренный законом (ст. 9-я).

По характеру выкупа все недвижимое имущество вакуфов подразделялось на две категории: 1) приусадебные земли, зависевшие от одного или больше вакуфов; 2) вакуфные земли, обрабатываемые и необрабатываемые. К ним относились виноградники, сады, огороды, луга, пашни и т. д. (ст. 10-я).

Земли первой категории освобождались от ежегодной арендной платы; сумма выкупа равнялась 10-кратной годовой арендной плате. Эти суммы выплачивали держатели вакуфных земель. За отмену выморочного права («махлюл») и т. п. правовых категорий компенсацию вакуфам выплачивало правительство (ст. 11-я). Земли второй категории подразделялись на три вида: 1) земли, держатели которых до войны платили десятину не правительству, а специальным представителям вакуфов — мютевеллиям; 2) земли, держатели которых ежегодно платили вакуфам, от которых они зависели, определенную арендную плату; 3) земли, держатели которых платили десятину непосредственно правительству Порты (ст. 15-я).

В качестве выкупа держатели этих земель должны были выплатить следующие суммы: за земли первого вида уплачивалась в десятикратном размере средняя величина взимавшейся десятины за 5 лет: 1873, 1874, 1875, 1879 и 1880 гг.; за земли второго вида взималась сумма, равная 10-кратной годовой арендной плате (ст. 16-я, 18-я).

Выплата сумм вакуфам за освобождение от арендной платы и от десятины производилась держателями земель и другого недвижимого имущества через областные казначейства. Выкуп за освобождение земель и недвижимого имущества вакуфов, превращаемых в свободную собственность, от выморочного права и т. п. феодальных прав выплачивали областные казначейства, т. е. правительство.

Компенсацию за освобождение от феодальных повинностей держателей земель третьего вида выплачивало областное казначейство (4-я сессия Областного собрания определила эту сумму в 30 тыс. турецких лир).

Для описи вакуфского недвижимого имущества законопроект предусматривал создание в каждом округе специальной комиссии, состоящей из чиновника местного финансового управления, председателя и двух членов, христианина и мусульманина (ст. 25-я). Министерство вакуфов при турецком правительстве могло назначить, по приглашению румелийского правительства, своего поверенного в каждый округ.

Срок выплаты выкупов определялся в 19 лет при 12% годовых (ст. 30-я), так, например, если необходимо было выплатить 100 грошей, то ежегодно должно было вноситься 120 грошей. Должник в конце концов вместо 1000 грошей должен был за 19 лет выплатить 2280 грошей, т. е. сумму, более чем в 2 раза превосходящую его действительный долг.

Срок выплаты областными казначействами выкупа вакуфам тоже определялся в 19 лет (ст. 43-я), при погашении ежегодно $\frac{1}{19}$ всей суммы выкупа. Срок начала выплаты определялся 15 мая 1879 г., т. е. с начала официального существования Восточной Румелии.

Держатели вакуфных земель, желавшие погасить свою задолженность сразу, должны были заявить об этом в течение 61 дня после соответствующего объявления вакуфной комиссии.

Законопроект о превращении недвижимого имущества вакуфов был принят большинством Областного собрания (из 52 депутатов за законопроект голосовало 32)⁹⁵.

⁹⁵ Дневници на Обл. Събр. от 3 р. с., стр. 568—597, 600—601.

Порта не утвердила законопроект и потребовала его переработки в вакуфной комиссии. 4-я сессия Областного собрания (октябрь—декабрь 1882 г.) вновь рассмотрела законопроект об имуществе вакуфов, не внося в него существенных изменений. Собрание вновь приняло названный законопроект; голосовали за него все присутствовавшие депутаты (32 чел.)⁹⁶.

К сожалению, у нас нет сведений, был ли проведен в жизнь принятый законопроект. Но очевидно, что еще до обсуждения его в Областном собрании правительство начало освобождать держателей вакуфных земель от лежавших на них феодальных повинностей. Говорить об этом нам позволяет следующее: при разборе в Областном собрании упомянутого законопроекта по статьям, при рассмотрении ст. 16-й о выкупе вакуфам, депутат Матакиев спросил, действительно ли в некоторых случаях правительство, выплачивая выкуп вакуфам, удерживало в свою пользу до $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$ суммы. Предусматривает ли подобное правило упомянутый закон? Матакиеву ответили, что законопроект подобного порядка вещей не имеет в виду⁹⁷.

Рассмотренный законопроект носил буржуазно-ограниченный характер: земля не конфисковывалась у вакуфов, а передавалась крестьянам за выкуп. Данный законопроект был выгоден главным образом сельской буржуазии. Действительно, какой крестьянин, кроме зажиточного, мог воспользоваться правом выплаты всего выкупа сразу, без рассрочки. Основная масса южноболгарского крестьянства, задавленная нуждой, тяжелыми налогами и долгами ростовщикам, не могла и думать об этом. Она должна была в течение многих лет выплачивать чудовищные проценты за землю, политую потом многих поколений.

Большое внимание было уделено упорядочению кредита. 5-я очередная сессия Областного собрания (10 октября — 10 декабря 1883 г.) рассмотрела законопроект о привилегиях и ипотеках. Закон предусматривал создание ипотечного кредита. Закладываемое имущество должно было вноситься в специальные ипотечные книги. Ипотечный кредит под закладываемую землю давался сроком на 15 лет. По желанию земледельца срок ипотеки мог быть продлен (ст. 41-я). Желаящий получить ипотечный кредит должен был представить поручителя.

Выплата ипотечного долга предусматривалась в определенные сроки, причем должник должен был заранее получить уведомление о времени выплаты долга (ст. 51-я). В случае неуплаты ипотечного долга поручитель («ипотечный веритель») мог потребовать продажи с молотка заложенного имущества.

Закон предусматривал создание временных ипотечных книг, пока не будут составлены специальные поземельные книги (ст. 83-я). Временные ипотечные книги должны были находиться при каждом окружном (околийском) суде (ст. 97-я).

Рассмотренный законопроект был принят большинством присутствовавших депутатов⁹⁸.

Принятие указанного законопроекта было не случайным: прежде всего, закон об ипотеках предусматривался Органическим статутом. Кроме того, с каждым годом росла потребность крепнувшей сельской буржуазии в капитале. Сельская буржуазия нуждалась в кредитах для улучшения и развития своего хозяйства, и в ее интересах было скорейшее проведение

⁹⁶ Дневници на Обл. Събр. от 4 р. с., стр. 658—663.

⁹⁷ Дневници на Обл. Събр. от 6 р. с., стр. 577.

⁹⁸ Дневници на Обл. Събр. от 5 р. с., стр. 653—682.

законопроекта в жизнь. Однако Порта не утвердила законопроекта об ипотечках.

«Марица» выражала возмущение по этому поводу и писала следующее: «Известно каждому, что у нас доверие, основанное на недвижимом имуществе, ничтожно. Крестьянин, имеющий 500 увр. земли, не может сделать заем даже в 50 турецких лир, если не даст самое меньшее 12% годовых и не найдет солидного поручителя. Все равно как человек, не имеющий никакого имущества... Величайшим злом для нашего крестьянина является то, что он не может найти кредита на основании своего недвижимого имущества». Такое положение газета находила «чудовищным», «ненормальным» и указывала на настоятельную необходимость принять закон об ипотечном кредите⁹⁹. Совершенно ясно, что буржуазная газета выступала в защиту интересов прежде всего зажиточных крестьян, имевших по 500 уврат земли.

Законопроект об ипотечках был вновь рассмотрен специальной комиссией и без всякого изменения передан на утверждение 6-й очередной сессии под названием «законопроекта об ипотечках». Законопроект был принят единогласно¹⁰⁰.

Областное собрание также рассмотрело и приняло законопроект о временных ипотечных книгах¹⁰¹.

В конце 4-й очередной сессии было внесено предложение, чтобы правительство и Постоянный Комитет разработали и подготовили законопроект об учреждении Областного банка. «Открытие банка, центра капиталов, — говорили депутаты, — послужит толчком к повышению производительности, к развитию торговли, индустрии и пр.»¹⁰².

5-я очередная сессия Областного собрания уполномочила правительство Восточной Румелии начать переговоры об основании сельскохозяйственного банка, дающего денежные суммы в долг владельцам недвижимого имущества, и обязала его представить соответствующий законопроект на утверждение ближайшей сессии Областного собрания, опубликовав за два месяца до сессии этот законопроект¹⁰³.

Однако законопроект о создании сельскохозяйственного банка в Восточной Румелии не был подготовлен в срок. Депутаты высказывали недовольство такой медлительностью. Правительство отвечало, что оно готовит законопроект, но окончательно разработать его сможет лишь после принятия законопроекта об ипотечных книгах¹⁰⁴, т. е. дело откладывалось до следующей сессии, которая не состоялась вследствие событий в сентябре 1885 г. 6-я сессия завершала таким образом деятельность Областного собрания.

К законопроектам, связанным с желанием буржуазных кругов упорядочить положение с кредитом в стране, принадлежали и законопроекты о земледельческих кассах. Они имели довольно продолжительную историю. 3-я очередная сессия Областного собрания рассмотрела и приняла законопроект о земледельческих кассах. В главе первой, говорящей о целях создания касс, указывалось: «Земледельческие кассы создаются для предоставления денежных займов тем земледельцам, которые нуждаются в улучшении своего хозяйства или обработки своей земли» (ст. 1-я).

⁹⁹ «Марица», 16.Х. 1884.

¹⁰⁰ Дневници на Обл. Събр. от 6 р. с., стр. 62, 81—91, 99.

¹⁰¹ Там же, стр. 256, 262—281.

¹⁰² Дневници на Обл. Събр. от 4 р. с., стр. 773.

¹⁰³ Дневници на Обл. Събр. от 5 р. с., стр. 955.

¹⁰⁴ Дневници на Обл. Събр. от 6 р. с., стр. 105—107.

В главе второй говорилось, что капитал сельскохозяйственных касс будет состояться из ежегодных взносов крестьян в размере 5% от суммы их поземельного налога. Вновь учреждаемым кассам будут переданы капиталы существовавших ранее сельскохозяйственных касс, имеющиеся в наличности и в доказанных долгах (ст. 2-я). Деньги из касс могли брать крестьяне только тех общин, которые делали необходимые ежегодные взносы (ст. 26-я). Размер займа, выдаваемого кассами, не должен был превышать 5 тыс. грошей (ст. 28-я).

В статье 29-й предложенного законопроекта указывалось, что крестьяне, обращающиеся в кассы за деньгами, должны представлять в качестве залога недвижимое имущество, стоимость которого равнялась бы двойной сумме займа. Эта статья вызвала оживленные прения в Областном собрании.

Комиссия (Наумов и др.), которая предварительно рассматривала этот законопроект, внесенный правительством, предлагала вдвое уменьшить требуемый залог.

Часть депутатов (Юруков, Караджов) поддерживали правительственную редакцию.

Величков предлагал вовсе уничтожить залог, чтобы сделать сельскохозяйственные кассы действительно доступными для бедных крестьян, составлявших большинство населения. «Те крестьяне, — говорил он, — которым нужно помочь мелкими суммами, имеют мало земли, и они представляют большинство в нашей стране. В некоторых селах не бывает более 25 человек, имеющих до 30 увр. земли; остальные имеют самое большое по 15 увр. Если от них потребовать залог в двойную стоимость займа, то что произойдет из этого?»¹⁰⁵

Ив. Ев. Гешов, представитель крупной буржуазии, возражая против предложения комиссии установить сумму залога, равную займу, заявлял: «Если пропустим нечто подобное в наш закон, то я вас уверяю, что мы откроем двери быстрому разорению сельскохозяйственных касс. Я симпатизирую беднякам, но для пользы бедного населения можно действовать, имея больше капиталов...»¹⁰⁶

Поэтому он настаивал на предложении правительства. Большинство голосов Областное собрание приняло правительственную редакцию 29-й статьи.

Деньги сельскохозяйственными кассами выдавались не менее чем на 3 месяца и не более чем на 4 года, не выше чем под 8% в год (ст. 30-я).

В случае неуплаты долга временно накладывался арест на имущество должника. Если и в таком случае долг не выплачивался, имущество продавалось (ст. 39-я)¹⁰⁷.

Если мы проанализируем принятый законопроект, то увидим, что он был принят в интересах сельской буржуазии.

Бедный крестьянин не мог пользоваться сельскохозяйственными кассами из-за слишком высокого залога. В защиту бедного крестьянина в Областном собрании раздавался лишь голос депутата Велиčkова. Такие буржуа, как Ив. Ев. Гешов, находили, что заниматься «благотворительностью» правительство не должно.

Газета «Марица», орган «народной» партии, приветствовала принятый законопроект: «Закон о сельскохозяйственных кредитных кассах, опубликованный нами сегодня, является важнейшим из всей предшествующей

¹⁰⁵ Дневници на Обл. Събр. от 3 р. с., стр. 401.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Дневници на Обл. Събр. от 3 р. с., стр. 383—415.

законодательной деятельности Областного собрания. Он важен потому, что придет на помощь огромной массе населения нашей страны, являющейся основным производителем материальных богатств области. Со времени освобождения было принято много законов, обнародовано бесчисленное количество постановлений; но не было ни одного законодательного постановления, которое облегчило бы положение и расширило бы тесный круг действий наших крестьян. Этим нашим трудолюбивым пчелам, кредит, этот могучий двигатель всякого экономического развития, был известен только в виде отвратительных ростовщиков, которые в ненасытной жажде брали столько, сколько хотели, и грабили, сколько могли. Бедный крестьянин должен был платить от 25 до 50% ростовщикам, чтобы иметь возможность купить волов или необходимое количество семян для посева. При таких условиях возможно ли было расширить запашки, способствовать развитию нашего земледелия и улучшению нашего экономического положения?»¹⁰⁸.

Буржуазная газета, «радуясь», что бедный крестьянин сможет теперь брать деньги не у ростовщиков, а в учреждаемых вновь земледельческих кассах, умалчивала, что по существу принятый закон закрывал двери именно для неимущего и малоимущего крестьянина. Бедному крестьянину было не до расширения запашек и улучшения своего хозяйства; это было под силу лишь сельской буржуазии, чьи интересы и выражала газета, лицемерно прикрываясь «заботой» о бедном крестьянине.

«...Всеми этими кредитами, улучшениями, банками и т. п. «прогрессами», — отмечал В. И. Ленин, — в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при «правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т. е. представитель ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии. И как вы ни реорганизуите крестьянский банк и тому подобные учреждения, вы этим нисколько не затронете того основного и коренного факта, что масса населения экспроприирована и продолжает экспроприироваться, не имея средства даже для того, чтобы прокормить себя, а не то что для заведения правильного хозяйства»¹⁰⁹. Эта характеристика Ленина русской пореформенной деревни в основном приложима и к южноболгарской деревне первой половины 80-х годов.

Порта не санкционировала закона о земледельческих кассах, так как в нем упоминалось (ст. 2-я) о возвращении долгов прежним земледельческим кассам. Турция не утвердила законопроект под давлением бежавших турецких бегов, в руках которых находилось $\frac{3}{4}$ капитала бывших земледельческих касс Южной Болгарии. Тем не менее 4-я очередная сессия Областного собрания вновь приняла законопроект в прежнем виде. Очевидно, положение с земледельческими кассами постепенно упорядочивалось, на это мы имеем указания прессы более поздних лет.

Для образования первоначального капитала земледельческих касс, правительство сделало заем в Софийском банке в сумме 60 тыс. лир¹¹⁰.

На 5-й очередной сессии была принята поправка к законопроекту о земледельческих кассах. Процент был повышен в год с 8 до 12. Внесение подобной поправки мотивировалось недостаточностью капитала касс. Повышение процента должно было повести к увеличению наличных сумм. Выступившие в прениях депутаты указывали, что крестьяне платят по 50% в год и, следовательно, 12% не так уж много. Большинство голосовало за предложенную поправку¹¹¹.

¹⁰⁸ „Марица“, 17.XI. 1881.

¹⁰⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 220—221.

¹¹⁰ Дневници на Обл. Събр. от 5 р. с., стр. 177—178.

¹¹¹ Дневници на Обл. Събр. от 5 р. с., стр. 410—415.

Не менее чем вопрос о земле и кредите буржуазные круги занимал вопрос о повышении сельскохозяйственной техники, сельскохозяйственной культуры. На ряде сессий Областного собрания был рассмотрен законопроект об учреждении в Южной Болгарии сельскохозяйственной школы.

Большое внимание Областным собранием было уделено ремонту и строительству дорог, шоссе и мостов через реки Марицу и Тунджу. Так, 2-я очередная сессия Областного собрания приняла постановление о постройке и поправке 12 дорог к границе с Болгарским княжеством от Сливена через Котел и далее, от Хасково через Старую Загору к Шипке, от Кирджали до Хасково и др.¹¹²

Постоянный комитет отпустил 78 тыс. грошей на постройку трех мостов: двух через Тунджу — у Казанлыка и между Сливеном и Старой Загорой и одного по шоссе от Пловдива на Казанлык¹¹³.

Но особенно интересовал буржуазные круги Южной Болгарии вопрос о постройке новой железнодорожной линии Пловдив — Бургас и благоустройстве в Бургасе порта, не отвечавшего требованиям времени. Дело в том, что существовавшая железнодорожная линия Пловдив — Бургас находилась в руках австро-венгерской компании барона Гирша, которой турецкое правительство передало все права на эксплуатацию этой дороги. Компания Гирша установила очень высокие тарифы за перевозку товаров по своей дороге, особенно на различные зерновые продукты, являвшиеся, как мы знаем, основной статьей южноболгарского экспорта. Железнодорожные тарифы были настолько разорительны, что некоторые торговцы в летнее время пытались перевозить свои товары от Ямбола до Бургаса на волах. Но компания ловко маневрировала: чтобы избежать конкуренции, она несколько снижала в летний период цены на перевозки. Большие расходы, связанные с транспортировкой товаров из глубины страны к морскому порту, затрудняли для болгарских торговцев и землевладельцев конкуренцию на международном рынке. Поэтому вопрос о постройке железнодорожной линии Пловдив — Бургас, параллельной существовавшей, широко рассматривался и в Областном собрании и в печати¹¹⁴. На 1-й очередной сессии Областного собрания (октябрь—декабрь 1879 г.) был предложен законопроект о постройке новой железной дороги. Собрание передало законопроект на изучение Постоянному комитету¹¹⁵. Постоянный комитет первого созыва (1879—1880 г.) выслушал рапорт Быковича и Шмидта о возможностях постройки дороги. В прениях члены комитета отмечали большое значение постройки дороги Пловдив — Бургас для развития индустрии и экономики страны; но в то же время они находили, что поднятый вопрос требует серьезного изучения. Необходимо обследовать места, по которым должна была пройти линия, и решить, кому будет передано строительство дороги — европейской ли, болгарской ли частным компаниям, или строительством займется само правительство¹¹⁶.

Свои услуги в этом отношении румелийскому правительству предлагали какие-то два иностранца-подрядчика, а несколько позднее — франко-австрийская компания «Staatshahgesellschaft»¹¹⁷. Однако дело дальше разговоров не пошло и заглохло на несколько лет.

Вновь на повестке дня вопрос о железных дорогах появился в 1884 г. Это произошло не случайно. Тяжесть высоких тарифов стала особенно

¹¹² Дневники на Обл. Събр. от 2 р. с., стр. 162—163.

¹¹³ Дневники на Постоянный комитет, кн. II, стр. 154.

¹¹⁴ М. Маджаров. Указ. соч., стр. 346—347.

¹¹⁵ Дневники на Обл. Събр. от 1 р. с., стр. 133.

¹¹⁶ Дневники на Постоянный Комитет, кн. I, стр. 77.

¹¹⁷ АВВР, СПб., Главн. арх. VA₂, 1884 г., д. 1006, лл. 163—164.

ощутимой с 1883 г., когда международные рынки начал наводнить дешевый американский хлеб. За один год цены на южноболгарское зерно упали на 30—40%. Потребность снижения расходов диктовалась неумолимым законом конкуренции. Прежде всего необходимо было удешевить транспорт. «Для более крупных землевладельцев, которые платили наемным рабочим и которые вывозили хлеб на рынок, транспортные средства имели большое значение, и землевладельцы волновались при каждом повышении железнодорожных тарифов»¹¹⁸. Торговая и сельская буржуазия искала выхода из создавшегося положения. Спасение видели в постройке намечавшейся ранее железнодорожной линии.

На 6-й очередной сессии Областного собрания вновь был поднят вопрос о постройке железнодорожной линии Бургас—Ямбол, а по возможности и далее (на Сливен и Пловдив). Правительству было предложено как можно быстрее провести изучение места прокладки линии¹¹⁹. «Важнейшим вопросом, из поставленных на очередь для обсуждения в Областном собрании, — писала газета «Соединение», — является вопрос о постройке железной дороги от Бургаса до Ямбола и далее, если это окажется возможным»¹²⁰.

Иностранные дельцы, узнав о предполагаемом строительстве, торопились предложить свои услуги. Русский консул советовал строить дорогу на местные средства. По его мнению, запас частных сбережений был значителен, деньги лежали мертвым грузом, следовало пустить их в дело. Мысль об акционерной компании, исключительно болгарской, воспринималась весьма сочувственно среди буржуазии Южной Болгарии¹²¹.

Несмотря на запрещение Порты, правительство Восточной Румелии ранней весной начало изыскания на участке от Сеймена до Бургаса. Работа быстро продвигалась вперед. Первая бригада, исследовавшая участок между Пловдивом и Старой Загорой, к середине июля уже окончила более половины своего задания; две другие бригады предполагали окончить работы в августе. К предстоящей в конце 1885 г. сессии Областного собрания проект должен был быть окончательно разработан, и Дирекция общественных работ намеревалась внести его на рассмотрение Областного собрания. Проявленная болгарами энергия в попытках освободиться от железнодорожной монополии дала положительный результат: Османское общество железных дорог понизило, хотя и временно, тариф на зерно¹²². Объединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством в сентябре 1885 г. снова надолго отодвинуло этот вопрос на задний план.

Таковы важнейшие моменты законодательной деятельности Областного собрания, дающие возможность понять характер и направленность внутренней политики румелийского правительства. Все рассмотренные законопроекты и вся деятельность Областного собрания сводились к окончательному уничтожению остатков феодальных пут, к ликвидации экономической отсталости страны, созданию условий для свободного развития капитализма и упрочению экономического господства болгарской буржуазии.

Но при этом буржуазия, много говорившая о «народе», фактически очень мало думала о трудящихся Южной Болгарии, основную массу которых составляло крестьянство.

¹¹⁸ М. Маджаров. Указ. соч., стр. 348.

¹¹⁹ Дневници на Обл. Събр. от 6 р. с., стр. 1050—1054.

¹²⁰ «Соединение», 1884 г., № 42; см. АВПР, СПб., Главн. арх., VA₂, 1884 г., д. 1006, л. 169.

¹²¹ АВПР, СПб., Главн. арх., VA₂, 1884 г.; д. 1006, лл. 160—161.

¹²² АВПР, СПб., Главн. арх., VA₂, 1885 г., д. 1008, лл. 147—148.

Положение южноболгарского крестьянства хотя и изменилось в правовом отношении после русско-турецкой войны, однако существенно не облегчилось. Мы уже отмечали, что налогов было ничуть не меньше, чем прежде; приобретение крестьянами на непосильных условиях земли тоже в большинстве случаев не способствовало росту их благосостояния. В 1879—1885 гг. в южноболгарской деревне происходило массовое разорение крестьян из-за задолженности ростовщикам и налоговой политики буржуазного правительства. Содержание непомерно раздутого государственного аппарата и другие расходы ложились своей основной тяжестью на плечи трудового населения и прежде всего крестьянства. Буржуазия, прикрываясь громкими фразами о «заботе» по отношению к «болгарскому народу», тем временем спокойно обогащалась за его счет. Мимо этого факта не смог пройти даже представитель монархической России. «Начиная с некоторых директоров и кончая самым мелким чиновником, — писал русский вице-консул, — все стремятся лишь к обогащению на счет эксплуатируемого ими народа». Крестьянин трудится до тех пор, «пока у него не отбирают последнего вола для покрытия недоимок»¹²³.

Буржуазное правительство внимательно следило за тем, чтобы население исправно платило налоги. Неуплата налогов преследовалась законом. В 1881 г. Постоянный комитет утвердил «Постановление о сборе налогов и подсудности неисправных налогоплательщиков». Согласно этому постановлению, население было обязано выплачивать прямые налоги в определенные законом сроки. Суммы, превышавшие 50 грошей, должны были выплачиваться золотом, а не серебром (ст. 1-я). Для погашения долга неисправного налогоплательщика продавали его движимое или недвижимое имущество (ст. 6-я). Продажа движимого имущества производилась по решению окружного начальника (ст. 22-я). Недвижимое имущество продавалось по решению суда. Все дела по продаже имущества для уплаты недоимок должны были рассматриваться в первую очередь¹²⁴.

Острые рассматриваемого указа было направлено против трудового населения. Нередко случалось, что крупные чиновники и богатые люди годами не платили налогов, в то время как у крестьянина за недоимки отбирали последнюю коровенку, продавали незатейливый домашний скарб.

Несмотря на бедственное положение крестьянства, буржуазное правительство (прекрасно осведомленное о положении трудящихся масс) для покрытия областных расходов вводило новые налоги (серчим и др.), но не хотело идти на снижение несоразмерно высоких окладов чиновников. Эти оклады были одной из причин растущего дефицита государственного бюджета¹²⁵.

Внесенный в 1881 г. по инициативе некоторых депутатов законопроект об уменьшении окладов чиновникам встретил сильный отпор в Областном собрании, так как большинство депутатов Областного собрания были чиновниками. Они увидели в этом посягательство на свои собственные материальные интересы. В свою очередь и генерал-губернатор отказался дать санкцию. После жарких прений законопроект был отвергнут¹²⁶.

Таким образом, деятельность Областного собрания отвечала прежде всего интересам растущей городской и сельской буржуазии.

¹²³ АВПР, СПб., Главн. арх., VA₂, 1883 г., д. 208, л. 35.

¹²⁴ Дневници на Пост. Ком., кн. II, стр. 301—307.

¹²⁵ АВПР, Главн. арх., VA₂, 1882 г., д. 207, л. 28.

¹²⁶ Дневници на Обл. Събр. от 3 р. с., стр. 111—121; 225—239; 237—553.

В своей законодательной деятельности южноболгарская буржуазия постоянно наталкивалась на противодействие со стороны Порты. Мы видели на примере рассматриваемых законопроектов, как широко использовало турецкое правительство право султана накладывать «veto» на законы области, тем самым препятствуя проведению в жизнь важнейших мероприятий, необходимых для экономического прогресса Южной Болгарии. Власть Порты сковывала буржуазное развитие страны. Весь ход экономического развития Южной Болгарии толкал буржуазию на решительную борьбу за национальную независимость страны, за скорейшее объединение Южной Болгарии с Северной.

* * *

Неблагоприятные условия для развития экономики Южной Болгарии, созданные Берлинским конгрессом, привели к тому, что экономическое положение автономной области неуклонно ухудшалось: население разорялось, недоимки росли из года в год, дирекция финансов не сводила концов с концами. Только по Пловдивскому департаменту к концу 1883 г. недоимки за все истекшие годы составляли 4 млн. грошей¹²⁷. Финансовое управление вынуждено было прибегать к краткосрочным займам, причем их сумма непрерывно росла.

Год	Размер займа	
	(в турецких лирах)	(в грошах)
1880	40 000	4 000 000
1881	42 000	4 200 000
1882	72 000	7 200 000
1883	226 000	22 638 700

Дефицит в бюджете на 1883 г. достиг 181 414 турецких лир (18 141 400 грошей)¹²⁸. При этом следует заметить, что дань Порте (область должна была выплачивать 24 млн. грошей ежегодно) выплачивалась крайне нерегулярно. Так, к марту 1883 г. было выплачено лишь 28 600 тыс. грошей; задолженность Восточной Румелии Турции достигала 32 800 тыс. грошей¹²⁹. От искусственного раздела, созданного Берлинским конгрессом, страдали все классы южноболгарского общества. Разорялись мелкая буржуазия, ремесленники. Но особенно тяжелым было положение южноболгарского крестьянства, заметно ухудшившееся в 1884 г. Это было вызвано тяжелыми налогами, падением цен на хлеб и вообще сельскохозяйственные продукты, что снижало и без того малую доходность крестьянского хозяйства. Документы «Архива возрождения» содержат множество жалоб крестьян на непосильные налоги. «Чиновники продают детей за долги султану и банкирам»¹³⁰.

В Областное собрание и Постоянный комитет поступали многочисленные заявления с протестом против тяжелых налогов. Например, 5-й очередной сессии собрания были поданы жалобы на слишком высокий поземельный налог более чем от 216 сельских общин¹³¹. Были случаи, когда крестьяне избивали сборщиков налогов¹³².

¹²⁷ „Марица“, 23.IX. 1883.

¹²⁸ Ив. Ев. Гешов. Финансови и икономически студии. София, 1899, стр. 23—15.

¹²⁹ S. Gorčević. Bulgarien und Ostroumelien. Leipzig, 1886, S. 29—30.

¹³⁰ АНВ, т. II, ч. II, № 230.

¹³¹ Дневници на Обл. Събр. от 5 р. с., стр. 183, 289—290, 356, 526, 769.

¹³² АВВР, СПб., Главн. арх., VA₂, 1884 г., д. 210, л. 20.

Улучшение своего тяжелого материального положения, снижение налогов крестьяне связывали с воссоединением Южной и Северной Болгарии и поэтому в любой момент готовы были поддержать его осуществление. В 1884 г. русский вице-консул в Бургасе писал, что крестьян всегда легко привлечь к делу¹³³, убедив их, что лишь с помощью открытого восстания можно добиться уменьшения налогов¹³⁴.

Митинги в пользу воссоединения, волной прокатившиеся в 1884 г. по всей Южной Болгарии, с особенной яркостью показали, что необходимость объединения диктовалась прежде всего экономическими причинами. Во всех резолюциях, обращениях и выступлениях говорилось главным образом о том, что разделение Южной и Северной Болгарии ведет к экономическому упадку обеих частей страны, что и Восточная Румелия и Болгарское княжество, разделенные искусственными границами, не могут развивать своей промышленности, торговли, сельского хозяйства. Следовательно, в основе всего лежал вопрос о восстановлении экономического единства болгарской нации, произвольно нарушенного Берлинским трактатом. И не случаен тот факт, что газеты по обе стороны Балканского хребта уделяли в этот период особенное внимание таможенному вопросу¹³⁵.

В Северной Болгарии повсюду тоже подчеркивалась экономическая сторона вопроса. Так, газета «Отечество» указывала, что без объединения южной и северной части Болгария никогда не сможет стать полноценным государством. На митинге, состоявшемся в Софии в марте 1884 г., лейтмотивом всех выступлений была мысль, что разделение Северной и Южной Болгарии препятствует экономическому прогрессу всей страны в целом¹³⁶. Ту же мысль пропагандировал в 1885 г. и З. Стоянов¹³⁷.

* * *

Подводя итог, мы можем сделать следующие выводы. Экономическое развитие Южной Болгарии в рассматриваемый период шло теми же путями, что и в Болгарском княжестве, наглядно подтверждающая экономическое единство обеих частей страны. Действительно, и в сельском хозяйстве и в промышленности юга и севера Болгарии происходили одни и те же процессы. В 1879—1885 гг. в южноболгарской деревне было окончательно ликвидировано турецкое феодальное землевладение, земельная собственность перешла в руки болгар, в результате чего Южная Болгария (в несколько меньшей степени, чем Северная Болгария) стала страной преимущественно мелкого землевладения. Перераспределение турецкой земельной собственности произошло неравномерно; сельская буржуазия увеличила свои поля, бедное и безземельное крестьянство приобрело подчас весьма незначительные участки, лишь формально превратившись в «хозяев».

Тот факт, что бедное и среднее крестьянство покупало землю на деньги, взятые у ростовщиков, предопределил дальнейшую социальную дифференциацию южноболгарской деревни. В Южной Болгарии (как и в Северной) в 80-е годы XIX в. шло интенсивное разложение крестьянства; выделялась сельская буржуазия, создавался сельскохозяйственный пролетариат.

¹³³ Т. е. к активному участию в борьбе за воссоединение.

¹³⁴ АВПР, СПб., Главн. арх., VA₂, 1884 г., д. 210, л. 17.

¹³⁵ Например, „Марица“, № 551, 642, 651; „Южная България“, № 119, 131; „Средец“, № 23, 25, 30; „Отечество“, № 1, 30.

¹³⁶ К. Иречек. Български дневник (1879—1884), т. II. Пловдив—София, 1932, стр. 479—480.

¹³⁷ З. Стоянов. Неиздадени съчинения. София, 1943.

Все это наряду с улучшением сельскохозяйственной техники (вводились в употребление машины, открылась сельскохозяйственная школа и т. п.), ростом торгового земледелия и специализацией земледелия явилось несомненными чертами капиталистической системы, сложившейся к середине 80-х годов XIX в. в южноболгарской деревне.

В южноболгарском городе в 80-е годы XIX в. тоже развивался капитализм, строились новые фабрики (главным образом в обрабатывающей промышленности), зарождался промышленный пролетариат, росло городское население.

Более интенсивному экономическому развитию Южной Болгарии, как и всей страны в целом, мешало искусственное разделение Болгарии на две части. Установление таможенной границы между Южной и Северной Болгарией нарушило экономическое единство болгарской нации, подорвало многолетние экономические связи, существовавшие между обеими частями страны, нанесло тяжелый удар по целым районам по обе стороны Балканского хребта, привело к упадку некоторых городов (например, г. Котел), вызвало (наряду с европейской конкуренцией) упадок ряда местных ремесел и мануфактур.

Политическая власть Порты также сковывала буржуазное развитие Южной Болгарии. Турецкое правительство препятствовало проведению в жизнь важнейших мероприятий, необходимых для экономического прогресса автономной области. Необходимость объединения Южной и Северной Болгарии диктовалась всем ходом экономического развития.

В объединении юга и севера Болгарии были заинтересованы все классы южноболгарского общества. Крестьянство Южной Болгарии, боровшееся в 1878—1879 гг. против возможного возвращения турецких помещиков, за сохранение своей недавно приобретенной земли, в 1879—1885 гг. связывало с воссоединением обеих частей страны снижение налогов, ликвидацию феодальных пережитков, улучшение своего положения. Народные массы Южной Болгарии выступали также против социального неравенства, против классовой эксплуатации и растущей в городе и на селе буржуазии. Но эти попытки были очень слабы и обречены на неудачу, так как в Болгарии не было еще рабочего класса, способного возглавить борьбу против буржуазии.

Буржуазия Южной Болгарии, стремившаяся к созданию единого национального государства, была заинтересована в расширении внутреннего рынка, в устранении всех препятствий свободному развитию капитализма.

Восстановление экономического единства нации, объединение национального рынка должно было послужить (что и произошло в дальнейшем) мощным толчком для дальнейшего развития материальных производительных сил болгарского народа.

Н. Д. Раппер

ПРОГРАММА И ТАКТИКА ЧЕШСКОЙ БУРЖУАЗИИ в 1860—1867 гг.

Подъем чешского национального движения в 60-х годах тесно связан с кризисом, который переживала в это время Австрийская империя.

Германизаторская и централизаторская политика правительства Баха вызывала резкое недовольство всех угнетенных национальностей Австрии. В обстановке жестокого полицейского режима 50-х годов это недовольство приняло характер глухого брожения. Но позиции возрожденного австрийского абсолютизма были весьма непрочны. Поражение Австрии в войне с Францией и Пьемонтом в 1859 г., большой финансовый дефицит ускорили падение правительства Баха.

Австро-немецкая буржуазия, экономически окрепшая и усилившаяся за годы, прошедшие после революции 1848 г., стала требовать перехода от абсолютизма к конституционным формам правления. Со своей стороны господствующие классы угнетенных национальностей, в первую очередь в Венгрии, подняли голос, требуя признания прав не только немецкой, но и других национальностей империи. В Австрии назревала революционная ситуация¹. Монархия была вынуждена пойти на уступки.

Основным внутривнутриполитическим вопросом для австрийского правительства был венгерский вопрос: в соглашении с Венгрией, по мнению почти всех австрийских государственных деятелей, был единственный выход для габсбургской монархии из все более обострявшегося кризиса. Анализируя кризис Австрийской империи, Н. Г. Чернышевский писал: «Австрийское правительство справедливо находит, что без каких-нибудь чрезвычайных событий для него не страшно недовольство всех других провинций, кроме одной Венгрии: славяне и немцы могут роптать, но сами не способны начать ничего, без внешнего толчка. Инициатива эта внутри самой империи может возникнуть только из Венгрии»². 1848 год был хорошо памятен правителям империи, любой ценой стремились они избежать его повторения. Венгрия показала свою силу в 1848 г., поэтому нараставшее в Венгрии недовольство приковывало внимание правительства. Вопрос о положении остальных национальностей Австрии рассматривался правительством как подчиненный венгерскому вопросу.

В октябре 1860 г. правительство, фактически возглавляемое польским консервативным графом Голуховским, издало диплом, согласно которому признавалась «историко-политическая индивидуальность» отдельных королевств и земель империи, возобновлялась деятельность земских сеймов,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 133.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 323.

функции которых были расширены; только общие для всей империи дела сосредоточивались в рейхсрате. Реакционность диплома несомненна: в сеймах продолжал господствовать сословный принцип, рейхсрат был фактически совершенно бесправен в важнейшем вопросе — бюджетном, за ним было признано лишь право протестовать против введения новых налогов. «Перемена состоит в том, что к бюрократическим учреждениям присоединяются феодальные», — резюмировал Чернышевский³. Диплом был издан под влиянием федералистически настроенного большинства имперского совета, созданного в начале 1860 г. для обсуждения вопроса о будущем конституционном переустройстве монархии. Венгерские аристократы, поддержанные господствующими классами славянских народов Австрии, выдвинули в имперском совете программу федералистического переустройства Австрии. Диплом был, таким образом, определенной уступкой Венгрии.

Уже в дипломе видны зачатки дуализма: земли Венгерской короны поставлены в иное положение, чем остальные земли монархии. Так, за венгерским парламентом оставлено право законодательной инициативы, венгерский язык признан государственным в Венгрии, в то время как остальные сеймы монархии не пользовались законодательной властью, а государственным языком оставался немецкий. Энгельс дал следующую характеристику октябрьскому диплому: «Венгрию предполагалось купить уступками, с внешней стороны очень крупными, особенно если их сравнить с ничтожными податками немецким и славянским провинциям и с пародией на имперский парламент, который намечала грамота»⁴. «Надо было приласкать Венгрию и превратить ее в орудие, которое могло бы помочь абсолютистской Австрии выпутаться из трудного положения», — писал далее Энгельс⁵.

Диплом не достиг своей цели. Господствующий класс Венгрии — дворяне не были удовлетворены внешними уступками со стороны правительства, они стремились к большему; в Венгрии на смену магнатам — Сечени, Ваю и др. — выступила партия Деака, представлявшая интересы либерального буржуазившегося дворянства Венгрии. Диплом вызвал резкое недовольство австро-немецкой буржуазии и помещиков, не желавших расстаться со своим привилегированным положением и протестовавших против федералистического направления диплома. Недовольство австро-немецкой либеральной буржуазии вызывал и средневековый, сословный дух диплома, отсутствие в нем упоминания об основных буржуазных «свободах» и т. п.

Лишь в славянских землях монархии, в частности в Чехии, октябрьский диплом вызвал определенное удовлетворение, и федералистически настроенное дворянство и чешская буржуазия увидели в нем шаг в сторону децентрализации монархии.

Не приходится говорить, что действительный смысл октябрьского диплома не давал оснований для радужных иллюзий чешской буржуазии и дворянству. Это было осознано ими лишь впоследствии⁶. «Ядром его (диплома. — Н. Р.) было провозглашение дуализма; все же, что в нем далее говорилось о правах и свободах различных королевств и земель, было

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 327.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 166. Аналогичным образом оценивал эти уступки Чернышевский (см. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 336—337, 342—343).

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 166—167.

⁶ A. Srb. Šedesát let politického zápasu o práva národa českého. Praha, 1908, str. 28—30. (Далее — Šedesát let. . .); Česká politika. Souborná práce, D. III. Z. T o b o l k a, K. K r a m a ř. Dějiny české politiky nové doby. Praha, 1908, str. 201—202; E. Denis.

пустыми словами»⁷, — писал один из лидеров чешской буржуазии, Алоиз Пражак.

Близорукость чешской буржуазии станет особенно заметной, если мы сравним эти иллюзии с анализом октябрьского диплома, данным великим русским мыслителем буквально по живым следам событий. В октябрьском номере «Современника» за 1860 г. Чернышевский писал: «Ныне для Австрии такое время, что нынешнее положение вещей едва ли продолжится долго: новые учреждения или разовьются, или будут устранены правительством»⁸. Жизнь показала правильность этого предвидения — октябрьский диплом оказался крайне недолговечным.

Создавшееся положение никак не могло удовлетворить австрийское правительство. Октябрьский диплом дал совсем не те результаты, на которые оно рассчитывало.

«Чтобы существовать, австрийская монархия должна поочередно возбуждать друг против друга различные подвластные ей национальности. Славяне могут быть пущены в ход лишь в крайнем случае: они слишком связаны с Россией панславистской агитацией; значит надо взяться за немцев»⁹.

Правительство Рехберга—Голуховского уступило место правительству Шмерлинга, немецкого либерала-централиста. Это означало крутой поворот во внутренней политике Австрии; от попыток найти путь к соглашению с господствующими классами Венгрии и опереться на них был совершен поворот к политике строгого централизма и германизации, обеспечивавшей монархии поддержку австро-немецких господствующих классов. Это было продолжение политики Баха с той, однако, разницей, что теперь эта политика должна была проводиться не абсолютистским, а конституционным методом. Чтобы привлечь к себе либерально-буржуазные элементы, правительство Шмерлинга в самом начале своей деятельности объявило, что предоставит гражданские свободы: свободу вероисповеданий, печати и т. п.

В феврале 1861 г. был издан «в развитие» октябрьского диплома патент, в действительности являвшийся его противоположностью. Полномочия земских сеймов были сильно урезаны, часть их функций передана общеперскому представительному законодательному органу — рейхсрату. Избирательные законы, изданные для отдельных сеймов, способствовали усилению в сеймах немецких земель немецких, дворянских и проправительственных элементов. Надо заметить, что и февральский патент не отвергал возможности соглашений с Венгрией, предусматривая ее особое положение в составе габсбургских земель. Патент вводил понятие «широкого» и «узкого» рейхсрата: в первом участвовали представители всех королевств и земель империи, во втором — только представители королевств и земель, не входивших в состав Венгерской короны.¹⁰

La Bohême depuis la Montagne-Blanche. V. II. La renaissance tchèque vers le fédéralisme. Paris, 1903, p. 424—425; Československá vlastivěda. Dějiny. Praha, 1934, str. 767—768; J. Malý. Vzpomínky a úvahy starého vlastence. Praha, 1872, str. 142.

⁷ Paměti a listář A. Pražáka. Vyd. Kameniček, D. II. Listář let 1849—1901. Praha, 1926, str. 57—58.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 327. Следует отметить, что, делая этот вывод, Чернышевский, как он сам указывает, не поддался дезориентации, которую сеяли первые сообщения прессы о якобы повсеместной радости среди народов Австрии (там же, стр. 324).

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 168.

¹⁰ О февральском патенте см. A. S. r. b. Sedesát let... str. 32—33; G. Kolmer, Parlament und Verfassung in Österreich, Bd. I (1848—1869). Wien—Leipzig, 1902, S. 48—50.

В то время как октябрьский диплом в какой-то мере удовлетворял федералистические стремления буржуазии и помещиков славянских национальностей Австрии, февральский патент 1861 г. вызвал их резкое недовольство, так как он был издан в интересах господствующих классов австро-немецкой национальности и могущественной в Австрии немецкой бюрократии, стремившихся закрепить свое господство над другими национальностями империи. Венгры выразили резкое недовольство патентом, они отказались признать его и не послали своих депутатов в рейхсрат.

В Венгрии началось движение за отказ от уплаты налогов, пока они не будут вотированы сеймом Венгрии, в некоторых местах развернулось организованное сопротивление рекрутскому набору; венгры требовали полного восстановления конституции 1848 г. В ответ на это правительство предприняло ряд репрессивных мер: распустило венгерский парламент, объявило в Венгрии осадное положение и т. п.

Октябрьский диплом и февральский патент отражали два направления австрийской внутренней политики и были очень характерны для внутриполитического развития Австрии 60-х годов XIX в. Опора на австро-немецкие или венгерские господствующие классы, централистическая или псевдофедералистическая политика — такова была амплитуда колебаний политики монархии. Это необходимо иметь в виду при рассмотрении национально-политической программы чешской буржуазии и консервативного дворянства.

Правительству Шмерлинга не удалось разрешить стоявших перед ним задач. Внутриполитическое положение оставалось тяжелым, вопрос об отношениях монархии с венгерскими господствующими классами не сдвинулся с места, так как они попрежнему бойкотировали рейхсрат, не желая начинать каких бы то ни было переговоров с ненавистным им Шмерлингом. Оппозиционно настроены были также и славянские национальности империи. С 1862 г. начали уходить из рейхсрата чешские депутаты, их примеру последовали некоторые польские и южнославянские депутаты.

Ухудшилось и внешнеполитическое положение империи. В центре внимания правительства Шмерлинга стала задача объединения Германии вокруг Австрии. Между тем в развернувшейся борьбе за воссоединение Германии Австрия теряла одну позицию за другой в пользу своего крепнущего соперника — Пруссии. Большой неудачей австрийского правительства был провал созванного Францем-Иосифом в 1863 г. съезда германских государей, в котором Пруссия отказалась участвовать. Совместное выступление Пруссии и Австрии в войне против Дании в 1864 г. не дало Австрии ничего и привело лишь к дальнейшему усилению Пруссии. Когда в 1865 г. встал вопрос о дележе добычи, австро-пруссский конфликт стал неизбежен. Но для успешного ведения войны австрийское правительство должно было достичь внутреннего «умиротворения», укрепить свой тыл. Вновь с особой остротой вставал вопрос о соглашении с господствующими классами угнетенных национальностей Австрии и в первую очередь с венграми.

В середине 1865 г. Шмерлинг ушел в отставку и во главе правительства стал консерватор-федералист, крупный немецкий помещик из Моравии граф Рихард Белькреди. Белькреди был сторонником опоры монархии на дворянство различных земель Австрии. В этом он видел залог как успешного разрешения венгерского конфликта, так и сближения монархии с дворянством славянских народов империи. Взгляды Белькреди были близки чешским и моравским дворянам-федералистам, среди которых крупную роль играл его брат — Эгберт Белькреди.

20 сентября 1865 г. Белькреди издал манифест ко всем народам Австрии, в котором объявлял о приостановке действия февральского патента, о переходе к политике, главной задачей которой было удовлетворение требований отдельных национальностей империи¹¹. В первую очередь речь шла о возобновлении переговоров с господствующими классами Венгрии, так как заключение соглашения с Венгрией правительство считало необходимым. Эту точку зрения поддержал Франц-Иосиф. Начались переговоры с венграми, остальным же национальностям было обещано, что и их требования будут учтены и по возможности удовлетворены.

Федералистам манифест сулил, казалось бы, радостные надежды. В конце 1865 г. были созданы земские сеймы. Там, где большинство имели федералисты (Венгрия, Галиция, Чехия и др.), были приняты адреса доверия правительству. Но сеймы с австро-немецким большинством (Нижняя Австрия, Зальцбург, Силезия и т. п.) заняли резко отрицательную позицию в отношении правительственной политики. Австро-немецкая буржуазия и помещики встретили в штыки сентябрьский манифест, грозивший подорвать их положение господствующей нации. Правительство очень скоро ощутило мощное финансовое давление немцев-централистов. Венский банковский капитал перестал субсидировать правительство, денежный дефицит рос, курс государственных бумаг стал падать.

Таково было внутриполитическое положение Австрии к моменту возникновения австро-прусской войны 1866 г., разрешившей вопрос объединения Германии в пользу Пруссии и разрушившей планы создания Великой Германии, в которой главенствующую роль играли бы немецкие господствующие классы Австрийской монархии.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХИИ в 60-Х ГОДАХ XIX в.

В начале 60-х годов население Чехии и Моравии превышало 6,5 млн. чел. (из них 4705 тыс. чел. жили в Чехии, 1867 тыс. чел. — в Моравии) и составляло 20% населения всей Австрийской империи и более 30% населения позднейшей Цислейтании.

Значительная часть населения была сосредоточена в городах. Только в Чехии насчитывалось 355 городов и 223 местечка.

Период 60-х и начала 70-х годов вплоть до экономического кризиса 1873 г. был периодом бурного промышленного подъема в Европе. В основном благоприятная для развития промышленности политическая и экономическая конъюнктура способствовала быстрому развитию капитализма в Австрии и в особенности в Чехии.

Чехия и Моравия являлись наиболее развитыми в экономическом отношении частями Австрии. На них приходилось более половины продукции горнодобывающей промышленности: 27 млн. центнеров каменного угля из 45,5 млн. центнеров, добываемых во всей Австрии; из 610 603 центнеров всего австрийского чугуна в Чехии и Моравии выплавлялось 327 571 центнер (статистические данные 1863 г.)¹².

¹¹ Z. T o b o l k a. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. D. II. Praha, 1933, str. 88—89. (Далее — Dějiny...); A. S r b. Politické dějiny národa českého od r. 1861 až do nastoupení ministerstva Badeniova r. 1895. Praha, 1897; O. Z e i t h a m m e r. Zur Geschichte der böhmischen Ausgleichsversuche (1865—1871). Bd. I. Prag, 1912, S. 9; J. J. T o u ž i m s k ý. České státní právo za vlády Beustovy. „Osvěta“, Praha, 1887, str. 56—57.

¹² Данные о промышленности взяты в основном из следующих изданий: Statistisches Jahrbuch der Österreichischen Monarchie für das Jahr 1863. Herausgegeben von der

Велик был удельный вес чешских предприятий и в легкой промышленности. Из 67 паровых двигателей, применяемых на всех шерстопрядильных Австрийской империи, на долю Чехии приходилось 42, из 44 двигателей на механических ткацких фабриках Австрии на Чехию и Моравию приходилось 35. Лenoпрядильни же находились только в Чехии. Из 136 свеклосахарных заводов Австрии на долю Чехии и Моравии приходилось 99¹³.

Показателем развития фабричного машинного производства было число паровых двигателей. Из 2841 паровой машины, применявшейся во всей австрийской промышленности, на долю Чехии и Моравии приходилось 1430.

Чехия и Моравия были ведущими в промышленном отношении частями Австрийской империи не только по числу промышленных предприятий, но и по их масштабу и технической оснащенности. В одном только Кладно (Чехия) были сосредоточены 32 паровые машины общей мощностью в 776 л. с.; а в Витковицах (Моравия) — 10 паровых машин общей мощностью в 572 л. с., что составляло 12,5% мощности всех паровых машин Австрии, занятых в угольной промышленности.

Аналогичным образом дело обстояло и в легкой промышленности.

Так, на пять крупнейших чешских свеклосахарных заводов (при общем числе их в Чехии — 67) приходилось 18% продукции сахароварения Чехии и 10% продукции сахароварения всей Австрийской империи. В Чехии находилось более половины крупных пивоваренных заводов Австрии.

Отмена феодальных повинностей в 1848 г. и промышленный переворот, завершившийся к 60-м годам в важнейших отраслях промышленности Чехии, ускорили развитие капитализма в Чехии. 60-е годы были временем бурной предпринимательской деятельности.

Ведущее место в промышленности начинали занимать горнодобывающая промышленность (главным образом добыча угля), машиностроение и свеклосахарное производство, обгонявшие старые отрасли производства — текстильную и др. Появились совершенно новые отрасли промышленности, например химическая.

Росли новые промышленные области. Рост Праги и ее предместий — Карлина и Смихова¹⁴ и рост Пльзня — центров машиностроения и хими-

k.—k. Central-Comission. Wien, 1864; F. L. Rieger. Čechy. Země a národ. Obraz statisticko-historický. Praha, 1863; Die Erwerbsverhältnisse in böhmischen Erzgebirge. Prag, 1862.

Важнейшая использованная литература: O. Řiha. Hospodářský a sociálně-politický. vývoj Československa. 1790—1945. Praha, 1946; M. Husová. Manufaktura a továrna. „Sborník pro hospodářské a sociálně dějiny“. Praha, 1946, N 1—2; P. Vrbová. K otázce vzniku strojírenského průmyslu v českých zemích. „Československý časopis. historický“, Praha, 1954, N 4; F. Roubík. Z českých hospodářských dějin. Přehled vývoje českého průmyslu, obchodu, měny a dopravy. Praha, 1948; A. Braf. Studien über nordböhmische Arbeiterverhältnisse. Prag, 1881.

Отдельных ссылок на эти издания мы в дальнейшем не приводим, ограничиваясь ссылками на дополнительные источники.

¹³ В 1868 г. число свеклосахарных заводов в Чехии и Моравии составляло 122 (из 166 во всей Австрии) „Neue freie Presse“, 18.I. 1868 (M). В дальнейшем при ссылках на эту газету буквой „M“ обозначается утренний выпуск, буквой „A“ — вечерний.

¹⁴ Из 27 тыс. горняков Чехии на Пражскую область приходилось 13 тыс.; за 10 лет число сахарных заводов в округе пражской торговой палаты увеличилось с 10 до 48 (см. Stenografické zprávy sněmu českého. Stenografische Berichte des böhmischen Landtages. 1866, V. sezení, str. 26—27; 1869. XIX. sezení, str. 14. (Далее — SZ. Так как издание имеет раздельную пагинацию для каждого заседания сейма, то после даты римской цифрой обозначен порядковый номер заседания, например: SZ, 1866, V, str. 26—27. В 1867 г. было две сессии сейма разного состава. В ссылках февральская сессия обозначена 1867/I, апрельская — 1867/II).

ческой промышленности, развитие добычи в угольных бассейнах северо-западной Чехии — все это было показателем усиливавшейся индустриализации страны.

Такие предприятия, как машиностроительные заводы Рингоффера в Праге, металлургический завод Данека в Карлине, завод Вальдштейна в Пльзне (с 1869 г. ставший собственностью Е. Шкоды) были первенцами среди многочисленных будущих крупнейших предприятий Чехии.

Все большую роль в экономике страны начинали играть тесно связанные с сельским хозяйством отрасли пищевой промышленности — свеклосахарное производство, винокурение и пивоварение.

Уголь, сахар, текстиль, машины и другие товары стали предметом вывоза. Чешский текстиль экспортировался не только в другие области империи и на Балканы, но и в Южную Америку¹⁵.

Для характеристики социально-экономического развития Чехии в этот период, пожалуй, еще больший интерес, чем определение уровня производства и его удельного веса в промышленности всей Австрийской империи, представляет динамика роста промышленного производства.

В 1852 г. в промышленности Чехии (кроме горнодобывающей) применялось 185 паровых двигателей общей мощностью в 2728 л. с., в 1863 г. паровых двигателей было уже 933, а мощность их достигла 13 755 л. с.¹⁶

Особенно показателен рост числа паровых двигателей в горнодобывающей промышленности: 47 двигателей общей мощностью в 832 л. с. в 1852 г. и 825 двигателей общей мощностью в 4356 л. с. в 1863 г.

В 1867 г. в Чехии добывалось 12,5 млн. центнеров бурого угля, в 1871 г. более 23 млн., а в 1873 г. — уже 31,5 млн. центнеров.

Особенно заметны быстрые темпы развития в химической промышленности. В 1852 г. в Чехии в производстве красок и химикалий применялось только четыре паровых двигателя, а в 1863 г. — уже 36.

С 1860 по 1866 г. число текстильных фабрик в Либерецком районе — центре текстильной промышленности Чехии — возросло вдвое.

Промышленность Чехии из мануфактурной превращалась в машинную. Все более падало мелкое ремесленное производство, неспособное конкурировать с машинным производством¹⁷. Лишь в некоторых отраслях (например, в изготовлении обуви) оно в силу слабого развития машинного производства было еще доминирующим.

Ручной труд продолжал существовать в ткачестве, но и здесь он быстро вытеснялся машинами. На большой машинной фабрике Шроль в северной Чехии в 1857—1861 гг. работало 1600 ткачей, к 1868 г. число их сократилось до 700, а в 1877 г. фабрика уже полностью перешла на механические ткацкие станки¹⁸.

Развитие капиталистической промышленности не шло, разумеется, непрерывно по восходящей линии. Еще до грандиозного кризиса 1873 г. отдельные отрасли промышленности в большей или меньшей степени оказывались в кризисном состоянии. Это относится в особенности к хлопчаточ-

¹⁵ SZ. 1869, XIX, str. 14; „Neue freie Presse“, 5.V (A), 8.X (M), 3.XI. 1868 (M), 15.I. 1871 (M).

¹⁶ См. также J. Purš. Použití parních strojů v průmyslu v českých zemích v období do nástupu imperialismu. „Československý časopis historický“, Praha, 1954, str. 496, tabl. X.

¹⁷ Упадок ремесла, обнищание ремесленников и рост недовольства среди них вызвали сильное беспокойство господствующих классов и становились предметом обсуждения в сейме (см. SZ. 1866, XIII, str. 10).

¹⁸ E. Strauss. Die Entstehung der deutschböhmisches Arbeiterbewegung. [Bd. 1]. Prag, 1925, S. 73.

бумажной промышленности, пережившей в середине 60-х годов кризис, который разорил массу мелких, ремесленного типа, предприятий¹⁹.

Некоторые отрасли промышленности, имевшие ранее большое значение в экономике страны, отошли на задний план. Это относится к стекольному производству. Вместе с тем развивалось производство различного рода украшений из стекла, что стало основной отраслью производства в г. Яблонце и его окрестностях. Эти «яблонецкие изделия» сбывались не только в Австрии, на них был большой спрос за границей, где они широко использовались как предмет «торговли» с колониями²⁰.

Постройка железных дорог, связывавших угольные районы с важнейшими промышленными центрами страны, в свою очередь оказывала могучее стимулирующее воздействие на развитие промышленности.

Во второй половине 60-х годов железнодорожное строительство приняло большие размеры. С 700 верст в 1861 г. железнодорожная сеть Чехии выросла к 1868 г. до 1100 верст.

На севере и западе Чехии железнодорожная сеть была относительно густой, что безусловно способствовало развитию промышленности этих районов; на юге железных дорог было мало. В сейме неоднократно делались запросы по этому поводу, указывалось на необходимость соединения промышленного севера Чехии с сельскохозяйственным югом²¹.

Строительство железных дорог находилось в руках отдельных акционерных обществ: консорциума Шварценберг—Ланна, Буштеградской железнодорожной компании и др.²² и, разумеется, часто вопрос о постройке той или иной железной дороги решался не в соответствии с экономическими потребностями той или иной области, а исключительно в интересах какой-либо группы капиталистов. Так, когда стало известно, что предполагается соединить железной дорогой Раковицы с Прагой и тем самым открыть путь в центр Чехии дешевому раковицкому углю, Буштеградская железнодорожная компания, тесно связанная с Буштеградским угольным обществом и являвшаяся до этого времени монополистом по доставке в Прагу угля, потребовала передать ей концессию на постройку железной дороги. Компания хотела получить в свои руки концессию на строительство для того, чтобы заморозить его и помешать тем самым снижению цен на уголь в Праге²³.

Характерной чертой развития промышленности являлась тенденция к укреплению промышленного производства, к концентрации капитала.

Хотя типичными для чешской экономики того времени были небольшие заводы и фабрики, но наряду с ними существовали крупные предприятия, определявшие характер и степень развития производства.

В то время как 225 паровых двигателей, применявшихся в горном деле, распределялись по 85 предприятиям, т. е. в среднем на каждое предприятие приходилось две-три паровые машины, в Кладно, Буштеграде и других

¹⁹ См. об этом кризисе К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 274.

²⁰ SZ. 1868, XIV, str. 31; 1869, XX, str. 4.

²¹ SZ. 1866. XIV, str. 17—18 — петиция о разрешении начать строительство железной дороги, которая соединит Пардубице с Йинглавой и Зноймо; SZ. 1868. IX, str. 1; X, str. 20—22; XVIII, str. 61 — петиция о разрешении начать строительство железной дороги Прага—Табор—Будеёвице. Постройка этой дороги дала бы возможность привозить в южную Чехию дешевый уголь, что послужило бы толчком для развития там промышленности.

²² SZ. 1868, X, str. 20—22; „Neue freie Presse“, 4.XI (M), 19.XI. 1868 (A).

²³ „Neue freie Presse“, связанная с венским акционерным обществом, выступившим с проектом строительства железной дороги от Раковиц, с большим пылом „разоблачала“ махинации Буштеградской компании (см. „Neue freie Presse“, 3 и 19.III. 1868 (M). Статья „Сеть железных дорог северо-западной Чехии“).

центрах угольной и металлургической промышленности Чехии были предприятия с 12, 17, 32 паровыми машинами.

О концентрации производства свидетельствует сокращение числа предприятий при одновременном увеличении числа занятых рабочих. Возьмем для примера добычу угля в районе Хомутова. В 1869 г. там имелось 262 шахты и карьера, на которых было занято 4458 рабочих; в 1871 г. число предприятий сократилось до 212, а число рабочих увеличилось до 6444.

В начале 60-х годов три крупнейших угольных предприятия Кладно и Буштеграда объединились в картель.

Камвольная промышленность Либерца в конце 60-х годов сосредоточивалась в руках трех фирм²⁴. В г. Аше в 1865 г. насчитывалось 13 ткацких трикотажных фабрик, в 1870 г. — семь, а в 1879 г. — две.

Крупные предприятия в большинстве случаев находились в ведении акционерных обществ.

Число акционерных обществ росло с каждым годом. Так, с 1867 по 1874 г. было создано более тысячи новых акционерных обществ²⁵.

Существовало много небольших акционерных обществ. Они создавались главным образом в свеклосахарном производстве, о чем мы будем говорить в дальнейшем. Однако в каждой отрасли промышленности доминировали и постепенно прибирали ее к рукам крупные акционерные общества, почти всегда связанные с тем или иным банком. Так, «Prager Eisenindustrie-Gesellschaft» принадлежали (помимо ряда мелких металлургических предприятий в Кладно и в местечке Вилькишек) большой металлургический завод в Германсхютте, железопрокатный завод в Кладно и т. п.²⁶

Связь этих крупнейших предприятий с банками можно проследить в ряде случаев. Так, «Нейе фрейе пресе» сообщала об учреждении нового акционерного общества, большинство членов которого было связано с «Англо-Банком», венским банкирским домом Шпрингера и рядом французских банков. «Böhmische Escomptobank» был тесно связан с одним из крупнейших промышленников — пражским фабрикантом Поргеймом²⁷.

Подъем промышленности, предпринимательская горячка, естественно, создавали особо благоприятные условия для роста банков и других кредитно-ссудных учреждений. В 60-х—начале 70-х годов в Чехии был основан ряд банков. В то время как в 1869 г. в Чехии было шесть крупных банков, в последний предкризисный год число их достигло 35. Создававшиеся банки были в основном филиалами венских банков, нередко отделениями западноевропейских банков²⁸. В 60-х годах все более возрастали иностранные капиталовложения в чешской промышленности.

Тенденция к укрупнению предприятий ясно прослеживается и на железнодорожных обществах.

Так, упоминавшаяся выше Буштеградская железнодорожная компания сосредоточила в своих руках почти всю железнодорожную сеть в северной Чехии; подготавливалось ее слияние с Ауссиг-Теплицкой железнодорожной компанией, благодаря чему она стала бы единственным владельцем всех железнодорожных линий в этом районе.

Железнодорожные компании были тесно связаны с банками. Буштеградскую компанию субсидировал Лейпцигский банк; Österreichische Kredit-

²⁴ „Neue freie Presse“, 3.XI. 1869 (M).

²⁵ Большой материал по деятельности акционерных обществ дает „Нейе фрейе пресе“. См., например, „Neue freie Presse“, 21.II (A), 22.II (M), 8.VI (A), 4 и 24.X. 1868 (M) и др.

²⁶ „Neue freie Presse“, 24.XI. 1868 (M).

²⁷ „Neue freie Presse“, 11.III (M), 1.IX. 1868 (M).

²⁸ „Neue freie Presse“, 21.II. 1869 (M); 25.I, 2.VII. 1871 (M).

anstalt была одним из инициаторов постройки железной дороги, соединявшей Раковицы с Прагой.

Таким образом, в 60-х годах Чехия представляла собой страну с относительно высоким уровнем развития промышленности, страну, превращавшуюся из аграрной в индустриальную. 25% населения Чехии было занято в промышленности.

Для изучаемой нами темы большой интерес представляет вопрос о том, как распределялись капиталы в промышленности и банках между немецкой и чешской буржуазией.

Тот факт, что господствующее положение в промышленности чешских земель занимала в 60-х годах немецкая буржуазия, тесно связанная с венскими банками, не подлежит сомнению. Но в какой степени чешский капитал участвовал в промышленности, в каких отраслях ее он был сильнее, в каких слабее?

Из всех отраслей наиболее значительное место чешский капитал занимал в легкой и пищевой промышленности, особенно в сахароварении. Объяснялось это тем, что поднимавшаяся чешская сельская буржуазия вкладывала свои капиталы именно в это быстро развивающееся производство.

Чешский капитал приобрел влияние в текстильной промышленности востока и северо-востока Чехии, в производстве графита, колбасном производстве²⁹.

Банки были немецкими. Лишь в 1868 г. был учрежден, а в 1869 г. открыт в Праге первый чешский банк — Живностенский банк. Этому событию чешская буржуазия придавала очень большое значение. Живностенский банк образовался при деятельном участии различных ссудных касс³⁰. При их же содействии вскоре был создан банк «Славия».

Ссудные кассы являлись в большинстве своем чешскими, они поддерживали чешскую промышленность и ремесло в городе, чешскую сельскую буржуазию в деревне.

У чешской буржуазии не хватало капиталов для учреждения банков. Поэтому она и создавала главным образом ссудные кассы или им подобные учреждения.

Роль ссудных касс как проводников влияния чешской буржуазии в экономике поняла «Нейе фрейе прессе», много писавшая о них. Газета упрекала немецкую буржуазию в вялости и нерешительности в борьбе со своим более слабым, но активным конкурентом³¹.

Развитию промышленности, железнодорожному строительству сопутствовало увеличение числа рабочих. Число рабочих, занятых на добыче бурого угля, увеличилось с 1869 по 1873 г. на 97,4%; число рабочих, занятых на текстильных фабриках Либерецкого района, возросло с 6350 в 1860 г. до 12 693 в 1866 г.

Развивающаяся промышленность находила нужные ей рабочие руки в основном в деревнях, откуда в поисках заработка уходили в города и промышленные местечки чешские безземельные крестьяне. Рабочий класс пополнялся и за счет разорявшихся ремесленников, не выдерживавших конкуренции с промышленным производством.

²⁹ Česká politika. Souborná práce, d. IV; J. Gruber, Š. Kolárik, B. Foustka, L. Winter. Moderní stát a jeho úkoly. Politika agrární, průmyslová, sociální. Praha, 1911, str. 410—411.

³⁰ См. SZ. 1871, III, str. 6—7; „Neue freie Presse“, 7.III (M), 24.VI. 1868 (A) — сберегательные кассы дали около 1/4 всего основного дохода Живностенского банка.

³¹ „Neue freie Presse“, 4.I (M), 23.VI (M), 20.XI (M), 15.XII. 1868 (M), 22.I. 1871. В 1863 г. в Праге было учреждено кредитное общество взаимопомощи, целью которого было оказание помощи чешской буржуазии в ее борьбе с крупным „чужим“, т. е. немецким, капиталом. Председателем общества был Карел Сладковский.

Рабочую силу поставляли южная Чехия, где промышленность была менее развита и основное занятие населения составляло земледелие, и восточная Чехия — районы приходивших в упадок мелких текстильных промыслов. Крестьянская беднота и разорявшиеся ремесленники шли в поисках заработка в Прагу и прилежащие к ней районы, в районы северной и западной Чехии, где быстрым темпом развивалась угольная и металлургическая промышленность, шли, наконец, за пределы Чехии — в Вену. Приход чешских рабочих в западные и северные области, на фабрики, владельцами которых были немцы, безусловно содействовал обострению национальных противоречий. Вместе с тем 60-е годы положили начало процессу «чехизации» онемеченных северных и западных окраин Чехии, восстановлению их исконного чешского национального характера. Этот закономерный процесс вызывал серьезную тревогу немецких националистов.

Положение рабочих было очень тяжелым. Рабочий день длился 15—13 часов; только в конце 60-х годов в некоторых отраслях он был сокращен до 12 часов.

Заработная плата была ничтожной, она еще больше сокращалась системой штрафов, уплатой бонами на фабричную лавочку и т. п.

Все большее распространение получал женский и детский труд. Нередко в рабочей семье работали на фабрике и мать, и малолетние дети. Данные пражской торговой палаты, относящиеся к 1869 г., показывают, что около 30—40% рабочих составляли женщины и дети до 14 лет; их труд оплачивался ниже, чем труд самых низкооплачиваемых чернорабочих-мужчин.

Широкое применение женского и детского труда, приветствуемое либералами обеих национальностей как шаг к «эмансипации женщин», означало усиление эксплуатации рабочего класса, уменьшение заработной платы и увеличение безработицы. Недаром рабочие всячески протестовали против применения женского и детского труда и даже посылали специальную петицию наместнику Белькреды.

Жилищные условия были очень тяжелыми: на строительстве железных дорог рабочие жили в землянках и палатках³²; в городах — в бараках и трущобах, где нередко в одной комнате ютилось несколько семей. Заболеваемость и смертность, особенно среди детей, были очень высоки. Никакой охраны труда, никакого страхования не было.

Не легче было положение чешских крестьян.

После отмены в 1848 г. феодальных повинностей развитие капитализма в сельском хозяйстве Чехии пошло быстрыми темпами.

Но революция 1848 г., освободив крестьян от феодальных повинностей, не увеличила их ничтожных земельных наделов. Попрежнему большая часть земель находилась в руках помещиков, экономические и политические позиции которых в полуфеодальной Австрийской империи продолжали оставаться очень сильными.

Феодальные пережитки попрежнему тяготели над чешским крестьянством. В 60-х годах еще продолжалась выплата крестьянами выкупных платежей за отмену феодальных повинностей. 57 млн. гульденов получили помещики Чехии и Моравии в качестве «возмещения», из них половина была уплачена непосредственно крестьянами, а вторая половина оплачивалась «провинцией», т. е. за счет налогов, собранных со всего трудового населения чешских земель³³.

³² Условия жизни строительных рабочих ярко описаны Нерудой в его повести „Босьяки“ (см. „Избранное“, М., 1950).

³³ Die Grundentlastung in Österreich. Teil I. Nach ämtlichen Quellen dargestellt. Wien, 1867, S. 82—83.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве пошло по прусскому пути, блестящая характеристика которому дана В. И. Лениным: «... старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические»³⁴.

Рассмотрим распределение земель в Чехии в 60-х годах XIX в.

Всего земельных собственников в Чехии насчитывалось 625 716.

Количество всей земли исчислялось в 8 899 601 иох (иох равен 0,57 га). Она распределялась следующим образом³⁵:

	Церковь	Общины	Фиденкомиссы	Собственники участков земли					
				св. 100 иохов	от 25 до 100 иохов	от 10 до 25 иохов	от 5 до 10 иохов	от 1 до 5 иохов	менее одного иоха
Число земельных собственников . .	4494	11605	126	1238	71219	79232	49993	118997	298872
Общее количество земли . .	283086	856626	1018070	1787214	2883748	1341166	364827	297828	67036

Таблица свидетельствует о концентрации земель в руках немногих землевладельцев и обезземеливании большинства чешского крестьянства.

Немного менее половины всех земельных собственников Чехии (298 872 из 625 716), владения которых были менее иоха, фактически были безземельными крестьянами, «владения» которых ограничивались незначительным приусадебным участком. Именно они составляли основную массу сельскохозяйственных рабочих.

Около $\frac{1}{6}$ всех земельных собственников составляли бедняки — владельцы участков менее 5 иохов.

Итак, бедняки и безземельные собственники составляли 68,6% всего сельского населения (владельцев участков менее 100 иохов), принадлежавшая им земля составляла только 4% всей земельной собственности Чехии.

С другой стороны, крупные земельные собственники, составлявшие 0,2% всех земельных собственников, владели 31,5% всей земельной собственности, в том числе 126 фиденкомиссных собственников владели 1 018 070 иохами, т. е. 11% всей земельной собственности.

Князьям Шварценбергам, крупнейшим магнатам Чехии, в одном только Писецком округе принадлежало 118 тыс. иохов, т. е. $\frac{1}{7}$ всей земли округа. Князю Фюрстенбергу в Пражском округе принадлежало имени размером в 48 709 иохов. Большая часть всех лесных массивов Чехии (около 2 млн. иохов) находилась в руках магнатства.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 10.

³⁵ Tafeln zur Statistik der Land- und Forstwirtschaft des Königreiches Böhmen. Auf Grundlage ämtlicher Quellen und Erhebungen der Delegaten, Bd. I, h. 1—13. Prag, 1861—1881. Приводимая нами сводная таблица составлена на основании статистических таблиц, дающих материал по каждому из 13 округов Чехии.

Наличие крупных земельных латифундий было характернейшей чертой землевладения в Чехии.

Все эти цифры с достаточной убедительностью показывают, с одной стороны, значение помещичьего землевладения в экономике Чехии, с другой — степень обезземеленности чешского крестьянства в 60-х годах XIX в.

Примененный в таблице метод группировки лишает нас возможности провести четкую границу между сельской буржуазией и крестьянами-средняками. В самом деле, здесь объединены в одной группе владельцы участков в 10—25 иохов — представители резко отличающихся по своему социальному облику групп. Очевидно, какая-то часть этой группы, тяготеющая к группе владельцев участков от 25 до 100 иохов, составляла вместе с ней сельскую буржуазию. Вторая и, вероятно, большая часть группы владельцев участков от 10 до 25 иохов должна быть объединена с группой владельцев участков в 5—10 иохов. Это середняки. Следует иметь в виду также условность проведения границы между кулаками и помещиками по рубежу 100 иохов. В действительности могли встречаться помещики — владельцы менее 100 иохов и, что значительно важнее, встречались кулаки, владевшие более чем 100 иохами земли.

Хотя мы и лишены возможности дать точный анализ расслоения крестьянства (следует учесть еще и то обстоятельство, что мы располагаем данными лишь о количестве земли), однако и на основании приведенной таблицы можно констатировать далеко продвинувшийся процесс расслоения крестьянства и обезземеливания беднейших его слоев.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве уже в это время выражалось в тесной связи помещичьего и кулацкого землевладения с рынком: все более развивалось производство таких товарных культур, как сахарная свекла, хмель, ячмень.

Обуржуазивание помещичьего хозяйства выражалось в появлении многочисленных свеклосахарных и пивоваренных предприятий, принадлежавших крупным землевладельцам³⁶.

Депутат чешского сейма барон Ризе-Штальберг с гордостью заявлял, что крупные землевладельцы являются основными производителями сельскохозяйственной продукции в стране³⁷.

Помимо этого следует отметить экспорт леса, главным образом в Германию, сосредоточившийся в руках крупнейших земельных собственников.

Предпринимательская горячка 60-х годов захлестнула и земельную аристократию Чехии, члены магнатских фамилий становились акционерами различных предприятий³⁸.

По линии все большего внедрения технических культур развивалось и кулацкое землевладение в Чехии. Многочисленные предприятия по переработке свеклы, хмеля и т. п. были рассыпаны по всей Чехии, в 60-е годы они вырастали как грибы.

Кулацкое землевладение развивалось в упорной борьбе с крупным помещичьим землевладением. В руках помещиков сосредоточились лучшие земли, в их распоряжении были большие капиталы; естественно, что мелким кулацким предприятиям было трудно конкурировать с крупными помещичьими хозяйствами³⁹.

³⁶ SZ. 1866, XIII, str. 28. Отмечается, что крупные аграрии уже перешли от зерновых культур к техническим культурам торгового значения; см. также „Neue freie Presse“, 22.XII. 1869 (A).

³⁷ SZ. 1868, VIII, str. 4.

³⁸ „Neue freie Presse“, 11.II. 1871 (M). В железнодорожных обществах принимали участие Шварценберги, Лобковиц, Клам-Мартиниц.

³⁹ На помощь молодой сельской буржуазии приходили многочисленные ссудные кассы и банки (F. L. Rieger, Cechy, str. 126; „Neue freie Presse“, 27.I. 1871).

Несмотря на сильную дифференциацию крестьянства и обострение противоречий между сельской буржуазией и массами трудового крестьянства, основным социальным антагонизмом в чешской деревне все еще продолжал оставаться антагонизм между крестьянством в целом и помещиками. Как сельская буржуазия, так и трудовое крестьянство стремились приобрести в свою собственность землю, сосредоточенную в руках помещиков. Пережитки феодализма в сельском хозяйстве Чехии были еще сильны. Борьба в чешском сейме вокруг таких вопросов, как отмена феодального права пропинации, отмена ограничения свободного деления крестьянских участков, отражала борьбу крестьянства в целом против пережитков крепостничества.

Такова была одна сторона процесса. Второй его стороной, как мы уже отметили, была быстро развивавшаяся классовая дифференциация: среднее крестьянство распадалось на сельскую буржуазию и сельскохозяйственный пролетариат.

«Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую)», — писал о пореформенной России В. И. Ленин⁴⁰. Это ленинское определение полностью применимо и к Чехии рассматриваемого нами периода.

Кулаки захватывали в свои руки управление общиной, прибирали к своим рукам общинные леса и пастбища и вели борьбу с неимущими членами общины⁴¹. Под давлением сельской буржуазии чешский сейм принял закон о праве членства в общинах, укреплявший власть имущих членов общины и препятствовавший проникновению туда бедняков⁴². Усиливалось влияние ростовщиков — деревенских богатеев⁴³.

Положение крестьянской бедноты было очень тяжелым. В некоторых округах она поддерживала свое существование ремеслом⁴⁴, но чаще беднейшее и безземельное крестьянство либо шло батрачить, либо уходило в города, в промышленные области Чехии, увеличивая резервную армию безработных⁴⁵.

60-е годы положили начало эмиграции чешского населения, главным образом крестьян, за пределы Австрии, в этот период в основном в Россию⁴⁶.

Обнищание чешской деревни сказалось и в усилении бродяжничества, на которое неоднократно сетовали в чешском сейме буржуазные депутаты. Общины, т. е. кулачество, посылали в сейм петиции, прося усилить жандармерию и тем самым воспрепятствовать бродяжничеству⁴⁷.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 97.

⁴¹ SZ. 1866, III, str. 20—23; 1868, XV, str. 6—7; 1868; XVIII, str. 44; „Neue freie Presse“, 10.IV. 1869 (M).

⁴² SZ. 1866, VII, str. 12—21.

⁴³ „Neue freie Presse“, 15.I. 1869 (M).

⁴⁴ SZ. 1868. XVI, str. 7: ремесло — главный источник дохода крестьян Пржибрамского края; „Neue freie Presse“, 2.V. 1868 (A) — крестьяне повсеместно занимаются ткачеством.

⁴⁵ SZ. 1866, III, str. 13: вследствие нужды во многих округах и общинах, особенно южной Чехии, отъезжали целые семьи на заработки; см. также „Neue freie Presse“, 15.I. 1869 (A).

⁴⁶ На крестьянский характер эмиграции указывал Ригер на совещании в 1867 г. в Москве, устроенном специально для обсуждения вопроса об эмиграции крестьян в Россию („Современная летопись“, 1867, № 47).

⁴⁷ SZ. 1868, II, str. 27; V, str. 7—8; VIII, str. 19—20; XV, str. 12. В результате обсуждения было принято решение об увеличении в сельских местностях жандармерии; SZ. 1869, XII, str. 30—31; „Neue freie Presse“ 4.I. 1868 (M).

Естественно, что представители буржуазии не стремились вскрыть истинных причин усиления бродяжничества, вызванного обнищанием чешских крестьян, а отодвигались столь обычными для них замечаниями относительно «легкомысленности» чешских крестьян, не умеющих вести хозяйство, и т. п.⁴⁸ Все их «советы», сводились к необходимости внедрения дешевого кредита в деревню, в котором они видели спасение от всех бед.

Сложное переплетение противоречий старого, крепостнического общества и противоречий нового, буржуазного общества — такой предстает перед нами чешская деревня 60-х годов XIX в.

ЧЕШСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ

Молодая чешская городская буржуазия вела борьбу против уже давно установившейся в Чехии экономической и политической гегемонии немецкой буржуазии.

По мере того как экономически крепла чешская буржуазия, — правда, это была попрежнему большей частью мелкая и средняя торгово-промышленная буржуазия, только численно возросшая по сравнению с 40—50-ми годами, — крепло ее политическое и национальное самосознание.

В 1848 г. чешская буржуазия впервые открыто поднялась против своего конкурента и врага, но тогда, испугавшись растущего народного движения, она сделала все, чтобы ослабить социальный характер движения, придать борьбе чешского народа только национальный характер. В 1848 г. чешская либеральная буржуазия пошла на прямой сговор с контрреволюцией и помогла ей подавить революционное движение в стране. Она думала получить за свою помощь от правительства соответствующую компенсацию, но ошиблась.

Немецкие господствующие классы в 1848 г. поняли, какую угрозу их господству представляет движение угнетаемых национальностей, и, подавив, кстати сказать, с помощью эксплуататорских классов этих национальностей революционное движение широких народных масс, в 50-х годах стали проводить политику онемечивания ненемецких национальностей Австрии, подавляя малейшее проявление национального движения.

Немецкий язык попрежнему был в Чехии государственным; суд, управление попрежнему находились в руках немцев; лишь в низших школах преподавание велось на чешском языке, в средних же и высших — на немецком; запрещалось издавать политическую газету на чешском языке, — словом, немецкие господствующие классы делали все, чтобы воспрепятствовать росту национального самосознания чешского населения⁴⁹.

«Немецкий язык господствует в общественной жизни, втирается в семью... Кто не владеет немецким языком, не может поступить в высшую школу, не имеет доступа к должностям, не имеет доступа в «лучшее» общество. Чешских обществ, чешских журналов нет... Чиновники, пусть даже самые низшие — господа, мещанство униженно склоняется перед ними», — так описывает в своих воспоминаниях это время Адольф Срб⁵⁰.

Естественно, что когда в Австрии в 1860—1861 гг. были введены некоторые, правда очень ограниченные, политические «свободы», они были использованы чешской буржуазией. Не следует, однако, думать, что в национальном движении приняла участие вся чешская буржуазия. Наоборот, в начале 60-х годов определенная часть буржуазии, особенно городская, оста-

⁴⁸ SZ. 1866, III, str. 20—23. Речь Ригера.

⁴⁹ J. Arbes. *Plač Koruny České neboli persekuce lidu českého v letech 1868—1873*. Praha, 1894, str. 22.

⁵⁰ A. S. r. b. *Z půl století. Kniha vzpomínek*. Praha, 1913, str. 7. (Далее — *Vzpomínky*).

валась еще очень индифферентной к положению чешской нации, сторонясь национального движения. Это было, с одной стороны, результатом многовекового господства немцев, и с другой — результатом сплетения интересов чешской и немецкой буржуазии.

Срб в своих воспоминаниях пишет: «В этих блестящих немецких гостиницах, которые делали Прагу на первый взгляд немецким городом, было все-таки очень много чешского: это были чешские деньги, выкачанные из карманов угнетаемого чешского народа, на которые жили и жирели действительные и искусственные немцы. Национальное равнодушие и несознательность тысяч чехов, убеждение, что только с помощью немецкого языка, только путем отрицания чешского происхождения можно достигнуть обеспеченной будущности, и поддерживало немцев»⁵¹.

Срб приводит ряд конкретных примеров: таков Мудра, глава городского управления Рокицан, «который, хотя и происходил из чешской семьи, был заклятым врагом всего чешского»⁵². Яркие портреты подобных «архи-немцев» из среды чешской интеллигенции рисует в своих воспоминаниях Антал Сташек⁵³. Сладковский в статье «Наша программа», которая открывала первый номер газеты «Глас» (1 января 1862 г.), призывал к созданию «на месте нынешнего, в национальном отношении часто вялого и непостоянного городского сословия нового, более энергичного и преданного своему народу». Сладковский писал: «Это большей частью выродки и отщепенцы чешского народа, которые достигли светских успехов во время неограниченного, безраздельного господства немецкого языка и которые теперь упрямо отрицают жизнеспособность чешского языка... чтобы не лишиться тех удобств, которыми они до сих пор пользовались»⁵⁴. Эдуард Грегр указывает, что среди депутатов чешского сейма были такие ренегаты, как, например, адвокат Ржига, вождь немецкой партии в Будеевицах⁵⁵.

Но в течение 60-х годов усиливающееся национальное движение захватывало все более широкие слои чешской буржуазии.

Национально настроенная чешская буржуазия и буржуазная интеллигенция группировались вокруг чешской национальной партии⁵⁶.

Во главе национальной партии стояли известные еще по революции 1848 г. политические деятели Палацкий, Ригер, Браунер и др. В отличие от 1848 г., когда Палацкий был активным политиком-практиком, в 60-х годах он стал скорее теоретиком национальной партии, действительным же ее руководителем в это время был его зять Ригер.

В то время как в 1848 г. Палацкий, Ригер и их единомышленники были буржуазными либералами⁵⁷, с течением времени они все больше правеют, превращаясь в типичных буржуазных консерваторов. В этой эволюции

⁵¹ A. S r b. Vzpomínky, str. 41.

⁵² Там же, стр. 10.

⁵³ A. S t a š e k. Vzpomínky. Praha, 1926, str. 76—81.

⁵⁴ K. S l a d k o v s k ý. Výbor z politických řečí a úvah. Pořádá S. Heller. Praha, 1899, str. 28, 241.

⁵⁵ E. G r e g r. Denník. Vyd. a úvody opatřil Z. Tobolka, d. I. Praha, 1908, str. 142—143.

⁵⁶ Употребляя термин „партия“ применительно к национально-политической борьбе в Чехии в 60-х годах, мы должны учитывать всю условность и ограниченность этого понятия. Организационно чешские буржуазные партии оформились в более поздний период. Тем не менее мы вправе говорить о чешской национальной партии, как о совершенно определенном течении чешской буржуазии, имеющем свою программу, печатные органы, признающих вождей, постоянно функционирующие, хотя еще не вполне оформленные в организационном отношении руководящие органы и т. д.

⁵⁷ Широкая характеристика политической деятельности Палацкого и других чешских буржуазных либералов в период революции 1848 г. дана И. И. Удадьцовым в его исследовании „Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г.“; М., 1951.

чешских буржуазных либералов решающую роль сыграли как память о бурном 1848 г., так и рост рабочего движения, рост классового самосознания чешского пролетариата.

Палацкий, враг всяких демократических преобразований общества, идеализировал чешскую старину, видя в ней осуществление «настоящей», «истинной демократии», которая, по его мнению, вполне совместима с монархией⁵⁸.

Палацкий был противником антиклерикальной политики, проводившейся австрийским правительством в конце 60-х годов (изъятие школ из ведения духовенства и т. п.). Он заявлял, что антиклерикальная политика немецких либералов порождает «неверие, атеизм и грубый материализм», что приносит чрезвычайный вред обществу⁵⁹.

Опасаясь роста рабочего движения, Палацкий выступал как решительный противник предоставления рабочим политических прав, в частности как противник всеобщего избирательного права⁶⁰. Он ненавидел социализм и боялся его, заявляя, что одобряет социализм, но только в духе... ранней христианской церкви или общины чешских братьев⁶¹.

Палацкий — сторонник легальных методов борьбы. «Только путем закона, — утверждал он, — мы достигнем своего спасения, хотя бы этот путь был бы такой же узкий, как лезвие бритвы»⁶². В этом духе Палацкий неустанно агитировал трудящихся и прежде всего рабочий класс, стремясь отвлечь его от революционной борьбы. Основной задачей чешского народа Палацкий провозглашал повышение его культурного уровня⁶³.

Об австророславистской концепции Палацкого мы будем говорить в дальнейшем при разборе программы национальной партии.

Фактический руководитель национальной партии в 60-х годах XIX в., Ригер излагал свои взгляды не столь откровенно, как его тесть. Он не упускал случая поговорить о свободе и т. п. и вообще был, как иронически замечает Н. Г. Чернышевский, «достоинейший человек с прекрасными намерениями»⁶⁴.

Ригер — ярый противник революции. Когда впоследствии встал вопрос о том, почему в разгар национальной борьбы в конце 60-х годов национальная партия не призвала народ к вооруженной борьбе для защиты своих прав, Ригер заявлял, что революция в Чехии, стране передовой культуры, недопустима. Революция, вещал этот буржуазный политик, хороша в стране, находящейся на низшей ступени развития, так как могущие произойти там потери материальных ценностей не будут так велики⁶⁵.

Как и Палацкий, Ригер всегда подчеркивал необходимость легальных методов борьбы, он боялся вовлечения в движение широких народных масс: «лучше... чтобы все шло законным путем, а не посредством крика на улицах»⁶⁶.

Ригер очень хорошо понимал, какую опасность представляет для буржуазии рост рабочего движения, и поэтому много занимался изучением

⁵⁸ Fr. Palacký. Spisy drobně. Spisy a řeči z oboru politiky. Uspořádal a úvody opatřil V. Rieger, d. I. Praha, 1889, str. 189.

⁵⁹ Там же, стр. 89, 191—192, 405. „Каждый разумный человек должен признать, что там, где нет бога, нет также нравственности“; см. также Vlček. František Palacký. „Osvěta“, 1876, str. 490.

⁶⁰ Fr. Palacký. Op. cit., str. 355—356.

⁶¹ Там же, стр. 190, 354.

⁶² Там же, стр. 288, 320, 322.

⁶³ Там же, стр. 426.

⁶⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 526.

⁶⁵ Z. Tobořka. Dějiny, str. 6.

⁶⁶ O. Zeithammer. Op. cit., S. 89; Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra. Sebral J. Heidler, d. I (1836—1871). Praha, 1924, str. 127.

рабочего вопроса, посвятив ему специальную работу «Промышленность, ее прогресс и влияние на благосостояние и свободу народа, особенно трудящегося», вышедшую в 1860 г. в Праге⁶⁷. В этой работе он развивает идею, типичную для буржуазных политэкономов, идею гармонии интересов труда и капитала, заявляя, что повышение материального благосостояния рабочего класса наступит не в результате классовой борьбы пролетариата с буржуазией, а «естественным путем», благодаря развитию промышленного производства⁶⁸. Ригер ополчился против социализма; часть его книги представляет собой прямую полемику с Энгельсом. Ригер расхваливал кооперативные организации рабочих в Англии и Франции⁶⁹.

Стараясь подменить социальный вопрос вопросом национальным, Ригер убеждал чешских рабочих, что вопрос об улучшении положения рабочих может быть поставлен только после разрешения национального чешско-немецкого спора. Выступая на собрании рабочих, он «предостерегал» их: «вам не будет хорошо, пока не будет хорошо всему народу»⁷⁰.

Хотя руководство в национальной партии принадлежало консерваторам типа Палацкого—Ригера, уже с начала 60-х годов в партии возникла оппозиционная группа буржуазных либералов, которая со временем значительно усилилась, что привело в 1874 г. к расколу партии: консерваторы образовали старочешскую, либералы—младочешскую партии⁷¹.

Характерно, что разногласия консерваторов и либералов касались политических и тактических вопросов, в национальном же вопросе национальная партия выступала в 60-х годах единым фронтом. В этом вопросе младочехи полностью подчинялись старочехам. Это очень важно для характеристики борьбы между ними в 60-х годах XIX в. Разрешение национального вопроса было основным и решающим для всей чешской буржуазии. Руководитель младочехов Карел Сладковский в 1864 г., когда в печати начали появляться многочисленные сообщения о возможном расколе в национальной партии, заявил, что существующее в национальном вопросе полное единодушие старочехов и младочехов является гарантией того, что раскола не произойдет. Как указывал Сладковский, обе фракции национальной партии в земском сейме обязались при всех обсуждениях вопросов федеративного устройства империи, земской автономии и вопросов национальных выступать единым фронтом. Меньшинство чешских депутатов сейма должно было подчиниться большинству. Во всех остальных вопросах депутаты могли действовать самостоятельно. Стенографические отчеты чешского сейма за 60-е годы убеждают нас в том, что эта договоренность всегда соблюдалась. «Никто из депутатов, — писал Сладковский, — не может желать создания еще одной партии ввиду различия во взглядах и вопросах политических, так как в национальном вопросе программы они едины»⁷².

Необходимо, однако, отметить, что о возможном расколе писала не только немецкая, но и чешская, в частности младочешская, печать⁷³.

⁶⁷ F. L. Rieger. *Průmysl a postup výroby jeho v působení svém k blahobytu a svobodě lidí, zvláště pracujícího*. Praha, 1860.

⁶⁸ С. Horaček. *Ročátky českého hnutí dělnického*. Vyd. 2. Praha, 1933, стр. 34, 126.

⁶⁹ Там же, стр. 39.

⁷⁰ Там же, стр. 53.

⁷¹ Термины „старочехи“ и „младочехи“ появились почти с начала возникновения разногласий в национальной партии, по мнению Тоболки, с 1862 г.

⁷² K. Sladkovský. *Op. cit.*, стр. 299, 302.

⁷³ Любопытно в этом отношении письмо моравского старочеха Мезника лидеру национальной партии Моравии Пражаку (апрель 1863 г.). „Столько было говорено об единстве, что уже само является доказательством его шаткости. Раз только появилась трещина, то она с каждым днем будет увеличиваться. Пока все это скрыто, но „Боле-

Статьи Сладковского и имели целью прежде всего оказать воздействие на наиболее непримиримо настроенные круги младочехов, были вызваны действительной возможностью раскола национальной партии. Среди младочехов в этот период наблюдались трения между Сладковским, сторонником сохранения единства во что бы то ни стало, и другими младочешскими лидерами — Тоннером, Эдуардом Грегром и др.⁷⁴

Два крыла чешской национальной партии в 60-х годах, естественно, ассоциируются с двумя лагерями чешской буржуазии в 1848 г. Генетическая связь между старочехами, руководимыми Палацким, Ригером, Браунером, Трояном и другими и либеральной буржуазией 1848 г., во главе которой стояли те же самые лица, несомненна; также несомненна и генетическая связь младочехов с радикалами 1848 г., среди руководителей которых был ряд позднейших лидеров младочехов — Сладковский, Вавра и др. Используя это, чешская буржуазная литература, как правило, ставит знак равенства между 1848 г. и 60-ми годами, продолжая и в 60-х годах именовать Палацкого и Ригера буржуазными либералами, говоря о радикализме Сладковского и т. п.⁷⁵ Однако такая трактовка представляет собой явную фальсификацию. Много изменилось в Чехии за годы, отделявшие национальное движение 60-х годов от революции 1848 г., во многом изменилась и чешская буржуазия. Опыт самой революции 1848 г., из которой чешская буржуазия вынесла смертельный страх перед мощью вставших народных масс, развитие промышленности и рост пролетариата привели к тому, что в политическом отношении вся чешская буржуазия эволюционировала вправо. Либералы 1848 г. в 60-х годах стали яркими консерваторами, союзниками реакционного дворянства; радикалы 1848 г. растеряли весь свой радикализм и превратились в заурядных либералов. Мы продолжим в дальнейшем характеристику чешской национальной партии 60-х годов, сейчас же отметим, что именно потому, что Сладковский и другие его единомышленники в 60-х годах не были уже радикалами, стало возможным предотвращение раскола чешской национальной партии.

Младочехам не нравилось многое в тех реальных условиях, в которых жил чешский народ в 60-х годах XIX в.; при этом не только в области национальной, но и в области социальной.

Младочехи представляли интересы мелкой городской буржуазии, малообеспеченных слоев чешской интеллигенции (студентов, учителей, врачей и т. п.), наконец, в известной степени они отражали взгляды сельской буржуазии.

Вопрос об отношении к сельской буржуазии был одним из наиболее серьезных моментов, разделявших старочехов и младочехов. Младочехи понимали, какой мощной силой национального движения может стать этот наиболее широкий слой чешской буржуазии и стремились вовлечь его в национальное движение.

Основным вопросом для сельской буржуазии был вопрос борьбы с дворянством, борьбы с остатками феодальных пережитков. Поэтому антидворянская политика младочехов вызывала симпатии сельской буржуазии, союз же с дворянством, провозглашенный лидерами национальной партии, конечно, отталкивал сельскую буржуазию, не способствовал ее активному участию в национальном движении. С другой стороны, старочехи, опиравшиеся на союз с консервативным дворянством, не хотели

славян" (младочешская газета. — *H. P.*) ясно заявляет, что народ не должен обманываться, будто бы существует единство. Боже, исправь это" (*Paměti a listář A. Pražáka*, d. II, str. 11).

⁷⁴ E. Grégr. *Denník*, str. 108—110, 114—115.

⁷⁵ Z. Těbolka. *Dějiny*, str. 13, 129 a j.

активного участия в движении более демократической сельской буржуазии, не говоря уже о широких слоях чешского крестьянства, так как это отпугнуло бы их влиятельного союзника.

Выступления младочехов, в частности Сладковского, в земском сейме с призывом противодействовать остаткам патримониального влияния помещиков в деревне, требование уничтожения феодальных пережитков, тяготивших над крестьянством, требование свободного деления и свободной продажи земельных участков, что отвечало интересам сельской буржуазии, требование расширения самоуправления местной общины — все это привлекало к младочехам сельскую буржуазию. Она не была пассивной; с большим интересом прислушивалась она к тому, что происходило в чешском земском сейме. Вот красочная зарисовка, сделанная Яном Нерудой в 1861 г. в очерке «На площади перед сеймом»: «Площадь заполняется народом. Среди жителей Праги заметно много и крестьян. Некоторые приехали из Шумавы, другие от самых моравских границ. Их никто не приглашал, но они не могли усидеть дома»⁷⁶.

Кроме того, сельская буржуазия, конечно, не могла быть равнодушной к осуществлению национальных требований чешской городской буржуазии, так как притеснения чешского языка, ограничение избирательных прав задевали и ее интересы.

Но эти вопросы затрагивали интересы не только сельской буржуазии, но и всего крестьянства: в борьбе с крупным дворянским землевладением крестьянство в это время выступает единым фронтом.

В. И. Ленин писал: «Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне . . . В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок, и поскольку он еще царит, — врагом его является *все крестьянство как целое*. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом*, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием».⁷⁷ Это указание В. И. Ленина относится, разумеется, не только к пореформенной России. Таково было положение во всех случаях, когда налицо были неустранимые остатки крепостничества, таково было положение и в Чехии (и во всей Австрийской империи) в рассматриваемый нами период.

Таким образом, антидворянская политика младочехов могла способствовать установлению их союза со всем крестьянством, вовлечению всего крестьянства в национальное движение.

На первый взгляд может показаться, что именно к этому и стремились младочехи. Сладковский говорил, что крестьянское сословие является ядром нации. Однако он сам расшифровывал этот тезис, говоря о необходимости превращения крестьянства в сильное *zemanstvo*⁷⁸. Следовательно, ядром нации в представлении лидера младочехов являлось зажиточное крестьянство, точнее, кулачество.

Младочехи отнюдь не были сторонниками революционной борьбы крестьянства. Выдвигая требования, отражавшие интересы крестьянства, они стремились прежде всего к тому, чтобы найти в крестьянстве опору национальному движению, но и только. Их пугало участие масс в движении, пугали революционные, бунтарские традиции чешского крестьянства, широких трудовых масс чешского народа. Для Сладковского характерно следующее высказывание. «Когда обсуждался вопрос о выкупе барщины, как вспомнил здесь один оратор, — говорил Сладковский в чешском сейме

⁷⁶ Я. Неруда. Избранное, стр. 483.

⁷⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 96—97.

⁷⁸ K. Sladkovský. Op. cit., str. 241.

в 1863 г., — то наши крестьяне не хотели ничего получать даром, они сами себя выкупали»⁷⁹. В полном противоречии с истиной Сладковский приписывал чешским крестьянам выдающуюся, по его мнению, «добродетель»: нежелание насилия, стремление к легальности, нереволуционность.

Сладковский, давно растерявший свой радикализм 1848 г., сознательно искажал историю революции 1848 г. Он не отрекался от своей деятельности в 1848 г., не поносил, подобно Палацкому, революцию 1848 г., напротив — он превозносил ее, но... выхолащивая из нее все революционное. Это была тонкая фальсификация, имевшая целью и сохранить небесполезный для воздействия на массы ореол борца 1848 г., и одновременно с этим убивать традиции 1848 г., традиции массового революционного движения. Описывая революцию 1848 г., Сладковский ничего не говорил о социально-экономической стороне движения. Но он разыгрывал возмущение упреками, которые делают радикалам 1848 г., и заявлял, что он не считает за грех «требование равноправия в ведомствах, судах и школах, требование свободы печати и суда присяжных»⁸⁰. При помощи такого нехитрого фокуса революционно-республиканская программа 1848 г. превратилась в 60-х годах под пером Сладковского в программу буржуазного либерала.

Участие славян в подавлении венгерской революции 1848 г. Сладковский в 1863 г. также не считал отрицательным явлением. «Она (федералистическая политика. — *Н. Р.*) является нашей исторической основой поэтому, что в 1848 г. мы своей кровью скрепили ее, хотя, разумеется, в меньшей мере, чем хорваты, сербы и румыны. Таким образом, борьба с мадьярами была не чем иным, как борьбой за федеративное устройство Австрии, за уничтожение дуализма в империи»⁸¹.

Боязнь повторения взрыва революционного движения широких народных масс сближала либералов с консерваторами. Сладковский в своих статьях, подобно Палацкому и Ригеру, пропагандировал разрешение сначала национального, а потом уже социальных вопросов. Он писал: «Настоящей политической свободой мы будем, стало быть, пользоваться только тогда, когда наши национальные права будут полностью гарантированы»⁸².

Национальное угнетение не было и не могло быть безразлично для чешских рабочих и крестьян. Объективно крестьяне и рабочие составляли резерв национального движения. От степени вовлечения этого резерва в борьбу зависела в конечном счете судьба чешского национального движения.

Однако, хотя чешская буржуазия и обращалась к массам, она страшилась их активного выступления. Чешское буржуазное национальное движение, не связанное с народом, оставалось слабым и ограниченным.

Каковы же были формы чешского национального движения в начале 60-х годов?

С 1860 г. оживилась подавленная в 50-х годах национальная жизнь в Чехии; это выразилось прежде всего в стремлении расширить сферу распространения чешского языка, восстановить чешский язык во всех областях общественной жизни.

Рост национального движения проявился в издании чешских газет, в основании чешских школ, в создании многочисленных очень характерных для чешского национального движения всевозможных культурно-

⁷⁹ K. Sladkovský. Op. cit., str. 70—71.

⁸⁰ Там же, стр. 282.

⁸¹ Там же, стр. 284.

⁸² Там же, стр. 274.

просветительных, гимнастических и разного рода экономических обществ, в праздновании национальных праздников и т. п. Главными деятелями здесь были сельская и городская интеллигенция и учащаяся молодежь. В этой деятельности чешская буржуазия достигла немалых успехов. Этой стороне чешского национального движения придают, естественно, очень большое значение чешские буржуазные историки. Мы же должны подчеркнуть, что, несмотря на безусловно положительную сторону культурно-национального движения, на развитие культуры чешского народа, оно вместе с тем, будучи движением насквозь буржуазным, задерживало рост классового самосознания эксплуатируемых классов чешского общества, подчиняло их буржуазной идеологии, помогая укреплению буржуазного влияния на рабочий класс.

Еще в начале 1860 г. чешские буржуазные политические деятели имели хотя одну свою политическую газету на чешском языке⁸³ (издававшийся с 1857 г. единственный чешский журнал «Posel z Prahy» освещал в основном экономические вопросы). В январе 1861 г. вышел первый номер газеты «Народни листы», а уже в середине 1862 г. в Чехии было 37 чешских газет и журналов. Тридцать из них выходило в Праге, семь в провинции. В Праге выходило восемь чешских политических газет: «Народни листы», «Глас», «Пóзор», «Час», «Пражске новины», «Пражски посел» и др.⁸⁴ Это была немалая сила. Такие газеты, как «Народни листы», «Глас», «Политик» (чешская газета, издававшаяся на немецком языке), «Народ» и другие, отражая различные направления чешской буржуазии, становились пропагандистами ее основных требований, агитировали за программу национальной партии. Наиболее популярной была газета «Народни листы»⁸⁵.

Ту же цель, что и буржуазная пресса, — распространять влияние национальной партии на широкие слои чешского населения, прежде всего на мелкую буржуазию — преследовали многочисленные культурно-просветительные и экономические общества.

Наиболее значительным обществом подобного рода было основанное в 1862 г. Фюгнером и Тыршем в Праге гимнастическое общество «Сокол», целью которого было «физическое и нравственное воспитание» молодого поколения чешской буржуазии. Спустя некоторое время последовала организация отделений «Сокола» в провинции, число их к концу первого десятилетия существования «Сокола» достигло 48. «Сокол» являлся массовой организацией; члены его были неизменными участниками всех политических и национальных манифестаций, организуемых национальной партией. Чешские буржуазные историки, говоря об обществах подобного рода, в частности о «Соколе», стараются изобразить дело так, будто здесь царило полное единодушие в образе мыслей руководителей и рядовых членов. Правда, такие общества были классовыми буржуазными организациями, в них редко попадали представители чешских рабочих и чешского крестьянства⁸⁶. Но в этих обществах подчас проявлялись и радикально-демократические веяния. Так, во время споров о цвете формы для членов «Сокола» Фюгнер предложил принять в качестве образца красную

⁸³ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 127.

⁸⁴ F. L. Rieger. Čechy... , str. 169; Z. T o b o l k a. Dějiny, str. 12, 34; A. S r b. Politické dějiny... , str. 49; A. S r b. Vzpomínky, str. 42—43.

⁸⁵ Jan D v o ř á k. Vliv žurnalistický na duševní život českého akademika. Pát století „Národních Listů“. Almanach, Praha [1910], str. 117.

⁸⁶ Следует, впрочем, учитывать, что именно „Сокол“ в силу своего массового характера включал, в отличие от иных буржуазных организаций, некоторое количество рабочих, что, однако, не меняло его буржуазного характера.

блузу Гарибальди. Это предложение, однако, было отвергнуто большинством руководителей общества⁸⁷. Имеются сведения о том, что во время польского восстания 1863 г. некоторые члены «Сокола» хотели поехать сражаться в Польшу, чему воспротивилось руководство.

Среди культурно-просветительных и научных обществ выделялись музыкальное общество «Глагол», сыгравшее очень большую роль в развитии чешской национальной музыки (с 1863 г. «Глаголом» руководил Бедржих Сметана)⁸⁸, чешская «Матица», «Общество для научного развития чешского языка и литературы», «Общество искусства», «Чешская научная энциклопедия». Это были столичные общества; независимо от них подобные культурно-просветительные общества создавались в провинции.

Большое значение в национальной жизни Чехии имело открытие в Праге временного чешского театра (1862 г.) и создание комитета по сбору средств для постройки в Праге здания чешского Национального театра⁸⁹. Основывались чешские театры и в провинции.

Правительство Шмерлинга всячески противодействовало созданию подобных обществ, используя самые незначительные предлоги для их закрытия. Популярность обществ была, однако, очень велика, в них часто вступали представители низшего чиновничества, несмотря на явно отрицательное отношение к этому начальства⁹⁰.

Был основан также ряд обществ, целью которых являлось улучшение экономического положения ремесленников, мелких торговцев и т. п. Это были главным образом ссудные кассы и кассы взаимопомощи.

Организация чешских школ осуществлялась городскими и сельскими общинными самоуправлениями. Общины учреждали в основном низшие школы; учреждение средних школ было им часто не под силу⁹¹.

С большим торжеством отмечались различные национальные празднества, например празднества в честь Кирилла и Мефодия в Брно, которым лидер моравской буржуазии приписывал пробуждение национальных чувств чешского населения Брно⁹².

Торжественно была отмечена в Чехии первая годовщина со дня издания октябрьского диплома. В Праге была устроена большая иллюминация и т. п. В ответ на это правительство решило устроить празднество в годовщину февральского патента, но ему это не удалось. Чешское население не только Праги, но и провинции демонстративно устраивало в этот день обеды по умершим чешским патриотам. «И на деревне служили «черную» обедню, под различными предлогами, хотя наместничество строго приказало, чтобы происходило празднование конституции»⁹³.

Не всегда такие манифестации проходили по планам руководителей национальной партии. Старочехам внушала серьезную тревогу радикально настроенная учащаяся молодежь. Ригер раздраженно писал, что у студенчества «наблюдается какой-то национальный импульс, требующий каких-либо действий, которые могут увести далеко от правильного пути»⁹⁴. Со-

⁸⁷ A. S r b. Vzpomínky, str. 47—48.

⁸⁸ E. Denis. Op. cit., p. 442; A. S r b. Vzpomínky, str. 37, 46, 47; И. Бэла. Очерки развития чешской музыкальной классики. М.—Л., 1951, стр. 199—202.

⁸⁹ A. S r b. Vzpomínky, str. 34—46, 66; Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 150—151; E. Denis. Op. cit., p. 467.

⁹⁰ A. S r b. Vzpomínky, str. 11.

⁹¹ F. L. Rieger. Cechy..., str. 161—165.

⁹² Письмо А. Пражака Ригеру от 9 сентября 1863 г. Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 155—156.

⁹³ A. S r b. Vzpomínky, str. 45.

⁹⁴ Письмо Ригера Палацкому (конец мая 1860 г.). Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 127.

общая Ригеру о торжествах в честь Кирилла и Мефодия, Пражак писал, что не поехал в Брно, так как не думал, что торжества будут столь многолюдными. «Комитет для проведения торжеств состоял большей частью из юношей и людей, от которых я не ожидал порядочного проведения торжеств»⁹⁵.

Большая роль в организации подобных мероприятий, как и вообще в национальном движении того времени, принадлежала самоуправлению отдельных общин и округов, благодаря которому значительно активизировались более широкие слои чешской буржуазии города и деревни.

Уже программа газеты «Народни листы» требовала расширения самоуправления общин, округов и т. п.: «На место всюду проникающих чиновников теперь выступает в меру разумная самодеятельность граждан. Так, участие граждан в управлении общественными делами пробудит тысячи ранее неизвестных сил, пробудит гражданскую добродетель»⁹⁶.

В 1864 г. правительство возобновило закон 1849 г.⁹⁷, касающийся создания окружных и общинных представительств. Этот закон предоставлял общине известную внутреннюю автономию и объединял общины в округа, построенные более или менее по национальному признаку. Учрежденные на основе этого закона общинные и окружные представительства создали порядок, просуществовавший до 1927 г.⁹⁸ «Мы не скрываем от себя, — писал Сладковский, — что это в общем очень скудная основа самоуправления, но мы ее использовали как могли»⁹⁹. Перед чешскими буржуазными политическими деятелями стоял пример Венгрии, где комитаты сыграли очень большую роль в борьбе с австрийским правительством.

Надо отметить, что хотя окружные представительства в Чехии не обладали той силой, как комитаты Венгрии, тем не менее они сыграли определенную роль в национальном движении, особенно в 1867—1871 гг. Эти местные органы самоуправления представляли широкое поле деятельности для агитации чешской буржуазии.

Окружные представительства посредством принятия резолюций высказывали свое мнение по волновавшим чешское общество вопросам, посылкой петиций экономического и политического характера в чешский сейм они знакомили как сейм, так и (через печать) чешское общество со своими требованиями; окружные представительства всегда очень живо реагировали на события в политической жизни империи и самой Чехии.

Австрийское правительство, оценив значение местных органов самоуправления в чешском национальном движении, стало всячески препятствовать их деятельности, тормозило выборы, увеличивало полномочия окружных начальников, присваивая им право вмешательства в дела органов самоуправления¹⁰⁰. Недаром проект общинного устройства обсуждался в сейме на протяжении двух лет.

⁹⁵ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 155—156.

⁹⁶ Půl století Národních Listů, str. 11.

⁹⁷ С. Г. Лозинский. Царствование Франца-Иосифа. Пг., 1916, стр. 35. Общинное устройство 1864 г. в отличие от 1849 г. не допускало выборов учителей, священников и низшего чиновничества (SZ, 1866, VIII, str. 4).

⁹⁸ Československá vlastivěda, str. 772. В Моравии вследствие противодействия немецких либералов вообще не был введен институт окружных представительств.

⁹⁹ K. Sladkovský. Op. cit., str. 406—407.

¹⁰⁰ Об этом говорит представленная сейму интерпелляция, подписанная лидерами национальной партии — Палацким, Ригером, Грегром, Сладковским и др. (см. SZ, 1864, VI, str. 2—3; XII, str. 5—22; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 142).

ПРОГРАММА ЧЕШСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ

Чешская национальная партия не имела какой-либо официально утвержденной программы. Роль такой программы играли главным образом передовые статьи газет «Народни листы», «Глас» и «Народ», на основании которых можно составить ясное представление о программе чешской буржуазии в начале 60-х годов XIX в.

Первым таким программным документом было прошение императору о разрешении издавать чешскую политическую газету, поданное в июне 1860 г. 12 чешскими буржуазными политическими деятелями с Палацким и Ригером во главе. В этом прошении были изложены некоторые основные политические требования чешской буржуазии. Прошение делилось на две части: в одной излагались национальные требования, в другой — социально-политические. Интересной особенностью этого программного документа является то, что он касался положения всего «чешско-словацкого народа» не только в чешских исторических землях, но и словаков в Венгрии. Прошение это не было разрешено нигде напечатать, и оно распространялось по рукам¹⁰¹. Социально-политические требования национальной партии ограничивались общими фразами, заключающими в себе программу обычных буржуазных «свобод».

Более широко позиции национальной партии были изложены в программе «Народных листов», напечатанной 1 января 1861 г. в первом номере этой газеты. Программа была написана Ригером¹⁰² и одобрена другими лидерами национальной партии. Заметим также, что она написана до установления Ригером контакта с партией «исторического дворянства».

В статье указывается на необходимость уничтожения политических привилегий дворянства, основанных только на происхождении. «Семья, община, жупа или край, земля и историческая наша Корона должны иметь каждая свою область самоуправления... На основе этих принципов мы требуем реформ внутреннего земского управления его упрощения и удешевления. На место всюду проникающих чиновников выступит в меру разумная самодеятельность граждан. Мы требуем самодеятельности граждан и в судопроизводстве». Затем приводятся требования свободы вероисповедания, свободы церкви и независимости ее от государства, гражданского равноправия евреев, свободы печати, «охраняемой и ограниченной только законом». В области социально-экономической — требования полной свободы производства, свободы обмена и распоряжения недвижимым имуществом, упорядочения таможенных, финансовых и кредитных учреждений¹⁰³. Сравнивая эту программу с программой, опубликованной в 1862 г. Карлом Сладковским в газете «Глас», можно отметить, что социально-политическая программа младочехов очень мало отличалась от программы, сформулированной в 1860 г. Ригером¹⁰⁴. Сладковский требовал полной личной безопасности, свободы обществ, союзов (этого в программе «Народных листов» нет), свободы печати, введения суда присяжных по делам печати (это также отсутствует в вышеприведенной программе), религиозного и гражданского равноправия, уничтожения

¹⁰¹ Z. T o b o l k a. Dějiny, str. 22; K. V l č e k. Listové různých adres. „Osvěta“. Praha, 1873, str. 44; Československá vlastivěda, str. 766; Česká politika, d. III, str. 194.

¹⁰² „Эта программа в общем исходит от меня, всецело от меня; Палацкий с ней полностью согласен. Я получил за нее много похвал“, — писал Ригер Габлеру 27 декабря 1860 г. (Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 139).

¹⁰³ Půl století Národních Listů, str. 10—11.

¹⁰⁴ E. G r é g r. Denník, str. 110.

привилегий отдельных лиц либо сословий. Сладковский подчеркивал, что «на материальном благосостоянии, конечно, основывается всякий моральный и политический успех, поэтому «Глас» будет заботиться об экономических, промышленных и торговых делах, о земских кредитных и просветительных учреждениях¹⁰⁵.

Социально-политические программы «Народных листов» и «Гласа» заслуживают особого внимания, так как в дальнейшем ни один программный документ национальной партии уже не содержит этой группы требований; они встречаются только в виде отдельных высказываний различных политических деятелей.

В 1860 г. лидеры национальной партии — будущие старочехи — считали еще возможным выдвинуть программу умеренных буржуазно-либеральных преобразований, однако под влиянием сближения с дворянством они вскоре полностью отбросили ее и прочно стали на позиции политического консерватизма, ограничивая свою программу лишь государственно-правовыми и национальными требованиями. Их либеральная социально-политическая программа перешла по наследству к младочехам, которых она, как это видно из сопоставления программ «Народных листов» и «Гласа», полностью удовлетворяла.

На основе социально-политической программы в первой половине 60-х годов в чешском сейме создавался неоднократно блок младочешских депутатов с немцами-либералами — членами немецкой «конституционной партии». Сближение это происходило только при обсуждении социально-экономических вопросов (об исключении крупных земельных собственников из общины, о праве охоты, о возмещении помещикам за дрова для школ и т. п.) и наглядно видно по данным голосований. В этих случаях, как писал Сладковский, наступало «совсем иное распределение партий в чешском сейме»¹⁰⁶. Старочехи (об этом подробнее мы скажем ниже) в этих вопросах, как правило, шли на поводу у консервативного дворянства, защищая его интересы.

Центральным пунктом программы чешской национальной партии были национальные и государственно-правовые требования. Первые касались вопроса равноправия обеих национальностей, вторые — вопроса государственно-правового положения земель чешской короны в австрийской монархии и вопросов земской автономии Чехии.

В начале 1860 г. чешские буржуазные политические деятели с Палацким и Ригером во главе исходили из программы национально-либеральной партии 1848 г. в том смысле, что свою национальную программу они основывали на национальных правах чешского народа. После издания октябрьского диплома 1860 г., основой которого было признание «исторических прав» отдельных королевств и земель монархии и необходимости расширения прав земских сеймов, а также после заключения соглашения с дворянством, выступавшим под знаменем «исторического права», Ригер и его единомышленники ввели в свой арсенал теорию «исторического права».

Следует, однако, иметь в виду, что до 1867 г. чешская буржуазия выдвигала на первый план требования национальные, рассматривая требования государственно-правового характера, как имеющие скорее теоретический, программный характер. Положение изменилось после заключения австро-венгерского соглашения 1867 г., когда чешская буржуазия начала выдвигать на первый план именно государственно-правовые требования. Объясняется это тем, что до 1867 г. вопрос государственного переустрой-

¹⁰⁵ K. Sladkovský. Op. cit., str. 241.

¹⁰⁶ Там же, стр. 301.

ства монархии был открытым вопросом. Когда после оформления дуализма в 1867 г. стало очевидным, что положение славянских национальностей не изменилось, что они остались в прежнем подчиненном положении, тогда-то чешская буржуазия совместно с частью дворянства начала ратовать за восстановление «государственных прав Чешского королевства».

К чему сводились национальные требования чешской буржуазии?

В первую очередь это был вопрос о равноправии немецкого и чешского языков в школе, в суде, в учреждениях. Вопрос о языке затрагивал насущные интересы чешской буржуазии; это был вопрос о том, в чьих руках в конечном счете будет находиться земское управление — в руках немецкой или чешской буржуазии.

Выставляя требование равноправия чешского и немецкого языков, чешские буржуазные политические деятели основывали его, прежде всего, на так называемом кабинетном листе от 8 апреля 1848 г., первый параграф которого гласил, что «чешский язык во всех отраслях государственного управления и общественного обучения становится полностью равноправным с немецким языком» и что «с настоящего времени все государственные должности и все должности в судах должны замещаться в Чехии только лицами, владеющими обоими земскими языками»¹⁰⁷. Кабинетный лист и в 1848 г. по существу остался на бумаге, победа же контрреволюции привела к полному торжеству германизаторско-бюрократического режима в Чехии.

Чешская буржуазия требовала осуществления кабинетного листа, т. е. последовательного проведения языкового равноправия во всех областях общественной жизни, в школах и учреждениях.

В программе «Народных листов» говорилось: «Мы не успокоимся на голом, пустом признании этого принципа... Мы желаем, чтобы наши школы были бы так устроены, чтобы каждый образованный человек у нас знал второй земский язык, так как этого требует удержание единоплеменности населения нашей прекрасной родины». В статье Юлиуса Грегера, одного из лидеров младочехов, ясно видно отношение младочехов к школьному вопросу — по существу это требование изъятия школ из рук немецкой бюрократии и передачи их в руки чешской буржуазии: «Наши реальные училища должны воспитывать не правительственных чиновников и унтер-офицеров. Эти школы должны заботиться о том, чтобы воспитывать исправных ремесленников и способных промышленников, так как мы убеждены, что только из этого зародыша может расцвести национальное благосостояние»¹⁰⁸. Сладковский писал в январе 1863 г. в газете «Глас»: «Пока язык наш не пользуется полным правом в общественной жизни, пока он или исключен из школ, ведомств и иных общественных учреждений или только терпим в них, пока на чешские жалобы, бумаги и просьбы мы вынуждены получать решения на немецком языке, до тех пор не гарантировано право нашей национальности»¹⁰⁹.

Чешские буржуазные политические деятели боролись в сейме за языковое равноправие самыми различными средствами, используя для этого любой предлог. Так, уже 8 апреля 1861 г., на втором заседании сейма, Ригер протестовал против того, что протоколы сейма ведутся только на немецком языке. После дебатов было принято решение вести протоколы на

¹⁰⁷ А. Клима. 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. М., 1949, стр. 63—66 (приводится текст кабинетного листа).

¹⁰⁸ Pál století Národních Listů, str. 11, 75; см. также Fr. Palacký. Op. cit., str. 231, 252—254.

¹⁰⁹ K. Sladkovský. Op. cit., str. 273—274.

обоих земских языках¹¹⁰. Чешские депутаты подавали интерпелляции в сейме относительно равноправия языков в суде, относительно введения равноправия обоих языков в учреждениях (1865 г., проект депутата Сейдля), относительно просьбы студентов медицинского факультета и студентов политехнического института о введении преподавания на чешском языке и т. п.¹¹¹.

В 1866 г. Ригер внес в сейм проект равноправия чешского и немецкого языков в Пражском университете. В дни, когда в сейме шли дебаты об этом, перед зданием сейма стояла толпа народа, с нетерпением ожидавшая результатов дебатов.

Но главный упор чешские депутаты делали на вопрос о преподавании чешского языка в школах. Они добились определенных успехов. В 1864 г. при поддержке дворян-федералистов чешским депутатам после длительных дебатов удалось провести в сейме закон о равноправии чешского и немецкого языков в школе. Согласно этому закону, в средних школах вводилось обязательное обучение второму земскому языку, в низших классах вводились параллельные классы; все существующие гимназии Чехии делились на чешские, немецкие и гимназии с параллельными классами¹¹². Наиболее резкие возражения немцев в сейме вызвал § 4, устанавливавший обязательность изучения второго языка. Немецкие националисты прозвали этот закон «Sprachenzvanggesetz» и всюду кричали об угрожающей им «чехизации»¹¹³.

Одним из главных требований чешской буржуазии сразу же после издания в 1861 г. правительством Шмерлинга избирательного закона для Чешского королевства стало изменение этого избирательного закона, сильно ущемлявшего права чешской городской и сельской буржуазии по сравнению с буржуазией немецкой. Мы говорим только о буржуазии, потому что широкие слои как чешского, так и немецкого крестьянства и рабочего класса были лишены избирательных прав.

Избирательный закон 1861 г.¹¹⁴, составленный централистским немецким правительством Шмерлинга, был построен таким образом, чтобы обеспечить господство немецкой национальности: относительно большее число депутатов от городов, где в это время средняя и крупная буржуазия в основном была немецкой, по сравнению с курией сельских общин, где в большинстве округов преобладала чешская буржуазия¹¹⁵, выделение

¹¹⁰ SZ. 1861, II, str. 1—3. Характерно, что, открывая сейм, высший маршалек земский граф Ностиц заявил, что, к сожалению, он не знает чешского языка, но надеется, что сможет успешно (!) защищать права обеих национальностей (SZ. 1861, I, str. 1).

¹¹¹ SZ. 1864, XLVI, str. 1—2; XLIII, str. 2—3; XXXV, str. 21—22; 1866, XIII; см. также A. S r b. Vzpomínky, str. 74—75.

¹¹² SZ. 1864, XVIII, str. 2—3, проект закона о равноправии языков. Параграф 6 этого проекта говорит о разделении 17 высших гимназий чешского королевства: восемь гимназий становятся чешскими, девять — немецкими; в четырех из них вводятся параллельные классы для чешских учеников. Из семи низших гимназий — пять чешских и две немецких. При осуществлении вышеупомянутого закона одна чешская гимназия приходилась бы на 400 тыс. чехов, одна немецкая — на 200 тыс. немцев (SZ. 1864, XLIV, str. 3—7, из выступления проф. Зеленого). Число учащихся чешской национальности во всех гимназиях Чехии вдвое превышало число учащихся немецкой национальности (см. SZ. 1864, XLI, str. 21; A. S r b. Vzpomínky, str. 16, 72).

¹¹³ SZ. 1864, XLII, str. 22—23; XLIII, str. 9—10.

¹¹⁴ F. L. R i e g e r. Cechy..., str. 186—188; K. S l a d k o v s k ý. Op. cit., str. 50—55, 198—202; 251; С. Г. Лозинский. Указ. соч., стр. 69—70.

¹¹⁵ В городской курии и курии торговых и промышленных палат чехам принадлежало примерно 35—37 голосов из 87, в курии сельских общин — немного более 50 голосов из 79 (см. выборы в сейм в январе—феврале 1867 г. SZ. 1867/I, I—IV).

в отдельную курию крупных торговцев и промышленников, почти исключительно немцев, соответствующая «избирательная география» и т. п.

В то же время избирательный закон 1861 г. предоставлял особо привилегированное положение курии крупных земельных собственников. 650 крупных земельных собственников Чехии избирали в сейм 70 депутатов, в то время как городское население — 87 (сюда входила и курия торговых и промышленных палат), а сельское население — 79 депутатов.

Чешская буржуазия, говоря об ущемлении политических прав чешской нации, видела в этом исключительно ущемление прав чешской буржуазии, по сравнению с буржуазией немецкой, которая при поддержке немецких помещиков имела в сейме большинство. Чешская буржуазия игнорировала тот факт, что закон 1861 г. лишал избирательного права чешских рабочих и крестьян и даже значительные слои чешской мелкой буржуазии. Чешская буржуазия и не думала об изменении имущественного ценза. Руководство национальной партии в лице Палацкого и Ригера не возражало против того, что избирательный закон ставил в особо привилегированное положение помещиков, так как это усиливало его союзников — консервативное чешское дворянство. Геллер, издатель речей Карла Сладковского, писал, что несправедливость этого избирательного закона «была несколько сглажена тем фактом, что в курии крупных земельных собственников иногда господствовали депутаты федералистически настроенного дворянства»¹¹⁶. Чешская буржуазия, выступая за изменение избирательного закона, преследовала исключительно свои классовые интересы, что, однако, не мешало ей провозглашать эту борьбу борьбой всего чешского народа против ущемления политических прав своей национальности. То обстоятельство, что младочехи ставили вопрос об уменьшении прав крупных земельных собственников, не меняет дела¹¹⁷, как не меняет дела и тот факт, что в 1871 г. младочехи составили проект избирательного закона, в котором ценз был несколько снижен, — вопрос шел только о том, чтобы дать политические права более широким слоям чешской буржуазии.

Когда во второй половине 60-х годов среди чешских рабочих и крестьян стал популярен лозунг всеобщего избирательного права, он был встречен крайне неприязненно чешской буржуазией. Палацкий открыто доказывал в печати «неразумность» этого требования, Сладковский и другие младочехи обходили молчанием этот вопрос.

Чешская буржуазия, используя критику непопулярного избирательного закона 1861 г. для затуманивания сознания широких слоев чешского населения, провозглашала, что всему чешскому народу надо прежде всего бороться за изменение избирательного закона в смысле уравнивания прав чешской нации с нацией немецкой, что по сути означало уравнивание политических прав чешской буржуазии с буржуазией немецкой, а когда это будет достигнуто, тогда, мол, уже можно будет заняться изменением избирательного закона в смысле расширения избирательного права. Немецкие

¹¹⁶ K. Sladkovský. Op. cit., str. 45. Предисловие Геллера.

¹¹⁷ Там же, стр. 53—54 (речь Сладковского в земском сейме 1863 г.). Сладковский нападает на курию крупных земельных собственников, доказывая, что если принять за основу количество уплачиваемых налогов, то крупные земельные собственники должны вместо 70 посылать 50 депутатов, городская курия вместо 87 депутатов — 34, а курия сельских общин вместо 79 депутатов — 136. Таким образом, Сладковского вполне устраивал антидемократический принцип избирательного закона, он не говорил об изменении имущественного ценза, он боролся лишь за перераспределение мандатов, за усиление чешской буржуазии, против крупных земельных собственников и немецкой буржуазии.

либералы, которые отнюдь не были сторонниками какого-либо изменения избирательного закона, не упускали случая использовать в своих интересах антидемократические ухищрения чешской буржуазии и неоднократно упрекали чешских депутатов сейма в том, что они в своей борьбе за изменение избирательного закона исходят только из национальных, а не из демократических принципов¹¹⁸.

Борьба за изменение избирательного закона была для чешской буржуазии борьбой за господство в земском чешском сейме.

Эту борьбу чешская буржуазия вела в самом сейме, где уже в 1861 г. выступила с протестом, требуя изменения этого закона; в 1863 г. Палацкий вновь поставил в сейме вопрос об изменении избирательного закона, но немецкое большинство сейма отвергло его предложение; наконец, в 1865—1866 гг. чешское большинство в сейме смогло добиться составления адреса императору с просьбой пересмотреть избирательный закон 1861 г.¹¹⁹

Борьбу за изменение избирательного закона вела также и чешская пресса; как отдельные граждане, так и окружные представительства посылали в сейм петиции с требованием изменения избирательного закона. Никаких практических результатов борьба за изменение избирательного закона не принесла, немецкая буржуазия и немецкие помещики твердо охраняли свои позиции, не желая идти на уступки в этом вопросе.

Какова была программа национальной партии в вопросе автономии чешских земель, в вопросе отношения этих земель к Австрии?

Еще в 1848—1849 гг. идеолог чешской буржуазии историк Франтишек Палацкий провозгласил программу федералистического переустройства Австрии, получившую название австрославизма¹²⁰.

Программа австрославизма была сформулирована Палацким в его речах, произнесенных в 1849 г. в конституционном комитете Кромержижского парламента¹²¹. Австрия, согласно взглядам Палацкого, должна быть федерацией восьми «национально-исторических» групп земель; общие дела для всей монархии должны входить в компетенцию центрального представительного учреждения — рейхстага, остальные — в компетенцию земских сеймов.

Палацкий подчеркивал¹²², что от разрешения национального вопроса в Австрии зависит не только внутренний мир в стране, но и мощь империи в Европе. Автономия отдельных национальностей не должна наносить ущерба целостности монархии. Палацкий подчеркивал, что «не может быть и речи... о каком-либо ограничении власти и прерогатив императора»¹²³. Таким образом, Австрийская империя оставалась неприкосновенной, она должна была только стать федерацией; неприкосновенным оставался и монархический строй, он должен был только несколько приспособиться к парламентарным формам правления, которые, согласно Палацкому, сводятся к автономии и самоуправлению. Программа Палацкого была направлена лишь против централизма и австро-немецкого национального господства, она выражала интересы определенной части ненемецкой буржуазии, но всем своим духом была враждебна интересам широких

¹¹⁸ K. Sladkovský. Op. cit., str. 46—47. Любопытно, что Сладковский даже не опровергает этого.

¹¹⁹ W. Rogge. Österreich seit Világos bis zur Gegenwart, Bd. 2. Wien—Leipzig, 1873. S. 310.

¹²⁰ Основные принципы австрославизма были сформулированы еще в 1846 г. Карлом Гавличком.

¹²¹ Fr. Palacký. Op. cit., str. 78—79.

¹²² Там же, стр. 112—116.

¹²³ Там же, стр. 117.

демократических слоев славянских наций империи. Это была реакционная программа консервации прогнившей габсбургской монархии.

В революционный 1848 г. австрославизм был призван выполнить определенную задачу: отвлечь народные массы угнетаемых национальностей Австрии от классовой борьбы, препятствовать объединению революционного движения широких масс славянских народов Австрии с революционным движением немцев и венгров. И австрославизм в определенной степени выполнил эту задачу.

Восемь «национально-исторических» областей, из которых, по мнению Палацкого, должна была состоять федеративная Австрия, таковы:

1. Земли немецко-австрийские — Верхняя и Нижняя Австрия, Штирия, Каринтия, Зальцбург, немецкая часть Тироля, Форарльберг, немецкие части Чехии, Моравии и Силезии.
2. Земли чешские — чешские части Чехии, Моравии и Силезии и Словакия.
3. Земли польские — Галиция, Краков, Буковина, Прикарпатская Русь.
4. Земли иллирийские — славянские части Штирии и Каринтии, Крайна, Приморье, Словения (Slavonsko).
5. Земли итальянские — итальянская часть Тироля, Ломбардия, Венеция.
6. Земли южнославянские — Далмация, Хорватия, Славония (Slavonia) и Воеводина.
7. Земли венгерские — венгерские части Венгрии и Семиградья.
8. Земли румынские — румынские части Семиградья, Венгрии и Буковины.

Такое деление, основанное, несмотря на наименование «национально-исторические», на этнографическом принципе, должно было столкнуться с отрицательным отношением господствующих классов не только немецкой национальности, но также и мадьярской, территория которой ограничивалась строго этнографическими рамками.

Мы не останавливаемся подробно на том, что представляла собой «этнография» Палацкого, игнорировавшего интересы украинского народа и самое его существование и предлагавшего не только закрепить польское господство над украинской Восточной Галицией, но сверх того и распространить его на Буковину и Закарпатскую Украину, о чем не решались мечтать самые агрессивные польские националисты. Следует обратить внимание и на тот факт, что, предусматривая объединение чешских земель и Словакии в составе одной автономной территории, Палацкий не основывал это предложение на исторических связях и близости братских народов — чешского и словацкого и игнорировал национальную самобытность словацкого народа, объявляя словаков чехами. Уже в 1848 г. чешская буржуазия старалась использовать в своих великодержавных интересах стремление словацкого народа к национальному освобождению и его надежды на помощь братского чешского народа. Что касается южнославянской «этнографии» Палацкого (4 и 6 группы), то она отражает в основном уровень современного ему представления о южных славянах.

Большой интерес для нас представляет тот факт, что в 1849 г. предложение о разделении Чехии на две части — чешскую и немецкую (Czechiens и Deutschböhmens) вызвало отрицательное отношение немцев. В 60-х годах, наоборот, чешская буржуазия очень враждебно отнеслась к этому требованию, выставленному тогда некоторыми немцами-либералами. В 1849 г. такое разделение было продиктовано стремлением еще очень слабой чешской буржуазии укрепиться хотя бы на части чешских земель

в условиях, когда они целиком находились под безраздельным господством австро-немецких помещиков и буржуазии. Понятно, что австро-немецкая буржуазия и помещики тогда резко протестовали против этого. В 60-х годах положение стало иным. Рост чешского национального движения, усиление чешской буржуазии, которая теперь надеялась отвоевать для себя всю Чехию, привели к тому, что предложение о подобном дележе исходило уже от немецкой буржуазии¹²⁴.

Мы подробно остановились на австрославистской программе Палацкого 1848—1849 г. потому, что она оставалась основой программы чешской буржуазии в 60-х годах, несколько видоизменяясь в связи с новой политической обстановкой.

В 60-х годах главным вопросом австрийской внутренней политики являлся вопрос о соглашении с Венгрией.

Австрославистские проекты чешской национальной партии наталкивались теперь не на старую централизацию, а на новую ее форму — дуализм.

Программа дуализма означала, что австро-немецкая буржуазия и помещики не могут уже собственными силами справиться с растущим национальным движением внутри империи, а особенно с сепаратизмом венгров, что поэтому они склонны пойти на соглашение с венгерскими господствующими классами, чтобы с их помощью продолжать угнетать славянские национальности.

В первой половине 60-х годов угроза дуализма была очень актуальной. Идеологи чешской буржуазии несколько изменили свою программу, выдвигая на первый план в своих проектах федерации не этнографический, а историко-государственный признак, настаивая на равенстве государственных прав земель Чешской короны правам земель Венгерской короны. Заметим, что уже сама эта постановка вопроса означала молчаливое признание господства Венгрии над Словакией.

Чешские буржуазные историки¹²⁵ не без основания видят в выдвигании «историко-государственной» программы влияние чешского и венгерского магнатства, провозгласивших в расширенном имперском совете 1860 г. требование признания «историко-политической индивидуальности» отдельных частей монархии. Когда венгерская дворянская партия Деака, чувствуя свою силу, стала заявлять, что «историко-политической индивидуальностью» обладают только земли Венгерской короны, чешская национальная партия встала на тот же путь, прибегла к тем же аргументам, отстаивая «историческое государственное право короны св. Вацлава»¹²⁶. Впрочем, теория «исторического государственного права» в 60-х годах была распространена среди господствующих классов не только Венгрии, Чехии, но и южных славян, в частности в Триедином Королевстве.

¹²⁴ K. Sladkovský. Op. cit., str. 243—245. Сладковский, указывая, что Рейхенбергская газета напечатала статью, в которой говорилось о желательности разделения Чехии на две области: чешскую и немецкую, со своей стороны резко возражает против этого, считая, что такое разделение было бы шагом к объединению немецкой части Чехии с Германией. В другой статье (там же, стр. 359) Сладковский осуждает как ошибку Палацкого, как отход от исторической точки зрения постановку им в 1849 г. вопроса о разделении Чехии на немецкую и чешскую части (см. также E. Taaffe. Der politische Nachlass. Herausgegeben von A. Skedl. Wien, 1922, S. 156: SZ. 1867/II. VI, str. 5. Речь Ригера).

¹²⁵ Půl století Národních Listů, str. 12 (статья Карла Тумы); J. Arbes. Op. cit. str. 35—37; Fr. Palacký. Op. cit., str. 132 (предисловие Б. Ригера).

¹²⁶ На равенство «исторических государственных прав» Венгрии и Чехии ссылались в своих выступлениях в сейме лидеры старочехов Ригер и Браунер (SZ. 1866, VIII, str. 20; IX, str. 7—8; см. также Fr. Palacký. Op. cit., str. 237; K. Sladkovský. Op. cit., str. 255).

Теория «исторического государственного права» была взята чешской буржуазией из дворянского арсенала. Сформулировавшее эту теорию дворянство считало себя истинным носителем этого права. Что же представляло собой «историческое государственное право земель Чешской короны»?

Прежде всего, оно основывалось на принципе, что Чешское королевство при вхождении в империю Габсбургов не утратило своей независимости, что чешский сейм сохранил (в теории, так как на практике от этих прав давно уже ничего не осталось) наиболее существенные из своих прав — право в случае прекращения династии Габсбургов избирать нового короля, право вотировать новые налоги и давать разрешение на набор рекрутов. Юридической основой «исторического государственного права» являлись обветшалые и давно утратившие всякое значение законы — земское уложение Фердинанда II 1627 г., прагматическая санкция Карла VI и другие, а также кабинетный лист 8 апреля 1848 г. и октябрьский диплом 1860 г.¹²⁷

Не трудно заметить, что чешская буржуазия в своей аргументации исходила не из исторических прав и не из жизненных потребностей чешского народа, а из «исторических прав» самого реакционного класса чешского общества — дворянства. Дух средневековья пронизывал теорию «исторического государственного права». И пусть чешская буржуазия, выдвигая эту теорию, думала отнюдь не о восстановлении сословных привилегий дворянства, не о восстановлении старого сословного сейма¹²⁸, а об обезпечении своих классовых интересов, о вытеснении из «исторического Чешского королевства» своего конкурента — немецкой буржуазии, на деле принятие дворянской теории не могло не наложить отпечаток на программу чешской буржуазии, на развитие чешского национального движения.

Немецкие либералы пользовались возможностью высмеивать анахронизм теории «исторического права» для борьбы с чешским национальным движением¹²⁹.

Теория «исторического государственного права» лишь внешне усиливала позиции чешской национальной партии. Теоретическое равенство прав Чехии и Венгрии еще далеко не создавало равенства сил чешского и венгерского национального движения. Венгерские господствующие классы посмеивались над «историческим государственным правом» Чехии, заявляя устами одного из своих лидеров, что если в семье лишь один сын сохранил свое состояние, то он не обязан делиться с остальными братьями¹³⁰.

В развернувшейся в 60-х годах национальной борьбе вокруг вопроса о государственном переустройстве Австрии решающим фактором являлась сила движения. Чешская буржуазия далеко не сразу уразумела это. И если в 1876 г., полемизируя со старочехами, Грегр бросил крылатую фразу: «Без настоящей силы, которая была бы способна осуществить его (историческое государственное право. — Н. Р.), оно не стоит и понюшки табаку»¹³¹, то в 60-х годах теорию «исторического государственного права» отстаивали (с незначительными оговорками)¹³² не только старочехи, но и младочехи.

¹²⁷ См. F. L. Rieger. Čechy..., str. 180—183; см. также SZ. 1866, VIII, str. 20; IX, str. 20.

¹²⁸ K. Sladkovský. Op. cit., str. 291—292.

¹²⁹ См. выступления Гербста, Вольфа, Кляра в чешском сейме (SZ. 1866, IX, str. 4, 15, 36—39).

¹³⁰ SZ. 1866, VIII, str. 20.

¹³¹ E. Grégr. Naše politika. Otevřený list. Praha, 1876.

¹³² K. Sladkovský. Op. cit., str. 282. „Мы хотим историческую справедливую конституционность в нашем отечестве основать на принципе современных идей“ (там же, стр. 291—292).

Развернутую программу федералистического переустройства Австрии на основе «историко-государственных принципов» сформулировал Палацкий в серии статей, опубликованных весной 1865 г. в газете «Народ» под общим названием «Идея австрийского государства»¹³³.

По существу это лишь несколько видоизмененная старая австрославистская программа, выдвинутая Палацким в 1848—1849 гг.

Палацкий не жалеет красок для изображения благ федерализма в Австрии. Федерализм, заявляет он, может на деле осуществить принцип равноправия национальностей.

При этом Палацкий старательно опровергает упреки, делавшиеся ему в 1848 г., будто бы предлагаемая им федерация приведет к распаду Австрии, к превращению отдельных частей ее в республику. Теперь, говорит он, когда идея федерации получила признание в высших сферах (имеется в виду октябрьский диплом), «ясно каждому разумному человеку, что австрийский федерализм есть федерализм *suī generis*, отличающийся как от федерализма Швейцарии и Соединенных Штатов, так и от федерализма немецкого»; австрийский федерализм приведет, напротив, к укреплению монархии¹³⁴.

Австрославистскую программу Палацкого полностью поддерживал Ригер. Для него идеалом являлось превращение Австрии в монархическую Швейцарию. В швейцарском примере Ригера привлекали не буржуазно-демократические черты, а способ разрешения национального вопроса.

Если для Палацкого федерализм буржуазных США был «чрезмерно демократичен», то Сладковский видит в США идеальное государство¹³⁵.

Разумеется, сама по себе замена централистско-бюрократической системы в австрийской многонациональной империи федерацией, в известной мере учитывающей интересы оттесненных наций, была шагом вперед. Но, как мы уже отмечали, австрославистская программа Палацкого включала в себя как неотъемлемый элемент сохранение реакционной габсбургской монархии. Такая программа, выдвинутая (и это не случайное совпадение) в революционных условиях 1848—1849 гг. и вновь воскрешенная в 60-х годах, на втором этапе буржуазной революции в Австрии, в момент, когда колебались устои габсбургской монархии, ни в коей мере не может рассматриваться как программа прогрессивная.

Палацкий следующим образом рисует контуры будущей федеративной Австрии: рейхсрат, ведающий всеми общими для всей империи делами (они в основном те же, что и в программе 1848 г.), двухпалатные земские сеймы, обладающие законодательной властью в делах местных; центральное правительство и канцлеры отдельных земель, являющиеся членами этого центрального правительства. Обращает внимание то, что Палацкий даже не упоминает об ответственности канцлера перед сеймом.

Говоря о строении австрийской федерации, Палацкий указывает, что Австрия должна делиться «на несколько групп, согласно историческим, этнографическим и географическим принципам и отношениям», причем главный упор он делает на принцип исторический¹³⁶.

Во главе каждой группы земель могут быть поставлены генеральные сеймы, но каждая земля сохраняет свой сейм. Вопрос о землях Венгерской короны должен быть решен согласно желанию всех национальностей, входящих в ее состав.

¹³³ См. об этом *Česká politika*, d. III, str. 246—248; *Československá vlastivěda*, str. 772; E. Denis. Op. cit., p. 486; O. Zeithammer. Op. cit., S. 7.

¹³⁴ Fr. Palacký. Op. cit., str. 252.

¹³⁵ K. Sladkovský. Op. cit., str. 324—325.

¹³⁶ Fr. Palacký. Op. cit., str. 234, 236, 256.

Статьи Палацкокого своим острием направлены против создания дуалистической монархии. Длительное и прочное существование австрийской империи возможно, заявляет Палацкий, только на основе федеративного принципа¹³⁷. Централизация, как и дуализм, вследствие усиления национального движения среди угнетенных национальностей империи приведут в конечном итоге к распаду Австрии.

Дуализм опаснее для целостности империи, нежели полная централизация, так как дуализм означает не одну, а сразу две централизации¹³⁸. Палацкий грозит распадом Австрии; он соглашается полностью с Ригером, который характеризовал дуализм как эксперимент, смертельный для страны¹³⁹.

Таким образом, делает вывод Палацкий, в федеративном устройстве Австрии заинтересованы правящая династия и австрийские немцы, не желающие распада своей страны, а также славянские и другие национальностей Австрии. Вряд ли, заявляет он, в современной Европе смогут существовать отдельные малые государства, вероятнее всего, они будут поглощены более крупными¹⁴⁰.

Палацкий отвергает обвинение чехов в панславизме и заявляет, что славяне Австрии видят свое спасение только в Австрии. Но он не прочь пугнуть Австрию жупелом панславизма. Славяне, указывает он, будут всеми силами бороться против создания дуалистической системы. «День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма, в его наиболее нежелательной форме... Что последует за этим, об этом пусть догадается сам читатель. Мы, славяне, будем смотреть вперед с искренней скорбью, но без боязни. Существовали мы до Австрии, будем существовать и после нее»¹⁴¹, — так заканчивает последнюю свою статью Палацкий.

«Идея австрийского государства» Палацкокого стала своего рода «кредо» чешских буржуазных федералистов. Ее конкретным выражением был ряд проектов чешско-австрийского соглашения, авторы которых, однако, после 1867 г. уже примирялись с существующим статус кво, т. е. с дуализмом.

Первым таким проектом была программа, написанная Ригером летом 1866 г. и рассматривавшаяся на совещании представителей чешской, польской и южнославянской оппозиции в рейхсрате. В этой программе были детально сформулированы принципы австрийского федерализма¹⁴². В ней выдвигалось требование автономии и самоуправления во всех областях общественной жизни, скорейшей выработки конституции для всей монархии, конституции, которая удовлетворяла бы все национальностей империи, основывалась на октябрьском дипломе 1860 г., признавала «историческое государственное право» отдельных национальностей и отвечала бы «всем справедливым требованиям современности». Согласно программе, общеперская законодательная и исполнительная власть ограничивается в соответствии с октябрьским дипломом. Рейхсрат является конгрессом представителей отдельных земских групп или коронных земель. Каждая группа земель должна иметь своего придворного канцлера, который происходил бы из этих земель и знал их язык, и свой верховный суд. Канцлер

¹³⁷ Fr. Palacký. Op. cit., str. 265.

¹³⁸ Там же, стр. 247.

¹³⁹ Там же, стр. 250. Палацкий приводит цитаты из статьи Ригера „Na povšimnutí dualistum Videnským“ („Národ“, 9.XI 1864).

¹⁴⁰ То же самое пишет Сладковский в программе „Гласа“ (K. Sladkovský. Op. cit., str. 239—240).

¹⁴¹ Fr. Palacký. Op. cit., str. 266.

¹⁴² O. Zeithamer. Op. cit., S. 16—21.

ответственен перед генеральным сеймом группы земель; в каждой отдельной земле создается свое земское правительство, образованное по предложению придворного канцлера и ответственное перед сеймом данной земли. Кроме того, в каждой земле должен быть наместник, ведающий общеперскими делами и ответственный перед имперским правительством. Осуществление равноправия всех национальностей, т. е. языкового равноправия, возлагается в каждой отдельной земле на земский сейм. Косвенные налоги должны для всех земель втираться рейхсратом, прямые налоги — земскими сеймами.

Эта программа легла в основу всех более поздних (до 1871 г.) проектов государственного переустройства Австрии, выдвигавшихся чешской буржуазией и дворянством.

СОЮЗ СТАРОЧЕХОВ С ФЕДЕРАЛИСТИЧЕСКИМ ДВОРЯНСТВОМ. ДВА ТЕЧЕНИЯ В ЧЕШСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ

Вопрос о союзниках в борьбе с немецкой буржуазией имел для чешской буржуазии первостепенное значение. И не случайно, что такими союзниками оказались не чешские рабочие и крестьяне, деятельное участие которых, конечно, придало бы движению большой размах и силу, а чешское дворянство.

В начале 60-х годов дворянство было важным фактором в политической жизни Чехии. Об экономическом потенциале крупных земельных собственников Чехии мы говорили выше, политические же их позиции укрепил избирательный закон 1861 г., предоставивший им решающий голос в чешском сейме.

В условиях, когда центральным вопросом политической жизни Чехии был вопрос национальный, в чешском сейме противостояли друг другу две враждебные фракции, — чешская и немецкая национальные буржуазные группировки, — отличавшиеся друг от друга не социально-политическими, а национальными взглядами. Однако избирательный закон создал положение, при котором в сейме ни чешская, ни немецкая буржуазия не могла получить абсолютного большинства голосов. Положение арбитра занимали крупные земельные собственники; большинство в сейме получала та группа, на чью сторону они становились. Это обстоятельство определяло политическое значение дворянской курии, оно наложило отпечаток на весь характер чешского сейма в 60-х годах.

Личные связи членов курии — крупных земельных собственников — с императорским двором, их готовность согласовывать свои действия с пожеланиями правительства и двора обеспечивали для правительства возможность держать чешский сейм под своим влиянием и контролем. Однако чешские помещики не были только покорными исполнителями приказаний императорского правительства, у них была и своя политическая программа.

Что представляло собой дворянство Чехии в национальном отношении? Это были в большинстве своем немцы или онемеченные чехи. С начала 60-х годов среди земельной аристократии Чехии ясно вырисовываются две группировки. Одна из них, возглавляемая магнатом князем Карлом Ауерспергом, объединяла вокруг себя немецких помещиков Чехии¹⁴³. Будучи в социально-политических вопросах верной защитницей интересов своего сословия, эта группировка приспособилась к новым отношениям,

¹⁴³ J. Heidler. *České strany politické v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. Praha, 1914, str. 4; E. Denis. *Op. cit.*, p. 450—451; *Česká politika*, d. III, str. 239.

примирилась с конституционным строем, в котором она, как и при абсолютизме, надеялась играть первую роль. Эти капитализирующиеся помещики были связаны экономическими интересами с крупной торговой и финансовой буржуазией, в то время исключительно немецкой. В национальном вопросе эта группировка была настроена очень враждебно в отношении чехов, считая, что как в Австрии в целом, так и в самих чешских землях должны господствовать немецкие элементы. Она рассматривала Чехию лишь как часть немецкой Австрийской империи и стояла за проведение политики строгой централизации (во всей империи). Тесно связанная с немецкими помещиками Австрии, эта группировка отстаивала свои классовые и сословные интересы в рамках всей Австрии. В сейме эта группа полностью блокировалась в национальном вопросе с «конституционной партией» — партией немецкой буржуазии.

Другая группа объединяла вокруг себя представителей дворянства, не забывших своих старых сословных привилегий в Чешском королевстве, но равнодушных к чешской национальности, часто даже не владевших чешским языком¹⁴⁴. Не без основания это дворянство современники подчеркнуто именовали «богемским», а не чешским. Большинство этих дворян были немцы; они, как иронически замечает немецкий историк Рогге, «составили свое богатство главным образом за счет поместий, конфискованных Фердинандом II у чешского дворянства, теперь же объявляют себя чехами»¹⁴⁵.

Эта группа была сторонницей федеративного устройства Австрии, так как только при федеративном устройстве, при значительной автономии отдельных королевств и земель, дворянство могло надеяться вернуть себе некоторые свои привилегии и стать во главе самоуправления своей страны. Дворяне, отмечал Сладковский, «прежде всего стремятся к тому, чтобы по крайней мере еще на время удержать для себя остатки этих привилегий». Дворянско-федеративная партия видит в федерации «прежде всего средство для усиления дворянского элемента, гарантию, стало быть, превосходства одного класса над другим»¹⁴⁶.

До 1848 г. в чешском сословном сейме эта часть дворянства выступала против центральной власти, постепенно лишавшей сейм его прав, видя в этом нарушение своих интересов, подрыв своей власти в стране. Так было при Иосифе II, так было и в предреволюционные годы. При этом дворянство заботилось исключительно о своих сословных выгодах, положение чешской национальности его совершенно не интересовало. Оно выступало против централизаторской, а не против германизаторской политики правительства. То, что некоторые дворяне, например известные меценаты графы Штернберги, субсидировали чешские научные учреждения, нисколько не меняет дела. Еще в 1860 г. чешский ученый проф. Шембера писал Ригеру, что характерным для отношения дворянства к чешской национальности является тот факт, что из 5600 подписчиков на чешский научный словарь едва пять принадлежат к «чешской шляхте»¹⁴⁷.

В 1860 г. эта группа выступила со своей политической программой: с требованием восстановления «исторических прав Чешского королевства». Программа эта в значительной мере возникла под влиянием аналогичной

¹⁴⁴ См. SZ. 1867/I, V, str. 42—43. Речь графа Фридриха Туна. Тун, принадлежавший к федеративному „чешскому“ дворянству, говорит о себе, что он по происхождению немец, жил долго вне Чехии, не знает чешского языка.

¹⁴⁵ W. Rogge. Op. cit., S. 307.

¹⁴⁶ K. S l a d k o v s k ý. Op. cit., str. 303—304; Česká politika, d. III, str. 191.

¹⁴⁷ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 130.

программы, выдвинутой венгерскими магнатами в расширенном имперском совете. Следует особенно подчеркнуть, что этот логунг означал для крупных землевладельцев не что иное, как восстановление земской автономии Чешского королевства, в котором первенствующая роль оставалась бы за дворянством. Ратуя за восстановление исторических государственных прав Чехии (в смысле ее определенной самостоятельности по отношению к монархии), эта часть дворянства хотела только защитить свои права и права своего сейма от посягательств со стороны центральной власти, с одной стороны, и усиливавшейся буржуазии — с другой. «Эти вельможи, — писал Н. Г. Чернышевский, — ... желали ни больше ни меньше, как уничтожения всех ограничений, которым со времен Иосифа II подвергались привилегии аристократов»¹⁴⁸. Эта группировка получила название «партии исторического дворянства»; во главе ее в 60-х годах стояли представители крупнейшего титулованного дворянства — граф Генрих (Индрих) Клам-Мартиниц, князь Карл Шварценберг, граф Лев Тун, архиепископ князь Фридрих Шварценберг и др.

Признанным руководителем этой группировки был в 60-х годах «вовсе не чех, а истый немец», по характеристике Чернышевского¹⁴⁹, — граф Клам-Мартиниц. «Феодал, ярый противник демократии, либерализма и конституции, вся жизнь которого была не чем иным, как стремлением гарантировать феодальные права и охранять историко-политические индивидуальности в смысле консервативном», — характеризует его Тоболка. Клам, пишет далее Тоболка, «был патриотом в смысле предмартовского (имеется в виду мартовская революция 1848 г. — Н. Р.) территориального патриотизма аристократии в Чехии»¹⁵⁰.

Не лишен интереса проект, составленный Кламом в 1859 г.¹⁵¹. По этому проекту курии крупных собственников всех земель империи выбирают из своей среды имперских советников сроком на 3 года, которые являлись бы членами некоего имперского совета, но вместе с тем были бы и своего рода канцлерами отдельных земель и королевств и имели право инициативы в вопросах, касающихся этих земель и личной (минуя имперских министров) информации императора. Чехия и Моравия должны были совместно иметь одного такого советника, которого (и в этом основной смысл проекта) выбирали бы только помещики (буржуазия от этого отстранялась). Это была программа феодальной аристократии. О составленном большинством расширенного имперского совета 1860 г., т. е. венгерскими и чешскими «историческими» магнатами, проекте государственного переустройства империи Чернышевский с полным основанием говорил, что «все в этом проекте было проникнуто духом средних веков»¹⁵².

В конце 1860 г. в «партии исторического дворянства» начало преобладать мнение, что для сохранения своей руководящей роли крупные земельные собственники должны встать во главе усиливающегося чешского национального движения, т. е. повторить то, что сделало венгерское дворянство. Для этого чешскому дворянству необходимо было привлечь на свою сторону чешскую буржуазию. В брошюре «Nach dem Reichsrat», изданной в начале ноября 1860 г., прямо указывалось, что если дворянство хочет иметь значение в политической жизни страны, то оно должно вступить в союз с чешской буржуазией. Для этого дворянство должно было придать своей политической программе национальную окраску.

¹⁴⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 324.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Z. T o b o l k a. Dějiny, str. 16—17.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 326.

И вот «историческое дворянство», нисколько не меняя своей программы, стало подчеркивать ее «национальный» характер. Требование восстановления исторических прав Чешского королевства стало комментироваться как требование восстановления исторических прав Чешского королевства, как программа, отвечающая интересам всей чешской нации.

Дворянская программа и идеология оказали очень большое влияние на чешскую буржуазию.

Первоначально «партия исторического дворянства» имела в чешском сейме незначительное число мандатов. В дальнейшем к ней начали приходить ранее колебавшиеся депутаты так называемого дворянского центра во главе с графом Альбертом Ностицем¹⁵³. Благодаря этому она значительно усилилась. К середине 60-х годов число дворян-федералистов и дворян-централистов в чешском сейме оказалось примерно одинаковым.

Мы рассмотрели причины, побудившие дворянскую «партию» Клам-Мартинца, до тех пор недоверчиво относившуюся к чешской буржуазии, облечься в национальные одежды и подать руку чешской буржуазии. Что же толкало на этот союз чешскую буржуазию?

С самого начала отметим, что за союз с дворянством стояла только часть чешской буржуазии — старочехи. Младочехи отрицательно отнеслись к этому союзу, об их позиции мы будем говорить в дальнейшем. Но и старочехи еще накануне оформления своего блока с дворянством относились к дворянству весьма сдержанно.

В прошении, поданном императору Палацким, Ригером и другими чешскими буржуазными политическими деятелями 18 июня 1860 г., между прочим, говорилось: «Среди нашего народа, в Чехии, Моравии, Силезии и Словакии дворянство почти совершенно чуждо народу; даже те, которые по своему происхождению являются чехами и предки которых сыграли главную роль в нашей истории, позабыли патриотизм своих предков... позабыли свой родной язык. Поэтому не может быть представителем нации человек, кое-как говорящий на своем языке, не принимающий даже незначительного участия в духовных стремлениях своего народа, в заботе о поднятии его культуры, не заботящийся о его национальном подъеме»¹⁵⁴.

Сближение старочехов с дворянством, которое, по их собственной оценке, было совершенно чуждо чешскому народу, определялось тремя основными причинами.

Прежде всего необходимо отметить, что лидеры старочехов — Палацкий, Ригер, активно содействовавший образованию блока Томек и другие, были лично связаны с земельной аристократией. Не только социально-политические взгляды чешских консерваторов, но в значительной мере и их непосредственные материальные интересы сближали их с дворянством.

Так, Ригер, в прошлом владелец одной мельницы, в 60-х годах уже стал весьма состоятельным человеком, крупным земельным собственником, членом свеклосахарного акционерного общества. Такое превращение не могло, конечно, не сказаться на политических взглядах и симпатиях Ригера¹⁵⁵.

¹⁵³ W. Rogge. Op. cit., S. 306. Уже накануне падения правительства Шмерлинга наметился переход в лагерь «исторического дворянства» части крупных земельных собственников, до тех пор занимавших либо централистскую, либо колеблющуюся позицию.

¹⁵⁴ K. Vlček. Listové různých adres, str. 44.

¹⁵⁵ V. Žaček. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935, str. 49.

Младочехи считали, что изменение политики Ригера по отношению к дворянству связано с покупкой им у графа Ф. Ауэрсперга имения Малеч и Модлетин. Имение это стоило 350 тыс. гульденов¹⁵⁶.

Ригер быстро сумел внушить руководителям «партии исторического дворянства», не благоволившим к нему вначале, полное доверие к себе. В 1862 г. князь Карл Шварценберг писал ему, что взгляды Ригера столь сходны с его собственными, что положи он письмо Ригера в свои бумаги, он через несколько лет мог бы принять его за свое собственное¹⁵⁷.

Во-вторых, дворянство в глазах еще слабой и нуждавшейся в союзниках чешской буржуазии было могучей силой, и оно, действительно, представляло немалую силу в политической жизни Чехии. Союз с дворянством при благоприятной общеимперской политической ситуации давал чешскому дворянско-буржуазному блоку возможность получить большинство в земском сейме. Так было при правительстве Белькреди в 1865—1866 гг., так было при правительстве Потоцкого и Гогенварта в 1870—1871 гг. Союз с дворянством должен был, по расчетам старочехов, помочь склонить в чешско-немецком национальном конфликте на сторону чехов императора и придворные круги.

В-третьих, союз с дворянством укреплял позиции чешской буржуазии в отношении народных масс. Боязнь социального движения чешского пролетариата и крестьянства делала дворянство — самую реакционную силу чешского общества — желанным и близким для консервативной буржуазии союзником.

Прощупывание почвы для создания блока началось в конце 1860 г. 10 декабря Ригер писал писателю Вилему Габлеру: «Дворянство хочет, наконец, приблизиться к нам, по крайней мере одна часть его — младшая, в особенности князь Карл Шварценберг, князь Йиржи Лобковиц и некоторые другие. Они уже дали нам понять это и мы ждем, когда нас позовут; посмотрим, как пойдет тогда дело»¹⁵⁸. Дело пошло довольно быстро. Уже в начале января 1861 г. состоялась подробно описанная буржуазными историками встреча Ригера и Клам-Мартинца у известного консерватора профессора Томека¹⁵⁹.

В результате этой встречи чешская буржуазная национальная партия и «партия исторического дворянства» договорились о совместных действиях. Принципиальной основой блока было принято признание «государственного исторического права» и октябрьского диплома, как основного закона для империи. Клам-Мартинц обещал поддерживать чешскую буржуазию в борьбе за равноправие чешского языка в школе и учреждениях, в борьбе за реформу избирательного закона 1861 г. Ригер обещал поддерживать дворянство в государственно-правовых и других вопросах. Были зафиксированы и разногласия: Клам-Мартинц признавал историческое право Чешского королевства, а не земель Чешской короны, т. е. собственно Чехии, а не Чехии, Моравии и Силезии в целом, он отрицательно относился к тем статьям программы национальной партии, где говорилось об отделении церкви от государства, о свободе вероисповедания, стоял за сохранение хотя бы в несколько расширенном составе сословного сейма. Но разногласия эти не приобрели сколько-нибудь серьезный характер: обе стороны хотели договориться.

¹⁵⁶ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 152—153.

¹⁵⁷ Там же, стр. 152.

¹⁵⁸ Там же, стр. 137—138, 140.

¹⁵⁹ Česká politika, d. III, str. 212—216; E. Denis. Op. cit., str. 444; W. W. Tomek. Paměti z mého života, d. II. Praha, 1905, str. 2.

Тоболка, считая, что на изменение позиции старочехов повлиял пример Венгрии, где дворянство поддерживало буржуазию, сделал вывод: «Буржуазный демократизм уступил место чешскому национализму». Это положение Тоболки является очевидным искажением истории. Ни о каком демократизме старочехов и до союза с дворянством говорить не приходится. Столь же очевидно, что национализм чешской буржуазии являлся отнюдь не привнесенным извне, что именно буржуазия и была его основным источником и распространителем.

Стремясь представить старочехов демократами, Тоболка намеренно преувеличивал разногласия, которые возникли по вопросам самоуправления, будущих реформ и т. д. По его мнению, буржуазию и дворянство сближала борьба против избирательного закона 1861 г. Но как раз избирательный закон Шмерлинга очень благоприятствовал крупным земельным собственникам, и их согласие поддерживать буржуазию в борьбе против этого закона было неискренней уступкой¹⁶⁰.

Весть о союзе с дворянством была принята чешской буржуазией на первых порах с удовлетворением: ей казалось, что столь мощный союзник обеспечит успех. Младочех Сладковский объяснял эту «патриархальную идиллию» политической неискренности¹⁶¹. Это, может быть, и справедливо в отношении тех кругов чешской буржуазии, которые вскоре выступили против союза с дворянством. Но лидеры старочехов, которые были очень рады этому соглашению и придавали ему большое значение¹⁶², не были столь наивны; они шли на блок с дворянством сознательно и руководствовались своими классовыми целями.

Клам-Мартиниц, Шварценберг, Тун и другие чешские магнаты старались демонстрировать свои национальные чувства, некоторые из них присутствовали на похоронах Ганки, оказывали материальную поддержку Чешскому музею, на собраниях экономического общества объявляли о необходимости равноправия обоих земских языков и т. п. Это давало возможность старочехам (в прямом противоречии с их недавними оценками) превозносить «национальные чувства» чешского дворянства, стараться создать ему популярность среди широких слоев чешской буржуазии.

Несмотря на проявление «национальных чувств», федералистически настроенное дворянство на деле попрежнему оставалось национально-индифферентным, его действия объяснялись исключительно тактическими соображениями, в основе их лежали узко классовые интересы.

Какие же реальные последствия имело заключение блока с дворянством для чешской буржуазии? В области национальной единственным и кратковременным успехом, одержанным в сеймовой борьбе благодаря поддержке «исторического дворянства», было принятие закона о языковом равноправии, о котором мы говорили выше.

Депутаты «исторического дворянства» в сейме поддерживали также требование чешской буржуазии об изменении избирательного закона. Однако достичь какого-либо успеха, действуя в рамках установленного сеймового регламента, чешская буржуазия не могла, даже имея за собой в сейме большинство, так как для изменения закона необходимо было собрать $\frac{2}{3}$ голосов из числа присутствующих в сейме при условии присутствия $\frac{3}{4}$ общего числа всех депутатов сейма. Такого соотношения сил в сейме, избираемом на основе того же самого избирательного закона

¹⁶⁰ Česká politika, d. III, str. 209—217.

¹⁶¹ Pěti století Národních Listů, str. 13.

¹⁶² Там же, стр. 12; Příspěvky k listářu Fr. L. Riegra, str. 164. Письмо М. Ригеру Гукше от 18.VI 1866.

1861 г., чешская буржуазия достичь не могла даже при условии последовательного выполнения своих «союзных обязательств» чешским дворянством. Немецкая буржуазия и немецкое дворянство, всегда единодушные, когда задевались их интересы, как господствующей нации, яростно противились всяким попыткам изменить избирательный закон.

В результате, когда в 1866 г. вопрос этот был передан в особую комиссию сейма, в которой чешские буржуазные депутаты совместно с дворянами-федералистами оказались в большинстве¹⁶³, комиссия постановила передать изменение избирательного закона в руки императора, т. е. просить об октроировании. Это была капитуляция чешской буржуазии перед дворянством, принятие его монархической, средневековой тактики. Это было и заведомым крушением надежд на изменение избирательного закона.

Таковы плоды блока чешской буржуазии с дворянством в национальном вопросе. Но за свою поддержку дворянство требовало поддержки и солидарности от буржуазии.

Дворянство сыграло определяющую роль в вопросе так называемой пассивной оппозиции, т. е. (в рассматриваемый нами период) в вопросе об участии или отказе от участия в работе рейхсрата. Чешские буржуазные депутаты, в особенности Палацкий, склонялись в пользу последнего, но под влиянием федералистического дворянства, «не желая отвергнуть совета миролюбивых людей, которые стремятся примирить нас с другой партией»¹⁶⁴, приняли участие в выборах в рейхсрат, опубликовав, правда, протест. Дворянство, очень чуткое к настроениям двора, настаивало на вхождении в рейхсрат¹⁶⁵ и тем, конечно, помогло правительству.

В 1864 г. дворяне-федералисты приняли участие в дополнительных выборах в рейхсрат (выбирали на места ушедших чешских депутатов), что противоречило федералистической программе чешской оппозиции. Сладковский писал в «Гласе», что «изменение в поведении оппозиционно настроенного дворянства является следствием игры, ведшейся за кулисами между правительством и оппозиционным дворянством для обоюдной выгоды»¹⁶⁶.

Дворянство не поддержало Ригера летом 1866 г., когда он ввиду совершенно очевидной угрозы установления дуализма (после окончания войны Деак был срочно вызван правительством для переговоров) созвал в Вене совещание представителей австрийских славян, на котором была принята упоминавшаяся нами программа федералистического переустройства Австрии. Граф Лев Тун писал 6 августа 1866 г. Ригеру, что накануне он получил письмо от своего зятя Клама и других панов, в котором те сообщали, что отказываются ехать в Вену, так как надеются, что в скором

¹⁶³ В комиссию по изменению избирательного закона вошли 16 человек, из них шесть — представители «исторического дворянства», пять — от чешской буржуазии и пять — от немцев-либералов.

¹⁶⁴ SZ. 1861, X, str. 115 (протест чешских депутатов в связи с выборами в рейхсрат; подписан 81 депутатом). Младочех Тоннер впоследствии заявлял: «Нам пришлось преодолеть большое сопротивление в среде нашей партии, прежде, чем, наконец, были избраны (в 1861 г. — *Н. Р.*) депутаты в рейхсрат» (SZ. 1866, VIII, str. 17; см. также речь Тоннера. SZ. 1867/II, V, str. 20).

¹⁶⁵ В своей речи в сейме Клам-Мартиниц заявил: «Благодаря ослеплению одного племени (т. е. венгров. — *Н. Р.*) опасность для монархии налицо». Он призывал все народы монархии приложить все силы для ее спасения. Если мы, уверял Клам, исполним свой долг перед монархией и пошлем своих делегатов в рейхсрат, то потом все наши справедливые требования будут удовлетворены. В том же смысле говорил граф Лев Тун (SZ. 1861, X, str. 112—113).

¹⁶⁶ K. Sladkovský. Op. cit., str. 301; см. также SZ. 1864, XXXVI, str. 3—13.

времени будут созваны сеймы, на которых можно будет высказаться о переустройстве Австрии¹⁶⁷. Дворяне-федералисты были против проявления какого-либо недоверия правительству графа Белькреди, уверяя (без всяких к тому оснований), что Белькреди стоит на прежних позициях и дуализм невозможен, и требуя от чешской национальной партии повлиять в этом смысле на общественное мнение страны.

Своей политикой «историческое дворянство» вполне заслужило резкую оценку со стороны либеральной буржуазии, сформулированную «Гласами» — венским органом младочехов — в опубликованном в 1869 г. открытом письме графу Клам-Мартинцу. В этом письме Клам и его единомышленники упрекаются в том, что, когда чешскому народу плохо, они его покидают, когда же положение улучшается, то граф Клам и его товарищи возвращаются с целью получить министерские портфели и вообще принять руководство национальным движением; в дни испытаний чешское дворянство оказалось самой слабой частью чешской нации, — таков горький вывод авторов письма¹⁶⁸.

Влияние дворянства проявлялось не только в национальной политике, но и в социально-экономических вопросах.

Ради сохранения блока с дворянством старочехи шли на поддержку дворянства за счет интересов чешского крестьянства и чешской сельской буржуазии. Это вызывало резкое недовольство и протесты со стороны младочехов. Показательны следующие примеры.

В 1863 и 1864 гг. в сейме обсуждался вопрос об общинном устройстве. Крупные земельные собственники (как чешские так и немецкие) требовали создания отдельных помещичьих округов, где бы помещикам принадлежала полицейская и судебная власть и т. п. Вся младочешская печать резко протестовала против этого средневекового требования. При голосовании предложение крупных земельных собственников было провалено объединенными голосами младочехов и немцев-либералов; за это предложение вместе с немецкими и чешскими помещиками голосовали Палацкий, Ригер и еще 14 старочехов. В 1864 г. Ригер, стремясь исправить прошлогоднюю неудачу дворянства, внес компромиссный проект создания укрупненных общин, в которых помещики заняли бы лучшее положение: «в общинном совете они сидели бы и голосовали совместно с самыми интеллигентными представителями нескольких местных общин и не должны были бы бояться притеснений (!) со стороны грубого человека, как это может иметь место сейчас в небольших местных общинах». В конечном счете и этот проект не прошел, но он отчетливо рисует лидера старочехов в роли адвоката реакционного дворянства. Вместе с дворянством против младочехов голосовали Палацкий, Ригер, Браунер, Томек и другие и при обсуждении вопроса об общинных школах и т. д.¹⁶⁹

Было бы наивно удивляться тому, что буржуазия попирала интересы широких слоев своего народа, но в данном случае старочехи ради ублажения своих «благородных» союзников жертвовали и собственными классовыми интересами. Надеясь на помощь помещиков против своего

¹⁶⁷ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 165.

¹⁶⁸ „Neue freie Presse“, 21. II. 1869 (M).

¹⁶⁹ SZ. 1864, XI, str. 7—22; XXVIII, str. 25—16; XXX, str. 6—7, 27—28; K. Sladkovský. Op. cit., str. 63—71, 133—134, 299; Půl století Národních Listů, str. 80—82; J. Heidler. Op. cit., str. 7. Показательно, что до блока с дворянством (вернее, в период его заключения, но еще до того, как стало ясно, какой ценой придется старочехам его оплачивать) Ригер в том же самом общинном вопросе стоял на буржуазных позициях и отмечал как успех наметившееся соглашение по этому вопросу с немецкой буржуазией (см. Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 140).

конкурента — немецкой буржуазии, видя в них союзников в деле подавления протеста эксплуатируемых классов, старочехи шли на сохранение феодальных пережитков, помогали дворянству оберегать свои средневековые сословные привилегии. Такая политика не могла не вызвать протеста определенных слоев чешской буржуазии и прежде всего сельской буржуазии. Выразителями этих настроений стали младочехи.

Заклучение союза с дворянством не вызвало в первый момент почти никакой оппозиции со стороны либерально настроенной части чешской буржуазии. Известно, правда, что когда некоторым чешским буржуазным политическим деятелям, собравшимся 19 января 1861 г. на квартире у Палацкого, было сообщено о намечавшемся соглашении с дворянством, Юлиус Грегр высказался против этого шага¹⁷⁰. Уже с начала 1862 г. Сладковский выступил с резко отрицательной оценкой блока старочехов с дворянством. Младочехи обвиняли старочехов, как писал Палацкий в 1863 г., в том, «что мы (старочехи. — Н. Р.) покинули свободу, правду и право, что мы стали реакционерами, что мы обманули доверие народа и хотим продать народ дворянству, что нам по душе идеалы феодализма и ультрамонтанства»¹⁷¹.

Отрицательное отношение группы Сладковского к союзу с дворянством диктовалось в значительной мере враждебностью к классу феодалов. Высказывания Сладковского в сейме и печати подтверждают это. Сладковский протестовал против выделения крупных земельных собственников из местной общины, так как видел в этом желание сохранить привилегии дворянства как класса.

Сладковский и его единомышленники выступали против союза с дворянством также и потому, что не верили в прочность этого союза. Дворянство стоит за федерацию, но в вопросе о сущности федерации мы, писал Сладковский, разойдемся с дворянской федеративной партией, мы видим в федерации гарантию народных прав и усиление автономии отдельных земель, дворянство же «видит в федерации прежде всего средство для усиления дворянских элементов, гарантию, стало быть, превосходства одного класса над другим»¹⁷².

В противовес старочехам, считавшим целесообразным пойти на уступки дворянской партии, младочехи заявляли, что незачем задабривать дворян, что если чешский народ будет сильным, то дворянство само приблизится к нему¹⁷³.

Но младочехи не шли дальше отдельных, подчас, правда, резких высказываний в своей печати, на собраниях и т. п. Никаких практических выводов в вопросе о союзе с дворянством (помимо голосования в сейме в 1863 и 1864 гг., о котором говорилось выше) они не сделали.

Говоря об эволюции чешской буржуазии и буржуазной интеллигенции в 40—60-х годах, мы не можем упускать из виду продолжавшего существовать и в рассматриваемое нами время буржуазно-демократического направления. Некоторые деятели революции 1848 г., в первую очередь Йозеф Вацлав Фрич, Эмануэль Арнольд, Карел Сабина, сохраняли вер-

¹⁷⁰ Z. Tobolka, Dějiny, str. 42.

¹⁷¹ Fr. Palacký, Op. cit., str. 185.

¹⁷² K. Sladkovský, Op. cit., str. 304; см. также Půlstoletí Národních Listů, str. 14 (K. Tůma): „Из всех действий консервативного дворянства очевидно, что оно и прежде всего его вожди, которые с 60-х годов имели решающее влияние при всевозможных переговорах, касающихся требований чешской оппозиции, думали всегда больше о переустройстве Австрии на основах христианско-консервативных, чем о возобновлении чешского государства для защиты и гарантии чешской национальности“.

¹⁷³ K. Sladkovský, Op. cit., str. 303.

ность революционным идеям 1848 г., и за ними шли определенные слои чешской мелкой буржуазии и интеллигенции. Но буржуазно-демократическое течение было в первой половине 60-х годов почти не организовано. Немалую роль играло здесь положение признанных идеологов и руководителей радикалов. Арнольд, тяжело больной человек, жил за пределами Чехии; Фрич с 1859 г. находился в эмиграции; Сабина, оставшийся в Чехии, в силу ряда причин не смог возглавить демократически настроенные группы. Особенно велик был моральный авторитет Фрича, но, находясь вне Чехии, он не смог образовать самостоятельную партию, вокруг которой группировались бы радикальные демократы.

Вследствие указанных причин радикально настроенные круги чешской буржуазии прикнули к младочехам, образовав как бы левое крыло этого течения. Их влияние нередко заставляло либералов быть более последовательными в проведении антидворянской и антиклерикальной политики, в борьбе со старочехами. От радикалов исходила инициатива очень характерных для Чехии того времени различных манифестаций студенчества и молодежи, они были активными деятелями широкого народного движения, развернувшегося в 1868—1869 гг.

Радикалы не смогли образовать самостоятельную партию. Они не выдвинули и своей особой программы. Однако радикалы выступали с резкой критикой младочешского руководства, его примиренчества в отношении старочехов. В письме к Фричу (1862 г.) его единомышленники указывали, что в отношении внутренней политики «Народни листы» не удовлетворяют их, так как «для удобства своего умеют только молчать»¹⁷⁴.

Наиболее последовательную демократическую позицию занимал Йозеф Вацлав Фрич. В эмиграции он сблизился с А. И. Герценом, стал его восторженным приверженцем и немало сделал для популяризации в Чехии деятельности Герцена. По примеру Герцена, Фрич стремился создать вольную чешскую прессу за рубежом. В 1861 г. он основал в Женеве журнал «Чех». Фрич стоял на позиции борьбы за создание независимого чешского государства, он был решительным противником австрославизма и резко критиковал принятие его в качестве программы национальной партии¹⁷⁵.

Фрич верил в революционные силы великого русского народа, верил, что революционное движение в России поможет стать независимыми чехам, полякам и другим угнетенным национальностям Европы. Но Фрич не видел общественной силы, способной развернуть борьбу за национальное освобождение чешского народа, он был далек от народных масс. Фрич не оценил значения развернувшегося в конце 60-х годов в Чехии рабочего движения, он (в отличие от Карла Сабины) не понял значения величайшего исторического события своего времени — Парижской Коммуны.

Существенным пороком деятельности Фрича была его политическая неразборчивость. Его попытки искать союзников то в Бисмарке, то в Наполеоне III (о чем будет идти речь в дальнейшем) лишь облегчали старочехам и либералам борьбу против деятельности «опасного агитатора» и дезориентировали демократов в самой Чехии.

В то время как в политической области чешские демократы в 60-х годах не смогли достичь существенных успехов, в развитии чешской культуры того периода их роль была очень велика. Здесь демократическое направление представляли такие выдающиеся художники, как Ян Неруда, Бедржих Сметана, Микулаш Алеш.

¹⁷⁴ Čeští radikální demokraté. Výbor politických statí z r. 1848—1870. Praha, 1953, str. 44.

¹⁷⁵ Там же, стр. 322, 349, 362, 401.

Вопрос о деятельности радикально-демократических кругов в политической жизни Чехии в первой половине 60-х годов изучен еще далеко не достаточно^{175а}. Наиболее отчетливо он прослеживается на материале 1863—1864 гг., когда в чешской прессе широко дебатировалось отношение к польскому восстанию 1863 г. и (что являлось другой стороной той же проблемы) отношение к царской России. Старочехи выступили с осуждением польского восстания, оправдывая царское правительство, младочехи — и в этом вопросе на их стороне было подавляющее большинство чешского народа¹⁷⁶ — сочувствовали повстанцам и осуждали царизм. При этом в лагере младочехов совершенно определенно выявилось радикальное течение, представители которого не только наиболее резко выступали против царизма, но и организовывали сбор средств в пользу повстанцев, а около ста человек учащейся молодежи поехало сражаться в Польшу¹⁷⁷.

Австрийское правительство преследовало движение сочувствия в пользу восставших поляков; так, пражская полиция хотела было начать следствие против временного редактора «Народных листов» Эдуарда Грегга (редактор Юлиус Грегг сидел в это время в тюрьме, осужденный по делам печати) за помещение статьи, в которой одобрялось восстание; когда в Кракове было издано обращение к чехам с призывом вступить в ряды восставших, то полиция, обнаружив это воззвание, арестовала Барака и Крштиана; арестован был также чех В. Зруст за попытки организовать особый чешский легион¹⁷⁸.

Борьба по вопросу об отношении к восстанию развернулась в основном в прессе. Большинство чешских газет — «Народни листы», «Глас», «Позор» и др. — высказывало, несмотря на помехи со стороны цензуры, одобрение повстанцам, а две газеты — «Болеслав» и «Правда», выходящие в Младе Болеславе, — резко выступили против руководства национальной партии, в частности против Палацко и Ригера за их «пренебрежение общественным мнением».

«Народни листы», считавшиеся органом национальной партии, первое время печатали статьи обоих направлений, но во второй половине 1863 г. разногласия в редакции привели к тому, что «Народни листы» стали действовать независимо от (по выражению Богуша Ригера) «троицы национальных вождей», т. е. от Палацко, Ригера и Браунера¹⁷⁹. В результате в декабре 1863 г. Палацкий и Ригер вышли из редакции и начали издавать свою газету «Народ». Приступая к ее изданию, Ригер в ноябре 1863 г. писал Юлиусу Греггу, редактору «Народных листов», незадолго до этого выпущенному из тюрьмы, что старочехи нуждаются в органе, который отражал бы их взгляды, что «Народни листы» не раз шли своей дорогой

^{175а} Когда настоящая работа находилась уже в печати, вышли в свет книги, имеющие большое значение для освещения данного вопроса. Это первый том публицистических произведений Йозефа Вацлава Фрича (J. V. Frič. Spisy. d. 1. Politické články z let 1847—1864. Praha, 1956) и посвященный ему сборник статей (J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře. Praha, 1956). К сожалению, мы уже не смогли использовать здесь содержащийся в этих изданиях материал.

¹⁷⁶ Это отразилось, в частности, на позиции чешской прессы. Считаясь с мнением народа, большинство чешских газет и периодические журналы высказывались в сочувственном повстанцам тоне (V. Začek. Op. cit., str. 26).

¹⁷⁷ T. Lehr-Spławinski, K. Piwarski, Z. Wojciechowski. Polska Czechy. Dziesięć wieków sąsiedztwa. Katowice—Wrocław, 1947, str. 246.

¹⁷⁸ Там же, стр. 247; V. Začek. Op. cit., str. 36.

¹⁷⁹ Fr. Palacký. Op. cit., str. 181—182. Предисловие Богуша Ригера к статье Палацко «O denníku Národ», напечатанной 29 декабря 1863 г. в газете «Národ». Письмо Мезника Пражаку от 13 мая 1863 г. показывает, что уже в это время существовали разногласия в редакции «Народных листов», но Ригеру тогда удалось договориться с Юлиусом Греггом, чтобы его газета «приняла более благоразумный характер» (Pražák, d. II, str. 14).

и что в польском вопросе они вели страстную кампанию против старочехов. «Впрочем, — писал Ригер, — мы не хотим вносить какой-либо разлад в национальную партию, наоборот, мы хотим содействовать ее единству, защищая всегда и решительно путь национальный и либеральный»¹⁸⁰. Разумеется, это заключение было лишь хорошей миной при плохой игре.

Сам факт создания старочехами особого печатного органа, противостоявшего общепризнанному органу национальной партии, был свидетельством не только «разлада», но и серьезной угрозы полного раскола чешской буржуазной национальной партии. Чтобы не возвращаться более к этому вопросу, укажем, что «Народ» существовал недолго; в мае 1866 г. вследствие финансового банкротства он перестал выходить. Явно благожелательный к Палацкому и Ригеру, Богущ Ригер признавал, что «Народ» был воспринят враждебно чешской общественностью, его обвиняли в реакционности и т. п.¹⁸¹. Сообщая о крахе газеты, Ригер с озлоблением писал, что это печальное проявление незрелости нации, которая не может содержать две газеты¹⁸².

Уже приведенные нами факты показывают, какой остроты достигла борьба вокруг польского вопроса.

В чем причина такой острой реакции чешского общества на восстание в Польше, в чем причины резкой полемической борьбы вокруг польского вопроса? Несомненно, что судьбы славянских народов глубоко волновали чешский народ, однако острота идейно-политической борьбы вокруг польского вопроса в 1863—1864 гг. в значительной мере объясняется тем, что для чешского общества это был вопрос о судьбах чешского народа, о перспективах его борьбы за национальное освобождение¹⁸³.

Это показывает сама газетная полемика. Она началась с того, что 1 июня 1863 г. радикально-демократическая газета «Болеславан» напечатала статью, направленную против Палацкого. Автор статьи писал, что Палацкий стоит на стороне царской России, и приводил фразу, сказанную, по его сведениям, Палацким одному депутату сейма: «Вы даже не знаете, как нам вредит в Петербурге выражение симпатии полякам. Я вижу спасение славянства только в русском царе. Я не верю в то, что поляки могут одержать победу в нынешней борьбе, но если бы это произошло, это было бы нашим величайшим несчастьем»¹⁸⁴.

Статья «Болеславана» вызвала возмущение широких слоев чешского народа против Палацкого. Еще большее негодование вызвал помещенный Палацким в «Народных листах» 8 июня 1863 г. «Ответ «Болеславану» по польскому вопросу». В этой статье, как и в статье «Польский вопрос в наше время», напечатанной в феврале 1864 г. в газете «Народ», Палацкий изложил свои взгляды по польскому вопросу, подчеркивая, что он выражает мнение всех старочехов¹⁸⁵.

¹⁸⁰ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 159—160; A. S r b. Vzpomínky, str. 270.

¹⁸¹ Fr. Palacký. Op. cit., str. 181—182.

¹⁸² Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 159—160. „Это удивительный крах, — писал Мезник Пражаку 15 мая 1866 г., — лишь бы он не повредил старшей партии (старочехам. — Н. Р.); без собственного органа едва ли будет возможность в решающее время представлять партию, будучи отданными на милость младшим“ (Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 21—22).

¹⁸³ См. Z. Nejedlý. Boje o nové Rusko. Praha, 1948, str. 57; A. Stašek. Op. cit., str. 370—371.

¹⁸⁴ V. Začek. Op. cit., str. 50, 51; Lehr-Splawinski i in., str. 243.

¹⁸⁵ V. Začek. Op. cit., str. 52; Fr. Palacký. Op. cit., str. 178—181, 195—203. Э. Грегр в своем дневнике с возмущением говорит об этих статьях Палацкого, который посмел оскорбить „польский народ, проливающий кровь с беспредельным героизмом и самопожертвованием в самой святой борьбе человечества“. Грегр называет Палацкого выжившим из ума стариком (см. E. Grégr. Denník, str. 112—116).

Эти статьи ярко характеризуют реакционность лидера старочехов, они проникнуты ненавистью к революции и боязнью ее. Палацкий против борьбы польского народа за национальное освобождение потому, что форма и методы этой борьбы резко противоречат его политическим взглядам. Он, стремившийся всеми силами убедить чешский народ, что борьбу за свое национальное освобождение надо вести лишь «законными» средствами, конечно, должен был выступить и выступил против революционного движения польского народа за свою независимость.

И для «Болеславана», и для Палацкого вопрос о польском восстании был, таким образом, прежде всего вопросом о том, какими методами должен бороться чешский народ за свое национальное освобождение, и о том, где он должен искать себе союзников — в других угнетенных и борющихся за свое освобождение народах или в угнетающих их реакционных правительствах.

Стремясь скомпрометировать польское восстание, принизить в глазах чешского общества героический пример освободительной борьбы, Палацкий особо останавливался на тех действительных пороках, которые были присущи польскому восстанию 1863 г. и которые не могли не обращать внимания и встречали осуждение со стороны всех демократических, свободолобивых элементов. Палацкий искусно использовал теневые стороны польского восстания, стремясь распространить оценку этих сторон на все восстание.

Такой стороной было стремление польской шляхты установить свое господство над непольскими областями (Палацкий называет при этом только украинские земли — Вольнь, Подолию и Украину, т. е. Правобережье, не упоминая о Литве и Белоруссии).

Польская шляхта ничего не сделала, чтобы привлечь на свою сторону крестьян, — возмущенно восклицал Палацкий, и в этом он, конечно, прав. Но в чем же, по мнению Палацкого, нуждался польский крестьянин? Оказывается, «более всего польский крестьянин нуждается в повышении своего культурного уровня» (1)¹⁸⁶. Именно в этом, а не в феодальном гнете, не в вопросе о земле, заключались, по мнению Палацкого, основные нужды польского крестьянства. Не трудно увидеть, что позиция, на которой стоял этот критик польского восстания, была ничем не лучше позиции консервативной польской шляхты.

Палацкий с возмущением говорил о «исполитичности» чешской прессы, выражавшей симпатии повстанцам. Своей «сугубой пристрастностью она лишь озлобляет русских, которые в отношении нас, по крайней мере, ни в чем не провинились»¹⁸⁷.

Таким образом, Палацкий становился в позу защитника русского народа от нападков якобы враждебного русскому народу «Болеславана».

Разумеется, ничего общего с защитой интересов русского народа осуждение польского восстания не имело и не могло иметь. Освобождение польского народа от гнета царизма отвечало интересам русского народа, истинные представители русского народа — русские революционеры-демократы — всемерно поддерживали героическую борьбу польского народа. Вскрывая пороки польского национального движения, они стремились помочь ему освободиться от них, стать подлинно демократическим и свободным от великодержавного шовинизма движением. Их критика польского национального движения была в корне отлична по своим основам и по своим целям от реакционной критики Палацкого. Осуждение поль-

¹⁸⁶ Fr. Palacký. Op. cit., str. 198—199.

¹⁸⁷ Там же, стр. 201.

ского восстания было в интересах врагов русского народа, в интересах царизма и эксплуататорских классов России.

Такова была позиция Палацкогo объективно, такова же была она и субъективно. Именно о сохранении добрых отношений с царизмом и русскими либералами и консерваторами славянофильского толка заботился Палацкий. И именно из этих кругов исходили как возмущенные нарекания на «антирусский» тон чешской прессы, так и благодарности старочехам за их защиту «русских» интересов¹⁸⁸.

Даже если и не считать истинной фразу Палацкогo, цитированную «Болеславаном» (сам Палацкий отрицал ее и, учитывая ее нелояльность в отношении Австрии, можно сомневаться в том, что осторожный Палацкий ее действительно произнес), не подлежит сомнению стремление Палацкогo подчеркнуть симпатии старочехов к царскому правительству.

Более того, становясь в позу «защитника» русского народа, Палацкий, в ряде других случаев выражавший свое уважение к русскому народу, именно в этих своих статьях не постеснялся писать о России в оскорбительном и пренебрежительном тоне. Чего стоит, например, его заявление, что в течение последних столетий «Россия стала какой-то амальгамой немецких и монгольских принципов!»¹⁸⁹

В то же время сочувствие польскому восстанию у прогрессивных органов чешской печати, отражавших настроения широких масс чешского народа, отнюдь не связывалось с враждебностью к русскому народу. Писатель-демократ Антал Сташек писал в своих «Воспоминаниях»: «Мы все, кто желал успеха восстанию, имели перед глазами девиз, написанный поляками на своем знамени: За нашу и вашу свободу!»¹⁹⁰

Возмущаясь жестокой расправой царского правительства с повстанцами, говоря, что польское восстание разрушило веру чехов в царскую Россию как спасительницу славян, «Народни листы» и другие газеты указывали, что необходимо отделять русский народ от русского царя, что поляки восстали против царизма, а не против русского народа¹⁹¹. «Болеславан» опубликовал статьи «Позиции Герцена в отношении Польши» (автор Йозеф Вацлав Фрич) и «Кто является врагом Польши и против кого она восстала»¹⁹².

Как мы уже говорили, польский вопрос для чешского общества был в то же время вопросом о методах национальной борьбы чешского народа. Позиция ряда деятелей и печатных органов, примыкавших к младочешскому течению, свидетельствовала о том, что они испытывали влияние демократических слоев чешского народа. Это проявлялось и в одобрении борьбы польского народа, и в степени возмущения тактикой старочехов.

«Болеславан» резко нападал на Палацкогo, указывая, что поведение поляков должно служить для чехов образцом любви к родине и готовности идти ради нее на жертвы. Газета с возмущением писала об «абсолютизме некоторых вождей чешского народа»¹⁹³, имея в виду старочехов. «Болеславан» резко нападал на царскую Россию, на режим национального угнетения, что в условиях цензурной печати было одной из наи-

¹⁸⁸ Мы имеем в виду обмен открытыми письмами между известным славянофилом Гильфердингом и Ригером и похвалы „объективности“ Палацкогo и Ригера, которые рсточал в „Дне“ И. Аксаков (см. об этом подробно V. Žaček. Op. cit., str. 53—64; J. Jirásek. Rusko a my. Praha, 1929, str. 170—171).

¹⁸⁹ Fr. Palacký. Op. cit., str. 177—179.

¹⁹⁰ A. Stašek. Op. cit., str. 178.

¹⁹¹ J. Ehr-Splawinskii in., str. 242—246; V. Žaček. Op. cit., str. 35—36.

¹⁹² Čeští radikální demokraté, str. 370—373; V. Žaček. Op. cit., str. 50.

¹⁹³ V. Žaček. Op. cit., str. 53.

более активных форм распространения идей чешского национально-освободительного движения.

Активность радикальных демократов, которые, как мы уже отмечали, составляли левое крыло младочехов, проявление тенденций к разрыву массового движения, усиление конфликта со старочехами и явно определенная перспектива раскола чешской национальной партии напугали лидеров младочехов. Они начали принимать меры противодействия «левым» элементам в чешском национальном движении, начали искать путей примирения со старочехами. Показателен следующий любопытный эпизод. После опубликования 5 и 7 февраля 1864 г. в газете «Народ» статьи Палацкого по польскому вопросу состоялось собрание чешских политических деятелей, главным образом младочехов, на котором присутствовали Грегры, Тоннер, Шкарда, Сладковский, Скрейшовский, Цейтгаммер, Неруда и др. На собрании было решено написать протест против статей Палацкого по польскому вопросу, в котором бы указывалось, что чешский народ не поддерживает Палацкого, а затем дать этот протест на подпись тем депутатам в сельских местностях, которые, как можно было предполагать, подписали бы его. Но на следующий день Сладковский выступил против этого, заявляя, что подобный шаг только увеличит раскол в национальной партии и очень рассердит Палацкого и Ригера, которые могут сложить мандаты и уйти от политической жизни, что крайне нежелательно, и т. п. В результате нажима Сладковского протест не получил распространения. В примирительном к старочехам тоне писали «Народни листы», подвергавшиеся за это острой критике «Болеславана»¹⁹⁴. Как бы вторя Ригеру, младочехи еще в конце 1863 г. протестовали против мнения о том, что чешский национальный лагерь раскололся. «Мы будем бороться под одним знаменем», — писали «Народни листы»¹⁹⁵.

ЧЕШСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЕГО СОЮЗНИКИ В ДРУГИХ ЗЕМЛЯХ АВСТРИИ

Чехия была частью многонациональной габсбургской монархии.

Естественно, что руководители чешского буржуазного национального движения стремились найти поддержку у родственных славянских национальностей Австрийской империи. В большинстве случаев инициаторами блока славянских народов выступали именно чехи.

Казалось бы, близость интересов, стремление освободиться от национального гнета, сходство исторических судеб, традиций, языка и культуры — все должно было способствовать единству славянских народов Австрии в их борьбе против национального гнета. Между тем австрийским славянам не удалось создать прочный и действенный блок, и это было одним из факторов, обусловивших возможность проведения правительством германизаторской, а после 1867 г. — германизаторской и мадьяризаторской политики.

Основной причиной несплоченности австрийских славян были неспособность и нежелание их господствующих классов противостоять традиционной национальной политике Габсбургов, девизом которых издавна было «разделяй и властвуй». Натравливать одну национальность на другую, подкупать мелкими уступками господствующие классы одной национальности, чтобы с их помощью подавлять другие национальности, —

¹⁹⁴ V. Žaček. Op. cit., str. 40; Fr. Palacký. Op. cit., str. 181—182.

¹⁹⁵ A. Srb. Vzpomínky, str. 271.

такова была система управления феодально-бюрократической верхушки габсбургской монархии.

Попытки заключения соглашения между австрийскими славянами о совместных действиях были недолговечны: австрийское правительство каждый раз умело разбивало намечавшийся союз.

Единственным постоянным, хотя и слабым союзником буржуазии Чехии была чешская буржуазия соседней Моравии. Разумеется, само понятие «союзник» может применяться здесь лишь очень условно. Чехия и Моравия были двумя областями одной и той же страны, обе они составляли неотъемлемые части национальной территории единой чешской нации, но они были разобщены в политико-административном отношении: Моравия была отдельной, «самостоятельной» землей габсбургской монархии, и это наложило отпечаток на развитие чешского национального движения.

На первый взгляд может показаться, что чешская буржуазия исходила из признания единства Чехии и Моравии. «Мораванин — второй чех», — подчеркивалось в 1861 г. в программе национальной партии, напечатанной в первом номере «Народных листов»¹⁹⁶. «Нет никакой разницы между чехами и мораванами, моравский народ историей тесно связан с чешским народом», — заявлял Палацкий¹⁹⁷.

Но уже из этого видно, что чешская буржуазия говорила лишь о близости, но не о единстве Чехии и Моравии. Она не признавала чешского народа в Моравии, видя в нем какой-то особый «моравский народ», мораванин был для нее «вторым чехом», а не просто чехом, каким он являлся в действительности.

Чешская буржуазия собственно Чехии, втискивая национальное движение в прокрустово ложе «исторического права», хотя и говорила постоянно о единстве земель Чешской короны (т. е. Чехии, Моравии и Силезии), на деле, однако, ограничивала национальное движение рамками собственно Чехии; со своей стороны чешская буржуазия Моравии, тоже исходящая из принципов «исторического права», не хотела, даже боялась более тесного союза с Чехией, не желая слияния Моравии с Чехией, «растворения маркграфства Моравии в Чешском королевстве»¹⁹⁸. Чешская буржуазия, провозглашая средневековые догмы, тормозила национальное воссоединение чешского народа. Таким образом, в 60-х годах национальное движение чешской буржуазии Моравии шло параллельно чешскому, но не сливалось с ним.

Чешская буржуазия Моравии была слабее чешской буржуазии Чехии, она имела еще менее опыта политической борьбы. Ее противник — немецкая буржуазия Моравии была тесно сплочена, сильна, во главе ее стояли видные деятели немецкой конституционной партии — Гискра, Скене. Для национального движения Моравии характерны те же отличительные черты, что и для чешского национального движения: это была борьба мелкой и средней чешской буржуазии, буржуазии угнетенной нации против крупной немецкой буржуазии, буржуазии господствующей нации. Интересы чешской буржуазии Моравии представляла национальная партия, тесно связанная с национальной партией Чехии. Ее лидер Алоиз Пражак, друг Палацкого и Ригера, в речи, произнесенной им в 1863 г.

¹⁹⁶ Půl století Národních Listů, str. 12; K. Vlček, Úvahy o poměrech českých. „Osvěta“, Praha, 1875, str. 85.

¹⁹⁷ Fr. Palacký. Op. cit., str. 124—126, 291—293.

¹⁹⁸ Paměti a listář A. Pražáka. d. II, str. 32—33. Письмо моравского политического деятеля Е. Матона Пражаку от 8 сентября 1866 г.: „Моравия будет всегда настаивать на сохранении своего сейма и земского комитета“.

в рейхсрате по поводу заявления чешских депутатов об уходе, называл авторов этого заявления «нашими политическими друзьями, образующими с нами одну политическую партию»¹⁹⁹.

В моравской национальной партии господствовала консервативная буржуазия, либеральное крыло в ней не оформилось²⁰⁰.

Национальная партия Моравии придерживалась программы национальной партии Чехии, подобно последней она вступила в союз с представителями моравского федералистически настроенного дворянства (например, с другом и последователем Клам-Мартинца Эгмонтом Белькреди, Сальмом и др.), но даже при их поддержке она почти никогда не добивалась большинства в сейме.

Подобно чешской, национальная партия Моравии боялась народных масс и избегала вовлечения рабочих и крестьян в национальное движение.

Что касается Силезии, то следует отметить, что немецкие помещики и буржуазия полностью господствовали над чешским и польским населением этой области. Управление находилось всецело в руках немецких господствующих классов; силезский земский сейм (его уместнее, пожалуй, называть «ландтаг») был одним из наиболее ярких защитников немецкой гегемонии в империи.

Словакия в экономическом отношении значительно отставала от Чехии, словацкое национальное движение, возглавлявшееся немногочисленной словацкой буржуазией и интеллигенцией, в 60-х годах XIX в. было еще слабым. Это был союзник, весьма нуждавшийся в помощи чешского национального движения, но еще неспособный со своей стороны действительно помочь ему. Следует также иметь в виду, что различие политических условий (особенно после 1867 г.), необходимость вести борьбу с разными противниками — немецкой буржуазией в Чехии, венгерскими помещиками в Словакии — разобщали в известной мере чешское и словацкое национальное движение.

В течение 60-х годов несколько раз делались с обеих сторон попытки установления контакта между руководством чешского национального движения и польского национального движения в Галиции. Однако установлению такого союза мешал ряд обстоятельств.

Польские помещики и буржуазия, в Галиции относительно малочисленная, были заинтересованы в поддержке австрийского правительства как по внутривнутриполитическим, так и по внешнеполитическим причинам.

Польские эксплуататорские классы господствовали в Галиции не только над польскими эксплуатируемыми классами, но и над украинскими²⁰¹. В Галиции все более разворачивалась ожесточенная национальная борьба, в которую, в силу тесного переплетения вопроса национального с вопросом аграрным, втягивались все большие массы украинского крестьянства.

Австрийское правительство, помогая польской господствующей верхушке захватить в свои руки земское самоуправление Галиции, помогая ей при помощи своего военно-бюрократического государственного аппа-

¹⁹⁹ Příspěvky k listářů Fr. L. Riegra, str. 154—155. Письмо А. Пражака Ригеру от 25 июня 1863 г.

²⁰⁰ Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 53. Письмо Мезника Пражаку от 8 февраля 1866 г. из Праги: «Народни листы» не жалуют нас вследствие того, что им не удалось сколотить моравскую молодую партию, о которой они очень мечтают».

²⁰¹ Францишек Смолька, выразивший взгляды польской буржуазии Галиции, писал в 1865 г. Ригеру, что поляки не могут допустить, чтобы украинский язык был языком делопроизводства, так как Галиция является частью одного исторического, политического и территориального целого, составляющего Польское королевство (Příspěvky k listářů Fr. L. Riegra, str. 163).

рата держать в узде украинских крестьян, привязывало к себе польские господствующие классы.

К Габсбургам польскую шляхту толкали и внешнеполитические соображения. Отказавшись после поражения восстания 1863—1864 гг. от каких-либо надежд на восстановление независимости Польши, решительно выступив против продолжения национально-освободительной борьбы, польские господствующие классы Галиции считали, что распад габсбургской монархии или даже серьезное ослабление ее будет означать неминуемый переход Галиции под власть царской России и потерю ими своего привилегированного положения.

В 60-х годах польская шляхта Галиции перешла на позиции лояльности к габсбургской империи. Этот переход совершился еще до получения каких-либо уступок от Австрии. О лояльности польской шляхты к Габсбургам свидетельствовала верноподданническая формула адреса, направленного галицийским сеймом Францу-Иосифу в декабре 1866 г.: «*przy tobie, Najjaśniejszy Panie, stoimy i stać chcemy*» («мы стоим и желаем стоять подле тебя, светлейший государь») ²⁰².

Польско-немецкие противоречия отличало от противоречий чешско-немецких и то существенное обстоятельство, что в Галиции немцев почти не было, польские господствующие классы боролись не против немецкой буржуазии и немецких помещиков, а против централизаторской и германизаторской политики австрийского правительства, против австро-немецкой бюрократии и администрации. Вследствие этого немецко-польские противоречия в Галиции не достигали той остроты, которой отличались немецко-чешские противоречия.

В свою очередь заинтересованность немецких господствующих классов в удержании и усилении своего непосредственного господства в Галиции была меньшей, чем в Чехии и Моравии. Они могли без большого ущерба для себя пойти на уступки полякам, во всяком случае на уступки, значительно большие, чем чехам. Не случайно наиболее националистически настроенные группы немецкой буржуазии и немецких помещиков Австрии, так называемые пангерманисты, шли на предоставление Галиции «особого положения», т. е. очень большой автономии и выделения ее из состава Цислейтании ²⁰³.

Провозглашавшаяся чешской национальной партией программа федералистического переустройства Австрии находила известный отклик у польских господствующих классов Галиции. Лидер польских федералистов, представитель польской либеральной буржуазии Смолька выступал за тесный союз с остальными славянскими народами Австрии. Этот союз помог бы полякам добиться полной внутренней автономии. Программа Смольки соответствовала интересам чешской национальной партии, сам Смолька находился в тесном контакте с Ригером и другими чешскими политическими деятелями.

Однако в подавляющем своем большинстве польская шляхта была безразлична к идее австрийской федерации. Тем более прохладно относилась она и к программе восстановления «чешского исторического права». Она была заинтересована не в федерации вообще (и даже побаивалась

²⁰² W. Feldman. Stronnictwa i programy polityczne w Galicji 1848—1906 Kraków, 1907, str. 52.

²⁰³ Вопрос этот сформулирован в составленной в 1882 г. в Линде официальной программе австрийских пангерманистов. Полный текст этой программы см. P. Herwig. Georg Schönerer und die Entwicklung des Altdeutschtums der Ostmark, Bd. I. Wien, 1913. S. 112—115. См. также речь Пиккерта — одного из будущих активных пангерманистов, SZ. 1866, VIII, str. 25.

валась ее, предвидя, что это может усилить украинское национальное движение), а только в автономии Галиции. Польским господствующим классам в определенной степени было даже выгодно обострение чешско-австрийских отношений, так как, шантажируя Австрию перспективой польско-чешского блока, они могли выторговывать у нее некоторые уступки. Такой именно тактики они и придерживались.

На польско-чешских отношениях сказались и позиция лидеров старочехов в отношении польского восстания 1863 г. Небезынтересно отметить, что через несколько дней после опубликования статьи Палацкокого «Ответ Болеславану» Алоиз Пражак писал Ригеру: «Сегодняшние дебаты об адресе (императору. — *Н. Р.*) были очень обидными для нас, так как немцы и поляки упрекали нас, славян, в панславистских тенденциях»²⁰⁴.

Отталкивал польские господствующие классы от чехов и сближал их с австрийским правительством и любой намек на русско-чешское сближение. Поездка чехов в 1867 г. в Россию подтверждает это.

Первая попытка заключения широкого общеславянского соглашения относится к лету 1866 г., когда собравшиеся в Вене представители австрийских славян одобрили выработанную Ригером программу государственного переустройства Австрии, о которой мы говорили выше. От поляков были Агенор Голуховский и Ежий Любомирский²⁰⁵. Но никаких практических результатов это совещание не дало, и когда в конце 1866—начале 1867 г. развернулась борьба против дуализма, все славяне действовали разобщенно.

Чешские буржуазные деятели были в контакте с южнославянскими политическими деятелями Триединого королевства. Они всегда пользовались случаем подчеркнуть необходимость удовлетворения «исторических прав» этого королевства²⁰⁶, но практических результатов этот союз дать не мог. Дело в том, что чехи были связаны только с так называемой хорватской национальной партией, главным образом с ее лидером — епископом Штроссмайером. Представитель крупного хорватского дворянства и духовенства Штроссмайер отражал взгляды наиболее консервативной части национальной партии. В 1848 г. он сблизился с Палацким и Ригером, в расширенном имперском совете поддерживал Клам-Мартинца. Влияние хорватской национальной партии в 60-х годах было не велико, в политической жизни страны она значительной роли не играла.

Штроссмайер участвовал в совещании австрийских федералистов в 1866 г., поддерживая программу Ригера²⁰⁷.

Слабость чешско-хорватского контакта определялась также и тем, что борьба велась против разных противников: чехи боролись против германизаторской политики австрийского правительства, хорваты — против мадьяризаторской политики господствующих классов Венгрии.

В отдельных случаях в роли союзников чешской буржуазии выступали так называемые немецкие федералисты — представители части немецких

²⁰⁴ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 154—155.

²⁰⁵ Цейтгаммер указывает, что эта программа написана при непосредственном участии Голуховского, поэтому ее можно рассматривать как совместную чешско-польскую программу (O. Zeithammer; Op. cit., S. 16—21; E. Denis. Op. cit., p. 499; Česká politika, d. III, str. 281—282).

²⁰⁶ Речь Цейтгаммера: „Сейм Чешского королевства с горячей симпатией и страстной тоской будет смотреть за тем, чтобы этому королевству (Триединому королевству. — *Н. Р.*), чтобы этому народу, сохранившему в 1848 г. монархию (возгласы „браво“ в центре), было дано по праву и справедливости“ (SZ. 1866, VIII, str. 13—14; см. также SZ. 1866, IX, str. 7; 1867/I, V, str. 22).

²⁰⁷ См. подробнее нашу статью „Возникновение хорватско-венгерского соглашения 1868 г.“. „Вопросы истории“, 1948, № 6.

помещиков. По своим социально-политическим взглядам эта группа была близка чешской дворянской федералистической партии Клам-Мартинца. Немецкие федералисты-консерваторы и клерикалы боролись с немцами-либералами и были по существу глубоко реакционной группой. Чешская буржуазия, в особенности старочехи, связывала немалые надежды с немецкими федералистами, учитывая их близость к венскому двору. Однако немецкие федералисты не представляли серьезной силы и уж во всяком случае не были надежными союзниками.

ЧЕШСКАЯ БУРЖУАЗИЯ И КРИЗИС АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1866 г.

В конце 1865 г. стало очевидным, что австро-прусское соперничество в вопросе воссоединения Германии может разрешиться только войной. Пруссия деятельно готовилась к войне. Несмотря на то, что австрийская армия в военном отношении далеко уступала хорошо оснащенной прусской армии, император Франц-Иосиф и руководители австрийского правительства не оценивали по достоинству военную мощь Пруссии. Не оценили они также и развернутой Бисмарком дипломатической подготовки войны. Весной 1866 г. Бисмарку удалось не только заключить военный союз с Италией, что означало для Австрии войну на два фронта, но и добиться от Наполеона III нейтралитета в прусско-австрийском конфликте. Австрийский император, придворная клика и правительство Белькреди считали, что предстоящая война принесет победу Австрии. Некоторое беспокойство в преддверии будущей войны им внушала лишь сложная внутривнутриполитическая обстановка в стране; для успешной войны надо было обеспечить себе спокойный тыл.

Основным внутривнутриполитическим вопросом для австрийского правительства попрежнему оставался венгерский вопрос. В условиях войны с Пруссией венгерское национальное движение могло приобрести угрожающий для Австрии характер, в то время как национального движения славянских народов австрийское правительство совершенно не боялось. Шедшую впереди других славянских народов в отношении национального движения Чехию австро-прусская война могла лишь сковать, слишком велика была ненависть чехов к милитаристской Пруссии и к угрозе порабощения ею Чехии. Учитывая это, австрийское правительство считало необходимым, прежде всего, разрешить австро-венгерский конфликт, славянские же народы удовлетворить самыми мелкими уступками. И хотя сентябрьский манифест 1865 г. провозглашал, что правительство решило вернуться к политике признания «историко-политических прав» всех королевств и земель, на деле результатом его было лишь начало переговоров между австрийским правительством и представителями венгерских господствующих классов. Единственным «прочешским» актом кабинета Белькреди было утверждение принятого чешским сеймом в 1865 г. законопроекта о равноправии обоих земских языков и об обязательном изучении второго земского языка.

Несмотря на то, что провозглашаемая правительством Белькреди программа «сближения со славянами» была чистой фикцией и имела целью обман славянских народов, ослабление их национального движения, немецкие помещики и немецкая буржуазия Австрии, группировавшиеся вокруг конституционной партии, были крайне раздражены сентябрьским манифестом и связанной с ним «переменой» правительственного курса. Их недовольство вызывало не столько намечавшееся соглашение с Венгрией (хотя они продолжали еще держаться мнения, что не следует

идти на слишком большие уступки венграм), сколько выраженное в манифесте желание удовлетворить «разумные требования» всех народов империи, т. е. главным образом славян, и приостановка действия февральской (шмерлинговской) конституции. Раздражать австрийских немцев, конечно, не входило в планы правительства. Ведь сама война, которой были подчинены все эти мероприятия, должна была вестись за гегемонию Австрии (т. е. австрийских немцев) в Германском союзе, за объединение всех немецких государств вокруг Австрии.

В момент, когда разразилась австро-прусская война, положение правительства было крайне сложным: переговоры с Венгрией не дали еще никаких результатов, немцы были настроены оппозиционно по отношению к правительству, чешская буржуазия выражала разочарование медлительностью правительства.

Вопрос об оппозиционности австрийских немцев требует пояснения. Эта оппозиция была выражением недовольства методами действий правительства, но отнюдь не общим направлением его политики. Войну, которая должна была решить вопрос — кто станет во главе будущей объединенной Германии: Австрия или Пруссия, австрийские немцы воспринимали как свое национальное дело. Удачная война (а до самого начала войны австрийские немцы еще верили в успех) должна была вместе с тем сказаться и на внутриавстрийском положении и соотношении сил, укрепив австрийских немцев, господствующее положение которых в первой половине 60-х годов в связи с ростом национального движения в различных областях Австрии поколебалось. Удачная война дала бы возможность продолжать политику германизации и централизации. Никаких обязательств, никаких значительных уступок, которые помешали бы после победы над Пруссией возродить в полном объеме политику централизации — таков был смысл оппозиции австро-немецких господствующих классов по отношению к «слабому» правительству Белькреди.

Война 1866 г. была, как известно, очень недолгой и окончилась полным поражением Австрии. Несмотря на сильное противодействие короля Вильгельма I и всего прусского военного командования, опьяненных столь быстрой победой и требовавших продолжения войны, похода на Вену, Бисмарк настоял на немедленном прекращении военных действий и заключении мира. Бисмарк потребовал от Австрии выхода из Германского союза, согласия на образование вместо него Северо-Германского союза с Пруссией во главе, отказа от Гольштинии в пользу Пруссии и от Венеции в пользу Италии. В то время как Вильгельм I желал присоединения к Пруссии австрийской Силезии и немецких областей Чехии²⁰⁸, Бисмарк настаивал на сохранении территориальной целостности Австрии.

Чем объяснялась подобная политика Бисмарка?

Во-первых, Бисмарк стремился к скорейшему окончанию войны, боясь выступления Франции и непосильной для Пруссии войны на два фронта. Вместе с тем он учитывал, что Пруссии еще придется столкнуться с Францией. Принимая это во внимание, не следовало особо раздражать Австрию, не надо было оскорбительными для нее условиями мира еще более увеличить ее враждебность к Пруссии. После разрешения в пользу Пруссии вопроса воссоединения Германии Австрия приобретала ценность как возможный будущий союзник²⁰⁹. «Нам следовало бы избежать, — писал Бисмарк в своих воспоминаниях, — чтобы Австрии была нанесена

²⁰⁸ Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. II, М., 1940, стр. 37; E. Denis. Op. cit., p. 494.

²⁰⁹ Бисмарк. Указ. соч., стр. 42.

тяжелая рана, чтобы у нее надолго осталась большая, чем это нужно, горечь и потребность в реванше. Мы, наоборот, должны сохранить возможность снова сблизиться с нашим теперешним противником... Если бы Австрии был нанесен серьезный ущерб, то она сделалась бы союзницей Франции и каждого из наших противников»²¹⁰.

Во-вторых, Бисмарк учитывал то обстоятельство, что длительная война и военные поражения вызовут усиление национального движения в различных частях Австрии, а может быть, и начало революции, что приведет к ослаблению Австрии или даже к ее распаду на ряд самостоятельных государств. Бисмарк, указывая на возможность разрушения Австрии в результате венгерского и славянских восстаний, писал: «Новые образования на этом пространстве могли бы быть только надолго революционными по своей природе»²¹¹. Боязнь революции²¹², желание сохранить реакционную австрийскую монархию, подчинить ее с течением времени прусскому влиянию подсказывали Бисмарку необходимость скорейшего окончания войны.

Однако, хотя Бисмарк и боялся того, что усиление национального движения может привести к революционному взрыву, он все же из чисто тактических соображений не прочь был использовать в своих целях национальное движение в Австрии.

Бисмарк содействовал Клапке в организации венгерского добровольческого легиона для действий на стороне Пруссии. Он посылал в Венгрию эмиссаров, которые поддерживали связи с венгерскими буржуазными политическими деятелями, и пытался склонить к сотрудничеству с Пруссией лидеров венгерских помещиков — Деака и Андраши, что ему, правда, не удалось. Но все это было лишь игрой на стремлении венгров к независимости, а отнюдь не действительной его поддержкой. Не случайно Бисмарк отклонил встречу с венгерским национальным героем Лайошем Кошутом и старался завязать сношения с более умеренными группами венгерской оппозиции. Сам Бисмарк в своих воспоминаниях признается, что активное содействие национальному движению в Австрии он рассматривал как последнее средство, применимое только в случае угрозы потерпеть поражение²¹³.

В Венгрии во время войны было неспокойно: антиавстрийские настроения становились очевидными. Стало частым явлением дезертирство; скрываясь от военной службы, венгерская молодежь уходила в леса; итальянским военнопленным венгры устраивали торжественные встречи²¹⁴. Все эти на первый взгляд незначительные эпизоды свидетельствовали, однако, о резком усилении антиавстрийских настроений в стране. Поражения австрийской армии воспринимались в Венгрии с радостью, широкие массы венгров были настроены пораженчески; известие о заключении перемирия вызвало большое разочарование, венгры желали продолжения войны для еще большего ослабления Австрии²¹⁵. В то время, как Деак и Андраши, будучи сторонниками соглашения с Австрией²¹⁶, отклонили

²¹⁰ Бисмарк. Указ. соч., стр. 42.

²¹¹ Там же.

²¹² История дипломатии, т. I, М., 1941, стр. 502.

²¹³ В случае вмешательства Франции пруссаки должны были либо немедленно заключить мир на умеренных условиях; „либо же полностью парализовать Австрию быстрым наступлением и содействием конфликту в Венгрии, а может быть также и в Богемии“ (Бисмарк. Указ. соч., стр. 34).

²¹⁴ W. Rogge. Op. cit., S. 245; E. Wertheimer. Graf Julius Andrassy, sein Leben und seine Zeit. Bd. I. Stuttgart, 1910, S. 215.

²¹⁵ J. J. Toužimský. Op. cit., str. 143—144.

²¹⁶ E. Wertheimer. Op. cit., S. 14—15.

сотрудничество с Пруссией, радикально настроенные слои венгерской буржуазии требовали если не полного отделения от Австрии, то во всяком случае ограничения связи с Австрией только личной унией.

Австрийское правительство во время войны еще раз убедилось в том, как непрочно австрийское господство в Венгрии. Не подлежит сомнению, что подъем антиавстрийских настроений в Венгрии во время войны ускорила завершение австро-венгерских переговоров в конце 1866 г. и преобразование в 1867 г. Австрийской империи в дуалистическое государство.

Иначе обстояли дела в Чехии. Чешские буржуазные политические деятели считали, что поражение Австрии приведет к выходу ее из Германского союза, а это, по мнению Сладковского, было первым необходимым условием для осуществления программы национальной партии²¹⁷. Выход Австрии из Германского союза должен был ослабить в Австрии влияние немцев и усилить влияние славян на внутреннюю политику, что привело бы к установлению в Австрии федерализма в духе октябрьского диплома. Чешские буржуазные политики не учитывали другой, более реальной и действительно осуществившейся перспективы внутреннего развития Австрии в случае поражения — установления дуализма.

Казалось бы, при таких настроениях, когда военное поражение Австрии рассматривалось как этап на пути к превращению ее в федерацию, чешские буржуазные деятели должны были занять пораженческие позиции. В действительности же, несмотря на эти соображения, они целиком стали на сторону Австрии.

Это объяснялось прежде всего тем, что чешские буржуазные политики, подобно австрийскому правительству, неправильно оценили военную мощь Пруссии и вплоть до военных поражений Австрии слепо верили в победу²¹⁸. Лишь позднее, задним числом, они стали говорить о военной неподготовленности Австрии, о том, что правительство было обязано всеми силами противодействовать войне, а не ускорять ее. При этом за неподготовленность к войне чешские буржуазные политики возлагали ответственность не на милое их сердцу правительство Белькреди, а на правительство Шмерлинга²¹⁹.

Дело, однако, было не только в преувеличенном представлении о могуществе Австрии, но и в некоторых собственных расчетах, связанных с победой Австрии. Еще в то время, когда считалась возможной перспектива мирного разрешения австро-прусского конфликта, чешские буржуазные политики лелеяли наивные планы обмена прав Австрии на ютландские герцогства на Лужицу и захваченную Пруссией в середине XVIII в. часть Силезии. По мере приближения перспективы войны им уже мерещилось присоединение этих территорий силой оружия. Нечего говорить о том, что вновь приобретенные территории должны были (в мечтаниях этих прожектеров) стать составной частью земель Чешской короны!²²⁰

Эти планы представляют интерес не только в том отношении, что показывают, как далеки от реальности, от трезвого понимания обстановки и соотношения сил были лидеры чешской буржуазии. Показательно, какой глубокий отпечаток на идеологию чешской буржуазии наложила воспринятая ею от дворянства «теория исторического права», проникнутая духом средневековья, чуждая жизненным интересам чешского народа и брат-

²¹⁷ K. Sladkovský, Op. cit., str. 333—336; см. также SZ. 1866, VIII, str. 9.

²¹⁸ A. S. b. Vzpomínky, str. 86.

²¹⁹ См. SZ. 1866, VIII, str. 5—7. Речь Трояна.

²²⁰ Česká politika, d. III, str. 272.

ских ему славянских народов. Мысль о присоединении Лужицы и прусской Силезии возникла на основе именно этого «исторического права». Ведь Силезия принадлежала некогда к числу земель Чешской короны! Чешские буржуазные лидеры не заботились об освобождении лужицких сербов и поляков от национального угнетения, от германизации, они вообще меньше всего думали о них, для чешской буржуазии речь шла о «воссоединении» с Чехией «исторических чешских» земель. Едва народившись, еще не успев завоевать себе прочных позиций у себя на родине, чешская буржуазия уже проявляла органически присущие буржуазии захватнические инстинкты, опираясь на обветшалые средневековые «права», обращая свои вожелания в сторону более слабых политически, более угнетаемых славянских народов.

Впрочем, определяющим моментом в позиции чешской буржуазии в отношении австро-прусской войны были не эти, весьма любопытные для характеристики чешской буржуазии, но все же лишь мимолетные экспансионистские мечтания. Значительно важнее была боязнь прусской агрессии, боязнь колебавшегося между Австрией и Пруссией немецкого элемента в самой Чехии. Не следует забывать, что Чехия в числе других западных земель Австрийской империи была частью Германского союза, что она сама могла стать объектом прусской экспансии.

Это была реальная опасность, толкавшая чешскую буржуазию на поддержку Австрии. Буржуазные историки, раздувая этот момент, приписывают австро-прусской войне характер «чешского национального дела»²²¹. Это, разумеется, грубое извращение исторической действительности. Прусский милитаризм, несомненно, представлял собой определенную угрозу Чехии. Как мы указывали выше, прусский король хотел присоединения к Пруссии немецкой части Чехии и австрийской Силезии. Однако Пруссия не обладала достаточными силами для осуществления подобной экспансионистской программы. Поэтому попытки искусственно раздуть значение прусской опасности и оправдать национальными интересами чешского народа верноподданную в отношении Австрии политику чешской буржуазии несостоятельны.

Наряду с этим политика чешской буржуазии определялась еще желанием всеми силами доказать императору и правительству свою лояльность и тем самым склонить их к большим уступкам чехам. Ригер и пражский бургомистр Бельский лично в Вене принесли императору заверения в преданности пражан²²². Чешская буржуазия обратилась в начале войны к правительству с просьбой разрешить формирование чешских добровольческих батальонов. Эта просьба была отклонена; в министерском совете было высказано мнение, что «чехам нельзя доверить оружие»²²³.

Франц-Иосиф издевательски заявил, что подобные добровольческие отряды имеют только одну положительную черту: они «являются наилучшим средством для очищения городов и деревень от всякого сброда»²²⁴. Чешская буржуазия покорно проглотила это оскорбление, хотя впоследствии не раз сетовала на «упущение» правительства, не разрешившего чехам самим охранять свою страну²²⁵.

Поражение у Садовой, оккупация прусскими войсками части Чехии, занятие пруссаками Праги не изменили отношения чешской буржуазии

²²¹ Z. T o b o l k a. Dějiny, str. 103.

²²² Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 24; A. S r b. Vzpomínky, str. 82; Z. T o b o l k a. Dějiny, str. 103.

²²³ A. S r b. Vzpomínky, str. 84; E. D e n i s, Op. cit., p. 494.

²²⁴ A. S r b. Vzpomínky, str. 82.

²²⁵ Там же, стр. 84; см. также SZ. 1866, VIII, str. 8.

к австрийскому правительству и династии²²⁶, несмотря на то, что быстрое продвижение прусских войск привело австрийскую администрацию в Чехии в полную растерянность. 23 июня прусские войска перешли границы Чехии, а в начале июля, после битвы при Садовой, наместничество и земский комитет покинули Прагу, переехав в Пльзень.

Уехали из Праги и Палацкий с Ригером. Член национальной партии, депутат сейма Прахенский писал 4 июля Ригеру из Праги: «Здесь произошло очень тяжелое впечатление, как в низших, так и в высших кругах, что именно сейчас, в опасное время, ни Вас, ни Палацкого в Праге нет»²²⁷.

8 июля прусские войска вошли в Прагу. Характеристику создавшегося в столице Чехии положения дает письмо Шмейкаля, одного из руководителей немецкой конституционной партии, главы немецкой фракции чешского сейма и члена земского комитета, Ригеру от 18 июля 1866 г. Шмейкаль так описывал положение в Праге: земский комитет, как таковой, не существует, оставшиеся в Праге члены его издают отдельные распоряжения, земская касса пуста, наложенная пруссаками контрибуция — 40 тыс. флоринов в день — очень тяжела²²⁸. Полицейская охрана сосредоточилась в руках городского управления, городская стража состояла из вооруженных гражданских отрядов²²⁹.

Прусское командование придерживалось подчеркнуто «либеральной» политики: за отобранный фураж крестьяне получали расписки, в Праге была введена свобода печати, цензором был назначен младочех Иозеф Барак, в театре разрешили ставить запрещенные австрийским правительством пьесы («Ян Жижка», «Ян Гус»), прусское командование писало объявления на обоих земских языках.

Прусское командование не хотело раздражать население. Оно стремилось обеспечить спокойный тыл и бесперебойное снабжение прусской армии, а также продемонстрировать перед лицом всего населения Чехии, т. е. не только перед чехами, но и перед немцами, «дружелюбие», «образцовые» прусские порядки. Чешские немцы были всегда очень националистично настроены, именно из их среды вышли позднее наиболее рьяные австрийские пангерманисты. Прусское правительство не хотело отталкивать от себя своих возможных будущих союзников в Австрии.

В Венгрии прусское правительство старалось завязать связи с вождями венгерской оппозиции; в Чехии оно было значительно сдержаннее. И здесь главную причину следует искать в чешских немцах. Прусское правительство остерегалось высказывать какое-либо сочувствие чешскому национальному движению. В этом смысле интересна пометка Бисмарка на записке одного польского эмигранта, старавшегося склонить прусское правительство к организации антиавстрийских выступлений чехов и других славянских народов Австрии, гласившая: «Мы не воспользуемся этими средствами».

Только один раз, и то в очень туманной форме, прусское командование упомянуло о возможности изменения государственно-правового положения Чехии. После прихода прусских войск в Прагу верховное прусское командование выпустило на немецком и чешском языках воззвание «К населению славного Чешского королевства», в котором, помимо призыва к спокойствию и соблюдению порядка, а также обещания, что прусское военное командование будет реквизировать «только самое необхо-

²²⁶ A. S r b. Vzpomínky, str. 90.

²²⁷ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 164.

²²⁸ Там же, стр. 165—166.

²²⁹ A. S r b. Vzpomínky, str. 90; SZ. 1867/I, IV, str. 5.

димое», говорилось об уважении национальных и исторических прав чехов; оканчивалось воззвание словами: «Если наше справедливое дело победит, то, может быть, придет удобный момент чехам и мораванам самим решать свою судьбу». В немецком тексте воззвания за словами «чехи и мораване» следовало добавление: «подобно венграм». У чешского населения это воззвание вызвало лишь удивление; никакого доверия к дешевым заигрываниям прусских оккупантов чешский народ не испытывал²³⁰.

Чешские буржуазные политические деятели, группировавшиеся около национальной партии, оставили без внимания это воззвание, справедливо считая, что оно является только ман-вром со стороны прусского правительства. Это подтвердил вскоре и Бисмарк. Когда 23 августа 1866 г. на заседании палаты депутатов прусского ландтага зашла речь об этом воззвании, Бисмарк указал, что оно было издано только по соображениям военно-тактическим, а не политическим.

Лишь несколько чешских буржуазных политических деятелей иначе оценили это воззвание.

Иозеф Вацлав Фрич поверил, что Пруссия будет содействовать получению Чехией независимости. В войне 1866 г. Фрич был переводчиком при штабе прусского командования. Возможно что не без его участия было выпущено вышеупомянутое воззвание. Прибыв с прусскими войсками в Чехию, Фрич стал пропагандировать среди младочехов, своих сотоварищей по 1848 г., идею создания независимой Чехии. Но в редакции «Народных листов» Фрич встретил недружелюбный прием. Фрич говорил со Сладковским и Грегром, предлагая им войти в контакт с прусским правительством, которое, мол, будет содействовать самостоятельности Чехии. Младочешские лидеры отклонили предложение Фрича. Карел Тума, младочех, в своих воспоминаниях пишет, что Сладковский и Грегр не верили пруссакам и боялись, что если даже Пруссия действительно настоит на независимости Чехии, то при первом же удобном случае она присоединит Чехию к себе. Лишь при гарантии со стороны Франции и России можно, заявляли они, приступить к переговорам с прусским правительством, но эти переговоры должны вести не они — Сладковский и Грегр, а Палацкий, Ригер и чешский сейм. Нет оснований сомневаться в достоверности рассказа Тумы, так как нет ни одного факта, указывающего на какие-либо последствия обращения Фрича к лидерам младочехов. Впрочем, чешский историк Карел Казбунда приводит донесение одного полицейского чина, в котором заявлялось, что в конце июля—в августе 1866 г. младочехи, руководимые Сладковским, «не прочь были поднять революцию» против Габсбургов. Младочехи, мол, были очень рассержены тем, что австрийские власти, испугавшись прихода пруссаков, покинули Чехию, отвергли помощь чешских добровольцев и подчеркивали все время «немецкий характер» войны²³¹. В донесении нет, однако, ничего, что давало бы основание говорить о контакте младочехов с пруссаками. Лишь как курьез можно отметить, что Казбунда на основании этого документа серьезно толкует о подготовке младочехами революции!

Любопытное сообщение содержит также письмо Мезника Пражаку от 14 августа 1866 г., написанное из Праги. Здесь сообщается о том, что «прусская прокламация смутила некоторые горячие головы... молодые же (так Мезник называет младочехов. — Н. Р.) были готовы отправиться

²³⁰ A. S r b. Vzpominky, str. 90.

²³¹ K. K a z b u n d a. Pout Čechů do Moskvy r. 1867 a rakouská diplomatie, Praha, 1924, str. 34.

с посольством на Сену (т. е. в Париж. — *Н. Р.*) и лишь благодаря этому удалось временно пригласить эту мысль», т. е. надежду на помощь пруссаков²³². Это показывает, что младочехи были настроены против пруссаков и что за пределами Австрии они искали других покровителей.

Кто же были те «горячие головы», которые откликнулись на предложения Фрича? Это была группа «Болеславана».

По плану Фрича завоевание независимости Чехии должно было произойти мирным путем. Перед заключением мира сейм Чешского королевства должен был высказаться в пользу независимой Чехии. В случае, если бы сейм отказался сделать это, надо было бы созвать по всей стране собрания народа. На этих собраниях народ высказался бы за независимость своей страны. Чехия будет соединена с Моравией, во главе будущего королевства должен быть поставлен принц из Савойского дома. Под давлением Пруссии Австрия должна была бы согласиться на это.

План Фрича расходился с реальной действительностью. Пруссия совсем не собиралась, как мы уже говорили выше, настаивать на независимости Чехии; Австрия, несмотря на понесенное ею поражение, отнюдь не превратилась в военном и особенно во внешнеполитическом отношении в нулевую величину. Международная обстановка была такова, что всякая затяжка войны, всякое расширение требований со стороны Пруссии могли обратить в ничто все успехи Пруссии. Не случайно во время preliminary переговоров в Никольсбурге представитель Австрии граф Кароли категорически отклонил какую бы то ни было территориальную уступку (за исключением Венеции)²³³.

В Немысловицах, в северной Чехии, состоялось небольшое совещание единомышленников Фрича. Было решено издать брошюру, своего рода обращение к чешскому народу с призывом осуществить план Фрича. Бывший редактор «Народных листов» Котик отпечатал в Берлине 7 тыс. экземпляров брошюры, названной «Плач Чешской короны». Когда Котик вернулся в Прагу, он узнал о заключении перемирия (22 июля 1866 г.). Брошюра была распространена в Чехии, но, разумеется, никаких непосредственных результатов дать уже не могла²³⁴.

Брошюра, написанная в очень резком тоне, была направлена лично против императора Франца-Иосифа, виновника войны, разорившей столько областей Чехии. Платить и молчать — таково требование императора в отношении угнетенных национальностей. Брошюра конкретизировала изложенный выше план создания независимого Чешского королевства, воссоединенного в единое государство с Моравией. Чехия по этому плану должна стать королевством, но король может только подтверждать законы, издаваемые сеймом. Земское самоуправление передавалось в руки выбранных народом лиц, налоги значительно снижались.

Брошюра подчеркивала, что все это будет достигнуто не революционным путем, а путем всеобщего избирательного права. Так как Австрия не сможет существовать без Чехии и распадется, то брошюра рекомендовала договориться с остальными народами, населявшими Австрию, и образовать свободную федерацию всех австрийских народов²³⁵.

Таким образом, брошюра не содержала требований изменения существующего политического строя. Сохранение монархии, отказ от револю-

²³² Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 27.

²³³ Бисмарк. Указ. соч., стр. 39.

²³⁴ Z. T o b o l k a. Dějiny, str. 109; A. S t a š e k. Op. cit., str. 232—234.

²³⁵ Plač Koruny České čili upřímná slova Staro-čecha propovědená mylym krajanům leta 1866. Berlin, 1866, str. 8—16.

ционных форм борьбы должны были сделать план Фрича применимым для чешской буржуазии в целом.

Однако Фрич не понял стремлений чешской буржуазии. Она отнюдь не хотела выходить из австрийской монархии, она просто стремилась подорвать господствующее положение в Чехии немецкой крупной и средней буржуазии, хотела сама занять место последней.

Выдвигаемая Фричем программа в силу своей узости не могла оказать существенного влияния на широкие слои чешского трудового народа; кроме того, марка «Берлин» могла вызвать у чешских трудящихся лишь недоверие. Все же некоторый отклик антиавстрийское выступление группы Фрича имело. «Плач Чешской короны», замечает Мезник, «дал почву для появления партии, лозунгом которой в отношении Вены является: оставь всякую надежду»²³⁶.

В сентябре—октябре 1866 г. на улицах Праги появились единичные воззвания, направленные против Габсбургов. Мезник в своих письмах Пражаку в эти месяцы отмечал, что агитация Фрича нашла известный отклик, и выражал опасения, что «революционная партия найдет достаточно приверженцев между низшими классами и сельским населением»²³⁷. Еще в начале 1868 г., по сведениям Арбеса (сообщение от 21 марта), «в Праге и сельских местностях в течение последних недель арестованы люди, обвиняющиеся в распространении «Плача Чешской короны»²³⁸.

22 июля 1866 г. накануне заключения перемирия лидеры национальной партии издали декларацию об отношении чешского народа (читай — чешской буржуазии) к войне. Декларация была написана Ригером, в числе подписавшихся были младочехи Сладковский и Э. Грегр.

В связи с тем, что при заключении мира или на каком-либо конгрессе должна была обсуждаться и решаться судьба Австрии, в декларации выражалась просьба учесть, что государственно-правовое положение земель Чешской короны определяется прагматической санкцией, а также октябрьским дипломом 1860 г. и сентябрьским манифестом 1865 г. Согласно последним, конституция этих земель может быть выработана только на основе соглашения между монархией и сеймами этих земель. Земли Чешской короны пользуются равными политическими правами со всеми остальными землями империи. Земли Чешской короны без согласия их сеймов не могут вступить в какие-либо отношения или взять на себя какие-либо обязательства в отношении Германского союза или какого-либо иного государственного или национального объединения. Обе национальности в землях Чешской короны равноправны²³⁹.

Чешская буржуазия хотела этой декларацией напомнить австрийскому правительству свои основные требования, еще раз провозгласить равенство в государственно-правовом отношении земель Чешской и Венгерской короны и в завуалированной форме указать на нежелательность сохранения каких-либо отношений с Германским союзом.

Австрийское правительство было уверено в лояльности чешской буржуазии и в своих политических расчетах почти совершенно не считалось с нею, поэтому оно никак не реагировало на декларацию.

²³⁶ Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 41.

²³⁷ Там же, стр. 31.

²³⁸ J. Arbes. Op. cit., str. 140, 159.

²³⁹ O. Zeithamer. Op. cit., S. 12—15; Z. Těbolka. Dějiny, str. 110—111.

К декларации не присоединилось консервативное дворянство в связи с тем, что декларация говорила о землях Чешской короны, в то время как консервативное дворянство под „историко-политической индивидуальностью“ понимало только Чешское королевство.

Таким образом, во время австро-прусской войны, несмотря на поражение Австрии и оккупацию Чехии пруссаками, несмотря на различные «искушения», чешская буржуазия продолжала держаться вполне лояльно в отношении правительства и Габсбургов. Она сама весьма гордилась этим. Ее «заслуги» превозносило «историческое дворянство». «1866 год с его бурными событиями явился прекрасной страницей в жизни нации, блестящим свидетельством доказанной на деле верности, идущей до конца и не боящейся жертв», — заявлял граф Клам-Мартиниц с трибуны чешского сейма²⁴⁰.

Что же дала чешскому народу и самой чешской буржуазии ее «верность до конца» габсбургской монархии?

Война окончилась. Она принесла разорение населению тех районов, которые были театром военных действий. Реквизиции, военные постой и т. п. легли тяжелым бременем на все население, главным образом на крестьянство Чехии. В течение второй половины 1866 и 1867 гг. в чешский сейм неоднократно посылались петиции от различных общин с требованием возмещения убытков, понесенных в связи с войной, с жалобами на то, что там, где подобное возмещение имеет место, оно крайне незначительно, что правительственные чиновники всячески тормозят работу комиссий, определявших размер возмещений, и задерживают выплату их. В интерпелляции, подписанной как чешскими, так и немецкими депутатами сейма, указывалось, что в областях, непосредственно пострадавших от войны, население голодает, нет семян для посева, в остальных областях Чехии вследствие реквизиций благосостояние населения настолько снизилось, что встает вопрос о том, сможет ли оно заплатить налоги²⁴¹.

Война резко ухудшила общее финансовое положение Австрии. Уже при Шмерлинге обозначился значительный дефицит, увеличился выпуск бумажных денег. При правительстве Белькреди эмиссия продолжалась, дефицит рос²⁴². Это тяжело отражалось на материальном положении широких слоев населения Австрии, способствовало росту оппозиционных настроений, углубляло внутривластный кризис Австрии.

Война нанесла смертельный удар стремлению Австрии возглавить объединение германских государств. Австро-прусское соперничество в Германии закончилось поражением Австрии. Выброшенная из Германии, Австрия не могла уже теперь думать о расширении своих границ на западе и севере. Но ни Франц-Иосиф, ни руководители австрийской политики не поняли сразу все значение понесенного ими поражения. Они еще мечтали о реванше. Внешняя политика Австрии до 1871 г. показывает, что, несмотря на страх перед усилившейся Пруссией, влияние которой на Австрию с конца 60-х годов становится очевидным, австрийское правительство втайне все время не теряло надежды вернуть себе свое утраченное положение среди немецких государств. Только поражение Франции и основание Германской империи положили конец этим иллюзиям.

Но чтобы иметь возможность вести наступательную внешнюю политику, надо было прежде всего укрепить внутреннее положение империи.

²⁴⁰ SZ. 1866. VIII, str. 26.

²⁴¹ SZ. 1867/I, IV, str. 1—3; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 142.

²⁴² Финансовая буржуазия Австрии, недовольная политикой правительства Белькреди, отказала ему в поддержке. В своей речи в чешском сейме один из лидеров немецких либералов, Гербст, заявлял, что биржа против правительства Белькреди, «ее не увлекает ни историческое государственное право, ни обновленное земское устройство... она просто перестает давать деньги». В происходивших в чешском сейме 6 и 7 декабря 1866 г. общих дебатах содержится обширный материал о финансовом положении империи (см. SZ. 1866, VIII, IX).

Это диктовалось, разумеется, не только реваншистскими внешнеполитическими планами, но и обострившимся после военной неудачи внутривнутриполитическим кризисом.

Война вновь показала, что самым слабым и самым опасным местом является Венгрия. Весь ход внутривнутриполитического развития Австрии в первой половине 60-х годов шел в направлении создания дуалистической системы. После 1866 г. дуализм стал единственным приемлемым для немецких правящих классов Австрии средством сохранения своего господствующего положения. До войны они думали еще отделаться какими-либо ограниченными уступками венгерским господствующим классам, надеялись, что их единодержавное господство может продолжаться и дальше. После австро-прусской войны стало ясно, что господствовать попрежнему во всей империи им не удастся, что надо думать о сохранении своего положения хотя бы в невенгерских частях империи. Австро-немецкая буржуазия тяжело переживала поражение. Она рассматривала исключение Австрии из Германского союза как национальное несчастье и считала положение Австрии столь тяжелым, что сомневалась в ее жизнеспособности²⁴³.

Бейст в своих воспоминаниях пишет, что после австро-прусской войны немцы-либералы и их пресса («Нейе фрейе прессе» и др.) относились к Пруссии лишь внешне миролюбиво, в действительности же с недоверием и желанием мести. Явные симпатии к Пруссии и вновь созданной Германской империи, примирение с Пражским миром, преклонение перед Бисмарком — все это пришло позже²⁴⁴. Следует, однако, заметить, что уже в это время образовалось, правда очень незначительное по численности, ядро будущих австрийских пангерманистов, которые выражали свое преклонение перед Пруссией, так удачно начавшей процесс объединения вокруг себя германских государств. Депутат чешского сейма Карл Пиккерт в речи, произнесенной в сейме в конце 1866 г., всего через несколько месяцев после поражения, говорил о Пруссии с глубоким уважением и симпатией, недвусмысленно намекнув, что процесс объединения Германии еще только начинается. Пиккерт заявил, что он должен преодолеть свои субъективные чувства для того, «чтобы заставить себя говорить с этой трибуны только с австрийской точки зрения»²⁴⁵.

С негодованием ополчаясь против «федералистического» правительства Белькреди, возлагая на него ответственность и за поражение в войне с Пруссией, и за неотвратимую перестройку империи, немецкие господствующие классы «с болью в сердце видели теперь в дуализме наименьшее зло»²⁴⁶.

Первое публичное выступление австро-немецких либералов в пользу дуализма произошло на собрании, созванном в сентябре 1866 г. в Аусси (Штирия). Собрание высказалось за дуализм при сохранении общего рейхсрата для решения общих дел; соглашение должно было быть утверждено не сеймами, а рейхсратом. Собрание выразило протест против «федералистического» направления политики Белькреди. Тоужимский высказывает мнение, что решения собрания были заранее согласованы с венгерскими политическими деятелями²⁴⁷.

В октябре состоялось собрание представителей немецких централистов Моравии, Чехии и Нижней Австрии, на котором главным вопросом был

²⁴³ SZ. 1866, VIII, str. 11—13; IX, str. 35. Речи Гербста и Вольфрума.

²⁴⁴ F. F. Beust. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Bd. II (1866—1885). Stuttgart, 1887, S. 3.

²⁴⁵ SZ. 1866, VIII, str. 23—24.

²⁴⁶ SZ. 1866, VIII, str. 4. Речь Гартига.

²⁴⁷ J. J. Toužimský. Op. cit., str. 144; W. Rogge. Op. cit., S. 367.

вопрос о дуализме. Принятое решение повторило в основном решения собрания в Аусси²⁴⁸.

Переговоры с венгерским сеймом правительство Белькреди начало еще в конце 1865 г. Основой переговоров была признана венгерская конституция 1848 г.

В венгерском сейме в это время большинство имела партия, во главе которой стояли бывшие деятели 1848 г. — Деак и Андраши. Эта партия, называвшаяся либеральной, представляла интересы венгерских обуржуазившихся помещиков. Ее программа сводилась к восстановлению конституции 1848 г., созданию ответственного венгерского министерства и урегулированию австро-венгерских отношений на основе признания общих для всей империи дел, т. е. реальной унии. Эта партия в первой половине 60-х годов оттеснила на задний план венгерских консерваторов-магнатов, идеалом которых являлся государственный строй в духе октябрьского диплома 1860 г. с его политикой консервации сословных привилегий. Венгерские консерваторы — Сечени, Аппоньи и другие были связаны с земельной аристократией других областей Австрии и со двором. Отмена октябрьского диплома и переход к политике Шмерлинга скомпрометировали консерваторов, подрывали их влияние среди помещичьего класса Венгрии. Так называемые «крайние» в венгерском сейме, руководимые Тиссой, представлявшие интересы более левых элементов венгерских буржуазно-помещичьих кругов и венгерской интеллигенции, требовали сохранения с Австрией только личной унии. В переговорах с правительством либеральная партия Деака использовала «крайних» как жупел, настаивая на принятии своих требований.

В начале 1866 г. вопросом урегулирования отношений с Австрией занялась специальная комиссия венгерского сейма, состоявшая из 67 членов. Она в свою очередь выделила более узкую комиссию (в составе 15 человек), которая должна была подготовить проект соглашения. Этот проект был выработан комиссией как раз в начале австро-прусской войны и воспроизводил указанную выше программу Деака. Венгерские либералы требовали назначить прежде всего ответственное министерство, а затем уже договориться об общих делах. Уже в этом проекте намечалось разрешение общих дел путем назначения делегаций и общих для всей империи министров.

Венгерский проект поступил на рассмотрение правительства, когда австрийская армия разбила итальянцев в битве при Кустоцце; эта победа несколько ободрила правительство, и оно поспешило отложить заседание венгерского сейма на неопределенное время. Венгерское общественное мнение было очень раздражено подобными действиями со стороны Белькреди. Но поражение при Садовой изменило обстановку.

17 июля 1866 г. Деак был вызван в Вену и принят императором; представленный им проект комиссии был одобрен Францом-Иосифом. Составление первого венгерского министерства Деак предложил поручить графу Андраши.

Активный деятель 1848 г., приговоренный после подавления революции к смертной казни, Андраши в 1858 г. вернулся в Венгрию. Значение его очень усилилось именно в 1866 г., когда он стал премьер-министром первого венгерского министерства. Андраши был защитником классовых интересов венгерских помещичьих кругов. Он являлся рьяным противником федерализации Австрии и заявлял, что славянские нации надо держать в повиновении. Особенно резко Андраши был настроен против

²⁴⁸ W. Rogge. Op. cit., S. 369.

каких-либо уступок Чехии, могущей стать притягательным центром для венгерских славян, в частности для словаков. «Андраши знал только две нации, которые должны были быть опорой монархии, — это немцы и венгры»²⁴⁹. Стремясь по существу к установлению гегемонии Венгрии в империи, Андраши был тем не менее сторонником централизации австрийской половины империи. По его мнению, единая Цислейтания, в которой немецкое и славянское население перемешано, должна явиться прекрасным препятствием для развития сепаратистских стремлений как немцев, так и славян. С течением времени Андраши завоевывал все большее личное влияние на Франца-Иосифа. В лице Андраши чешские буржуазные деятели приобрели сильного противника, ярко выраженную враждебность которого к чешским планам они часто недооценивали.

С осени 1866 г., когда в принципе вопрос австро-венгерского соглашения был решен, споры между правительством Белькреди, Деаком и Андраши и немецкими либералами шли о форме утверждения соглашения. Правительство Белькреди хотело вынести соглашение на утверждение земских сеймов Цислейтании, немецкие и венгерские либералы считали, что это должен сделать рейхсрат. Император требовал скорейшего решения дела.

Мы уже говорили о том, что политика Белькреди менее всего может называться федералистической. Он лишь стремился мелкими и чисто внешними уступками славянским национальностям империи ликвидировать их оппозицию австро-венгерскому соглашению. Австро-немецкие централисты и венгерские либералы слышать не хотели даже о формальных уступках славянам, в особенности чехам. Они для того и заключали это соглашение, чтобы получить возможность проводить политику «сильной руки».

Верх все же одержала тактика Белькреди; было решено срочно созвать земские сеймы.

9—11 августа 1866 г., в то время когда Ференц Деак уже получил фактически согласие на претворение в жизнь своего проекта австро-венгерского соглашения, в Вене состоялось совещание представителей австрийских славян. Целью совещания была выработка общей программы, установление единой тактики в борьбе против надвигавшейся дуалистической реорганизации империи. На совещании присутствовали: от поляков — граф Голуховский и князь Юрий Любомирский — представители галицийских магнатов, от Триединого королевства — епископ Штрессмайер, выражавший взгляды крупных землевладельцев, от Моравии — Пражак, от Чехии — Ригер и Палацкий. Отказались приехать на совещание представители словенцев в связи с тем, что в проектах будущего государственного переустройства империи не упоминалось о создании генерального сейма словенских земель. Видный словенский политический деятель Томан в письме Пражаку выражал свое возмущение тем, что «большие славянские племена — чехи и поляки — все еще считают меньших словенцев слишком незначительными, чтобы обсудить с ними судьбу Австрии»²⁵⁰.

Обращает на себя внимание факт отсутствия на совещании младочехов. ««Народни листы», — писал Мезник Пражаку 14 сентября 1866 г., — отказываются от какой-либо солидарности с этим совещанием якобы потому, что те господа (Ригер и Палацкий. — Н. Р.) не были уполномочены на

²⁴⁹ Z. Tobolka. Dějiny, str. 115. См. также E. Wertheimer. Op. cit., S. 219, 223.

²⁵⁰ Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 34—35.

переговоры в Вене. Досадно, что никто из младших братьев не был посвящен в это дело и не взят с собой»²⁵¹.

Не присутствовали на совещании и представители чешского консервативного дворянства, демонстрируя таким образом свою лояльность и преданность династии и правительству²⁵². Несмотря на их отсутствие, принятая на совещании программа, написанная Ригером (о ней мы уже говорили выше — см. стр. 117), вполне отвечала требованиям наиболее консервативных элементов. Программа была принята единогласно. Таким образом, казалось бы намечался единый славянский фронт, целью которого было теперь не столько предотвращение дуализма, сколько требование, чтобы правительство пошло на подобные же уступки славянским народам империи.

Однако прочность этого единого фронта господствующих классов славянских наций Австрии была очень относительна, и правительство хорошо сознавало это. Без особого труда ему удалось вскоре превратить этот блок в фикцию. В сентябре 1866 г. правительство Белькреди пошло на удовлетворение давнишнего пожелания польских магнатов — назначило графа Голуховского наместником Галиции. Этого аванса было достаточно для того, чтобы галицийские помещики отказались от активного сопротивления австро-венгерскому соглашению и фактически расторгли блок, заключенный на совещании в августе 1866 г.

Таким образом, попытка создания верхушечного, полуфеодального славянского блока окончилась неудачей. Положение чешских буржуазных консерваторов осенью 1866 г. было очень слабым. Как раз в это время среди широких слоев чешской буржуазии начали громко раздаваться голоса недоверия правительству Белькреди. Против Белькреди выступили «Народни листы». Таким образом, либеральная буржуазия открыто заявила о своем недовольстве политикой правительства, которое федералистическое дворянство и старочехи считали «своим»; кроме того, младочехи вновь заговорили о необходимости разрыва с дворянством. По мнению русской прессы, осенью 1866 г. влияние младочехов по сравнению со старочехами усилилось²⁵³.

Уже во время австро-прусской войны несколько окружных представительств — окружные представительства Мл. Болеславы, Бельска, Мельника и другие — приняли резолюции протеста против надвигавшегося дуализма. Представительства требовали созыва генерального сейма земель Чешской короны, который бы имел право вотировать налоги и определять контингент войск, создания ответственного министерства и изменения избирательного закона 1861 г.

Когда стало известно, что Белькреди по ходатайству польских помещиков назначил Голуховского наместником Галиции, а подобное же пожелание чехов оставил без внимания, назначив наместником Чехии национально-индифферентного немецкого магната графа Роткирх-Пантена²⁵⁴, то в оппозицию к Белькреди перешла и часть старочехов во главе с издателем газеты «Политик» Скрейшовским. Оппозиция, по отзыву Мезника, неодобрительно относившегося к ней, зашла «так далеко», что сельское население ставило Белькреди на одну доску с Шмерлингом²⁵⁵.

²⁵¹ Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 34—35; см. также Z. Tobolka. Dějiny, str. 122.

²⁵² Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 266.

²⁵³ «Современная Летопись», 19. III 1867.

²⁵⁴ До этого ходили слухи, что наместником будет назначен Клам-Мартиниц (Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 28).

²⁵⁵ Там же, стр. 41.

Правительство предприняло репрессивные мероприятия: были распущены представительства, принявшие резолюцию протеста, и назначены новые выборы, начались репрессии против оппозиционно настроенных газет «Народни листы» и «Политик»²⁵⁶. Это вызвало еще большее недовольство правительством.

В то же время обстановка в Чехии приобрела особенную остроту в связи с рядом выступлений трудящихся масс.

Война ухудшила и без того тяжелое положение широких народных масс Чехии. Население, жившее в районах, непосредственно пострадавших от войны, было разорено, поставки на армию (как на австрийскую, так и на прусскую) были очень тяжелы для чешского крестьянства; рост цен на продукты питания лег тяжелым бременем на плечи трудового городского населения, равно как и рост налогов, связанных со все увеличивавшимся дефицитом в государственной казне.

В день ухода прусских войск из Праги в сентябре 1866 г. произошло стихийное выступление народа в предместье Праги — Карлине. Были разбиты склады и разобраны запасы продовольствия, сосредоточенные здесь прусским военным командованием²⁵⁷.

Как уже отмечалось, в сентябре—октябре 1866 г. в Праге стали появляться плакаты, призывавшие население подняться против Габсбургов. Усиление антиправительственных настроений народных масс весьма пугало старочехов.

Во время пребывания Франца-Иосифа в Праге, в конце октября, на него было совершено покушение. По обвинению в покушении был арестован сапожник Пуст²⁵⁸.

В конце октября население Праги выступило против приехавших в 1866 г. в Чехию иезуитов. Толпа народа забросала камнями окна дома, где был центр иезуитов, демонстрировала перед церковью, где они проповедовали, и т. п. Специальная депутация пражан потребовала ухода иезуитов из Чехии, на что глава их ответил, что они вызваны в Чехию кардиналом Шварцбергом, которого об этом просили многие аристократы. В движении против иезуитов приняли участие и представители либеральной буржуазии как чешской, так и немецкой. В декабре 1866 г. в чешский сейм был подан запрос о том, намерено ли правительство предпринять меры против усиления влияния иезуитов в Чехии. Отмечалось, что иезуиты стараются захватить в свои руки школы. Запрос был подписан депутатами-либералами как немцами, так и чехами²⁵⁹.

По мере того, как отчетливее проявлялось недовольство политикой Белькреди, охватившее широкие слои городской буржуазии, снова активизировалось консервативное дворянство. Всегда услужливое в отношении императорского двора, верное консервативному правительству Белькреди, оно употребляло все свое влияние для того, чтобы рассеять недоверие к правительству, охватившее чешскую буржуазию. Клам-Мартиниц, Тун и другие продолжали уверять Ригера, что дуалистическая система не будет введена, что Белькреди исполнит обещания сентябрьского манифеста 1865 г. и т. п.

²⁵⁶ Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 42.

²⁵⁷ W. Rogge. Op. cit., S. 356—358. Характерно, что чешские буржуазные историки, в том числе и Тоболка, замалчивают это выступление народных масс.

²⁵⁸ „Голос“, 23.I 1867; W. Rogge. Op. cit., S. 358; A. S r b. Vzpomínky, str. 99.

²⁵⁹ Запрос подписали младочехи Грегр, Сладковский, Теннер, Кратохвил и др. Характерно, что Ригер, Цейтгаммер, Палацкий, Томек и другие депутаты-староچهи от участия в запросе уклонились (SZ. 1866, XVI; см. также W. Rogge. Op. cit., S. 356—358).

Со своей стороны Белькреди в конце сентября снова стал обещать Ригеру пойти навстречу законным требованиям чешского народа — изменить избирательный закон, установить равноправие обеих национальностей и т. п. Мезник, вероятно, справедливо считает, что Белькреди стремился задобрить чешскую оппозицию, дабы избежать каких-либо политических демонстраций при намечавшейся поездке императора в Чехию²⁶⁰. В результате, хотя руководители старочехов и были обижены поведением «исторического» дворянства во время августовских «общеславянских» переговоров, они все же с готовностью откликнулись на его призыв и употребили все средства, чтобы прекратить какие бы то ни было выступления против правительства.

Тактика старочехов определялась следующими моментами: во-первых, даже тех, сравнительно незначительных проявлений недовольства широких слоев чешского населения, о которых мы говорили выше, оказалось достаточно, чтобы внушить опасения буржуазным консерваторам и толкнуть их в объятия дворянства, как единственного и надежного союзника; во-вторых, приближалось открытие сейма, и чешские буржуазные депутаты снова почувствовали свою зависимость от «исторического» дворянства. Ведь для них сейм был единственной ареной, на которой, как им казалось, они могли бы помериться силами с немецкой буржуазией. Сейму они придавали чрезвычайное значение; им казалось, что, получив большинство, они смогут повлиять на решение правительства, тем более что во главе его стоял «близкий» им Белькреди. Эта иллюзорная вера в силу чешского сейма сохранялась недолго, уже при открытии сейма чешские депутаты поняли трудность борьбы с дуализмом, а в феврале 1867 г. они на собственном горьком опыте убедились в том, какую жалкую роль в действительности играет чешский сейм, если правительство не согласно с его большинством.

Чешские буржуазные политики в этот переломный в истории национальной политики Австрии момент весьма плохо разбирались в действительной обстановке. Реальной силе венгерских помещичьих кругов, реальной силе австро-немецких помещиков и немецкой буржуазии чешская буржуазия хотела противопоставить не единственную реальную силу — широкое чешское национальное движение, а эфемерное «государственное право», не имеющее никакой действительной силы и не находящее поддержки широких слоев чешского народа — не только чешских крестьян и чешских рабочих, но и массы сельской буржуазии Чехии.

Чешские буржуазные политики не видели, что программа восстановления венгерского «исторического права» является силой отнюдь не благодаря своей средневековой правовой базе, а потому, что она опирается на широкое и грозное для Австрии национальное движение, потому, что руководившие этим движением венгерские обуржуазившиеся помещики не ограничивались ссылками на обветшалые хартии, а постоянно напоминали о 1848 г., потому, что венгры вели национальную борьбу, а не выпрашивали уступки у правительства. Чешские буржуазные политики не замечали, что позиции австро-немецкой буржуазии в Венгрии несравненно слабее, чем в Чехии, и что вследствие этого она склонна к компромиссу с господствующим классом Венгрии ради сохранения своих позиций в остальной части империи и прежде всего в Чехии. Венгерские помещики были для австро-немецкой буржуазии конкурентом, с которым она, пусть и не без досады, могла войти в соглашение, стать партнером, чешская же буржуазия была противником, пытавшимся подкопать важнейшие позиции

²⁶⁰ Paměti a listár A. Pražáka, d. II, str. 43.

австро-немецкой буржуазии, вырвать у нее важнейший промышленный район империи — чешские земли. Добиться успеха чешская буржуазия могла лишь в напряженной борьбе, вовлекая в нее широкие слои нации.

Однако чешская буржуазия не только не пыталась развернуть такую борьбу, но и всячески препятствовала расширению национального движения, рассчитывая добиться своей цели без народа, в союзе с давно потерявшим национальный облик «историческим» дворянством. Чего можно было достичь при подобной стратегии, ярко показывают сессии чешского сейма в конце 1866—1867 гг.

БОРЬБА ЧЕШСКОЙ БУРЖУАЗИИ В СЕЙМЕ ПРОТИВ ДУАЛИЗМА

19 ноября 1866 г. открылись земские сеймы. Всем им, за исключением венгерского сейма, был адресован одинаковый рескрипт императора, возглашавший народам Австрии высочайшую благодарность за преданность и жертвы, принесенные населением во время войны, но ничего не говоривший о каком-либо возможном изменении государственно-правового положения земель, не входивших в состав венгерской части монархии. В противоположность этому, в рескрипте венгерскому сейму объявлялось согласие императора со всеми требованиями Деака и Андраши²⁶¹.

В чешском сейме, как и на предыдущих двух сессиях сейма, чешские буржуазные депутаты, поддержанные консервативным дворянством, имели большинство голосов²⁶². Поэтому они рассчитывали добиться принятия сеймом адреса, который мог бы повлиять на правительство. Именно во время прений относительно адреса императору и развернулся спор между большинством и меньшинством сейма по вопросу о дуализме. Прения были очень бурными; особенно резко выступали немецкие депутаты.

Чешские депутаты ополчились против дуализма и требовали для Чехии, Моравии, Галиции и других земель тех же прав в смысле государственно-правового устройства, какие были обещаны Венгрии. Ссылаясь на сентябрьский манифест 1865 г., они требовали федеративного устройства монархии. Заметим, однако, что, не чувствуя уверенности в том, что они смогут помешать установлению дуализма, чешские депутаты поставили вопрос о федеративном устройстве Ц и с л е й т а н и и. Таким образом, на практике требование равного положения с Венгрией уже снималось.

Свои требования чешские буржуазные депутаты сопровождали демонстрациями австрийского патриотизма, неоднократно ссылаясь на австрийскую концепцию Палацкого.

«Мы усматриваем в осуществлении империи гарантию существования как нашего народа, так и остальных народов, объединенных в ней... Всемирно-исторической задачей Австрии является объединение этих земель, не могущих существовать в отдельности, объединение их в одно целое, чтобы они могли совместно защищаться от соседей», — заявлял Ригер. «Чешский народ по своему географическому положению, согласно своим нуждам, желает остаться австрийским, — вторил ему Цейтгаммер. — Мы, чехи, убеждены в необходимости существования австрийского государства (возгласы: «отлично!»)»²⁶³.

²⁶¹ Z. T o b o l k a, Dějiny, str. 124; J. J. T o u ž i m s k ý, Op. cit., str. 151.

²⁶² Против 97 немецких депутатов выступало 125 чешских (включая депутатов консервативного дворянства) (см. итоги голосования адреса императору. SZ. 1866, IX, str. 56).

²⁶³ SZ. 1866, VIII, str. 13—14, 19, 23.

Вопрос соглашения с Венгрией предполагалось передать на рассмотрение земских сеймов; рейхсрат, выбранный на основе избирательного закона 1861 г., не мог решать его; этот рейхсрат, заявил Ригер, — «инструмент для подавления славянского населения Австрии»²⁶⁴.

Главными ораторами являлись старочехи — Ригер, Браунер, Цейтгаммер, Клауди и др. Речь Сладковского ничем не отличалась от выступлений старочехов, если не считать того, что он говорил о государственных правах земель Чешской короны²⁶⁵. Мы указывали выше, что консервативное дворянство, подчеркивая земский, а не национальный характер своей программы, всегда говорило только о Чешском королевстве, а не о всех чешских землях; видимо, не желая раздражать своего почтенного союзника, старочешские депутаты предпочли не затрагивать этот вопрос.

Некоторым отступлением от общего тона прений являлось, пожалуй выступление младочеха Трояна, который указал, что для решения столь важного вопроса, каким является вопрос государственного устройства целого народа, «бывает запрошен народ посредством всеобщего голосования»²⁶⁶. Однако этот вопрос больше не затрагивался никем из ораторов, да и сам Троян затем выдвинул требование лишь изменить избирательный закон в пользу чехов. Выступление Трояна не отражало программы младочехов; они никогда не ставили вопроса о референдуме для решения государственно-правового положения своего отечества.

Чешские депутаты воздерживались и от критики в адрес правительства, лишь тот же Троян говорил о медлительности правительства в деле осуществления сентябрьского манифеста²⁶⁷. Консервативное же дворянство, возглавляемое Клам-Мартинцем, всячески защищало Белькреди и старалось не задевать в резкой форме вопрос о соглашении с Венгрией. Представители дворянства указывали лишь, что подобные соглашения должны быть заключены и с другими частями империи. Они добивались также передачи этих вопросов на рассмотрение земских сеймов, выражая при этом уверенность, что император не допустит ущемления прав Чешского королевства²⁶⁸.

Правительство лавировало. Император в рескрипте, как мы уже отмечали, не упомянул о государственных правах Чешского королевства, но наместник, заключая дебаты по поводу адреса, сказал, что в вопросе соглашения с Венгрией правительство учитывает как общеимперские интересы, так и интересы отдельных королевств и земель. Наместник добавил, что правительство считает необходимым условием для решения венгерского вопроса сотрудничество королевств и земель империи²⁶⁹.

Иначе держались немецкие депутаты. Они яростно нападали на правительство, обвиняя его во всех несчастях, постигших Австрию. Пиккерт требовал отставки правительства, так как оно «вообще неспособно делать что-нибудь полезное для Австрии», и заявлял, что только после отставки Белькреди «будет очищена дорога для конституции»²⁷⁰. Немецкие депутаты избегали касаться вопроса о дуализме в нежелательном для Венгрии духе, зато они резко выступали против прав Чешского королевства, объявляя их «партикулярными интересами», говоря, что вообще не существует никакого чешского вопроса, что государственные права Чешского

²⁶⁴ SZ. 1866, VIII, str. 22.

²⁶⁵ Там же, IX, стр. 20.

²⁶⁶ Там же, VIII, стр. 11.

²⁶⁷ Там же, VIII, стр. 10.

²⁶⁸ Там же, VIII, стр. 31. Речь Клам-Мартинца.

²⁶⁹ Там же, IX, стр. 51—52.

²⁷⁰ Там же, IX, стр. 25.

королевства являются для них пустым звуком²⁷¹. Немецкие депутаты не упускали случая объявить, что их политику — политику централизации империи — поддерживает промышленный и финансовый капитал Австрии, указывая при этом, каким важным фактором не только в экономической, но и в политической жизни империи являются эти силы.

Адрес, составленный от имени большинства Клямом, отражал взгляды консервативного «исторического» дворянства. Резкие возражения чешских буржуазных депутатов в прениях против дуализма и требование равноправия в отношении остальных земель уступили в адресе место сдержанности и выражению надежды на то, что император не забудет верных ему чехов²⁷². В адресе чешского сейма не выдвигалась какая-либо определенная государственно-правовая программа. Не упоминалось в нем даже о самом насущном требовании чешской буржуазии — изменении избирательного закона, хотя вопрос этот снова обсуждался на сейме²⁷³.

Несмотря на обилие эффектных фраз, произнесенных чешскими депутатами на сейме, его протоколы остаются свидетельством робости, бессилия чешской буржуазии, ее полного подчинения консервативному дворянству. Чешские буржуазные политики сами сознавали свою слабость и беспомощность. Ригер писал Пражаку во время заседаний сейма: «Положение дел отчаянное, — а в нашем сейме настроение весьма меланхолическое и безнадежное»²⁷⁴. Совершенно очевидна полная договоренность обеих фракций чешской буржуазии о единстве действий на сейме и вместе с тем зависимость всей национальной партии от дворянства.

30 октября 1866 г. Франц-Иосиф назначил бывшего саксонского министра барона Фридриха Фердинанда Бейста министром иностранных дел Австрии. Назначение Бейста, давнишнего врага Пруссии и Бисмарка, показывало, что австрийская монархия намерена взять курс на реванш.

В соответствии с этой основной внешнеполитической целью Бейст сразу же выступил за скорейшее урегулирование австро-венгерского конфликта. Соглашение с венграми Бейст считал первым необходимым условием успешной реваншистской политики. «Если бы наше внешнеполитическое положение было бы сильным и не наткнулось на препятствия, что, к сожалению, не имеет места, то я бы, вероятно, никогда не согласился на соглашение с Венгрией», — писал он в докладе императору²⁷⁵.

Стремление снова помериться силами с Пруссией и восстановить господствующее положение Австрии в Германском союзе диктовало Бейсту необходимость сохранения и упрочения хотя бы Цислейтании как немец-

²⁷¹ SZ. 1866, VIII, str. 16—17; IX, str. 9, 23.

²⁷² Там же, IX, стр. 53—58; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 146.

²⁷³ По этому вопросу была подана интерпелляция, которую подписал 41 чешский депутат; дворян среди подписавших интерпелляцию нет. Для рассмотрения вопроса была создана комиссия, в которой большинство имело «историческое» дворянство и чешские буржуазные депутаты, однако «за недостатком времени» вопрос не был разрешен (см. SZ. 1866, V, str. 3; VII, str. 2; X, str. 2—3; XI, str. 1).

²⁷⁴ Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 45.

²⁷⁵ Доклад этот относится, вероятно, к 1868 г. Цит. по K. Kazbunda. Pout' Česka do Moskvy, str. 30. Циркулировали, впрочем, слухи, что позиция Бейста определялась не только соображениями высокой политики, но и полученной им от венгерских магнатов солидной взяткой. У некоторых чешских крупных земельных собственников в связи с этим возник план воздействия на Бейста аналогичным образом, но против этого выступил Палацкий (A. S r b. Vzpomínky, str. 101). Финансовая нечистоплотность Бейста известна. В конце 60-х годов он разбогател на биржевых спекуляциях, которые вел совместно с банкирским домом Ротшильда, заблаговременно информируя последнего о политических событиях (см. там же, стр. 187—188). Несомненно, однако, что, независимо от справедливости сведений о венгерской взятке, политика Бейста в вопросе дуализма была последовательной и целеустремленной.

кого государства. Поэтому Бейст с самого начала занял явно выраженную антиславянскую позицию. «Славян надо прижать к стене» — таков был девиз Бейста²⁷⁶.

Для всех партий в Австрии Бейст был чуждым, не внушающим доверия иностранцем. «Похоронил Саксонию, похоронил Германский союз, похоронит и Австрию», — сказал посол в Париже, узнав о его назначении²⁷⁷.

Немцы-централисты считали Бейста консерватором; немецкое и славянское консервативное дворянство он отталкивал от себя своим протестантизмом, славянские народы — немецким национализмом.

Чешские буржуазные политические деятели отнеслись к Бейсту резко отрицательно. «Наемник с чужбины, призванный случаем», — именовал его в сейме Ригер²⁷⁸.

С первых же дней Бейст начал активно форсировать заключение австро-венгерского соглашения, оказывая давление на правительство Белькреди. В декабре 1866 г. оно стало склоняться к тому, что передача вопроса о соглашении с Венгрией на рассмотрение земских сеймов очень задержит и затруднит дело соглашения. Поэтому Белькреди решил созвать обыкновенный рейхсрат для обсуждения этого вопроса. Когда Белькреди сообщил об этом Клам-Мартинцу, то последний сильно возражал, но Белькреди дал понять ему, что решение уже принято и что правительство хотело бы только знать, на каких условиях чешские политические деятели проведут выборы в подобный рейхсрат.

После совещания с Ригером, Цейтгаммером и другими деятелями национальной партии, на котором присутствовал представитель галицийской шляхты Грохольский, Клам написал Белькреди письмо²⁷⁹, в котором указывалось, что чехи не будут выбирать в подобный рейхсрат, так как это противоречило бы сентябрьскому манифесту 1865 г., но что они согласны на избрание сеймами особых депутатий, собрание которых рассматривало бы дело соглашения с Венгрией. В том же письме Клам-Мартинц указывал, что реформа избирательного закона имеет первостепенное значение для Чехии, и просил правительство поставить вопрос о ней на следующей сессии чешского сейма. Клам-Мартинц просил Белькреди вынести на ту же сессию вопрос о коронационной присяге в связи с предстоящим коронованием Франц-Иосифа чешской короной. Постановка первого вопроса исходила, конечно, от представителей чешской буржуазии. Второй вопрос отвечал давнишним желаниям чешского дворянства, не упускавшего случая высказать свои верноподданнические чувства. Но помимо этого, вопрос коронования имел для чешской буржуазии также и принципиальное значение: коронование чешской короной означало подтверждение государственно-исторических прав Чешского королевства.

Положение Белькреди было не из легких: влияние Бейста все усиливалось, особенно оно возросло после его поездки в конце декабря в Пешт, где Бейст заручился поддержкой Андраши и Деака, обещая им в свою очередь всячески содействовать скорейшему оформлению австро-венгерского соглашения²⁸⁰. Бейст в самой категорической форме протестовал

²⁷⁶ Фраза, сказанная Бейстом Голуховскому. Бейст в своих воспоминаниях отрицает этот факт. О. Zeithammer. Op. cit., S. 41—42; K. Kazbunda. Kolem dubnového sněmu českého z. r. 1867. „Český časopis historický“. Praha, 1932. N 2, str. 339; F. F. Veust. Op. cit., S. 86.

²⁷⁷ A. Srb. Vzpomínky, str. 100.

²⁷⁸ SZ. 1867/I, V, str. 11; см. там же, II, стр. 19.

²⁷⁹ O. Zeithammer. Op. cit., S. 24—25.

²⁸⁰ F. F. Veust. Op. cit., S. 24—25; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 152.

против передачи соглашения с Венгрией на рассмотрение земских сеймов. В этом его поддерживали немецкие либералы, венгры и император, не желавший затяжки в этом вопросе. Белькреди предложил тогда компромиссное решение, которое было принято не только императором, но и Бейстом: вместо обыкновенного рейхсрата созывается чрезвычайный рейхсрат, состоящий из депутатов сеймов Цислейтании. Этот рейхсрат, помимо соглашения с Венгрией, должен был также решить вопрос о государственно-правовом положении остальных земель империи. Очевидно на решение Белькреди в определенной мере повлияло вышеприведенное письмо Клам-Мартинца, так как чрезвычайный рейхсрат был близок по идее собранию депутатов. При этом Белькреди предлагал распустить земские сеймы и назначить новые выборы. Сеймы нового созыва должны были произвести выборы в чрезвычайный рейхсрат.

Императорский патент от 2 января 1867 г. возвестил о созыве чрезвычайного рейхсрата, о роспуске старых сеймов и проведении новых выборов²⁸¹.

Создалось сложное положение: патент был принят чешской национальной партией, как об этом свидетельствует Сладковский²⁸², с большим недоверием, в нем видели маневр с целью заставить чешский сейм послать своих депутатов в рейхсрат и уже тем самым признать дуализм; с другой стороны, отказ чехов от участия в чрезвычайном рейхсрате был бы только на руку немцам-централистам, решившим бойкотировать его. Немецкая либеральная партия встретила патент в штыки, считая, что в этом случае австрийские немцы утратят свое господствующее положение в Австрии и будут подчинены славянскому большинству²⁸³.

3, 5 и 6 января происходили совещания представителей национальной партии и федеративного дворянства. На совещании присутствовали Ригер и Цейтгаммер, от Моравии был Пражак. Было решено не отказываться от выборов депутатов в рейхсрат, но поставить определенные условия: деятельность подобного рейхсрата должна быть ограничена лишь рассмотрением общих для всей империи дел (в этом проявилась боязнь того, как бы рейхсрат не затронул вопроса о государственно-правовом положении Чехии, что являлось, по мнению национальной партии, исключительно делом чешского сейма); все, что не относится к общим делам, должно быть передано на рассмотрение сеймов; чешский сейм имеет полную свободу в вопросе способа выборов депутатов в рейхсрат. На основании вышеизложенного граф Клам-Мартиниц написал памятную записку Белькреди²⁸⁴.

Чешские буржуазные политики подозрительно относились к чрезвычайному рейхсрату, но настроены были весьма оптимистично. Об этом свидетельствует статья Карла Сладковского «Политические размышления перед выборами», опубликованная 13 января 1867 г. в «Народных листах». В этой статье Сладковский писал, что наступает важнейший момент в современной истории Чехии. Первое условие, необходимое для претворения в жизнь программы чешской партии, — исключение Австрии из Германского союза — уже осуществлено. Теперь надо разрешить славянский вопрос в Австрии²⁸⁵. Лидер моравской буржуазии Алоиз Пражак писал Ригеру 6 января 1867 г., что «наше (т. е. моравской буржуазии. — Н. Р.) мнение о патенте 2 января с. г. совпадает с мнением чешской национальной партии». Правительство не угодило в нем ни одной партии. Пражак

²⁸¹ J. J. Toužimský. Op. cit., str. 154.

²⁸² K. Sladkovský. Op. cit., str. 336; W. W. Tomek. Op. cit., str. 135.

²⁸³ Особенно раздражены были немцы Вены („Голос“, 20 и 27. I. 1867).

²⁸⁴ O. Zeithammer. Op. cit., S. 27—34.

²⁸⁵ K. Sladkovský. Op. cit., str. 333—336.

считал, что создавшаяся ситуация очень благоприятна для славян. «Все попытки централизовать невенгерские земли оказываются невозможными... Нигде, кроме сеймов, нельзя решать о конституционных вопросах отдельных земель»²⁸⁶.

Национальная партия Чехии выпустила перед выборами воззвание, в котором очень коротко формулировалась программа национальной партии. Воззвание было подписано лидерами чешской буржуазии Палацким, Ригером, Браунером, Грегром, Цейтгаммером и другими, образовавшими для проведения выборов так называемый «комитет доверенных лиц». В воззвании избирателям предлагалось голосовать за список чешских депутатов²⁸⁷.

Между тем в январе 1867 г. дело австро-венгерского соглашения быстро продвигалось вперед. 8 января венгерская депутация во главе с Андраши приехала в Вену. Показательным было то обстоятельство, что переговоры велись в министерстве иностранных дел, т. е. у Бейста, хотя Белькреди не перестал быть министром-президентом²⁸⁸.

В конце января — начале февраля состоялись выборы в австрийские сеймы. Результаты выборов были следующие: в Чехии и Моравии победили чехи, в Крайне — словенцы, в Галиции — поляки, в Тироли — консерваторы. Благодаря этому в чрезвычайном рейхсрате федералисты должны были иметь большинство²⁸⁹. Это обстоятельство окрылило чешских федералистов, но оно и решило судьбу чрезвычайного рейхсрата. В начале февраля министерский совет высказался за отмену чрезвычайного и созыв обыкновенного рейхсрата. Через несколько дней Белькреди ушел в отставку и его место занял Бейст, торжествовавший победу. В своих воспоминаниях Бейст пишет, что переход к конституционным формам правления, т. е. переход от чрезвычайного рейхсрата к обычному рейхсрату, является его делом²⁹⁰. 17 февраля императорский рескрипт, адресованный открывавшемуся на следующий день венгерскому сейму, объявлял о состоявшемся соглашении и об образовании в Венгрии ответственного министерства во главе с Андраши²⁹¹.

Несмотря на отставку Белькреди, положение Бейста было не из легких, так как ему не доверяли не только федералисты, славянские и немецкие, но и часть немецких либералов. С начала февраля 1867 г. Бейст прощупывал почву среди всех австрийских политических партий. В своих воспоминаниях он пишет, что ему «в это время хватало визитеров. Это были прежде всего корифеи либеральной, так называемой конституционной партии, но были также нанесены визиты из федералистического лагеря. Так, появились Пражак и Ригер...»²⁹². Переговоры старочехов с Бейстом, естественно, остались совершенно бесплодными.

²⁸⁶ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 169—170.

²⁸⁷ „Голос“, 26.I 1867. В „Голосе“ были опубликованы выдержки из воззвания и список кандидатов в чешский сейм. В воззвании, между прочим, сказано: „От народных представителей зависит будущая судьба чешского отечества, им предстоит составить государственное уложение для всей империи, упрочить законные права Чешской короны и самостоятельное управление нашего королевства, привести в действие равноправность народностей, преобразовать выборный устав на новых основаниях, соответствующих прогрессу времени и справедливым требованиям представительства от всех народных сословий“. Перевод, явно неудовлетворительный, но оригинального текста нигде в чешской литературе мы не встречали.

²⁸⁸ J. J. Toužimský. Op. cit., str. 154.

²⁸⁹ F. F. Veust. Op. cit., S. 90.

²⁹⁰ Там же, стр. 96.

²⁹¹ J. J. Toužimský. Op. cit., str. 156.

²⁹² F. F. Veust. Op. cit., S. 109; Z. T o b o l k a. Dějiny, str. 136.

Выборы в Чехии принесли победу федералистам; они победили в сельской курии (было выбрано 50 чешских депутатов, 29 — немецких) и достигли определенных успехов в городской курии (был избран 41 чех и 46 немцев), но окончательно решил дело результат выборов в курии крупных земельных собственников — все 70 депутатов были представителями федералистского дворянства²⁹³. Всего в новом сейме был 161 федералист и 75 централистов. Такого успеха «историческое» дворянство достигло без помощи защищавшего его интересы консервативно настроенного помещика, главы правительства графа Рихарда Белькреди.

Значительный интерес представляет социальный состав чешского сейма. Стенографические отчеты позволяют в общих чертах определить его.

В курии сельских общин из 79 депутатов только шесть были непосредственными представителями сельской буржуазии: это владельцы мельниц, земельные собственники. Остальные депутаты являлись главным образом представителями чешской и немецкой интеллигенции (41 депутат), причем преобладала чешская. Среди депутатов встречается несколько чиновников, окружных старост. Обращает на себя внимание сравнительно небольшое число (три человека) лиц духовного звания. Таким образом, мы видим, что основная масса сельской буржуазии предпочитала отдавать свои голоса интеллигенции, тесно связанной с городской буржуазией.

В курии городов — много лиц свободных профессий, а также бургомистры, фабриканты, купцы.

Курия торгово-промышленных палат избрала депутатами представителей немецкого крупного торгово-промышленного капитала (будущий министр Пленнер, Либиг и др.).

В моравском сейме также победили федералисты (56 федералистов и 44 централиста). В первый раз федералисты Моравии имели в сейме такое число голосов, что не нуждались в поддержке центра (группа моравских дворян, не принадлежавших ни к федералистам, ни к централистам и имевших до сих пор решающее влияние на исход голосования в моравском сейме).

Несмотря на победу на выборах, положение чешских федералистов оказалось после отмены чрезвычайного рейхсрата и отставки Белькреди очень сложным.

Они решили вновь попытаться объединить и возглавить оппозицию славянских депутатов, т. е. продолжить то дело, которое было начато в августе 1866 г. и не принесло ощутимого успеха. На этот раз душой переговоров стал Клам-Мартиниц, по инициативе которого Цейтгаммер поехал в Краков и встретился там у графа А. Потоцкого с польскими депутатами. По утверждению Цейтгаммера, соглашение в основном было достигнуто, но сути этого соглашения он не раскрывает. В главном же тогда вопросе — вопросе об участии в работе узкого рейхсрата, как признает сам Цейтгаммер, дело не обошлось без столкновений; по существу именно в этом вопросе не было достигнуто единства мнений. Ставший во главе группы сторонников сотрудничества с Австрией, прозванных мамелюками, Земьяковский решительно выступил против бойкота рейхсрата²⁹⁴. Между тем лишь организованный бойкот рейхсрата со стороны всех славянских

²⁹³ SZ. 1867/1, I—IV. (Отчет о выборах); J. J. Toužimský. Op. cit., str. 154—155; J. Arbes. Op. cit., str. 39; K. Sladkovský. Op. cit., str. 339.

²⁹⁴ O. Zeithammer. Op. cit., S. 43; F. L. Rieger. Z vlastních pamětí, str. 575; F. Ziemiałkowski. Pamiętniki, t. 1, Kraków, 1904, str. 32—34; W. Feldman. Op. cit., str. 63—67; Kieniewicz. Adam Sapieha (1818—1903). Lwów, 1939, str. 190—194.

депутатов мог как-то повлиять на правительство в вопросе уступок славянским национальностям империи, в частности чехам.

15 февраля в Вене состоялось совещание, на котором присутствовало свыше 20 представителей цислейтанских федералистов²⁹⁵. Для нас интересно отметить, что на этом совещании присутствовали представители не только старочехов, но и младочехов (от последних был Сладковский). Активную роль играли представители консервативного дворянства Клам-Мартиниц, Туи и Лобковиц. Это совещание продемонстрировало консолидацию дворянского и буржуазного лагерей. Представители либеральной части чешской буржуазии во всем следовали теперь за консерваторами. Не подлежит сомнению, что в начале 1867 г. споры в лагере чешской буржуазии уступили место определенному единству, вызванному страхом перед грозившей всей чешской буржуазии опасностью дуализма.

Совещание не дало результатов. Оно показало чешским федералистам, что поляки не склонны вести совместную политику, колеблются в вопросе пассивной оппозиции и надеются на ряд уступок со стороны правительства. Чешские федералисты в вопросе пассивной оппозиции оказались одинокими. Не только поляки, но и мораване и словенцы не были согласны с ними в этом вопросе, боясь, что правительство разгонит сеймы, на которых они имели большинство²⁹⁶.

Несмотря на это, чешские газеты утверждали, что достигнуто единство действий, стремясь, очевидно, повлиять этим на правительство.

18 февраля открылись земские сеймы Австрии. Венгерскому сейму был зачитан рескрипт, возвещавший о формировании венгерского ответственного министерства во главе с Андраши и о присоединении к Венгрии Семиградья. Сеймам же Цислейтании был зачитан рескрипт, датированный 4 февраля, сообщавший о благополучном урегулировании австро-венгерских отношений, восстановлении в Австрии конституции, приостановленной сентябрьским манифестом 1865 г., и о созыве 18 марта обыкновенного рейхсрата для внесения изменений в конституцию в соответствии с австро-венгерским соглашением и «прогрессом времени». Сеймам предписывалось провести выборы в рейхсрат²⁹⁷. Таким образом, сеймы ставились перед совершившимся фактом — дуализм победил в Австрии. Ни о каком привлечении земских сеймов к обсуждению австро-венгерского соглашения не было и речи, как не могло быть речи и о каком-либо изменении его. Характерна следующая фраза рескрипта: «Рейхсрату будет доложено о прошедших наших переговорах с Венгрией и дана возможность одобрить их». Следовательно, не только сеймы, но и рейхсрат по существу ставился перед совершившимся фактом. Рескрипт вызвал глубокое раздражение чешского большинства сейма. К тому же к началу заседаний сейма наместник получил приказание правительства, чтобы сейм предпринял выборы в рейхсрат без принятия или обсуждения какого-либо адреса, без принятия протестов и т. п. Чешские депутаты как в Праге, так и в Брно оставили без внимания это указание.

В сейме Чехии развернулись бурные дебаты по поводу адреса. Большинство, состоявшее из чешских буржуазных депутатов и консервативного дворянства, повторило старое требование; рейхсрат должен иметь только консультативный характер, окончательное решение в вопросе об австро-венгерском соглашении должно принадлежать сеймам, причем наравне с венгерским вопросом должны быть урегулированы отношения и с дру-

²⁹⁵ F. L. Rieger. Z vlastních pamětí, str. 575; K. Sladkovský. Op. cit., str. 240—241; K. Kazbunda. Kolem dubnového sněmu, str. 294.

²⁹⁶ O. Zeithammer. Op. cit., S. 44; Z. Těbolka. Dějiny, str. 136—137.

²⁹⁷ SZ. 1867/I, I, str. 2—4; F. F. Veust. Op. cit., S. 92—93.

гими землями монархии. Все ораторы большинства (Ригер, Цейтгаммер, Браунер, Сладковский, Тун, Мартиниц) выступали против дуализма, против того, что Австрийская империя должна быть разорвана на два государства, в одно из которых должно быть включено Чешское королевство, теряющее свою правовую независимость²⁹⁸. Они подчеркивали при этом свою преданность династии, особенно в бурный революционный 1848 г., противопоставляя при этом себя венграм.

Немецкое меньшинство, как и раньше обходя молчанием вопрос о дуализме, на этот раз нарочито резко иронизировало над чешским «историческим правом», вызывая взрывы недовольства в зале²⁹⁹. Немецкие депутаты подчеркивали, что «исторические права» по сути означают права привилегированных сословий, что они не реальны³⁰⁰. «Мне кажется, верна аргументация, — говорил лидер немецких либералов Гербст, — доказывающая, что от так называемого исторического права осталось только то, что находится в архивах и исторических исследованиях (крики «Ого!» в центре). Там, — продолжал Гербст, — историческое право безусловно на месте и там ему должно быть оказано должное уважение»³⁰¹. Немецкие либералы требовали, чтобы сейм, не принимая адреса, предпринял бы выборы в рейхсрат, так как только с помощью последнего может быть восстановлена нормальная конституционная жизнь в стране, созданы условия успешного развития промышленности и упорядочены финансы³⁰².

Адрес был составлен Клам-Мартинцем, переделан Львом Туном и переведен Палацким на чешский язык. Адрес повторял требования чешского большинства о созыве консультативного рейхсрата, состоящего из депутатов сеймов³⁰³. В адресе подчеркивалось, что чешский сейм будет вести переговоры не с австрийским правительством (это был выпад против Бейста), а лично с императором.

На этой сессии, как и на предыдущей, во главе оппозиционного сейма стояло консервативное дворянство³⁰⁴. Такая активизация объяснялась тем, что консерваторы-дворяне хотели повлиять на императора, публично высказав свое резко отрицательное отношение к Бейсту; они не понимали, насколько упрочилась позиция Бейста в связи с принятием австро-венгерского соглашения³⁰⁵.

Голосование по вопросу об адресе принесло, естественно, победу чешскому большинству; адрес был принят 156 голосами против 76³⁰⁶. Выборы

²⁹⁸ SZ. 1867/I, V, str. 10, 16, 22, 28—32, 35, 46, 57—63; F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 577; „Голос“, 28. II. 1867.

²⁹⁹ Стенографические отчеты сейма опровергают приводимые Казбундой сведения министерства полиции о якобы „миролюбивом“ (даже „необычно миролюбивом“) поведении обеих партий на февральском сейме (см. K. Kazbunda. Kolem dubnového sněmu, str. 295—296).

³⁰⁰ SZ. 1867/I, V, str. 15, 36—39. Выступления Клира, Пленнера.

³⁰¹ Там же, стр. 50.

³⁰² Там же, стр. 20, 54—55.

³⁰³ Бейст ошибочно пишет в своих воспоминаниях (F. F. Veust. Op. cit., S. 110), что чешский и моравский сеймы провели выборы в рейхсрат, но приняла при этом такие адреса, с которыми правительство не могло согласиться. Моравский сейм, действительно провел выборы, а адрес принял значительно менее резкий, нежели адрес чешского сейма. Моравский сейм выбрал в рейхсрат 19 федералистов и трех централистов (K. Sladkovský. Op. cit., str. 340).

³⁰⁴ Z. Tobolka. Dějiny, str. 138. „Чешские народные депутаты как во времена Белькреди, так и сейчас были, собственно, только помощниками консервативной шляхты“.

³⁰⁵ F. F. Veust. Op. cit., S. 110. „Граф Клам-Мартиниц и князь Георг Лобковиц считали, что я продержусь у власти не более 6-ти недель“.

³⁰⁶ SZ. 1867/I, V, str. 64—66; W. W. Tomek. Op. cit., str. 136; Z. Tobolka. Dějiny, str. 139.

в рейхсрат откладывались до решения вопроса о рейхсрате в связи с подачей адреса.

В ответ на это 26 февраля был подписан, а 27 февраля зачитан наместником указ Франца-Иосифа о роспуске чешского сейма и о назначении новых выборов³⁰⁷.

Тоужимский высказывает мнение, что независимо от того, провел бы сейм выборы в рейхсрат или нет, он был бы все равно распущен, так как Бейсту не желательно было иметь сейм подобного состава. Более того, немецкие либералы были даже заинтересованы в том, чтобы чешский сейм отказался провести выборы в рейхсрат, так как тогда он был бы распущен³⁰⁸. «Немецкие либералы советовали мне распустить чешский, моравский и крайнский сеймы, имеющие славянское большинство», — писал Бейст еще до открытия сеймов³⁰⁹. Очевидно, слухи о роспуске циркулировали давно, так как «Голос» еще 2 февраля 1867 г. писал, что всем наместникам австрийских земель приказано распустить сеймы, если они не предпримут выборов в рейхсрат³¹⁰.

Подобно чешскому, были распущены моравский и крайнский сеймы. Они решили, правда, провести выборы в рейхсрат, но приняли адрес, в более осторожной форме повторявший чешский адрес. В моравском адресе, который был составлен Пражаком, высказывалась просьба о воссоединении земель короны св. Вацлава в одно целое³¹¹ (такой просьбы не содержал адрес чешского сейма).

Тирольский сейм принял адрес, но, к общему удивлению, не был распущен. Причиной этого было, как откровенно заявляет в своих воспоминаниях Бейст, то, что новые выборы не изменили бы состав сейма³¹².

Сейм Галиции постановил большинством в 99 голосов против 34 послать депутатов в рейхсрат³¹³. Это была большая победа Бейста. Он добился ее, обещав Голуховскому сделать ряд уступок полякам и пригрозив немедленно распустить сейм, если он отвергнет выборы в рейхсрат или примет какой-нибудь адрес. О нажиме со стороны правительства писал в письме к Клам-Мартинцу Адам Потоцкий, который добавлял, что Бейст грозил также сместить Голуховского и тем самым устранить поляков, т. е. польских помещиков, от управления Галицией³¹⁴. Польские магнаты в лице Грохольского, Потоцкого, Тарновского все это время обменивались телеграммами и встречались с Клам-Мартинцем, Туном и другими, стараясь склонить их к участию в рейхсрате, где, по мнению польских магнатов, федералисты могли организовать сильное меньшинство, с которым правительство вынуждено будет считаться.

Таким образом, хотя Ригер в своих воспоминаниях и пишет, что поляки, мораване и тирольцы все время чувствовали необходимость действовать совместно с чехами³¹⁵, на практике такого единства в это время не было.

После роспуска сейма чешская дворянско-буржуазная оппозиция стала деятельно готовиться к новым выборам, считая очень важным для себя

³⁰⁷ SZ. 1867/I, VII, str. 5—6.

³⁰⁸ J. J. Toužimský. Op. cit., str. 244.

³⁰⁹ F. F. Beust. Op. cit., S. 110.

³¹⁰ См. также K. Kazbunda. Kolem dubnového sněmu, str. 294.

³¹¹ „Голос“, 3.III. 1867; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 244—245; T. F. Beust. Op. cit., S. 111.

³¹² F. F. Beust. Op. cit., S. 111.

³¹³ K. Sladkovský. Op. cit., str. 341; Ziemiałkowski. Op. cit., str. 34; Kieniewicz. Op. cit., str. 194.

³¹⁴ F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 576; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 46.

³¹⁵ F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 576.

снова получить большинство в сейме. Уже вечером 27 февраля Ригер предложил в сеймовой фракции обратиться с воззванием к чешскому народу. На следующий день воззвание было опубликовано в чешских газетах³¹⁶. В этом воззвании заслуживает внимания подчёркивание роли чешского дворянства в предыдущем сейме: «Дети знаменитейших и могущественных предков, прославившихся в истории народа своею государственной мудростью и гражданским мужеством, свято исполняя свою обязанность в отношении к народу, отстаивали наши народные права». Кончалось воззвание словами: «Дело идет о наших правах, о нашей чести, о нашем существовании и будущности. Будем же дружны и достигнем цели наших стремлений».

Со своей стороны правительство стремилось, и Бейст в своих воспоминаниях подчёркивает это³¹⁷, изменить состав сейма в пользу немцев-центральных, 8 марта Бейст отстранил наместника графа Роткирх-Пантена, якобы не защищавшего должным образом интересы правительства и династии, заменив его известным своей враждебностью чехам бароном Келлерспергом³¹⁸.

В марте 1867 г. состоялись выборы. Их результаты еще раз наглядно подтвердили тот факт, что судьбу большинства сейма решали выборы в курии крупных собственников. Не случайно наиболее яростная избирательная борьба развернулась именно в этой курии. «Конституционное» дворянство Чехии, возглавляемое князем Карлом Ауэрсбергом, получило активную поддержку со стороны правительства, наместника и лично императора, который послал своего брата Карла-Людвига в Чехию, дав ему негласные инструкции лично воздействовать на отдельных представителей именитого чешского дворянства. «Конституционное дворянство» не брезгало ничем, чтобы добиться победы³¹⁹.

Не отставало от него и «историческое» дворянство, действовавшее совместно с национальной партией. И та и другая сторона в этой борьбе делала основной упор не на магнатов, а на крупных земельных собственников рангом поменьше. Методы воздействия применялись самые разнообразные: обещание выхлопотать титул, угроза мести со стороны окружного начальства, нажим со стороны более влиятельных родственников. «Правительство, — пишет Ригер, — использовало любые средства для получения голосов помещиков помельче»³²⁰.

При содействии правительства было основано общество для закупки земских земельных участков в Чехии, которые номинально записывались на имя сторонников конституционной партии. Члены конституционной партии вложили много денег в это общество.

Ригер не жалеет слов, чтобы заклеймить эти махинации. «Это были, — пишет он, — действия безнравственные и гнусные, которые останутся навсегда пятном в правительственной и конституционной истории Австрии». Однако он добавляет, что национальной партии не оставалось ничего

³¹⁶ „Голос“, 23.III. 1867; см. также F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 577.

³¹⁷ F. F. Beust. Op. cit., S. 111.

³¹⁸ K. Kazbunda. Kolem dubnového sněmu, str. 306—307.

³¹⁹ „Голос“, 1.IV. 1867; F. F. Beust. Op. cit., S. 111; SZ. 1867/II, III, str. 10—12; W. Tomek. Op. cit., str. 136; E. Grégr. Denník, str. 135; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 247; K. Kazbunda. Kolem dubnového sněmu, str. 305—316.

³²⁰ F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 578; см. также речи Сладковского и Ригера в сейме. Ригер огласил протест графа Клам-Мартинца и князя Карла Шварценберга, в котором указывалось, что в 15 случаях при выборах в курии крупных земельных собственников имели место незаконные действия: получение избирательных прав иностранцем, факты незаконного недопущения к выборам и т. п. (см. SZ. 1867/II, II, str. 8—28; III, str. 1—7).

иного... «как противиться этому основанием оборонительного общества для закупки поместий, деления их между женами и мужьями и, наконец, номинальным перенесением их на имя родственников». Ригер с воодушевлением рассказывает, что все крупные земельные собственники решились на жертвы (Клам-Мартиниц, кн. Гуго Таксис). Сам Ригер пожертвовал 5 тыс. гульденов на «избирательные» расходы и перевел свое имение Модлетин на имя своей жены. «Но, — с огорчением отмечает он, — средства правительства и правительственной капиталистической партии были больше наших и мы должны были уступить»³²¹. Для характеристики методов избирательной борьбы интересно письмо Клам-Мартинца Ригеру от 1 марта 1867 г., в котором Клам дает Ригеру ряд советов: повлиять на одну помещицу в смысле получения от нее полномочий (в курии крупных земельных собственников женщины имели право голоса и голосовали посредством доверенных лиц), если же она на это не согласится, уговорить ее не голосовать совсем³²².

Избирательная борьба была очень ожесточенной не только в курии крупных земельных собственников, хотя лидерам чешской буржуазии было ясно, что успех зависит от результатов выборов именно в ней. Национальная партия стремилась добиться успеха и в других двух куриях. Это, правда, не изменяло существенно соотношения голосов в сейме, но хорошие результаты здесь были бы большой моральной победой чешской буржуазии. И в этих куриях также развернулась ожесточенная борьба. В ход были пущены разнообразные махинации.

Правительство оказывало всяческое давление на чиновников в целях получения их голосов: чиновникам угрожали отставкой, лишением пенсии и т. п. Корреспондент «Голоса» сообщал, что как в Чехии, так и в Моравии чиновники принимают деятельное участие в выборах, разъезжая по селам и городам, они убеждают крестьян подавать голоса за правительственных делегатов; грозя в противном случае повышением налогов и введением осадного положения³²³. Нередки были случаи, когда правительство возбуждало следствие против старост окружных представительств, особенно ревностно защищавших интересы чешской буржуазии.

Чешская оппозиция со своей стороны пользовалась всевозможными доступными ей средствами. Особенно распространенным было тогда присвоение общинами звания почетных граждан общины лицам, не имевшим ранее права голоса и тем самым получавшим избирательные права. Особенно на шумела в то время избирательная борьба в округах Ланшкроун, Усти и Чешска Требова, где та и другая сторона, не стесняясь, присваивали звания почетных граждан в целях получения большего числа голосов. Эта история стала предметом обсуждения на сейме, после чего особая сеймовая комиссия признала выборы недействительными³²⁴.

³²¹ F. L. Rieger. Z vlastních pamětí, str. 578.

³²² Příspěvky k listářím Fr. L. Riegra, str. 170.

³²³ „Голос“, 17.III. и 17.IV. 1867; см. также SZ. 1867/II, III, str. 13—17. Под крестьянами здесь следует понимать сельскую буржуазию (напомним, что подавляющее большинство трудового крестьянства не имело избирательных прав).

³²⁴ В этом округе были выдвинуты два кандидата: сторонник немцев Петр Бибус и видный деятель чешской национальной партии Ян Скрейшовский. Был выбран Бибус, получивший 353 голоса, Скрейшовский получил 300 голосов. Тогда старосты Усти и Чешской Требовы опротестовали выборы. Земский комитет признал протест правильным. Старосты в своем протесте сообщали, что когда в Ланшкроуне стало известно, что число избирателей двух других чешских настроенных городов превышает число избирателей Ланшкроуна, то срочно были сделаны почетными гражданами Ланшкроуна 66 немцев (более сорока из них — мелкие ремесленники). Имперский чиновник, наблюдавший в Ланшкроуне за выборами, сообщил в земский комитет, что

Ригер, говоря об этих событиях, презрительно заявляет: «Множество бедняков, не имеющих даже приличных пиджаков, чтобы пойти на выборы, были сделаны почетными гражданами». Возмущается и либерал Эдуард Грегр: «По наущению властей, все ланшкроунские пролетарии стали почетными гражданами»³²⁵. Таким образом, Грегра возмущали не столько махинации немецких властей Ланшкроуна, сколько сам факт — кто получил звания почетных граждан.

Национальная партия и консервативное дворянство проявляли очень большую активность в эти мартовские дни. «Это было время лихорадочной деятельности, совещаний, агитационных поездок, соглашений и т. п.»³²⁶.

В то время, как в курии сельских общин победа осталась за чешской оппозицией, а в городской курии чехи потеряли два мандата³²⁷, в курии крупных земельных собственников «историческое» дворянство потерпело полное поражение: в нефидекомиссной избирательной группе не был выбран никто из его представителей, в фидекомиссной — восемь депутатов. Но эти депутаты, видя свою малочисленность, отказались от мандатов³²⁸. Таким образом, все 70 депутатов крупных землевладельцев поддерживали немецкую «конституционную партию». На апрельской сессии чешского сейма соотношение сил было таково: 124—128 голосов имели немцы-централисты, 81—85 — чешская оппозиция³²⁹.

На этой сессии сейма стоял только один вопрос: выборы депутатов в рейхсрат.

Чешские либералы яростно выступали против дуализма, против правительства и против Бейста. Грегр, выступая в сейме, заявлял, что «правительство, опирающееся на несправедливость, фальсифицирующее мнение сейма, стоит на глиняных ногах (возгласы — «отлично»), и при малейшем толчке рухнет»³³⁰. Сладковский сравнивал сейм с «бесподобной» палатой в период Реставрации во Франции и напоминал, что этот период окончился революцией. Чешский либерал, однако, сам испугался такого сравнения. «Я, господа, желаю чтобы подобные действия нашего правительства, насилия, применяемые им, не имели бы тех же результатов»³³¹.

Ригер, Цейтгаммер и другие ораторы старочехов были значительно сдержаннее в выражениях. Тоболка считает, что отсутствие представителей консервативного дворянства, развязало языки чешской либеральной буржуазии³³².

введение новых почетных граждан в Ланшкроуне было сделано лишь после того, как стало известно, что то же самое сделано и в Усти и Чешской Требове (SZ. 1867/II, IV, str. 5—13; W. W. Tomek. Op. cit., str. 136; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 248).

³²⁵ F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 578; SZ. 1867/II, IV, str. 5—13.

³²⁶ F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 578.

³²⁷ „Крестьяне (т. е. сельская буржуазия. — Н. Р.) при настоящих выборах высказывают особенное воодушевление и с музыкой и чешскими знаменами толпами являются в избирательные округа“ („Голос“, 26.III. 1867); „22 марта блестяще, даже единогласно, прошли выборы в городах, за исключением Малой Страны и Ланшкроуна“ (F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 578); в сейме Ригер и Грегр с гордостью указывали, что депутаты национальной партии были всюду выбраны вновь (SZ. 1867/II, III, str. 16; V, str. 19).

³²⁸ В нефидекомиссной группе „конституционное“ дворянство одержало победу 30 голосами (209 : 179), а в фидекомиссной одним голосом (23 : 22). (K. Kazbunda. Kolem dubnového sněmu, str. 318—319).

³²⁹ См. SZ. 1867/II, I, str. 8—28.

³³⁰ Там же, III, стр. 18.

³³¹ Там же, V, стр. 26.

³³² Z. Tobolka. Dějiny, str. 141. Об этом говорит и сам Э. Грегр (E. Gregor. Denník, str. 145).

Характерен для настроений чешских депутатов следующий эпизод. Э. Грегр выступил с протестом против того, что граф Эгмунд Гартиг, высший маршалок земский, не говорит по-чешски. На вопрос немца Стефенса, почему прежнему маршалку, графу А. Ностицу, разрешалось говорить по-немецки, Цейтгаммер ответил, что это было их, чешских депутатов, доброй волей. «Но теперь настало время, — добавил он, — когда мы должны стоять за наши права, а что это является нашим правом, этого отрицать никто не будет»³³³.

В центре полемики был вопрос об австро-венгерском соглашении, которое в апреле 1867 г. по существу уже было совершившимся фактом. Все чешские депутаты, выступая по этому вопросу, подчеркивали, что они признают необходимым соглашение с Венгрией, но, во-первых, протестуют против того, что оно не было передано на рассмотрение земских сеймов; во-вторых, требуют заключения подобных же соглашений со славянскими национальностями империи, в первую очередь с чехами. Депутат барон Виллани поставил вопрос о триализме: Австрия должна превратиться не в австро-венгерскую, а в австро-венгерско-славянскую монархию³³⁴.

В выступлениях против дуализма на этой сессии впервые прозвучала ранее в несколько завуалированной форме высказанная Палацким в «Идее австрийского государства»³³⁵ угроза, что если австрийское правительство, не считаясь с интересами славян, пойдет на введение дуализма в Австрии, то тяга к России, как к единственному государству, от которого австрийские славяне могут ожидать помощи, значительно возрастет в габсбургской монархии. В своей заключительной речи от имени чешских депутатов сейма даже осторожный Ригер, заявив, что дуализм означает порабощение славянских национальностей империи, указал (правда, стыдливо оговариваясь, что это не его мнение, а мнение французского академика Сан Рене Тайодьера), что Россия может стать притягательным центром для австрийских славян³³⁶. При этом, однако, чешские буржуазные депутаты, а в особенности Ригер, всячески подчеркивали свою австрославистскую точку зрения, свою преданность Габсбургам³³⁷.

Прения в сейме закончились зачитанием Ригером 13 апреля протеста 87 чешских депутатов против выборов в рейхсрат и объявления данного сейма незаконным, а затем уходом чешских депутатов из сейма³³⁸. Тожимский указывает, что за заседаниями сейма внимательно следило чешское население не только Праги, но и других городов и сел (от сельских общин было прислано более ста адресов, выражавших согласие с действиями чешских депутатов); галереи сейма были полны; 13 апреля площадь у сейма была полна народа; вечером толпы народа подошли к зданию Мещанской беседы, где выразили свое одобрение деятельности чешских депутатов³³⁹.

Для чешской буржуазии начался период пассивной оппозиции в отношении не только рейхсрата, но и чешского сейма. В связи с этим в чешском

³³³ SZ. 1867/II, I, str. 3; W. W. Tomek. Op. cit., str. 140.

³³⁴ SZ. 1867/II, V, str. 26.

³³⁵ „День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме“ (Fr. Palacký. Op. cit., str. 226).

³³⁶ SZ. 1867/II, VI, str. 3—9.

³³⁷ Там же, стр. 3—4. „Нашим первейшим стремлением, нашей целью должно быть: Сохранить Австрию и сохранить себя в Австрии“.

³³⁸ SZ. 1867/II, VI, str. 16—23; „Голос“ (от 18.IV. 1867) указывает, что заседание 13 апреля было чрезвычайно бурным и маршалок земский приказал очистить трибуну от публики (см. Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 54—67. Черновик протеста с комментариями Ригера).

³³⁹ J. J. Toužimský. Op. cit., str. 249—251.

буржуазном лагере между консерваторами и либералами завязалась борьба по вопросу о правильности подобной тактики.

До 1867 г. стоял вопрос только о неучастии в деятельности рейхсрата. Теперь речь шла об отказе участвовать и в работах чешского земского сейма.

Когда в 1861 г. впервые встал вопрос о пассивной оппозиции в отношении рейхсрата, наблюдавшиеся различия во взглядах имели чисто тактический характер и ни в какой мере не совпадали с водоразделом между либералами и консерваторами. Например, Палацкий, а за ним и большинство чешских буржуазных депутатов сейма стояли за бойкот рейхсрата, Ригер же — за участие в нем, считая, что нужно использовать рейхсрат, как трибуну. Затем под влиянием дворянства Палацкий изменил свою точку зрения и склонил своих сотоварищей вступить в рейхсрат, хотя уже через несколько месяцев сам вышел из него. В 1863 г. Ригер уже был сторонником непосещения рейхсрата, в то время как Браунер, Дворжак и некоторые другие старочехи были за посещение. Моравские старочехи были в 1863 г. решительными противниками пассивной оппозиции из страха, что это испортит их отношения с дворянством³⁴⁰.

Таким образом, в вопросе бойкота рейхсрата чешские буржуазные депутаты действовали неорганизованно и несогласованно. Уход депутатов из рейхсрата начался фактически уже с 1862 г.; при этом уходили поодиночке и только в 1863 г. официально объявили о своем уходе³⁴¹.

Для чешской национальной партии, в частности для младочехов, вопрос о пассивной оппозиции приобрел остроту лишь теперь, когда он встал как вопрос о посещении или непосещении чешского сейма.

Уже в апреле 1867 г. Сладковский от имени младочешских депутатов резко выступал на заседании фракции сейма против ухода из сейма. Но большинство фракции требовало ухода, и младочехи подчинились. Тоболка считает, что уход чешских буржуазных депутатов из сейма произошел под влиянием дворян, которые хотели, чтобы чешские депутаты вообще, по примеру восьми депутатов дворян, не вступали в сейм³⁴². Во всяком случае взаимосвязь этих явлений несомненна.

В чем смысл и причина остроты разногласий по вопросу пассивной оппозиции?

Для чешской буржуазии, в особенности для ее либеральной части, было важно участвовать в работах земского сейма. Чешская буржуазия хотела принять участие в управлении своим «отечеством в узком смысле слова», как любили чешские буржуазные политики называть Чехию. Они не желали отдавать это управление в руки только немецкой буржуазии.

Сладковский указывал, что в 1861 г. чешские депутаты остались в сейме, имея в виду достижение практических успехов³⁴³. Судьба закона о равноправии языков, принятого в 1864 г. и отмененного в 1868 г., когда чешские депутаты отсутствовали в сейме, была серьезным аргументом в пользу точки зрения Сладковского.

Насущные интересы чешской буржуазии подсказывали ей целесообразность деятельного участия в сейме, и эти насущные интересы она не хотела

³⁴⁰ Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 13—18; E. Denis. Op. cit., str. 444; Česká politika, d. III, str. 227—230; Fr. Palacký. Op. cit., str. 417; J. Malý. Op. cit., str. 142; Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 149—150; J. Arbes. Op. cit., str. 35.

³⁴¹ Česká politika, d. III, str. 234—238; SZ, 1864, XXXI, str. 1—2; XXXVI, str. 1—7.

³⁴² Z. T o b o l k a. Dějiny, str. 141—143; K. K a z b u n d a. Kolem dubnového sněmu, str. 325—328; E. Grégr. Denník, str. 137.

³⁴³ K. S l a d k o v s k ý. Op. cit., str. 348—349.

принести в жертву тактике пассивной оппозиции в отношении правительства, тактике, которая обрекала ее на самоустранение от всякого участия в управлении страной.

Старочехи не твердо придерживались своей тактики, подсказанной и навязанной им дворянством. Они постоянно ссылались на пример Венгрии, принудившей правительство пойти на очень большие уступки.

Однако у венгров пассивная оппозиция была второстепенным, побочным средством давления на правительство, старочехи же превращали ее в существо всей своей политики.

Уход чешских депутатов не прервал заседаний сейма, выбравшего депутатов в рейхсрат. Избранные в рейхсрат чешские депутаты отказались от своих мандатов.

В моравском сейме федералисты также очутились в меньшинстве, ввиду поражения «исторического» дворянства³⁴⁴; 8 апреля чешские депутаты, подав протест, значительно менее резкий, чем в чешском сейме, покинули моравский сейм.

Таким образом, Бейст добился своего: федералисты не имели в рейхсрате большинства.

Чешская буржуазия потерпела серьезное поражение. Ее лидеры, однако, реагировали на это довольно беззаботно. Вот в каком тоне пишет об уходе из сейма Ригер: «Войтех Напрstek на прощание позвал нас всех на вечеринку, где мы одновременно отпраздновали 50-летие литературной деятельности Палацкого... Было ясно, что, придерживаясь пассивной оппозиции, мы в последующее время не будем иметь поля для политической деятельности, поэтому 24 апреля Палацкий, моя жена и я уехали в Ниццу»³⁴⁵. Тем временем правительство начало преследовать чешскую оппозицию: приостанавливать газеты³⁴⁶ и т. п.

УЧАСТИЕ ЧЕХОВ В СЛАВЯНСКОМ СЪЕЗДЕ В МОСКВЕ

Уход чешских депутатов из сейма должен был, по мнению руководителей чешской оппозиции, показать правительству, что чехи решили твердо стоять на своих позициях, что они не признают дуализма, не признают Цислейтании, не признают, наконец, и созываемый рейхсрат представительным учреждением страны.

По мнению руководителей чешского национально-буржуазного движения, пассивная оппозиция должна была стать главным оружием в их борьбе с правительством. Однако чешские политические деятели старались не упустить любого иного повода для давления на правительство.

Одним из таких средств давления должен был стать славянский съезд в Москве, созывавшийся в мае 1867 г. в связи с открытием всероссийской этнографической выставки, в которой имелся специальный сла-

³⁴⁴ Национальная партия победила в Моравии только в курии сельских общин (22 чешских и девять немецких депутатов); в городской курии было избрано семь чешских депутатов и 30 немцев; в нефиладельской группе не был избран ни один федералист, в фиделькомиссионной — пять (Paměti a listář A. Pražáka, d. I, str. 42; J. J. Toužimský. Op. cit., str. 249; K. Kazbunda. Kolem dubnového sněmu, str. 316—317, 320).

³⁴⁵ F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 580.

³⁴⁶ Было приостановлено издание газеты „Политик“ Скрейшовского; запрещены „Народни листы“, вместо них стали выходить „Народни новины“. Первый номер этой газеты был немедленно конфискован правительством („Голос“, 5.IV. 1867; F. L. Rieger. Z vlastních paměti, str. 580).

вянский отдел. «Это был случай показать, что чешский народ не одинок на свете, что он является членом великой славянской семьи»³⁴⁷. Венская официальная газета «Прессе» писала, что единственная цель поездки чехов в Москву — «стремление высказать свою оппозицию против существующего в настоящее время порядка внутренних дел Австрии»³⁴⁸.

Раньше приглашение в Москву (а о славянском съезде переговоры начались в 1865 г.) рассматривалось лишь как средство установления научных и культурных связей Чехии с братским славянским народом, теперь поездка приобретала определенный политический характер. Это было ясно как друзьям, так и врагам чешской оппозиции. И как бы впоследствии вожди чешской буржуазии ни отрекались от того, что их посещение России носило политический оттенок³⁴⁹, поездка на съезд австрийских славян (в ней приняли участие представители всех австрийских славян за исключением поляков) безусловно являлась своего рода политической демонстрацией против антиславянской политики австрийского правительства³⁵⁰, в частности, против Бейста. В этом смысле интересно письмо Йозефа Калоуска от 7 мая 1867 г. Калоусек пишет, что он очень много ожидает от поездки в Москву: «Теперь мысли всех устремлены только на Москву... С кем бы я ни говорил, каждый радуется вашему посещению Москвы и придает ему большое значение — никакого другого утешения в настоящее время нет. Все пламенно желают, чтобы все удалось для национального блага»³⁵¹. Эдуард Грегр писал в дневнике 15 мая 1867 г.: «Несмотря на все утверждения, что поездка должна носить только научный характер, каждый чувствует, что в этом случае наука является лишь поводом для политических целей»³⁵².

Австрийское правительство очень зорко следило за отношением своих славян к России, прекрасно понимая, каким притягательным центром является она для них. В каждом факте усиления не только связей славян с Россией, но и вообще их национального самосознания оно усматривало панславистскую агитацию, панславистские тенденции и т. п.³⁵³. Поэтому решение чешских, словацких, хорватских, сербских, словенских и галицко-закарпатско-украинских политических и культурных деятелей³⁵⁴ принять участие в славянском съезде было весьма нервно воспринято правительством Бейста и возбудило яростные нападки на славян со стороны немецкой и венгерской печати, требовавшей чуть ли не официального запрещения поездки, ареста участников ее и т. п.³⁵⁵.

³⁴⁷ A. S r b. Vzpomínky, str. 101.

³⁴⁸ Цит. по газете „Голос“, 16. II. 1868.

³⁴⁹ См. ответ Браунера Йозефу Вацлаву Фричу. „Современная летопись“, 24. IX. (6. X). 1867.

³⁵⁰ Z. N e j e d l ý. Voje o nové Rusko, str. 58.

³⁵¹ P ř í s p ě v k y k l i s t á ř i Fr. L. Riegra, str. 171—172.

³⁵² E. G r é g r. Denník, str. 158.

³⁵³ Палацкий в „Идее австрийского государства“ писал: „В наше время немцы и мадьяры, как правило, называют „панславистами“ всех без исключения сознательных славян, которые не хотят отречься от своей национальности“ (Fr. P a l a c k ý. Op. cit., str. 265).

³⁵⁴ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года, М., 1867, стр. 113—146. Перечисление приехавших австрийских славян: 4 украинца, 3 словака, 27 чехов, 3 словенца, 9 хорватов, 16 сербов, всего 62 представителя австрийских славян, всего же зарубежных славянских делегатов было 81. Таким образом, представители австрийских славян (среди них крупнейшая делегация — чешская) составляли значительное большинство.

³⁵⁵ См. K. K a z b u n d a. Pout Čechů do Moskvy, str. 121; „Отечественные записки“, 1867, V, стр. 119—120; „Современная летопись“ № 29, 13 (25) августа 1867.

Но правительство Бейста решило не чинить австрийским славянам препятствий в отношении их участия в Московском съезде³⁵⁶. Бейст в ту пору надеялся еще наладить хорошие отношения с русским правительством, отдалить Россию от бисмарковской Пруссии. Он понимал, что было бы явным выпадом против России и ее правительства начать преследование австрийских подданных за поездку в Россию.

Тем не менее Бейст дал понять Горчакову, что австрийскому правительству не очень по душе съезд в Москве и славословие единой славянской национальности, «которая, хотя и является утопией, становится тем не менее причиной беспорядков». Поэтому, заключал Бейст, пусть русское правительство не удивляется, если австрийское правительство также объявит, что оно не может вмешаться, если подобная демонстрация с участием подданных его величества (т. е. Александра II), будет иметь место в Галиции³⁵⁷.

По мнению Казбунды, Бейст, кроме того, надеялся, что поездка чехов в Москву усилит разногласия между старочехами и младочехами. Младочехи, как известно, симпатизировали полякам и относились недоверчиво к царской России. В отношении младочехов расчеты Бейста не оправдались; как раз в это время разногласия в национальной партии несколько затихают. Общая напряженная ситуация в Чехии, намечавшийся отход федералистского дворянства от национально-политической борьбы чешской буржуазии, выразившийся, в частности, в резком неодобрении поездки в Москву³⁵⁸, а также в участии депутатов консервативного дворянства в заседаниях рейхсрата и палаты господ, — все это сблизило на время различные течения чешской буржуазии. Интересно, что, приветствуя приезд в Москву двух представителей младочехов — Юлиуса Грегра и барона Виллани, «Отечественные записки» считали, что приезд этот означает примирение старочехов и младочехов, так как приезд младочехов означает прекращение всякой солидарности последних с поляками; полонофильство было, по мнению журнала, причиной раскола в чешском национальном движении³⁵⁹. Итак, в 1867 г. Бейст молчал, но впоследствии он не упускал случая неодобрительно отозваться о поездке чехов в Москву, каждый раз укоряя его чехов³⁶⁰.

Резкое недовольство поездкой чехов и других славян Австрии в Москву высказывали не только немецкие и венгерские, но и польские господствующие классы. Против поездки чехов в Москву подняли ожесточенную кампанию польская помещичье-буржуазная пресса Галиции («Час», «Дзенник польский», «Газета народов» и др.)³⁶¹, к ним присоединились различные слои польской эмиграции во Франции. Позиция польских депутатов галицийского сейма, принявших участие в выборах в рейхсрат, сыграла определенную роль в поездке чехов в Москву. «Голос» пи-

³⁵⁶ К. K a z b u n d a. Pout Čechů do Moskvy, str. 84. Инструкция Бейста австрийскому послу в Петербурге графу Ревертере от 3 мая 1867 г.

³⁵⁷ Там же, стр. 83—84. 4 июня 1867 г. Бейст заявил в рейхсрате: «За беспокойством, вносимым в Австрию извне, правительство будет наблюдать внимательно и строго» («Голос», 6.VI. 1867).

³⁵⁸ К. K a z b u n d a. Pout Čechů do Moskvy, str. 40—41; Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 67—68; «Современная летопись» № 29, 13 (25). VIII. 1867.

³⁵⁹ «Отечественные записки», 1867, V, стр. 61—62.

³⁶⁰ В 1868 г. «Дейче альгемайне дейтунг», опубликовав не без ведома Бейста резюме неудачных переговоров Бейста с Палацким и Ригером, упрекала последних в нелояльном отношении к Австрии в 1867 г. во время поездки в Москву (см. J. Jirásek. Češi, Slováci a Rusko. Studie o vzájemných vztahu od 1867. Praha, 1933. str. 21). Fr. P a l a c k ý. Op. cit., str. 359—360.

³⁶¹ M. P r e l o g. Pout Slovanů do Moskvy r. 1867. Praha, 1934, str. 56—57.

сал: «Конечно, нельзя не согласиться, что измена славянскому делу галицийских поляков имела некоторое влияние на решимость чехов. Чешские «Народни новины» не скрывают того, что измена даром не пройдет и рано или поздно получит данное возмездие»³⁶². Ухудшение чешско-польских отношений было на руку Бейсту.

Поведение галицийской шляхты в вопросе создания антиправительственной славянской коалиции отразилось на отношении к ней не только старочехов, но и младочехов, считавшихся полонофилами и горячо проявлявших свои симпатии к восставшим полякам в 1863 г.

Казбунда утверждает, будто поездка лидеров старочехов Ригера и Палацкокого в Париж в начале мая 1867 г., т. е. перед поездкой в Москву, имела целью объяснить вождям польской эмиграции причину поездки, и тем самым удовлетворить полонофильские симпатии младочехов³⁶³. Можно с большим основанием полагать, что главной целью поездки Палацкокого и Ригера было установление контакта с представителями французской общественности, а также, если бы представилась возможность, — с французским правительством. «Прежде всего нам нужно, чтобы французы о нас знали, понимали наше дело и признали бы, что их интересы в некоторых вопросах сходятся с нашими», — писал Ригер Цейтгаммеру из Парижа³⁶⁴.

В 1867 г. эта разведка дала мало результатов. По свидетельству самого Ригера, французская общественность тогда мало что знала о чехах. «В то время, — пишет в своих воспоминаниях Луи Леже, видный французский славист, — чехи были настолько мало известны во Франции, что я даже не отважился поместить слово «чех» на титульном листе. Мои земляки его бы не поняли»³⁶⁵. Правительство Наполеона III было настроено крайне благожелательно в отношении правительства Бейста. «Франция надеется на помощь Бейста... Они говорят, что когда Бейст у руля, то, по крайней мере, что-то делается в Австрии»³⁶⁶. Ригер безуспешно пытался получить аудиенцию у Наполеона III. Также безрезультатны были попытки договориться с представителями польской эмиграции.

Ригер и Палацкий встретились как с лидерами консервативно-аристократической польской эмиграции, так и с представителями демократических польских кругов. На приеме, устроенном в «Чешско-Моравской беседе» в Париже, Палацкий высказался решительно за сохранение Австрии, но федеративной и благожелательной к славянам³⁶⁷. Ригер подчеркнул, что в России речь будет идти только об установлении культурной солидарности всех славянских народов³⁶⁸.

Представители польских демократических кругов вручили Палацкому и Ригеру адрес, в котором указывали, что славянский съезд имеет целью укрепить господствующее положение царской России и подтвердить закабаление поляков, и требовали от чехов отказа от поездки в Россию³⁶⁹.

³⁶² „Голос“, 19.V. 1867.

³⁶³ K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 39. „Для приличия Ригер и Палацкий, схавшие в Москву, вступили в сношения с польскими эмигрантами и обещали им высказаться о русско-польских отношениях на съезде“ (А. Л. Погодин. Из истории славянской взаимности. „Московский еженедельник“, 1910, № 15, стр. 36).

³⁶⁴ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 173.

³⁶⁵ Půl století Národních Listů, str. 46.

³⁶⁶ Письмо Ригера Цейтгаммеру от 12 мая 1867 г. Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 173.

³⁶⁷ K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 33.

³⁶⁸ Там же, стр. 32.

³⁶⁹ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 173—174; K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 52; „Голос“, 31.V и 6.VI. 1867.

В ответ на это Палацкий якобы сказал подателю адреса, что поляки не должны придавать слишком большого значения поездке, что чехи будут стараться примирить поляков и русских³⁷⁰.

Безуспешно пробовал повлиять на вождей чешской буржуазии и Йозеф Вацлав Фрич. После возвращения чешской делегации из России между Фричем и Браунером разгорелась ожесточенная дискуссия по вопросу об оценке этой поездки³⁷¹.

Отклонить Палацкого и Ригера от поездки в Россию ни польским эмигрантам, ни Фричу не удалось. Но, считаясь с широким сочувствием чешских народных масс к польскому народу, желая сохранить пути для установления контакта во внутриаустрийской политической борьбе с галицийскими поляками, Палацкий и Ригер решили взять в Москве тон беспристрастных миротворцев в русско-польских отношениях.

В Россию отправились 27 представителей чешской буржуазии и интеллигенции. Тут были и видные политические деятели вроде Палацкого, Ригера, Браунера, писатели, художники, литераторы — Эрбен, Манес, Вавра, ученый Гамерник, купцы, фабриканты и др. По политическим убеждениям большая часть примыкала к старочехам, правда, было немало равнодушных к политике лиц, стоявших вдалеке от национальной партии. Старочехов представляли их лидеры — Палацкий, Ригер, Браунер, Скрейшовский, младочехов — Ю. Грегр, Э. Вавра и крупный земельный собственник, депутат барон Виллани. Возглавляли чешскую делегацию и придавали ей определенную политическую окраску руководители старочехов. Они главным образом вели переговоры с представителями русских панславистских и славянофильских кругов, они беседовали с Горчаковым, возглавляли делегацию к царю. Младочехи во время этой официальной части оставались в стороне.

Казбунда утверждает, ссылаясь на воспоминания участника поездки в Москву Яна Палацкого, сына историка, будто у чешских политических деятелей имелся заранее выработанный план, сущность которого сводилась к следующему: распад Австрии — а на судьбу Австрии во всех кругах смотрели пессимистично — мог привести к разделу ее между двумя великими державами — Россией и Пруссией. Учитывая это, чешские буржуазные политические деятели надеялись склонить русское правительство к тому, чтобы в случае раздела не только Венгрия и Галиция, но и Чехия были бы присоединены к России, а не к Пруссии³⁷².

С этим утверждением никак нельзя полностью согласиться. Для чешской буржуазии поездка была прежде всего своего рода политической демонстрацией, нажимом на австрийское правительство, чтобы заставить его пойти на уступки. Далеко идущие планы если и вставали перед чешскими буржуазными деятелями³⁷³, то вряд ли могли явиться предметом обсуждения со стороны столь осторожных политиков, какими были Па-

³⁷⁰ M. Prelog. Op. cit., str. 53.

³⁷¹ Там же, стр. 54, 147; K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 125, „Современная летопись“, 4 (16).IX. 1867; J. Jirásek. Češi, Slováci a Rusko, str. 18—20; A. Srb. Vzpomínky, str. 116—119.

³⁷² K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 35.

³⁷³ Весьма любопытна в этом смысле следующая запись в дневнике Э. Грегра (30 марта 1867 г.): „Положение Австрии очень печально, она близка к распаду. В случае распада Пруссия поглотит Чехию, если не вступятся Франция и Россия. Нашей единственной надеждой является то обстоятельство, что ни Франция, ни Россия не хотят усиления Пруссии. Это чувствует весь народ, и инстинктивно взоры его обращаются на восток, откуда только может прийти нам спасение, — к великому русскому народу. Но русские далеко... мы для них слишком незначительны, чтобы они начали борьбу за нас с Пруссией, присоединение Чехии к России ничем не округлит владения

лацкий и Ригер, связанных к тому же с верноподданным Австрии дворянством.

Помимо давления на австрийское правительство, целью поездки могла быть также своего рода разведка: прощупать отношение как царского правительства, так и русского общества к чешскому вопросу, укрепить свои связи с Россией, как с возможной политической опорой в будущем.

Чешские буржуазные деятели в Петербурге и в Москве чрезвычайно подчеркивали свою лояльность к Австрии, позволяя себе только некоторые нападки в адрес Бейста³⁷⁴.

Когда на одном приеме Ригер заявил, что если Бейст продержится долго у власти, он погубит Австрию, Ламанский в ответ выразил пожелание, чтобы в таком случае он продержался бы подольше. Вступивший в разговор Палацкий возразил, что он хотел бы, чтобы Австрия просуществовала как можно дольше, и что если она будет хорошо относиться к своим славянам, то лучшей формы государственного устройства для славян нельзя желать.

Мало вероятно поэтому, чтобы Ригер мог согласиться с так называемым Константиновым планом или выдвинуть подобный ему проект, как об этом пишет С. А. Никитин, ссылаясь на неопубликованный дневник Киреева³⁷⁵.

Константинов план, исходивший от великого князя Константина Николаевича или от его ближайшего окружения (Киреев был адъютантом великого князя), состоял в том, чтобы в случае распада Австрии Чехия и Польша к западу от Вислы объединились в единое королевство, во главе которого должен был стать кто-либо из династии Романовых, т. е. сам Константин Николаевич. Об этом плане упоминает в своих письмах Вавра, которому рассказал о нем М. П. Погодин, один из рьяных панславистов, указывая, что идея исходит как будто от Константина. Следует обратить внимание, что сам Вавра отнесся к сообщению Погодина весьма скептически: «Это красиво, но до этого далеко, я думаю, очень далеко»³⁷⁶.

На совещании, которое состоялось перед посещением Горчакова, Ригер советовал воздерживаться от каких-либо политических разговоров и основное ударение делать на необходимости укрепления литературной и научной славянской взаимности. С этим согласились, но Палацкий хотел, чтобы по крайней мере было сказано, что чехи надеются, что Россия не даст погибнуть чехам. Однако в беседе с чехами вице-канцлер дальше общих фраз сочувствия и внимания не шел³⁷⁷.

Российской империи. Поэтому единственным спасением Чехии является сохранение Австрии». Таким образом, все рассуждения Грегра в конечном счете вновь свелись к австрославизму (E. Grégr. Dennik, str. 131).

³⁷⁴ „Голос“, 22.V. 1867 передает речь Браунера. Из письма Вавры Сабине: „на одном приеме было вышито много, у чехов развязались языки и Бейсту сильно досталось“ (K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 120). В то же время Вавра в своих письмах отмечал: „Ригер держится с большим тактом и всегда говорит о нашем государстве с большим уважением“; „что касается наших, то публично никто не говорит ничего такого, что дома могло бы их скомпрометировать“; „против Австрии как государства и против австрийского правительства никто не говорит, все держатся и будут держаться только национальной почвой“ (K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 116, 117, 121, 124).

³⁷⁵ С. А. Никитин. Славянские съезды шестидесятих годов XIX века. Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах., М., 1948, стр. 42.

³⁷⁶ K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 129, 135.

³⁷⁷ Киреев отмечал в своем дневнике: „Горчаков рассказывает мне: „Я не скомпрометировал себя с этими господами!“ Ригер говорил мне: „Он ограничился тем, что слушал меня, он мне почти ничего не сказал“ (см. С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 42).

Такой же характер носила аудиенция у Александра II. И здесь были общие выражения сочувствия, но ничего конкретного. В Праге же известие о приеме чехов и других славян русским императором произвело, по словам Эдуарда Грегра, очень сильное впечатление. Успехом аудиенции Грегр считал уже то, что она вызвала раздражение в Вене³⁷⁸.

Обе аудиенции показали, что царское правительство совершенно не было склонно обнадеживать чехов, обещать им какую-либо поддержку в борьбе с централистической политикой Бейста. Сам Александр II в беседе с австро-венгерским поверенным в делах Вечерой в июле 1868 г. открещивался от австрийских славян: «Пусть не думает австрийский император, что я хотел переманить его подданных. Паломничество (поездка австрийских славян в Россию. — *Н. Р.*) и все эти демонстрации мне противны, я в них не принимал участия, я сожалею о них»³⁷⁹. В таком же тоне говорили об австрийских славянах, в особенности о чехах, и весьма близкий к Александру II шеф корпуса жандармов Петр Шувалов и сам Горчаков³⁸⁰.

Таким образом, позиция царского правительства могла разочаровать чешских буржуазных политических деятелей, даже если, как мы полагаем, в их программу и не входило обсуждение с царским правительством судьбы Чехии в связи с возможным распадом Австрии.

Более горячо обсуждали положение славян в Австрии панславистские и славянофильские круги в России. На съезде, конечно, не было разговоров откровенно панславистского толка. Не территориально-государственное объединение, а укрепление идеи славянской взаимности, моральное сплочивание славян, внешним проявлением чего должен был явиться единый славянский язык, — вот та цель, шагом к которой должен был быть славянский съезд, по заявлениям его организаторов. Однако уже одна постановка вопроса о едином языке достаточно красноречиво говорила о действительных стремлениях реакционных панславистов.

Славянские гости приняли авансы панславистов весьма настороженно. «Не пускаюсь в политику, держусь в рамках обычной славянской взаимности», — писал Ригер жене 21 мая 1867 г.³⁸¹ 2 июня Ригер писал жене, что в университете он произнес текст, в котором провёл мысль, что каждое славянское племя должно развиваться самостоятельно, но в общей гармонии. «Это не понравилось ультрарусским, но всем нашим очень»³⁸².

Результаты съезда должны были сильно разочаровать приезжих славян. Правда, их прекрасно принимали, было сказано много красивых слов, не было недостатка в обещании помощи, но все это делалось на банкетах, запивалось вином и, конечно, оставалось пустыми разговорами³⁸³. Впрочем, и эти разговоры оказывали действие на гостей. «Мы все чрезвычайно рады, Браунер как будто бы попал на небо... Гамернику, — иронизирует Вавра, — Россия представляется небом, царь — богом-отцом, Константин — богом-сыном, Толстой — святым духом, Горчаков — святым Петром, русская академия — собором святых»³⁸⁴.

Несколько охладила идиллию речь Ригера, произнесенная 2 июня

³⁷⁸ E. Grégr. Dennik, str. 161—163.

³⁷⁹ K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 102—103.

³⁸⁰ Там же, стр. 109, 110; „Голос“, 3.IX. 1868.

³⁸¹ Příspěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 176.

³⁸² Там же, стр. 178.

³⁸³ „Не бойтесь, Россия не отдаст вас Пруссии“, — говорил Лавровский в Петербурге чехам; Погодин говорил Вавре, что Россия не оставит чехов и т. п. (K. Kazbunda, Pout Čechů do Moskvy, str. 117, 120, 127; J. Jirasek. Češi, Slováci a Rusko, str. 20).

³⁸⁴ K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 114, 130.

в Москве. В речи затрагивались русско-польские отношения. То русское общественное мнение, с которым сталкивались славянские гости, отражало панславистские и славянофильские взгляды и было враждебно полякам. Поэтому речь Ригера, призывавшая к русско-польскому примирению, встретила громкое неодобрение³⁸⁵. В то же время она, вопреки оптимистическим утверждениям Ригера³⁸⁶, не примирила и поляков с фактом участия чешских делегатов в славянском съезде.

Непосредственного политического эффекта, которого ждала от поездки в Россию чешская буржуазия, она не достигла. Никакого изменения античешской политики правительства Бейста не произошло. Моравский старочех Мезник, без энтузиазма относившийся к поездке чехов в Москву, писал Пражаку, что лидеры чешской национальной партии считают, что путешествие в Москву принесет им большие выгоды в будущем, «пока же мы будем все еще долго очернены при дворе и именно пан Ладислав (Ригер. — Н. Р.) должен будет во многих отношениях себя очищать. Я не думаю, что дорога через Москву и Петербург является самым кратчайшим путем в австрийский кабинет»³⁸⁷.

Но результаты участия чехов в славянском съезде 1867 г. определялись отнюдь не только непосредственным его политическим эффектом.

В результате поездки в Чехии развернулось сильное руссофильское движение, охватившее широкие слои чешской буржуазии и интеллигенции. Изучение русского языка, главным образом учениками средних школ, вследствие чего очень увеличился спрос на русские грамматики и словари, исполнение в общественных местах русских песен — таковы были проявления этого движения, захватившего не только собственно Чехию, но и Моравию. Особенно активны в распространении руссофильских настроений в Моравии были учителя и низшее духовенство; там усиленно изучали русский язык даже лидеры национальной партии, не поехавшие в Россию. Очень интересно сообщение о том, что в Моравии вблизи Товачова была сходка, в которой участвовало более тысячи крестьян, заявивших о своем сочувствии России³⁸⁸. Подобные демонстрации происходили и в других местах Моравии. «Нее фрейе пресе» негодовала по этому поводу и советовала правительству принять соответствующие меры. Инструкции наместникам Чехии и Моравии сыпались из Вены одна за другой. Правительство запретило постановку «Ивана Сусанина» с участием русской певицы Александровой, преследовалось исполнение в публичных местах русского гимна и т. п.³⁸⁹

Усилилась эмиграция в Россию. Еще в бытность в России Ригер и Виллани обсуждали с русскими славянофилами вопрос о переселении чехов, желающих уехать из Австрии в Россию. С 1868 по 1874 г. из Чехии уехало на Воынь около 15 тыс. человек³⁹⁰.

Поездка в Россию имела большое значение для дальнейшей борьбы чешского народа, она дала ему силы, показала, что он не одинок, — так оценивает результаты поездки чешский историк Срб³⁹¹. Но это было, разумеется, следствием не бесед чешских буржуазных лидеров с предста-

³⁸⁵ „Голос“, 8.VI. 1867; K. Kazbunda. Pout Čechů do Moskvy, str. 128—129.

³⁸⁶ В письме жене от 17 июня из Варшавы Ригер сообщал, что некоторые поляки ему очень благодарны за его речи в Москве (Přispěvky k listáři Fr. L. Riegra, str. 178).

³⁸⁷ Paměti a listář A. Pražáka, d. II, str. 69.

³⁸⁸ „Голос“, 24.VI. 1867; M. Prelog. Op. cit., str. 106.

³⁸⁹ J. Jirásek. Češi, Slováci a Rusko, str. 20; J. Arbes. Op. cit., str. 137.

³⁹⁰ J. Jirásek. Češi, Slováci a Rusko, str. 24. „Современная летопись“, 24.XII. 1867 (5.I. 1868). Статья „О переселении чехов в Россию“.

³⁹¹ A. Srb. Vzpomínky, str. 121; см. J. Jirásek. Češi, Slováci a Rusko, str. 20.

вителями царского правительства, не банкетов с панславистами и славянофилами, а подъема национального движения в Чехии, глубокой веры чешского народа в могучую помощь братского русского народа.

* * *

Уход чешских депутатов из сейма, отказ их от участия в работе рейхсрата не могли повлиять ни на окончательное утверждение австро-венгерского соглашения, ни на выработку австрийской конституции 1867 г., установившей в Цислейтании систему старого централизма.

Австро-венгерское соглашение было принято венгерским сеймом 12 июня 1867 г. (под названием — XII закон 1867 г.); 21 декабря 1867 г. соглашение было принято австрийским рейхсратом и стало законом для Австрии³⁹². По этому соглашению, единая доселе Австрийская империя делилась на два государства — Австрию и Венгрию, связанных между собой как династически, так и признанием наличия общих дел для всей монархии. Такими делами были: иностранные, военные (касающиеся общего войска) и финансовые (опять-таки только в отношении общеимперских расходов). Управление общеимперскими делами находилось в ведении общего австро-венгерского кабинета; наряду с кабинетом существовали две делегации, выбранные рейхсратом и венгерским парламентом, — это был своеобразный суррогат общего парламента³⁹³. Законодательной властью делегации не обладали; законы, имевшие отношение к общим делам, издавались одновременно рейхсратом и венгерским парламентом, функции делегаций сводились поэтому только к установлению общего бюджета, заключению, погашению, употреблению займов для общеимперских нужд и к контролю над общим правительством.

Помимо этих общих дел, существовал круг дел, разрешавшихся австрийскими и венгерскими законодательными органами по взаимному соглашению на определенный отрезок времени. Эти дела касались государственного долга, определения долей участия Австрии и Венгрии в общеимперских расходах, торговли, косвенных налогов, железных дорог, затрагивавших интересы обоих государств, и т. п.

Эти вопросы регулировались периодическими соглашениями, издаваемыми в форме параллельных законов одинакового содержания сроком на 10 лет рейхсратом и венгерским парламентом и санкционируемыми императором. От уплаты основной части государственного долга венгерский парламент отказался на том основании, что долг этот появился без согласия Венгрии; доли участия в общих расходах были определены в 1867 г. следующим образом: 70% платила Австрия, 30% — Венгрия³⁹⁴.

Прямым результатом австро-венгерского соглашения для Чехии было:

1. Укрепление господства немецких помещиков и немецкой буржуазии Цислейтании, так как теперь их силы не расплывались на борьбу с сепаратистскими стремлениями во всех частях империи и главным образом на борьбу с венграми, а сосредоточивались на борьбе со славянами Цислейтании и прежде всего с чехами.

2. Превращение венгерских господствующих классов в ярых противников признания государственных прав других земель империи, т. е.

³⁹² „Закон об общих делах для всех земель австрийской монархии и порядок их разрешения“. Оба закона см. „Современные конституции“, т. I. СПб., 1905.

³⁹³ В каждой делегации было по 60 человек. В составе делегации, избираемой австрийским рейхсратом от Чехии, было 10 депутатов, от Моравии — 4 депутата.

³⁹⁴ Такое распределение квот вызвало недовольство австрийской и, в частности, чешской буржуазии, считавшей, что подобное распределение несправедливо и наносит ущерб Австрии (см. SZ. 1867/II, VI, str. 7—8. Речь Ригера).

в противников федерализации, а тем самым в сторонников централизаторской и германизаторской политики в Цислейтании.

3. Полное отделение словаков от чехов в государственно-политическом отношении. Братский словацкий народ оказался оторванным от чешского, включенным в другой государственный организм.

Пять законов, одобренных рейхсратом и изданных 21 декабря 1867 г., образовали в своей совокупности конституцию 1867 г., действовавшую с небольшими изменениями вплоть до распада империи.

Централизация была основной характерной чертой конституции 1867 г. Согласно этой конституции, центральному представительному органу — рейхсрату предоставлялись точно фиксированные очень значительные права, компетенция местных земских сеймов еще более урезывалась. В то время как юридически австрийский рейхсрат пользовался значительными правами в законодательном отношении, на деле он часто оказывался слабым и бездейственным ввиду разъедавших империю национальных противоречий. Немецкая буржуазия Австрии не могла создать в рейхсрате крепкое австро-немецкое большинство и поэтому не могла сделать его действительно боеспособным оружием в своих руках. Слабость австрийского рейхсрата, в сравнении с венгерским парламентом, привела к тому, что Франц-Иосиф в качестве австрийского императора пользовался гораздо большей властью, чем в качестве венгерского короля. Император имел в Цислейтании большое влияние, декабрьская конституция предоставляла ему очень значительные права. Согласно § 14 конституции, он имел право издавать указы в период, когда рейхсрат не заседал, т. е. по сути дела править без рейхсрата. Министры были фактически ответственны только перед императором. Сильное влияние императора, отсутствие ответственности министров перед рейхсратом, слабость последнего, большое влияние в нем феодально-помещичьих кругов³⁹⁵ обуславливали то обстоятельство, что, несмотря на введение конституции, пережитки абсолютистского строя были очень сильны в монархии.

Энгельс говорил об Австрии в 70-х годах XIX в. как о «мнимо конституционной монархии»³⁹⁶, подчеркивал, что в Австрии «феодализм побежден лишь отчасти»³⁹⁷. Но австро-немецкая буржуазия уже не была способна к революционному действию. Для борьбы с растущим рабочим движением она нуждалась в монархии и помещичьей феодальной клике.

Энгельс следующим образом охарактеризовал поведение немецкой буржуазии, напуганной революцией 1848 г.: «Как в Австрии, так и в Пруссии у нее (немецкой буржуазии. — Н. Р.) была возможность «быстро подчинить себе посредством государственного долга» монархию, но никогда и нигде эта возможность не была использована.

Австрия в результате войны 1866 г. свалилась неожиданным подарком в руки буржуазии. Но буржуазия не умеет господствовать, она бессильна и ни на что не способна. Она умеет лишь одно: яростно набрасываться на рабочих, как только те начинают приходить в движение. Она остается еще у кормила правления только потому, что это нужно венграм»³⁹⁸.

Конституция 1867 г. еще раз декларировала программу, выдвигаемую буржуазией в 1848 г. В статье 7-й основного государственного закона об общих правах граждан указывалось, что всякие отношения

³⁹⁵ Палата господ состояла почти исключительно из представителей австрийской аристократии, около 1/4 депутатов рейхсрата состояло из крупных земельных собственников.

³⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, стр. 400.

³⁹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 333.

³⁹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 369—370.

подчинения и зависимости между отдельными лицами отменены навсегда; в § 4 говорилось о том, что свободное продвижение лиц и имуществ внутри территории государства не подчинено никаким ограничениям; в § 6 отмечалось, что каждый гражданин может свободно заниматься всякой отраслью промышленности и т. п. Тот же закон говорил о равенстве граждан перед законом, о свободе личности, печати, вероисповедания, о праве собраний, петиций и образования союзов и т. п. Вводилось устное и публичное судопроизводство по политическим делам и по делам печати, вводились суды присяжных.

Конституция 1867 г., устанавливавшая в Австрии обычные буржуазные «свободы», была определенным шагом вперед по сравнению с конституцией 1861 г. Законы о печати, собраниях и обществах имели известное значение в истории рабочего движения в Австрии. Буржуазии стало труднее препятствовать его развитию. Собрания, рабочие союзы, появившиеся рабочей печати способствовали росту рабочего движения, его организованности, а в связи с этим и усилению классового самосознания. Не случайно, что первое рабочее общество возникло в Чехии в конце 1867 г.

Параграф 19 вышеупомянутого закона об общих правах граждан декларировал равноправие всех национальностей, право каждой национальности охранять и развивать свою национальность и свой язык. Но этот параграф, которым любили при случае похвастаться немецкие либералы, чаще всего оставался на бумаге, особенно если применение его на практике шло вразрез с интересами господствующей австро-немецкой нации. Так, после издания конституции 1867 г. чешский сейм, в котором хозяйничала немецкая буржуазия, отменил и тот ограниченный закон о языковом равноправии, который был принят в 1864 г.

Декабрьская конституция была направлена против федералистических стремлений ненемецких национальностей империи и в первую очередь против австрославистской программы чешской буржуазии.

В то время как для чешской буржуазии была неприемлема централизаторская сторона конституции 1867 г., ее союзника — консервативно настроенное дворянство — отталкивали от конституции ее либерально-буржуазные тенденции, особенно проводившаяся на базе этой конституции борьба с засильем католической церкви и с конкордатом. Именно последнее сделало всех консервативно настроенных помещиков Австрии, в том числе и склонное к федерализму дворянство Чехии, яркими врагами конституции и сформированного в конце 1867 г. нового австрийского правительства. Хотя во главе этого нового правительства стал аристократ, князь Карл Ауэрсперг, лидер централистического дворянства Чехии, бывший с 1861 г. президентом палаты господ, хотя в состав правительства вошли два представителя консервативного магнатства — граф Эдуард Тааффе и граф Альфред Потоцкий, все же основу кабинета составляли виднейшие представители немецких либералов. Это были вожди немецких националистов Чехии и Моравии Гискра — министр внутренних дел, Гербст — министр юстиции и другие немецкие либералы-централисты. Созданное министерство, получившее название «гражданского» (вернее — «буржуазного»: *bürgerlich*, *občanské*), заняло резко отрицательную позицию в отношении национальных и государственно-правовых требований чешской буржуазно-дворянской оппозиции. Со своей стороны, последняя была решительно враждебна как правительству Ауэрсперга, так и конституции, считая ее недействительной для Чехии.

С превращением Австрии в дуалистическое государство национально-политическая борьба в Чехии вступала в новую фазу своего развития.

Л. В. Волкова

ПРОГРЕССИВНЫЕ ПОЛЬСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ XVI в. О СОВРЕМЕННОЙ ИМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Произведения публицистов и писателей XVI в. являются одним из важнейших источников, раскрывающих социальные отношения и рост классовых противоречий в Польше того периода. Прогрессивные польские публицисты Рей, Моджевский, Кленович, активно реагировавшие на все актуальные вопросы своего времени, оставили ценные сведения о положении народных масс, отразили переход к барщинным формам эксплуатации, привели факты антифеодальной борьбы крестьянства. Однако публицистические произведения никогда нельзя считать безукоризненным историческим источником, так как их авторы сообщают о конкретных исторических фактах в свете определенного мировоззрения. Таким образом, произведения Рея, Моджевского и Кленовича, с одной стороны, представляют собой ценный исторический источник, который знакомит нас с социальной действительностью Польши XVI в., а с другой — являются памятником польской общественной мысли того времени.

Будучи передовыми представителями среднепоместной шляхты (Рей и отчасти Моджевский), а также польского мещанства (Кленович) публицисты предугадывали надвигающийся кризис польского государства и искали из него выход, однако замедленное развитие польского феодализма обусловило отсутствие в их творчестве революционных призывов к свержению существующего строя. Публицисты в интересах своего класса выдвигали программу мирных реформ существующих отношений.

Сила и значение польских публицистов заключаются, таким образом, не столько в их положительной программе, сколько в той смелости, с которой они обнажали социальные язвы феодального строя и критиковали современное им шляхетское общество.

В этом смысле произведения польских публицистов восполняют скудость исторических документов, относящихся к социальным отношениям Польши XVI в.

Настоящая статья представляет собой опыт использования произведений выдающихся прогрессивных публицистов Миколая Рея, Анджея Фрич-Моджевского, Себастьяна Фабиана Кленовича в качестве источника, отражающего действительность современной им Польши. В статье ставится цель проиллюстрировать на примере их произведений важнейшие процессы, происходившие в польском обществе XVI в., в частности, расширение фольварков за счет обезземеливания крестьянства, закрепощение крестьян и их борьбу против закрепощения, расцвет и упадок польских

городов, рост экономического и политического влияния шляхты-рыцарства, идеологическую и социальную борьбу в польском обществе.

Поскольку произведения прогрессивных польских публицистов мало известны широкому русскому читателю и не переведены со старопольского и латинского языков, мы приводим в начале статьи краткие биографические сведения о самих авторах, необходимые также и для того, чтобы облегчить понимание их мировоззрения, сферы деятельности и места в общественной борьбе того времени.

Публикуемая статья не претендует на исчерпывающую полноту в изложении материала, в ней опущен подробный анализ остальной польской литературы XVI в. и в центр исследования поставлено наиболее насыщенное по своей социальной направленности творчество упомянутых выше трех польских публицистов.

Следует отметить, что долгое время шляхетское и буржуазное литературоведение, выхолащивая социальную тематику творчества прогрессивных польских публицистов, рассматривало их произведения только как памятники литературы. Лишь великий поэт Польши Адам Мицкевич с правильных позиций подошел к творчеству прогрессивных польских публицистов. В курсе славянских литератур, прочитанном в парижском Коллеж де Франс, Мицкевич отметил важность и значимость их произведений для понимания современной истории Польши: «Хороший перевод нескольких произведений, подобных этой книге Рея («Зеркалу». — Л. В.) дал бы иностранцам более правильное представление об истории Польши, чем труды историков, и особенно современных»¹. Анализируя язык и стиль произведений Рея, Мицкевич особенно подчеркивал его умение пользоваться стилем народной песни и разговорным польским языком².

Из буржуазных польских историков первым к творчеству польских публицистов, как к историческому источнику, обратился в начале XX в. А. Свентоховский, который в своей книге «История польских крестьян»³ использовал выдержки из их произведений в качестве иллюстративного материала. Однако Свентоховский не дал определения их классовой направленности и к числу передовых писателей отнес и иезуита Петра Скаргу.

В настоящее время историки и литературоведы Польской Народной Республики плодотворно работают над изучением и комментированием произведений выдающихся польских публицистов. Происходившая в Варшаве в октябре 1953 г. сессия, посвященная польскому Возрождению, явилась ярким свидетельством того, что польские историки и литературоведы с новых, марксистских позиций решают вопросы польской культуры.

* * *

Миколай Рей родился 4 февраля 1505 г. в старинной шляхетской семье, в местечке Журавно на берегу Днестра. В 1514 г. он был отдан в школу в г. Скальмерж, а через два года в Львовскую городскую школу. В 1518 г. Рей записался в Краковскую академию, где, однако, проучился недолго, так как отец отозвал его обратно в имение. В деревне молодой Рей, вращаясь среди народа, ознакомился с польским и украинским народным творчеством, следы которого мы находим в его позднейших произведениях.

На двадцатом году жизни Рей приехал ко двору воеводы Анджея Тенчинского, человека по своему времени очень образованного. В этот

¹ А. Мицкевич. Соч., т. 4. М., 1954, стр. 254.

² Там же, стр. 244.

³ А. Świątchowski. Historia chłopów polskich, t. I. Warszawa, 1925.

период Рей начинает усиленно заниматься повышением своего образования. Он много читает, изучает латынь. Здесь же, при дворе Тенчинского, началась литературная деятельность Рея, расцвет которой наступил в 40-х годах XVI в.

После смерти отца Рей (в 1526 г.) вернулся в свое имение и деятельно занимался сельским хозяйством. Он много путешествовал по стране. По этому поводу его приятель и биограф Анджей Тшещеский замечает, что Рей «был паном любопытным и никогда на одном месте усидеть не мог»⁴.

Занимаясь хозяйством, Рей в то же время не бросал и литературное творчество. Из-под его пера вышло значительное количество произведений на богословские и другие темы⁵, но, к сожалению, многие из них до нашего времени не дошли.

В 1543 г. Рей опубликовал наиболее яркое по своей социальной направленности произведение, равного которому нет во всей польской публицистике XVI—XVII вв., — «Краткий разговор между тремя особами: паном, войтом и плебаном»⁶. Оно является острой сатирой на существовавшие в Польше социальные отношения. Автор правдиво показывает тяжелое положение крестьянства, обремененного барщиной, многочисленными чиншами и податями, обираемого государством, помещиками и духовенством. Рей смело обвиняет господствующий класс в жестокой феодальной эксплуатации. В этом произведении в качестве самостоятельного персонажа впервые в польской литературе выступает крестьянин. «Краткий разговор» написан живым общенародным польским языком, изобилует множеством пословиц и поговорок.

В остальных произведениях, вышедших в 1545—1568 гг. («Купец», «Зверинец», «Изображение жизни честного человека», «Зеркало» и др.), Рей создал замечательную галерею художественных образов и отразил почти все слои польского общества. Он показал гнилость феодально-крепостнического строя, пустоту жизни господствующего класса. Не жалея красок, бичевал Рей католическую церковь, игравшую особенно реакционную роль в жизни феодальной Польши.

В 1568 г. вышел последний труд⁷ Рея — «Зеркало»⁸. В нем Рей затрагивает вопросы воспитания, рисует положение крестьян, разоблачает погрязших в роскоши и разврате шляхту и духовенство, обличает мздоимство судейских чиновников, высказывает свои взгляды на королевскую власть, на войну и мир и т. д. В этом произведении показано не только всестороннее угнетение крестьян, но и их сопротивление феодальному гнету. «Зеркало» проникнуто глубоким чувством патриотизма.

⁴ A. Trzemeski. *Żywot i sprawa poczciwego szlachcica polskiego Mikołaja Reja z Nagłowic*. В приложении к работе Рея „Zwierciadło“, Kraków, 1905, str. 8.

⁵ Произведения Рея на богословские вопросы „Psaltyrz Dawydów“, „Postilla“ и другие представляют собой авторизованную переделку немецких или латинских трактатов, приспособленных Реем к польской действительности, насыщенных польскими поговорками, примерами из жизни, авторскими рассуждениями. Написанные на польском языке, они были доступны и понятны массам.

⁶ M. Rej. *Krótka rozprawa między trzemi osobami: panem, wójtem a plebanem*. Kraków, 1543.

⁷ В. Ф. Семенов в статье „Блестящая страница польской истории“ („Славяне“, 1953, № 12, стр. 22) приписывает Рею публицистический труд „О реформах республики“, который якобы был переведен на русский язык. Насколько нам известно, Рей никогда не являлся автором данной работы. Ее написал его современник Моджевский. Следует попутно отметить, что и в „Хрестоматии по истории средних веков“ (т. III, М., 1950, стр. 279) допущена досадная ошибка. Отрывки из главы XXII вышеназванного произведения Моджевского приписываются другому его современнику, реакционному публицисту Станиславу Ожеховскому.

⁸ M. Rej. *Zwierciadło albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawom jako we zwierciadłe przypatrzeć*. Kraków, 1568.

В произведениях Рея нашли отклик все актуальные вопросы современности. Не занимая ни одной государственной должности, писатель тем не менее был в курсе общественной и политической жизни страны и, как свидетельствует Анджей Тшещеский, «ни одного сейма, съезда, ни одного польского дела не пропустил»⁹.

Рей принял живое участие в реформационном движении, волновавшем польское общество. Примерно в конце 40-х годов XVI в. он порвал с католицизмом, принял лютеранскую веру, а затем стал кальвинистом.

В 1549 г. Рей публично выступил в защиту одного священника, нарушившего celibat. В 1552 г. во время церковного суда над Миколаем Олесницким, выгнавшим орден паулинов из своего имения Пинчова, Миколай Рей стал обвинять монахов в несправедливой жизни. Своим поведением, говорил Рей, монахи восстановили против себя общественное мнение и из страха перед возмездием сами убежали из Пинчова. В 1564 г. Рей выступил по делу Эразма Отвиновского, обвинявшегося церковным судом в оскорблении ксендза, у которого Отвиновский во время церковной процессии вырвал из рук дароносицу и, бросив ее на землю, растоптал. Рей говорил, что церковный суд не компетентен в этом вопросе, так как за оскорбление бога может судить и карать только сам бог. Его выступление, очевидно, сыграло свою роль: наказание Отвиновского ограничилось лишь уплатой гроша за поврежденную дароносицу¹⁰. Рей выступал также в роли посла на сеймах 1556/57, 1558/59, 1564 гг.¹¹, которые были посвящены вопросам экзекуции и реформации.

В декабре 1569 г. Рей умер, окруженный почетом и славой. Но во время католической реакции в Польше началось преследование сторонников реформации, к числу которых принадлежал и Рей. Его книги подверглись осмеянию, о самом авторе стали высказываться различные клеветнические измышления. Например, католик-реакционер Ян Эженчинский около 1620 г. издал памфлет, в котором говорится о том, что при анатомировании тела Лютера его внутренности достались польским протестантам (автор памфлета называет их самыми пренебрежительными и смешными крестьянскими именами), собиравшимися в Окше, имении Рея. Далее Эженчинский пишет: «А сам Рей пан этой Окши «Постиллу»¹² писал, но не из своей головы, а что от чорта услышал»¹³.

В XVIII в. реакция предала имя Рея забвению. Потомки не знают даже, где его могила.

Только в начале XIX в. в связи с развитием польского романтизма вновь вспомнили о Рее. Однако к творчеству Рея подходили главным образом с литературоведческих позиций и не рассматривали его произведения как зеркало характерных особенностей истории Польши XVI в.

Другим интересным представителем польской прогрессивной публицистики является Анджей Фрич-Моджевский (1503—1572 гг.). Жизнь этого талантливого публициста прошла в непрерывной борьбе с католической церковью.

Шляхетские и буржуазные историки XVII—XIX вв., писавшие о Моджевском, подходили к его произведениям односторонне, рассматривали писателя не как социального мыслителя, а как богослова. В 1884 г. вышло исследование о Моджевском студента юридического факультета Варшав-

⁹ A. Trzeciecki. Op. cit.,

¹⁰ M. Janik. Mikołaj Reja żywot i pisma. Kraków, 1923, str. 17—18.

¹¹ W. Czajewski. Mikołaj Rej z Nagłowic na sejmach. Warszawa, 1885; St. Bodnia. Mikołaj Rej na sejmach. Pamiętnik Literacki. Lwów, 1928.

¹² Сборник проповедей.

¹³ Цит. по А. Brückner. Mikołaj Rej. Kraków, 1905, str. 145.

ского университета Эдмунда Дылевского¹⁴, в котором приводится подробная биография Моджевского и делается попытка критического подхода к предыдущей историографии. Дылевский, упрекая своих предшественников в том, что они ограничивались анализом только богословских взглядов писателя, сам, однако, от этого недостатка освободиться не смог. Вскользь назвав вопросы, затронутые Моджевским, Дылевский переходит к подробному анализу религиозных трактатов писателя.

Моджевскому уделено некоторое внимание и в общих курсах по истории польской литературы Гарновского, Кондратовича, Хжановского, но в этих работах нет критического подхода к произведению писателя.

В 1923 г. вышла большая монография Ст. Кота «Анджей Фрич-Моджевский»¹⁵, в которой добросовестно собран фактический материал, относящийся к биографии писателя. Этим собственно и исчерпывается значение данной монографии, о самих произведениях Моджевского автор говорит очень мало.

В Польской Народной Республике вышел ряд монографий и статей, посвященных Моджевскому. Наиболее интересными из них являются работы К. Лепшего и В. Вуазе¹⁶, в которых разбираются проблемы войны и мира в творчестве Моджевского, а также критика Моджевским шляхетских привилегий. В. Вуазе анализирует проект Моджевского о создании государственной казны для содержания армии.

К. Лепший в своей работе¹⁷ останавливается на защите Моджевским прав крестьянства и мещанства. Одновременно автор указывает на противоречивость мировоззрения писателя, считая, что его «творчество и идеология выражают интересы польского мещанства. Однако его творчество не было свободно от компромисса». Поэтому Лепший полагает, что Моджевский был представителем мещанско-шляхетского направления в польской публицистике¹⁸.

Вопрос о том, интересы какого класса представлял Моджевский как публицист, возникал уже у его современников. Реакционный дворянский публицист и литературный противник Моджевского Станислав Ожеховский в связи с защитой Моджевским интересов крестьян приписывал ему недворянское происхождение. Утверждение Ожеховского не соответствовало истине. В действительности Моджевский был дворянин и по ряду вопросов, в частности по вопросу о государственном строе, выступал как дворянский публицист. Однако положение городского войта¹⁹ в известной степени сближало Моджевского с мещанством, защитником интересов которого, так же как и интересов крестьянства, он выступал в своих наиболее значительных, носящих прогрессивный характер высказываниях. Это отличает позиции Моджевского от взглядов современных ему реакционных дворянских публицистов.

Анджей Фрич-Моджевский родился в 1503 г. в г. Вольбоже в семье войта. О ранних годах Моджевского не сохранилось никаких сведений. По всей вероятности, он учился в Вольбожской школе. В 1514 г. его отдали в школу в Кракове. В 1517 г. четырнадцатилетний Анджей поступил

¹⁴ Э. Дылевский. Андрей Фрич-Моджевский, польский политический писатель эпохи реформации. Варшава, 1884.

¹⁵ St. Kot. Andrzej Frycz Modrzewski. Kraków, 1923.

¹⁶ W. Woize. Andrzej Frycz Modrzewski a szlachecki dualizm etyczny. „Państwo i prawo“, 1950, N 5—6; Andrzej Frycz Modrzewski o wojnie i pokoju. „Państwo i prawo“, 1951, N 1.

¹⁷ K. Lepszy. Z zagadnień ideologii Andrzeja Frycza Modrzewskiego. „Kwartalnik Historyczny“, R. LX, N 2, Warszawa, 1953.

¹⁸ Там же, стр. 123, 157.

¹⁹ Городского судьи.

в Краковскую академию на богословский факультет. В стенах Академии началось первое знакомство Моджевского с реформационными идеями и с сочинениями Лютера. Окончив Академию, Моджевский в 1522 г. поступил на службу к какому-то магнату²⁰, однако здесь он задержался недолго, так как в 1526 г. получил место нотариуса в познанской диецезии²¹.

В 1531 г. Моджевский уехал в Германию в Виттенберг для усовершенствования своих знаний. Трудно установить, сколько времени он пробыл в Виттенберге. По мнению Кота, Моджевский уже в 1533 или 1534 г. присутствовал на каком-то польском сейме. В 1535—1536 гг. Моджевский снова в Виттенберге. Он завязывает тесные отношения с немецкими реформаторами, в том числе с Меланхтоном. В 1536 г. по поручению Яна Лаского Моджевский едет в Базель, чтобы переправить оттуда библиотеку Эразма Роттердамского, которую Лаский купил еще при жизни великого гуманиста²². Отправив библиотеку в Нюрнберг, Моджевский по пути заезжает в Страсбург, где знакомится с видным реформатором Каспаром Гидеоном. В январе 1537 г. Моджевский приезжает в Нюрнберг и, переслав библиотеку в Краков, едет в Шмалькальден на съезд протестантских князей²³. Он остается в Германии еще несколько лет, совершенствуя свои знания. Близкое знакомство с немецкими реформаторами оказало значительное влияние на мировоззрение Моджевского, и в его сочинениях большое внимание уделено вопросам церковных реформ. Незавершенность лютеровской реформации, обусловленная недостаточной зрелостью немецкого бюргерства, а также его страхом перед крестьянскими восстаниями, нашла свое отражение в произведениях Моджевского. Однако в то время как Лютер после крестьянской войны превратился в холопа князей, призывал их «бить, колоть, душить восставших крестьян», у Моджевского мы наблюдаем совсем иное отношение к крестьянству. Он выступает как защитник крестьян от злоупотреблений шляхты.

Около 1540 г. Моджевский вернулся в Польшу и занял место секретаря короля Сигизмунда II Августа. По возвращении на родину он сразу же попал в гущу общественного и реформационного движения и стал приверженцем наиболее передовых общественных идей. В 1543 г. он выпустил трактат, посвященный вопросу человекоубийства²⁴. В нем доказывается, что в наказаниях за убийство человека нужно применять не денежный штраф, а смертную казнь независимо от социального происхождения убийцы.

В том же 1543 г. Моджевский написал работу, направленную против закона, запрещавшего мещанам владеть земскими имениями²⁵. Она была оглашена в сенате в апреле 1543 г.

В 1549 г. Моджевский отправился в качестве секретаря польского посольства к императору Карлу V и его брату Фердинанду в Прагу. В Праге

²⁰ Ст. Кот склоняется к тому, что Моджевский служил у примаса Лаского (St. Kot Op. cit., str. 191). Это вполне вероятно. Моджевский поддерживал дружеские отношения с семьей Лаского, был хорошо знаком с проектом военной реформы, выдвинутой Ласким.

²¹ St. Kot. Op. cit., str. 20.

²² Там же, стр. 38.

²³ Там же, стр. 40.

²⁴ Ad Serenissimum et Inclitum Regem Poloniae Sigismundum Augustum-Lascius sive de poena homicidii. Cracoviae, 1543. В 1545 и 1546 гг. он снова пишет два трактата на ту же тему. Эти работы Моджевского произвели сильное впечатление на польское общество. Они всколыхнули общественное мнение, и на сеймах начались дебаты по этому вопросу. У Моджевского появился ряд сторонников и последователей.

²⁵ Oratio Philaletis peripatetici in Senatylo Hominum Scholasticorum de Decreto conventus, quo pagi civibus adimi permittuntur, 1543.

писатель столкнулся с идеями гусизма и «чешских братьев», что нашло отражение в его дальнейших произведениях. Там же Моджевский написал две работы о причащении²⁶, в которых доказывал необходимость разрешить мирянам причащаться хлебом и вином, т. е. поддерживал аналогичное положение гуситов. В том же году он написал трактат, в котором отрицал безбрачие духовенства²⁷.

В 1550 г. Моджевский возвратился в Польшу, охваченную идеями реформ государственного строя. Под их влиянием он в следующем году издал работу «О реформах государства»²⁸, которая состоит из пяти книг. В первой книге — «О нравах» («De moribus») — он доказывает, что государство состоит из совокупности всех граждан, и сравнивает Польшу с телом, каждый член которого должен координировать свои движения согласно общим закономерностям. Он говорит также о падении морали и нравственности в стране, о дурном воспитании детей знати, об их чванстве, наглости и невежестве, их презрительном отношении к труду и науке, о злоупотреблении чиновников, о многочисленных убийствах, пьянстве шляхты и пр. Здесь же он предлагает ряд реформ для укрепления морали.

Во второй книге — «О законах» («De legibus») — Моджевский рассказывает о несправедливости польских законов по отношению к низшим слоям населения, о порядке судопроизводства и предлагает свою положительную программу.

В третьей книге — «О войне» («De bello») — Моджевский предлагает бороться за мир всеми способами. Здесь же он рассказывает о недостаточной боеспособности польского Посполитого Рушения и предлагает план реорганизации войска.

В четвертой книге, — «О церкви» («De ecclesia»), — проявляя религиозную двойственность, Моджевский стремится примирить идеи католицизма и протестантизма, предлагая ряд церковных реформ.

В пятой книге — «О школе» («De schola») — объясняет низкий уровень общественного воспитания материальной необеспеченностью учеников и учителей и советует обратить доходы с церковных бенефициев на содержание польских школ. Моджевский требует также поднять на должную высоту звание ученого.

Церковная цензура, ожесточенная тем, что Моджевский посмел посягать на догматику и церковное землевладение, наложила запрет на две последние книги, поэтому в издании 1551 г. вышли только первые три книги, хотя на титульном листе обозначены все пять.

После смерти отца, в 1553 г., Моджевский возвратился в Вольбож и занял наследственное место войта. Однако он не бросил литературную деятельность. В Вольбоже он пишет новый богословский трактат, в котором отвергает чистилище и отпущение грехов, а также отрицает значение

²⁶ Ioanni Hasembergio illustrissimorum archiducum Austriae magistro Andreas Fricius Modrevius, Polonus Bohemo S. D. mittitque Dialogum de utraque specie sacramenti Eucharistiae a laicis sumenda, primum: non affirmandi, sed disputandi et discendi causa conscriptum 1549, mense Maio. Praguxae. В июне 1549 г. Моджевский издал второй трактат о причащении под тем же заглавием.

²⁷ Disputatio de Urbis divi Pauli (I Corinth, VII). Bonum est homini uxorem non tangere etc. Antverpiae, 1549.

²⁸ Commentariorum de Republica emendanda libri Quinque Andreae Fricii Modrewii ad Regem, Senatam, Pontifices, Presbyteros, Equites, Populumque Poloniae ac reliquae Sarmatiae: liber primus — de Moribus, secundus — de Legibus, tertius — de Bello, quartus — de Ecclesia, quintus — de Schola. Crakowiae, 1551. Это издание составляет библиографическую редкость. Оно имеется в Ленинграде, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

молить за умерших. Одновременно Моджевский подготавливает к печати новое издание книги «О реформах государства».

В 1554 г. в Базеле выходит второе издание этой книги, в которое включены книги «О церкви» и «О школе».

Издание этих книг раздражало реакционеров, они осыпали Моджевского упреками, обвиняли его в клевете на существующие в Польше отношения. Приехавший в 1555 г. в Польшу папский нунций Липпомано преследовал Моджевского обвинениями в ереси. Он писал доносы в Рим и требовал изгнания писателя из города и лишения его должности войта. В том же году Моджевский был вынужден покинуть Вольбож. С этого момента началось скитание писателя по дворам магнатов, у которых он искал временного приюта. Преследуемый врагами, Моджевский тем не менее не отказывался от своих убеждений и писал новые работы, в которых громил пороки духовенства, выступал против некоторых догм католической церкви, требовал введения богослужения на национальном языке.

Находясь под влиянием реформационных идей и требуя веротерпимости по отношению к другим вероучениям, Моджевский все же не порвал окончательно с католической церковью, и в этом заключалась его религиозная двойственность. Он стремился примирить идеи католицизма и протестантизма²⁹.

К Варшавскому сейму 1557 г. Моджевский написал новое воззвание, направленное против закона о человекоубийстве, и, присоединив к нему работы 1543—1546 гг., разослал послам варшавского сейма. Но на его призыв откликнулись лишь протестанты, которые на синоде в г. Влодзиаве (Малая Польша) заявили о своей солидарности с Моджевским³⁰.

Видя, что Моджевский не смирился, реакция перешла в решительное наступление. Гнезненский архиепископ Держиговский лишил Моджевского права получения доходов с Бжезинской церкви, настоятелем которой Моджевский считался с 1542 г. Когда же Моджевский предъявил епископу полученный им в 1557 г. от короля «мандат», освобождавший его от юрисдикции духовенства, и «глейт» на свободу передвижения по стране, епископ отобрал у Моджевского оба эти документа. На сейме 1558 г. земские послы Ленчицкого воеводства выступили в защиту Моджевского, жалуясь на самовольные поступки епископа³¹. Этот факт свидетельствует о большой популярности писателя в широких шляхетских кругах.

После смерти папы Павла IV (1555—1559 гг.), изгнавшего Моджевского из родного города, писатель возвратился в Вольбож и стал подготавливать к печати третье издание книги «О реформах государства». В это издание он включил все свои предыдущие работы. В 1559 г. вышло полное издание всех сочинений Моджевского. К этому времени его имя стало широко известным не только в Польше, но и за границей — в Англии, Испании, Германии, Франции³². Приезжавшие из-за границы протестанты навещали Моджевского, и это навлекло на него подозрение католического духовенства, обвинявшего писателя в привлечении в Польшу еретиков.

²⁹ Вызывает сомнение утверждение В. Ф. Семенова о том, что „Моджевский являлся руководителем одного из наиболее крайних реформационных движений в Польше“, т. е. ариан-антитринитариев (см. В. Ф. Семенов. Указ. статья. „Славяне“, № 12, 1953, стр. 23).

³⁰ I. Ossoliński. Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej, t. IV. Lwów, 1852, str. 91.

³¹ Dzienniki sejmów walnych, koronnych za panowania Zygmunta Augusta, 1555 i 1558, Kraków, 1869, str. 222—226.

³² Дылевский. Указ. соч., стр. 90—91. Произведения Моджевского были переведены в 50-х годах XVI в. на испанский, французский, итальянский и немецкий языки, а в 1678 г. частично на русский.

Наступил период новой травли Моджевского. В это же время возникла литературная полемика между Моджевским и Ст. Ожеховским (1513—1566 гг.), в которой последний выступал с позиций реакционно-католического лагеря. С этого времени начинается пробел в биографии писателя. Известно только, что он умер в 1572 г. от чумы.

Прогрессивные идеи Моджевского были восприняты и нашли дальнейшее развитие в произведениях его последователей. К ним прежде всего следует отнести Мартина Бельского (1495—1575 гг.), который был солидарен с Моджевским в вопросе об отношении к крестьянству. В своих сатирах «Женский сейм» и «Разговор двух баранов» Бельский подробно развивает некоторые мысли Моджевского.

Патриотизм Моджевского, широта его воззрений, стойкость в защите своих идей, которую не сломили ожесточенные преследования апологетов реакции, — все это делает крупнейшего представителя польской общественной мысли дорогим и близким польскому народу.

Своими прогрессивными высказываниями в отношении мещанства Моджевский проложил дорогу другому крупному публицисту XVI в., Себастьяну Кленовичу (1545—1602 гг.), выражавшему в своем творчестве интересы городского патрициата.

Католическая и шляхетская историография XVII—XVIII вв., стремясь затушевать социальную направленность творчества Кленовича, обращала внимание главным образом на религиозные воззрения писателя. Первой попыткой научного подхода к творчеству Кленовича явилась диссертация Мержинского³³. В ней автор, нарисовав исторический фон, на котором выступил Кленович, много внимания уделил биографии писателя и дал краткий анализ его творчества. В XIX в. вышло значительное количество журнальных статей, посвященных Кленовичу (Гаццкого³⁴, Кантецкого³⁵, Гарлицкого³⁶ и др.). Но в них рассматривались отдельные произведения Кленовича, и их авторы — преимущественно литературоведы — подходили к данным произведениям односторонне.

Из работ русских историков о Кленовиче нужно назвать интересную работу А. В. Стороженко³⁷, в которой автор впервые в буржуазной историографии обратил внимание на отражение произведений устного народного творчества в «Роксолании» Кленовича. К сожалению, эта работа не была закончена. Кроме того, А. В. Стороженко рассматривает только одно произведение Кленовича — «Роксоланию», об остальных его книгах автор говорит лишь мимоходом. На произведениях Кленовича в лекциях по истории польской литературы останавливается А. Погодин³⁸. Но оригинальных мыслей он не высказывает и создается впечатление, что автор знаком с этими произведениями из вторых рук. А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович³⁹, В. Н. Щепкин⁴⁰ также поверхностно говорят о Кленовиче.

³³ De vita moribus scriptis que latinis S. F. Acerni. Berlin, 1857.

³⁴ Gacki. Poeta Klonowicz udarowany od klasztoru Sieciechowskiego wójtostwem psarskim. Pamiętnik religijny-moralny, 1860.

³⁵ Kantecki. Klonowicz, jego poemat o Rusi. Przewodnik naukowy i literacki, 1875.

³⁶ Garlicki. Uwagi nad Sebastiana Fabiana Klonowicza poematem „Victoria Deorum“. Sprawozdanie dyrektora c. kr. wyższego gimnazjum w Brzezanach, 1884.

³⁷ А. В. Стороженко. Польско-латинский поэт второй половины XVI века Себастьян-Фабиан Кленович. „Университетские известия“, Киев, 1881, № 8, и № 9; 1882, № 1.

³⁸ А. Погодин. Лекции по истории польской литературы. Харьков, 1915.

³⁹ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.

⁴⁰ В. Н. Щепкин. Конспект лекций по истории польской литературы. Изд. об-ва при историко-филологическом факультете МВЖКМ, М., 1919.

В начале XX в. в связи с трехсотлетием со дня смерти Кленовича буржуазная польская историография выпустила ряд работ. Наиболее крупной из них является монография Ясека^{40а}. Однако автор подробно останавливается лишь на «Роксолании». Довольно интересной является и небольшая работа Урбанека⁴¹, в которой автор подошел к творчеству Кленовича, как отражающему положение крестьянства.

Из работ советских историков можно отметить лишь кандидатскую диссертацию М. И. Билыка «Роксолания — латинская поэма Себастьяна Фабиана Кленовича, перевод и комментарии поэмы» (Львов, 1950). Но Билык ограничился изучением только одного произведения Кленовича и рассматривал его с литературоведческих позиций.

Биографические данные о Кленовиче дошли до нас с большими проблемами и неточностями.

Известно, что Себастьян Фабиан Кленович родился около 1545 г. в г. Сульмержицы, в семье мельника. Не сохранились подробности о детских и юношеских годах писателя. В своем произведении «Мешок Иуды»⁴² Кленович упоминает, что в пятнадцатилетнем возрасте он был в Венгрии. Но с какой целью он туда ездил — неизвестно. Примерно в возрасте двадцати лет Кленович поступил в Краковскую Академию на юридический факультет. По окончании курса он ездил в Чехию⁴³, а в 70-х годах XVI в. поселился во Львове, где пробыл около 10 лет⁴⁴. Во Львове Кленович занимал незначительную должность в городском управлении. Примерно в 1582 г. Кленович переехал в г. Люблин и занял место писаря при суде лавников.

Люблин в то время был крупным торговым центром Речи Посполитой. Вместе с тем он являлся одним из ее культурных центров. Из произведения Кленовича «Напиток любви» видно, что там существовало братство писателей, которому автор посвятил свое сочинение.

Среди люблинских жителей Кленович пользовался большим уважением. В 1583 г. его избрали лавником⁴⁵, а через два года — ратманом⁴⁶. Одновременно Кленович занимал должность поверенного Сецеховского монастыря. От аббата этого монастыря Юзефа Верещинского Кленович получил в «аренду» 10 ланов земли⁴⁷. Получив землю, Кленович стал заниматься сельским хозяйством. Вполне возможно, что он ездил в Гданск продавать свой хлеб и эта поездка повлияла на создание произведения «Флис». В 1589 г. коронный гетман и канцлер Ян Замоиский пригласил Кленовича, уже известного юриста и поэта, в качестве преподавателя вновь основанной замойской академии⁴⁸. Но по каким-то причинам между канцлером и Кленовичем произошла размолвка, и в 1592 г. Кленович возвратился в Люблин.

В 1591 г. Кленович выступил во львовском суде в качестве опекуна сирот богатого львовского купца Саввы Федоровича⁴⁹. Это доказывает, что

^{40а} L. Jasek. Sebastian Fabian Klonowicz. Przegląd Powszechny, 1913.

⁴¹ M. Urbanek. Chłop w literaturze polskiej złotego okresu. Progr. gimnazjum w Sanoku, 1915/16 r.

⁴² S. F. Klonowicz. Worek Judaszów, to jest złe nabycie, majątności. Dzieła, t. II. Lipsk, 1836, str. 59. (Далее — Worek Judaszów...).

⁴³ Там же, стр. 38.

⁴⁴ А. В. Стороженко. Указ. статья. „Университетские известия“. Киев, 1881, № 8, стр. 274.

⁴⁵ Член городского суда.

⁴⁶ Городской советник.

⁴⁷ Около 150 га.

⁴⁸ L. Jasek. Sebastian Fabian Klonowicz. Przegląd Powszechny, 1913, str. 51.

⁴⁹ W. Łoziński. Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów, 1890, str. 234.

в бытность в Люблине Кленович не терял своих прежних связей со Львовом.

В 1592 г. Кленович занял пост войта в Люблине, через два года его избрали бургомистром. В 1595 г. он был вновь избран ратманом и занимал эту должность до конца своей жизни, т. е. до 1602 г.

Первым крупным произведением Кленовича является «Напиток любви»⁵⁰. Оно вышло в 1562 г. в Кракове.

Лейтмотив этого сочинения — любовь к ближнему и идея всеобщего равенства. Здесь Кленович говорит: «Все люди сделаны из одной желтой глины, нет ни золотых, ни серебряных»⁵¹. В этом произведении ярко выражены патриотические мотивы.

В 1584 г. вышла поэма Кленовича о Галицкой Руси — «Роксолания»⁵². В ней описываются богатства Галицкой Руси: урожайные нивы, леса, богатые зверем, реки, полные рыбой, богатые торговые города. В этом произведении сказалось влияние устного украинского народного творчества.

Следующим крупным произведением Кленовича была «Победа богов»⁵³ (1587 г.). Рисуя борьбу Зевса с титанами за господство над миром, Кленович прячет свои мысли в аллегориях. Сторонник сильной королевской власти, он выражает надежду, что польский король поборет магнатов и шляхту так же, как Зевс победил своих противников. К сожалению, это произведение не дошло целиком до нас, так как оно было включено иезуитами в индекс запрещенных книг.

Главной причиной нападок иезуитов на Кленовича являлось то, что он разоблачал в своих сатирах католическое духовенство и в особенности иезуитов. Иезуиты приписывали Кленовичу авторство анонима, направленного против их ордена: «Первое выступление польского шляхтича против иезуитов»⁵⁴.

В этом памфлете говорится о том, что иезуиты толкают Польшу к гибели, что они открыли свои школы с целью нанесения ущерба Краковской Академии, из которой переманивают учеников, что в иезуитских школах науке уделяется мало внимания, орден вносит в воспитание детей чуждые Польше обычаи, занимается интригами.

До сих пор нет единого мнения о том, что автором анонима был Кленович. Брюкнер, например, склонен считать, что Кленович был только соавтором этого памфлета, который он выпустил вместе с арианами Войцехом из Калиша, Яном Немоевским и Чеховицем, что вполне вероятно, так как в его произведениях сказывается сильное влияние радикальных идей арианства. Так же, как ариане, Кленович выступал с критикой существующих порядков, выступал в защиту угнетенного крестьянства. Он завязал тесные дружеские связи с арианами еще в 70-х годах в Люблине, куда прибыл виднейший арианский проповедник Чеховиц. Некоторые произведения Кленовича были напечатаны в арианских типографиях.

В 1595 г. Кленович издал произведение «Флис»⁵⁵ («Матрос речного судна, или спуск судов по Висле и другим рекам, в нее впадающим»), которое является прекрасным источником для изучения положения крестьянства. В то же время оно дает богатый материал по исторической географии Польши. Кленович поэтически описывал города, реки, острова, встречающиеся на пути к Гданску.

⁵⁰ Philtron. Kraków, 1582.

⁵¹ Philtron. Krosno, 1908, str. 23.

⁵² Roksolania Sebastiani Sylmicensis Acerni civis Lublinensis. Kraków, 1584.

⁵³ Victoria deorum in qua continetur veri herois educatio. 1587.

⁵⁴ Equites Poloni in Jesuitas actio prima, 1590.

⁵⁵ S. F. Klonowicz. Flis, to jest spuszczenie statków Wisłą i inszemi rzekami do niej przypadającemi. Raków, 1595.

Последним крупным произведением Кленовича был «Мешок Иуды»⁵⁶ (Мешок Иуды, или Несправедливое приобретение богатств), являющийся замечательным публицистическим произведением, проникнутым страстным обличением пороков людей различных социальных категорий, явз феодального строя. Здесь очень ярко выражены антикатолические и антишляхетские тенденции. Кленович, уже не прячась за аллегории, прямо говорит о представителях господствующего класса. «Но сколько таких Иуд в домах и больницах, костелах и ратушах и в княжеских салонах. Не буду называть их по имени, но осмелюсь раскрыть их свету и показать на них пальцем»⁵⁷.

В своем творчестве Кленович разоблачал мошеннические проделки, корыстолюбие, лицемерие католического духовенства.

Большим злом своего времени Кленович считал практиковавшуюся тогда продажу должностей как церковных, так и светских («Мешок Иуды»). Протест Кленовича против торговли должностями — явления, широко распространенного в Европе, — один из наиболее ярких во всей европейской публицистике XVI—XVII вв.

Сочувствуя крестьянам, Кленович в ярких красках описывал их нищету и бесправие. Виновником тяжелого положения крестьян он считал дворянство, злоупотреблявшее своей властью.

Экономическая и политическая слабость польской буржуазии до известной степени объясняет умеренность требований Кленовича, отсутствие в его творчестве революционных призывов. У него нет идеи свержения существующего строя. Он стремился лишь к устранению страшных язв феодального общества мерами нравственного воздействия.

Хотя мы ясно видим утопичность взглядов Кленовича, мы ценим его за то, что он не побоялся бичом сатиры хлестать господствующий класс. Его произведения, отражающие действительность феодально-крепостнической Польши, имеют для нас значение исторического первоисточника.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Конец XV—начало XVI в. явились переломным моментом в истории польского средневековья. В это время происходили изменения в польской экономике, характеризующиеся усиленным ростом помещичьих фольварков.

Территориальное расширение фольварков шло в первую очередь за счет экспроприации крестьянских земель, а с середины XVI в. за счет усиленного наступления шляхты на земли солтысов. Вначале помещики отбирали у крестьян общинные угодья, а затем стали посягать и на крестьянские пахотные земли.

Об экспроприации крестьянских земель свидетельствует, в частности, польская публицистика. Так, например, Анджей Фрич-Моджевский в своем труде «О реформах государства» подтверждает, что помещики гоняли крестьян с земель, а их участки присоединяли к своим фольваркам. Они, замечает Моджевский, обращаются с крестьянами как с покоренным народом, говоря: «Это мое имение и все, убирайтесь отсюда, старые крестьяне»⁵⁸.

⁵⁶ S. F. Klonowicz. Worek Judaszów, to jest złe nabycie majątności. Raków, 1600.

⁵⁷ S. F. Klonowicz. Worek Judaszów. . . , t. II, str. 12.

⁵⁸ A. F. Modrevious. Commentariorum de Republica emendanda libri quinque. Quorum primus de Moribus, secundus — de Legibus, tertius — de Bello, quartus — de Ecclesia, quintus — de Schola — Ad Regem, Senatam, Pontifices, Presbyteros, Equites, populumque Poloniae ac reliquae Sarmatiae. Cum gratia et privilegio ad quinquennium Basileae per Ioannem Oporinium. MDLIII, str. 70.

Помещики сгоняли крестьян с насиженных мест, превращали их в малоземельных и безземельных.

Излюбленным приемом польских помещиков было объявлять крестьян нетрудоспособными или, как они их называли, «беспольными», и под этим предлогом присваивать не только надел крестьянина, но и его имущество. По этому поводу Моджевский пишет: «Имущество беспольных крепостных, даже против их воли, они могут забрать в свое пользование... ибо они считают беспольным такого крепостного, имущество которого можно было бы обратить на свое пользование»⁵⁹.

Не ограничившись экспроприацией крестьянских наделов, шляхта начала наступление и на земли солтысов.

Земли солтысов, как лучшие участки в деревнях, издавна привлекали внимание помещиков. Имелась и другая причина, обусловившая агрессивные действия шляхты. Солтыс, ведущий товарное хозяйство, являлся опасным конкурентом помещика. Кроме того, в руках солтыса находились судебные функции по отношению к крестьянам данной деревни, а шляхта стремилась к полному подчинению крестьян.

Эти причины вызвали атаки шляхты на солтысов уже в первой половине XV в. Статуты Краковско-Вартские установили, что помещик в своих наследственных имениях может отстранить солтыса от должности в трех случаях: если солтыс пренебрежительно относится к своим обязанностям, если он «беспольный» и если он бунтовал против помещика. В конституции 1563—1564 гг. было отмечено, что всякие солтыства могут быть скупаемы⁶⁰.

Опираясь на эти постановления, шляхта в течение XVI и XVII вв. прибрала к рукам все солтыства, находившиеся на частновладельческих территориях.

Моджевский, разгадавший материальную подоплеку закона «О беспольном солтысе», выступил с критикой этого закона, указывая, что шляхта, превратив его в лазейку для своего самоуправства, смещала тех солтысов, земли и права которых представляли для нее интерес. «Толпа солтысов считается для панов беспольной, если землю их они могут использовать в своих целях»⁶¹.

Моджевский указывал, что вопрос о «непригодности» солтыса решался не в судебном порядке, а произволом помещика, который обязывал солтыса продать ему землю за цену, назначенную самим помещиком⁶².

Таким образом, в результате присоединения крестьянских наделов и земель солтысов, в руках шляхты сконцентрировались большие земельные участки, которые отводились под фольварки.

Раньше вопрос о причинах расширения фольварков, вопрос о том, какой рынок в Польше способствовал их развитию — внутренний или внешний, — решался в исторической науке неверно. Главной причиной считалось расширение внешнего рынка. Первую брешь в этом отношении пробили исследования Ст. Кутшебы, утверждавшего, что развитие фольварков было связано с возросшими потребностями в сельскохозяйственных продуктах внутри государства⁶³. Опираясь на исследования Кутшебы, академик Б. Д. Греков сделал четкий вывод о том, что «не внешний, а именно

⁵⁹ A. F. Modrevious. Op. cit., str. 72.

⁶⁰ Volumina legum, t. 2, СПб., 1859, str. 28.

⁶¹ A. F. Modrevious. Op. cit., str. 145.

⁶² Там же.

⁶³ Ст. Кутшеба: Очерки истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907, стр. 70—71.

внутренний рынок вызвал серьезные перемены в жизни польской шляхты...»⁶⁴, т. е. обусловил рост фольварочных хозяйств.

Ф. Я. Полянский в недавно опубликованной работе⁶⁵ выдвинул третью теорию возникновения фольварков, а именно, что стимулом развития фольварков явилось то, что «панам нужен был хлеб прежде всего для домашнего потребления», т. е. для прокорма самого пана и «тысяч» прихлебателей, ибо «хлебосольство польских панов было беспредельным»⁶⁶.

В заключение автор пишет: «Таким образом, расширение шляхетских привилегий (политических, социальных, экономических), а не внешнего и внутреннего рынка, явилось решающей предпосылкой интенсивного развития фольварочного хозяйства в Польше XVI и последующих столетий»⁶⁷.

Точка зрения Ф. Я. Полянского не может являться удовлетворительной. Рост фольварочных хозяйств, производивших товары, был обусловлен не «хлебосольством» польских помещиков, не их «политическими, социальными и экономическими привилегиями», которые, способствуя интенсивному развитию фольварков, тем не менее не являлись непосредственной причиной их роста, а ростом внутреннего рынка, в первую очередь настоятельными потребностями городского населения в сельскохозяйственных продуктах.

В тесной связи с развитием фольварков шел процесс закрепощения крестьян, шло второе издание крепостного права.

Феодалы, владельцы огромных поместий, испытывали большой недостаток в рабочих руках, поэтому они стремились прикрепить крестьян к земле, уничтожив последние возможности их ухода из имений.

Об этом стремлении помещиков свидетельствуют Петрковские статуты 1496 г. и последующие постановления польских сеймов⁶⁸.

В них говорилось о том, что крестьянин и его семья являлись собственностью помещика, что из крестьянских сыновей только один мог идти в город обучаться ремеслу; но в начале XVI в. было отменено и последнее. В постановлениях сеймов большое внимание уделялось вопросу о беглых крестьянах, которых предписывалось возвращать их владельцам.

Об этих же постановлениях свидетельствует Моджевский, который одну из причин бедствий крестьян видел именно в прикреплении их к земле. Он пишет: «Нехорошо и то, что паны хотят иметь свободу когда им угодно отнять от крестьянина землю, но они не хотят, чтобы крестьянину можно было, когда ему нравится, оставить землю. И более того, когда дело идет об удержании крестьянина, то они в такой сильной степени хотят его поработить и сделать своей собственностью, что даже и детям его не дают возможности уйти»⁶⁹.

Это замечание Моджевского свидетельствует и о том, что, несмотря на многочисленные постановления сеймов, нередко были случаи ухода из по-

⁶⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, т. I, М., 1952, стр. 366. Этой же точки зрения придерживаются И. С. Миллер и Л. В. Разумовская (История Польши. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова, т. I, М., 1954, стр. 152), а также В. В. Стоклицкая-Терешкович и В. Д. Королюк (История средних веков. Под ред. С. Д. Сказкина, А. С. Самойло, А. Н. Чистозвонова, т. 2, М., 1954, стр. 407).

⁶⁵ Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. Изд. МГУ, 1954.

⁶⁶ Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 490.

⁶⁷ Там же, стр. 492.

⁶⁸ Volumina legum, t. 1, str. 116, 119, 120, 122, 281; t. 2, str. 176—178, 269.

⁶⁹ A. F. Modrevius. Op. cit., str. 72.

местий не только крестьянских сыновей, но и отцов и что к середине XVI в. процесс прикрепления крестьян к земле еще не закончился.

Для подавления сопротивления крестьян и их окончательного порабощения господствующему классу приходилось напрягать все свои силы.

В то время как в Англии, Франции, Испании и других европейских странах в XVI в. сложились абсолютные монархии, в Польше возникла уникальная форма государственности — «дворянская демократия», реакционная как по форме, так и по содержанию, препятствовавшая дальнейшему развитию производительных сил города и деревни. Королевская власть в стране к этому времени превратилась в пустой звук, так как действительной силой в государстве были магнаты и шляхта-рыцарство.

Неоценимую услугу дворянству в закреплении крестьян оказала католическая церковь, освящавшая существующий строй своим авторитетом. Многочисленные священнослужители в костелах во время исповеди призывали крестьян к покорности своим господам, запугивая их небесными карами и муками ада. Церковь внушала народным массам мысль, что всякая власть установлена самим богом и сопротивление ей будет строго наказано. Народ отвлекался от борьбы с феодалами обещанием райской жизни в загробном мире.

В результате активного наступления господствующего класса на крестьянство последнее во второй половине XVI в. было лишено всех прав и в основном превращено в крепостных людей, работавших на панских фольварках.

В то время как в правовом отношении польские крестьяне почти не отличались друг от друга, потому что в равной мере были бесправными, в экономическом отношении их можно разделить на три категории: имевших в среднем пол-лана⁷⁰ пахотной земли, малоземельных и безземельных. К первой категории относились крестьяне, получившие от помещика пахотный участок, отрезок луга, огород, рабочий скот, дом. Ко второй категории принадлежали «загородники», — имевшие дом и огород, к третьей — «халупники», владевшие лишь избой, и «коморники», снимавшие угол у более зажиточных крестьян.

Вопрос об экономическом положении польских крестьян совсем не освещен в современной исторической литературе, тем более ценными для нас являются наблюдения современников — польских публицистов.

Так, у Рейя, который сам был помещиком и хорошо знал положение крестьянства, имеются любопытные замечания о зажиточном польском крестьянине. Он пишет: «Иногда можно найти в деревне более богатого крестьянина, чем сам пан»⁷¹. В другом месте он говорит о крестьянине-войте, который имеет «достаточно всякого добра»⁷². Рей упоминает и о крестьянине-корчмаре: «Шинкарь, который варит пиво и гонит горилку, и этот иногда хвастается густым мешком»⁷³.

Моджевский в книге «О войне» также указывает на зажиточных крестьян-корчмарей⁷⁴.

В произведении «Шуточки» Рей упоминает о богатом крестьянине, который отдал своего сына в школу, несмотря на связанные с этим большие расходы⁷⁵.

⁷⁰ Около 7,5 га.

⁷¹ M. Rej. *Żywot Człowieka poczciwego*. Kraków, 1859, str. 237. (Далее — *Żywot...*).

⁷² Там же, стр. 139.

⁷³ M. Rej. *Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego*. СПб., 1881, str. 144. (Далее — *Wizerunek...*).

⁷⁴ A. F. Modrevious. *Op. cit.*, str. 179.

⁷⁵ M. Rej. *Figliki*. Kraków, 1905.

О зажиточных крестьянах свидетельствует также произведение представителя реакционного направления польской публицистики воеводы Анзельма Гостомского (умер в 1587 г.). Гостомский, имевший небольшое поместье в Мазовии, стремился к извлечению максимальной феодальной ренты, непомерно облагая подвластных ему крестьян. Обеспокоенный тем, чтобы его упражнения в сельском хозяйстве не прошли бесследно для современников и потомков, воевода занялся литературной деятельностью. Он написал сочинение «Хозяйство» — своеобразное руководство для изощренной эксплуатации крестьян. В нем Гостомский указывает, что крестьянский надел должен в среднем равняться половине лана. Но он говорит также и о зажиточных крестьянах, имевших в пользовании целый лан.

Воевода советует своим урядникам собирать подати сначала с беднейших крестьян, а затем с тех, кто побогаче⁷⁶. Далее он рекомендует назначать на должность надсмотрщиков только зажиточных крестьян⁷⁷.

О наемных сельскохозяйственных рабочих, формировавшихся из безземельных крестьян, встречаются неоднократные указания у Рей. В частности, в книге «Жизнь честного человека», в отделе, посвященном рациональному ведению помещичьего хозяйства, Рей пишет: «Если у тебя мало людей для работы, то дашь мужику грош — и он тебе саженцы принесет, дашь другой грош — он тебе их посадит. Если дашь мужику грош за день, то он тебе множество грядок может накопать, а это даст тебе пользы на 10 грошей»⁷⁸. Дальше Рей говорит о том, что если у помещика нет людей для починки сараев и хлевов, то можно нанять человека со стороны⁷⁹.

Эти указания польских публицистов свидетельствуют о выделении в польской деревне зажиточной верхушки и росте безземельного крестьянства.

При фольварочной барщинно-крепостнической системе хозяйства непосредственный производитель был наделен землей, т. е. имел частное хозяйство, в котором производил необходимый для себя продукт. Условием получения этого крестьянского надела являлось производство прибавочного продукта на помещичьем фольварке. Таким образом, частное хозяйство крестьян «было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»⁸⁰. Эксплуатация крестьян осуществлялась путем присвоения феодальной ренты. Господствующей формой ренты в этот период являлась отработочная рента, но наряду с ней существовала натуральная и денежная рента.

Крестьяне первой и частично второй категории, имевшие пахотную землю, лошадей и волов, несли конную барщину. Размер ее зависел от величины крестьянского хозяйства⁸¹. Пешую барщину несли безлошадные крестьяне — халупники и коморники. Кроме того, все крестьяне посылали на тлоку⁸² членов своих семей.

⁷⁶ A. Gostomski. Oekonomia albo gospodarstwo ziemiańskie. Bibl. staroż. pisarzy pol., t. III. Warszawa, 1854, str. 136.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ M. Rej. Żywot... , str. 228.

⁷⁹ Там же, стр. 235.

⁸⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

⁸¹ Во второй половине XVI и первой половине XVII в. отработочная рента непрерывно увеличивалась. Во многих местах Польши лановые хозяйства несли барщину 4—6 дней в неделю, полулановые — 3—4 дня, четвертьлановые — 2—3 дня, хозяйства, имевшие 1/8 лана, — 1—2 дня в неделю (см. История Польши, т. I, стр. 202).

⁸² Экстренные работы в поместье.

Помимо этого, с крестьян взимали дань скотом, зерном, яйцами, сырами, маслом, медом и т. д. Крестьяне выполняли в пользу помещика также различные повинности — «провод», «подводу», «повоз», «строжу» и др. Они платили также денежные чинши, носившие различные названия.

В монастырской дер. Ольшаницы, около Кракова, крестьяне, согласно документам 1470 г., платили денежный чинш 9 шкойцев, должны были давать по два петуха, 20 яиц и два сыра в год.

Они должны были унавозить монастырские поля, засеять их рожью, пшеницей, ячменем, овсом, просом, затем все сжать и отвезти на гумно. Крестьяне обязаны были также скосить луг и сvezти сено⁸³. Всего крестьяне должны были сжать хлеб на 240 моргах земли. На уборку хлеба вместе с возкой с одного морга, по данным Фр. Буяка, требовалось 8—10 дней барщины. Фр. Буяк установил, что для того, чтобы сжать 240 моргов, нужно было от 2000 до 2400 дней барщины. Эту работу могли выполнить 50—60 работников в течение 7 недель. А в дер. Ольшаницы, по данным 1481 г., было всего 24 лана кметей. Если предположить, что уже в XV в. на каждом лане земли сидело по два хозяина, то получится всего 48 человек. Отсюда видно, как тяжело приходилось крестьянам, которые должны были одновременно обрабатывать и свои наделы.

Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии», анализируя положение немецкого крестьянства накануне войны, отмечает его бесправность и жесточайшее угнетение. Он пишет: «На крестьянина ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры... Большую часть своего времени он должен был работать в поместье своего господина; а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов для себя самого, он должен был выплачивать десятину, чинш, оброк, налоги...»⁸⁴.

Характеристика, данная Энгельсом, в известной степени применима к положению польского крестьянства в XVI в. Та же картина раскрывается нам в произведениях польских публицистов XVI в., правдиво запечатлевших картины безмерного угнетения крестьянства. Их произведения рассказывают о тяжелой крестьянской участи, о многочисленных поборах и повинностях, налагаемых на крестьян.

Миколай Рей в произведении «Краткий разговор между тремя особами: паном, войтом и плебаном» показывает тяжелое положение польского крестьянства, обремененного барщиной, многочисленными податями и чиншами, обираемого помещиками, духовенством, солдатами. Устами войта-крестьянина Рей обличает современный ему строй. «Дай чинш, дай курицу, дай зерно, сыр, гуся, яички. Ни во что не ставится, что я много наработался (на пана. — Л. К.), дай ему еще овес... Урядник⁸⁵, войт, солтыс, плебан — из них каждый хочет быть над крестьянином паном. Тому дай гуся, тому дай курицу. А когда надо работать на тлоке, иногда просят, а иногда хотят бить. Правильно ее назвали «тлокой» (битьем), потому что там иногда и хребет сломают. А потом вдруг придут поборы⁸⁶, кто здоров, быстро станет больным, потому что с тебя готовы содрать шкуру, лишь бы ты уплатил подушную подать. А если не дашь, то возьмут насильно и тебя самого свяжут. Хотя бы тебе пришлось заложить детей, ты должен уплатить подушную подать»⁸⁷.

⁸³ F. Buja k. Z odległej i bliskiej przeszłości. Warszawa—Kraków, 1924, str. 45 и сл.

⁸⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 30.

⁸⁵ Представитель вотчинной администрации.

⁸⁶ Сбор подати, в данном случае подушной.

⁸⁷ M. Re j. Krótka rozprawa między trzema osobami: panem, wójtem i plebanem. Kraków, 1892, str. 28—29. (Далее — Krótka rozprawa...)

Разорительными для крестьян были помещичьи «дурные обычаи», из которых наиболее тяжелым и ненавистным являлось «право охоты». Это право нашло отражение в творчестве Рея. Писатель образно рисует голодного крестьянина, которого помещик заставляет загонять для себя дичь, в то время как на крестьянском наделе гниют копны, и феодал с егерями и собаками топчут крестьянский урожай⁸⁸.

Тяжело отражались на крестьянах мельничная и водочная помещичьи монополии. По первой из них крестьянин обязан был молотить зерно только на панской мельнице, оплачивая за это деньгами или зерном. Вторая монополия заключалась в том, что только помещик имел право производства и продажи меда, пива, вина и водки. Если же в деревне не было корчмы и крестьяне сами варили пиво и мед (реже вино), они обязаны были платить за это помещику. Помещик получал с крестьян деньги и в том случае, когда в деревне не было корчмы и крестьяне не производили напитков⁸⁹. Через корчму помещик, кроме того, обязывал крестьян покупать у него хлеб, мясо, рыбу, соль, гвозди и другие товары.

Класс помещиков-крепостников, владевших средствами производства, бесконтрольно распоряжался землей. О продаже, сдаче в аренду, дарении земель свидетельствуют многочисленные факты, зафиксированные в актовых книгах. Например, в 1473 г. староста г. Беча продал солтысство госпиталю Св. Духа за 330 польских гривен. В 1515 г. Ян Галка, декан и плебан бецкий, подарил королю Сигизмунду I три деревни⁹⁰. В 1520 г. Сигизмунд продал Северину Бонару и его жене Софье города Беч и Чезковицу с прилегающими к ним деревнями⁹¹.

Крестьянин, основной производитель польского государства, не имел никаких прав на землю. Свой надел с лежащими на нем повинностями он мог продать лишь в том случае, если помещик давал на это свое согласие. В судебных книгах встречаются неоднократные запрещения крестьянам продавать наделы без разрешения помещика. В судебной книге дер. Kasina Wielka записаны приказы владельца этой деревни от 1582 и 1587 гг., в которых указывается: «чтобы ни один крестьянин не смел ни продать, ни записать никому земли ни других вещей без панского разрешения под угрозой штрафа в 10 гривен⁹²».

О запрещении крестьянам продавать свои наделы свидетельствует и упоминающаяся выше книга «Хозяйство» Анзельма Гостомского, в которой говорится, в частности, о том, что крестьянин без разрешения помещика не имеет права на своем участке возводить какие-либо постройки⁹³, не смеет продавать свою землю (очевидно, такие случаи продажи были). На виновников, продавца и покупателя, Гостомский советует налагать штраф, кроме того, покупатель теряет затраченные деньги⁹⁴.

Крепостной крестьянин, бесправный и ограбленный, приравнялся помещиками к рабочему скоту. В случае недостаточного усердия или неповиновения, крестьян жестоко наказывали. Вышеупомянутый Гостомский советует применять телесные наказания не только к не явившимся на работу крестьянам, но и к опоздавшим. Он настаивает на том, чтобы в каждом поместье имелись тюрьма, позорный столб, цепь, чтобы помещик

⁸⁸ M. Rej. Krótka rozprawa... str. 51—53.

⁸⁹ J. Burszta. Wieś i karczma. Warszawa, 1919, str. 20—21.

⁹⁰ Materiały do historyi miasta Biecha. Fr. Bujak. Kraków, 1924, N 59, str. 16—17; N 123, str. 34.

⁹¹ Там же, № 150 стр. 43.

⁹² Starodawne prawa polskiego pomniki, t. XI. Księgi sądowe wiejskie, t. I. Kraków, 1921, N 2760, N 2763, str. 293.

⁹³ A. Gostomski. Oekonomia albo gospodarstwo ziemiańskie, str. 128.

⁹⁴ Там же, стр. 130.

незамедлительно мог наказать провинившегося крестьянина⁹⁵. Гостомский считает истязания лучшей мерой для «вразумления» крестьян.

О феодальной эксплуатации и жестоких телесных наказаниях свидетельствует Себастьян Фабиан Кленович. В «Мешке Иуды» Кленович пишет: «Мужичок бедный беспрестанно ходит в усадьбу, работает со скотом вплоть до вечера, кормится непрерывной нуждой и хлопотами, холодом и зноем, слезами, дымом, потом. Терпит Купу⁹⁶, Biskupy⁹⁷, Korbacze⁹⁸, Gażiory⁹⁹, Osoczniki¹⁰⁰... подати, поборы и панов — буйных пропойц-тиранов, чванных, алчных, распутных...»¹⁰¹.

Прогрессивные польские публицисты боролись за смягчение феодальной эксплуатации, за улучшение крестьянской участи. Рей, например, указывал шляхте, что она только выиграет от человеческого отношения к крестьянам. Например, в «Жизни честного человека» он писал о том, что на живьем крестьянкам «приятней и легче работать, когда видят пана не такого, который за ними по полю с плетью гоняется или кнутом их по спине бьет»¹⁰².

Так же беспощадно, как и светские феодалы, но еще более бесстыдно грабила крестьян католическая церковь. Духовенство эксплуатировало не только крестьян, живущих на церковных землях, но и получало десятины с частновладельческих территорий, получало церковные сборы и платы за требы. В случае неуплаты крестьянами десятины духовенство угрожало им церковным проклятием и небесным возмездием. В своих произведениях Рей яркими красками изображает вымогательства «святых отцов». Когда приходит время крестьянину уплачивать сноповую десятину, ксендз выходит в поле и начинает переворачивать снопы, выбирая самые толстые. «Он ткнет копну и говорит: не мне это дашь, сынок, а богу. — А я сомневаюсь, знает ли об этом бог, я лишь одно знаю, что рожь он не ест»¹⁰³, — саркастически замечает войт¹⁰⁴. Если крестьянин не во время принес десятину, ксендз, забывая свой сан, будет «сурово браниться, от него редко услышишь о боге»¹⁰⁵. Неоднократно священники прибегали к прямому обману крестьян, заставляя их выплачивать внеочередные поборы в свою пользу. Например, говорит Рей, ксендз, закрыв костел, обращается к крестьянам: «Идите, детки, принесите жертву и ждите меня в обедом, потому что нам очень угрожает град»¹⁰⁶. Далее такой пройдоха священник говорит крестьянам: «Скоро настанет нужда, потому что вы мало заботитесь о душе и живете, как скот. Вот уже две недели, как мы от вас ничего не имеем»¹⁰⁷.

Тяжелое положение крестьян усугублялось грабежами со стороны неприятельских войск и своих солдат-мародеров. Крестьянин нес на себе также все тяготы войны и ее последствия. Он должен был уплачивать

⁹⁵ A. Gostomski. Op. cit., str. 127, 116, 210.

⁹⁶ Позорный столб с железным обручем для шеи.

⁹⁷ Скамья для наказания.

⁹⁸ Наказание ремнями.

⁹⁹ Наказание „гусак“ заключалось в том, что наказываемому зажимали голову и руки между двумя досками.

¹⁰⁰ Обвинения.

¹⁰¹ S. F. Klenowicz. Worek Judaszów..., str. 118.

¹⁰² M. Rej. Żywot..., str. 231—232.

¹⁰³ M. Rej. Krótka rozprawa..., str. 31.

¹⁰⁴ В „Кратком разговоре“ „войт“ является собирательным образом польского крестьянства.

¹⁰⁵ M. Rej. Krótka rozprawa..., str. 11.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же (разрядка наша. — Л. В.).

многочисленные военные сборы продуктами, деньгами, повозками и прочим¹⁰⁸.

Изнемогая под тяжестью феодальной эксплуатации, бесправный и ограбленный крестьянин нигде не мог найти защиту. Если он пытался пожаловаться на своих притеснителей, то его даже не допускали к чиновным вельможам. По этому поводу Рей замечает: «Он пойдет туда, где есть власть и в дверях настоявшись, намерзнувшись, должен идти прочь с заплаканными глазами»¹⁰⁹. Если же бедняку удавалось пробиться в сеймовый суд и вручить свою жалобу, то судебное разбирательство откладывалось на столь длительное время, что он все равно не мог дожидаться окончательного решения. Кроме того, в королевские и сеймовые суды могли жаловаться только крестьяне королевских имений. Остальная часть польских крестьян подлежала суду своего непосредственного феодала. Поскольку многочисленные судебные сборы требовали больших средств, то в суд могла обращаться лишь малочисленная зажиточная крестьянская верхушка. Рей ярко описывает сеймовый суд: «Несчастный беднячок тянется, как лисица, дай «памятное», тогда получишь запись с печатями... Придет сейм¹¹⁰, бедняки лежат в сараях (stodołach), а как возный крикнет («Суд идет!».— Л. В.), так летят, как пчелы. Только несколько богачей принимает, а беднякам откладывает суд на неделю, прибавляют карточку к дверям, что очередь завтра. Будут судить, но смотри: Кунья или Волчья шуба стоит далеко впереди Барана. Это не удивительно, ибо баран всегда волка боится. Так от завтра до завтра волочится это дело. Бедняк плачет, а другая сторона поет»¹¹¹.

Наряду с несправедливостью польского судопроизводства Рей отмечает также противоречивость и запутанность польских законов, в которых богатый всегда может найти выход, стоит ему только нанять услужливого адвоката. «Ведь справедливость нашу, — пишет Рей, — зовут паутиной, которую овод пробьет, а бедная муха, вплетясь в нее, запутавшись, потеряв все, не дождавшись никакого утешения в упадке своем, идет плача, домой»¹¹². Рей считает, что самые несправедливые законы можно было бы изменить каким-либо способом, но этого не допустят представители господствующего класса, которых он сравнивает с оводами.

Бесправное положение крестьян и их жестокое угнетение обострили отношения двух основных классов феодального общества.

Польская и русская шляхетская историография пыталась замазать социальные противоречия в польском обществе XVI в. Она воспевала «патриархальные» отношения между помещиками и крестьянами, утверждая, что положение польских крестьян XVI в. было совсем не тяжелым и крестьяне будто бы ни разу в то время не бунтовали. «В истории нет известий, — писал Ю. Рехневский, — чтобы крестьяне в то время бунтовали или даже обнаруживали неудовольствие против своих господ»¹¹³. Эта неверная точка зрения оказалась настолько живучей, что под ее влияние попал даже прогрессивный польский историк Юлиан Мархлевский, считавший, что в Польше на протяжении XI—XVII вв. не было никаких крестьянских восстаний¹¹⁴.

¹⁰⁸ M. Rej. Krótka rozprawa... , str. 30.

¹⁰⁹ M. Rej. Wizerunek... , str. 179.

¹¹⁰ Сеймовый суд.

¹¹¹ M. Rej. Wizerunek... , str. 181.

¹¹² M. Rej. Zwierciadło albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawam jako we zwierciadle przypatrzeć. Kraków, 1905, str. 189. (Далее — Zwierciadło...)

¹¹³ Ю. Рехневский. Крестьянское сословие в Польше. „Русский вестник“, 1858, т. 15, стр. 71.

¹¹⁴ Ю. Мархлевский. Очерки истории Польши. Соч., т. 6, М.—Л., 1931, стр. 272.

Однако новейшие исследования советских и польских историков рисуют противоположную картину. На основании архивных данных, в этих работах приводятся факты, свидетельствующие о крестьянском отпоре помещикам. В произведениях польских прогрессивных публицистов XVI в., ярко отражавших социальные отношения, также показано сопротивление крестьян феодально-крепостническому произволу.

Борьба польских крестьян в XVI в. принимала различные формы. Иногда она выражалась в уклонении крестьян от уплаты податей, в умышленно недобросовестной работе на помещика при соблюдении видимости выполнения ее, прямом отказе от работы, порой борьба переходила в вооруженное сопротивление крестьян. Об уклонении крестьян от работы свидетельствуют уже в XV в. анонимы «О ленивых кметях»¹¹⁵ и «Описание хитрой и искусственной натуры хлопской, по отношению к своим панам»¹¹⁶. Эти анонимы, пронизанные классовой ненавистью к крестьянам, свидетельствуют о желании помещиков усилить закрепощение крестьян и одновременно отражают сопротивление последних.

Проявлением классового антагонизма между крестьянами и помещиками являлись многочисленные крестьянские жалобы в королевские и церковные суды. Крестьяне королевских имений, имевшие право апеллировать в ассессорский суд, буквально засыпали его жалобами на своих притеснителей, держателей королевских земель. Король ввиду многочисленности этих жалоб поручил их рассмотрение специальным чиновникам-референдариям. Таким образом появились референдарские суды.

Референдарский суд, состоявший из дворян, в большинстве случаев становился на сторону последних. Ярким примером этого явился случай с любачевским старостой, который гонял крестьян на тяжелые работы, хотя последние имели привилей, освобождавший от этих работ. Крестьяне неоднократно жаловались в суд, но их жалобы были оставлены без внимания. Тогда крестьяне перестали ходить на работу и платить подати. Староста сам подал на крестьян жалобу в суд, так как был уверен, что суд решит дело в его пользу. Суд приказал отобрать у крестьян привилей. Старосте было поручено поймать застрельщиков бунта и отослать в Краковский замок для наказания. В решении указывалось, что если крестьяне будут впредь бунтовать, то староста может их наказывать по своему усмотрению¹¹⁷.

О сопротивлении польских крестьян феодальному угнетению свидетельствуют их многочисленные жалобы в церковные суды, так называемые «supliki». Из них известно, что крестьяне дер. Маженин 11 февраля 1563 г. внесли суплику в Гнезненский капитул. В ней крестьяне жаловались на держателя, который измучил их подводными повинностями, непосильными работами во время молотбы и тем, что отбирал у них коней и волов и всячески угнетал крестьян¹¹⁸.

Крестьяне дер. Островите, около Гнезна, в суплике от 29 марта 1571 г. жалуются на держателя, который отягощает их повинностями, заставляет работать от восхода солнца до поздней ночи. В суплике сообщается, что держатель забирает у крестьян скот и коней, сгоняет крестьян с земель, убивает крестьянских гусей, которые зашли на его поля, и т. д.¹¹⁹

¹¹⁵ Опубликовано Шуйским в „Rozprawach Akad. Umiej. Wydz. filologiczny“, t. I. Kraków, 1874, str. 47.

¹¹⁶ Опубликовано Брюкнером в „Bibliotekie Warszawskiej“, 1893, str. 260—261.

¹¹⁷ Księgi referendarskie, t. I, изд. I. Baranowski. Warszawa, 1910, str. 8—10.

¹¹⁸ Starodawne prawa pol. pomniki, t. I, N 4582, str. 743.

¹¹⁹ Starodawne prawa pol. pomniki, t. I, N 4600, str. 755—757.

Наиболее распространенной формой крестьянского протеста являлось бегство от помещиков. Об этом свидетельствуют многочисленные постановления сеймов XVI в.

Крестьянам, убегавшим от своих угнетателей, оказывали помощь жители окрестных деревень: они укрывали их, переправляли на другой берег реки и т. д. Нередки были случаи, когда беглые крестьяне организовывали бегство других людей из своей деревни¹²⁰.

Крестьяне прибегали и к другим формам борьбы, например уклонялись от уплаты податей.

Рей с большим юмором рассказывает, как во время сбора подушной подати войт обманул сборщика: «Рассказывали об одном войте, что когда платили по грошу за голову, то он договорился с громадой, что, мол, завтра, когда я буду отдавать налог, чтобы не было ста человек в деревне, а другие пусть уйдут за орехами или на работы. Назавтра он принес сборщику сто грошей. Сборщик сказал ему: «О, милый войт, ведь это большая деревня, там несколько сот человек». Сказал войт с глупым видом, как протачок: «Было хорошей челяди немало, но она разбежалась по работам» и дал присягу, что их теперь нет в деревне больше ста и должен был сборщик взять сто грошей»¹²¹.

Здесь же Рей рассказывает о другой неудаче, постигшей сборщика при сборе подворной подати. «Рассказывали о другом, что когда платили с оседлых ланов по несколько грошей, тогда он (войт. — Л. В.) сговорился с соседями, чтобы назавтра их трое сидело на одном лане, принес войт меньше половины с этих оседлых ланов. Сказал ему сборщик: «Войт, ведь там большая деревня, там должно быть больше ланов». Сказал войт с глупым выражением лица: «Твоей милости кажется, что деревня большая потому, что там много расплодилось людей. Но пусть твоя панская милость поверит, что у нас теперь трое сидят на одном лане». И присянул войт, что трое сидят на одном лане и отдал побор в таком количестве, в каком хотел»¹²².

Активной формой антифеодальной борьбы крестьян являлись крестьянские бунты и восстания. В 1490—1492 гг. широкий размах приняло восстание крестьян на Покутью под предводительством Мухи, распространившееся на всю Червонную Русь. В конце концов это восстание было подавлено, а крестьянский предводитель Муха спасся бегством. В 1497 г. снова вспыхнуло крестьянское восстание в Мысленицком и Освенцимском краях под руководством того же Мухи, однако и это восстание было подавлено, а Муха посажен в Краковскую тюрьму¹²³.

Советский историк Е. Дракохруст¹²⁴ обратил внимание на движение опришков в районе Северного Прикарпатья в XVI в. Автор рассматривает это движение, как проявление одной из форм крестьянской антифеодальной борьбы. С этих же позиций к аналогичному движению горцев в районе Восточных Карпат подошел и польский историк В. Охманьский, который доказывает, что под термином «разбойники» (zbojniki) следует понимать движение деревенской бедноты, борющейся с эксплуататорами. Причинами этого движения является установление в XVI в. крепостного фольварка в районе Карпат и дифференциация гуральской деревни. «Раз-

¹²⁰ S. Śrezniewski. Dzieje chłopów w Polsce. Warszawa, 1947, str. 90—91.

¹²¹ M. Rej. Żywot. . . , str. 81—82.

¹²² Там же, стр. 82.

¹²³ Cz. Wycech. Z dziejów chłopskich walk o społeczne wyzwolenie. Warszawa, 1949, str. 76.

¹²⁴ Е. Дракохруст. Галицийское Подкарпатье XVI века и движение опришков „Вопросы истории“, 1948, № 1.

бойники» организовывали небольшие товарищества, чаще всего от трех до девяти человек, иногда эти группы насчитывали 60 человек. С оружием в руках горцы нападали на шляхту, купцов, богатых арендаторов, духовенство, зажиточную крестьянскую верхушку, представителей фольварочной администрации. Окрестное население не только не выдавало «разбойников», но и помогало им, как могло, и пополняло их ряды¹²⁵. Факты, свидетельствующие об обострении классовой борьбы крестьянства в связи с введением барщины, приводятся и в «Истории Польши». Так, например, в 1543 г., когда в дер. Кроводум, принадлежавшей одному краковскому монастырю, была введена однодневная барщина, крестьяне отказавшись ее нести, подали жалобу краковскому епископу. В свою очередь монастырь обратился за помощью к одному шляхтичу, который за вознаграждение в 10 флоринов обещал принудить крестьян к выполнению барщины. Узнав об этом договоре, крестьяне убили шляхтича и, опасаясь последствий, попытались скрыться из деревни, одновременно захватив свое имущество. Сигизмунд I приказал арестовать зачинщиков. А монастырь в наказание ввел двухдневную барщину. Кроме того, крестьяне должны были заплатить родственникам убитого шляхтича штраф в 200 гривен¹²⁶.

Материалы, относящиеся к крестьянским движениям XVI в., мы находим и у польских публицистов, в частности у Рея, который рассказывает о случае, когда помещик вынужден был спасать свою жизнь бегством от взбунтовавшихся крестьян¹²⁷.

Рей сообщает и о более крупных народных бунтах: «Один разгневается и скандал какой-нибудь в городе или деревне поднимет, а тысяча тотчас же сбежится, так там уже виноватый и невиноватый, кто кому попадется, тот уже божий и наш, так что кровь иногда по улицам течет»¹²⁸.

Рей, однако, как представитель шляхты боится народных восстаний, поэтому он советует всеми мерами препятствовать бунту: «Этот случай не может произойти иначе, как между богатым и более подлым. Если ты гнев сдержишь в себе по отношению к более богатому, тогда ты сам себя будешь усердно благодарить потому, что ты себя предохранил от лишней работы и от трудностей (суда. — Л. В.), а если по отношению к более подлому, тогда и он и много людей вместе с ним будут благодарить тебя за то, что ты его в покое оставил и спас от ненужных хлопот»¹²⁹.

Отразив всестороннее угнетение крестьян и их сопротивление феодальному гнету, Рей в «Кратком разговоре» в типичных образах представителей господствующего класса показал, как дворянство понимает существующие отношения в польском обществе. Он приводит распространенное среди широких шляхетских кругов мнение о том, что крестьянину не так уж плохо живется, потому что ему не приходится нести государственную службу и воевать, это за него делает «доблестная шляхта». В «Кратком разговоре» Пан говорит Войту: «Ты рассказываешь о своей неволе. Слушая тебя, болит голова. О чем ты должен думать? Отработав день — уплатить чинш. Ты не думаешь ни о каком деле, ни о войне, ни о законе, как собака на печке толстеешь, сидя в корчме, промываешь глотку, а пан должен тебя оберегать от кривды... а пана никто не оберегает»¹³⁰.

¹²⁵ W. Ochmański. Zbójnictwo góralskie. Warszawa, 1950.

¹²⁶ См. «История Польши», т. I, стр. 159.

¹²⁷ M. Rej. Figliki.

¹²⁸ M. Rej. Żywot..., str. 168.

¹²⁹ M. Rej. Żywot..., str. 169.

¹³⁰ M. Rej. Krótka rozprawa..., str. 35.

У нас не вызывает сомнения, что сам Рей не согласен с этим мнением, так как материал, приведенный в его произведениях отражает иные условия жизни крестьянства. Как мы уже отмечали, он также указывает, что последствия войн в первую очередь ложатся на крестьян, которые непосредственно не служат в армии, но несут на себе все тяготы военных действий. Справедливо негодуя по поводу тяжкого гнета, под которым находились крестьяне, писатель, однако, не находит для них реального выхода. Он обещает им божье возмездие для шляхты, сулит райскую загробную жизнь, потому что только смерть, по мнению Рея, может избавить крестьянина от страданий. Рей неоднократно повторяет, что на том свете роли притеснителей и притесняемых переменятся. Бедняк после смерти «будет светить, как ясная звезда», а угнетатель будет наказан и станет мучиться так, как на этом свете мучается бедняк¹³¹.

Рей выступает за смягчение феодальной эксплуатации, призывает помещиков быть милосердными по отношению к крестьянам, не зверствовать и не избивать невинных людей. Он указывает шляхте, что нельзя все подати возлагать на плечи крестьян. В «Кратком разговоре» он делает попытку предложить раскладывать подати на все слои населения равномерно¹³². Но в последующих произведениях Рей больше не возвращается к этому вопросу, очевидно почувствовав его нереальность. Зато он предлагает помещикам искать способ поднятия благосостояния не путем выжимания соков из крестьян, а путем подъема запущенного хозяйства. В «Жизни честного человека» Рей дает помещику ряд поучительных советов, как стать рачительным хозяином. Эти высказывания резко отличаются от советов его современника воеводы Ансельма Гостомского, написавшего целую книгу об увеличении доходности имения путем жестокой утонченной эксплуатации крестьян.

Таким образом, произведения прогрессивных польских публицистов XVI в., ярко отражают социальные отношения, показывают жестокое притеснение крестьян и их сопротивление феодально-крепостническому строю. Они наглядно опровергают измышления шляхетско-буржуазных историков, извращавших средневековую историю Польши.

ПОЛЬСКИЙ ГОРОД

Исследуемый период является временем расцвета польских городов, которые были средоточием ремесленного производства и торговли.

В XVI в. польское ремесло достигло значительного развития. Одной из важнейших его отраслей было производство сукна и полотна. Кроме того, были развиты кожевенное, гончарное, стекольное и бумажное производство.

В XVI в. наибольшего размаха достигло производство чугуна. Следует отметить, что в Польше издавна была развита металлургия. Археологические раскопки открыли следы чугунной плавки, относящиеся к поздне римскому периоду. Но первое документальное указание о горном деле дает привилей Болеслава Храброго от 1025 г.¹³³

О степени развития средневековой металлургии свидетельствует количество местностей, ведущих свое название от чугуна или процессов, связанных с ним. Польский экономист Ф. Попёлак насчитывает таких мест-

¹³¹ M. Rej. Wizerunek... , str. 179.

¹³² M. Rej. Krótka rozprawa... , str. 44—45.

¹³³ F. Popiołek. Dzieje hutnictwa żelaznego na ziemiach polskich, str. 24—25.

ностей свыше двухсот¹³⁴. Однако о самих металлургических предприятиях этого периода сохранилось очень мало известий.

Основной формой организации ремесленного производства являлись цехи. В Польше существовали цехи суконщиков, столяров, оружейников, кузнецов и др. Кроме того, развивалось ремесло и вне рамок цеха. В некоторых городах существовали группы ремесленников, не допущенных в цех, так называемые партачи. Между цехами и партачами шла длительная борьба, которая чаще всего кончалась победой цехов, иногда компромиссом, по которому цех признавал право партачей на занятие ремеслом в определенный период. За это партачи должны были делать взносы в цеховую кассу¹³⁵. Кроме партачей, существовала и другая группа ремесленников, не принадлежавших к цеху, — это так называемые сервиториалы, т. е. ремесленники, имеющие королевские привилегии¹³⁶.

В XVI в. начали возникать новые формы организации производства. В городах появились купеческие железоделательные предприятия мануфактурного типа. Вопрос о мануфактурах еще только разрабатывается в современной польской и советской историографии. Однако факты, приводимые в исследованиях Рутковского, Лозинского и Попёлака, свидетельствуют о появлении в это время элементов мануфактурного производства в Польше. Так, Попёлак приводит документальные данные о том, что краковский купец советник Кауфман в 1524 г. получил от Сигизмунда I привилегий, в котором король разрешал Кауфману на фабрике под Олькушем «производить иголки, ножички, шашки, мечи, проволоку, медные и железные пластины, держать у себя учеников польской народности или любой другой, привозить на фабрику руду с собственной шахты в Моравии. Король дал ему также исключительное право беспрепятственной продажи изделий в Короне и Литве»¹³⁷. На фабрике Кауфмана уже применялось водяное колесо.

На этом предприятии, действовавшем вне рамок цеховой организации, применялся наемный труд, и оно по существу представляло собой капиталистическую купеческую мануфактуру. Одновременно намечается тенденция разложения цехового производства изнутри и превращения некоторых текстильных цеховых мастерских в мануфактурные предприятия рассеянного типа. Отдельные богатые мастера становились скупщиками-предпринимателями, превращали подмастерьев в ремесленных наемных рабочих. Элементы капитализма проникают и в бумагоделательные предприятия, а также в типографии¹³⁸.

Более отчетливо были видны зародыши капиталистических отношений в соляных копях Бохнии и Велички, где концентрировалось значительное количество рабочих¹³⁹. На оловянно-серебряных разработках наблюдалась тенденция превращения товариществ мелких предпринимателей-горняков в капиталистические предприятия. Горняки-предприниматели получали от владельца жупы разрешение на разработку ископаемых, при условии выплаты собственнику земли $\frac{1}{11}$ стоимости продукции. На этих предприятиях применялся наемный труд¹⁴⁰.

¹³⁴ Там же, стр. 24.

¹³⁵ J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski. Poznań, 1947, str. 195.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ F. Popiołek. Op. cit., str. 26; см. также St. Arnold. Tło społeczno-gospodarcze odrodzenia polskiego. „Nowe drogi“, 1953, N 7, str. 60.

¹³⁸ St. Arnold. Op. cit., str. 61.

¹³⁹ По данным Рутковского, в Величке работало в конце XVI в. около тысячи человек (см. J. Rutkowski. Op. cit., str. 197).

¹⁴⁰ Там же, стр. 191.

Опираясь на эти скудные сведения, можно сделать вывод, что зачатки капиталистической мануфактуры в Польше появились уже в XVI в., но ее дальнейший рост был замедлен феодально-крепостническими отношениями.

С расцветом польских городов в XVI в. было тесно связано и развитие внутренней торговли. Значительное место на польских рынках заняла торговля хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, которые поступали от помещиков, а также от крестьян. Торговали хлебом и богатые горожане, скупавшие его у помещиков и крестьян для перепродажи как на местных, так и на отдаленных рынках. О массовых спекуляциях хлебом свидетельствует польская публицистика. Прогрессивные ее представители, например Моджевский, предлагали бороться со спекулятивными сделками хлебом, усматривая в них одну из причин вздорожания товаров на внутреннем рынке.

Одним из источников спекуляции зерном являлась торговля десятиной. Церковь продавала шляхте право сбора десятины, а шляхта в свою очередь перепродавала урожай на корню, часто насильно и втридорога собственным крестьянам. Моджевский пишет: «Нередко случается, что та же самая десятина через четвертые и даже пятые руки покупающих и продающих пройдет, прежде чем достигнет рук тех, которые будут ею пользоваться. В этом деле наиболее недостойно то, что те, которые не работают, прикрываясь тем, что они являются хозяевами над делами своих крестьян, покупают их пот и иногда против их воли им же дороже продают или кому хотят»¹⁴¹.

В противоположность Моджевскому, Анзельм Гостомский в своем «Хозяйстве» дает красноречивый совет помещику о том, как выгоднее всего продавать рожь: «В города на торг нужно посылать рожь согласно потребности, а там продающий пусть кричит: у моего пана есть достаточно молоченной ржи, а кому рожь потребуется — поезжай в имение моего пана, там я и рожь продам и все, что кому будет нужно»¹⁴².

Если сравнить отношение к торговле хлебом Моджевского и Гостомского, то легко заметить, что советы первого были направлены на экономическое и политическое укрепление города. По мнению Моджевского, с расцветом городов связано общее благосостояние всего государства. Для Гостомского же город существовал исключительно как потребитель помещичьего хлеба, поэтому он советовал помещику диктовать цены на местных рынках, продавать хлеб втридорога, не допускать на торги привозной хлеб и муку¹⁴³, зазывать покупателей к себе в имение и таким образом перенести центр торговли хлебом из города в деревню.

Важным предметом торговли на внутреннем рынке была соль. Кроме того, продавались дерево и изделия из него, керамика, изделия из металла (ножи, иголки, сельскохозяйственные орудия и проч.), олово, сера, селитра, полотна и сукна¹⁴⁴.

Произведения Рея и Моджевского являются источником, свидетельствующим о том, что рынок обслуживал покупателя и сырьевыми товарами — воском, кожей и пр.¹⁴⁵.

Рей очень живо описывает краковский рынок: «Кто хочет присмотреться, как питаются бедняки, — иди на краковский рынок. Там удивишься: одна жарит колбаски, другая жарит печенку с уксусом и луком, иная бегаёт с венками, иная с зельем и красной мазью сидит. Так что и

¹⁴¹ A. F. Modrevius. Op. cit., str. 53.

¹⁴² A. Gostomski. Op. cit., str. 140.

¹⁴³ Там же, стр. 202.

¹⁴⁴ M. Bielski. Sejm niewieści. Bibl. pis. pol. N 4. Kraków, 1889, str. 78.

¹⁴⁵ A. F. Modrevius. Op. cit., str. 236.

круп, и селедок, и масла, и свечей, и яблок, и пшеничных булок, и рыб, и борща, и огурцов, и разных огородных плодов, и всего не перечислишь. А сколько их в купеческих будках и лавочках сидят. Одна с железом, другая с полотном, третья с бумазеей, с замшей, гвоздями, разве все упомянешь, не считая различных ремесленников, которые своими изделиями кормятся»¹⁴⁶.

В разделе книги Рея «Жизнь честного человека», посвященном рациональному помещичьего хозяйства, говорится о том, чем торговали на внутреннем рынке польские помещики. Рей рассказывает, что помещик осенью, продав ячмень, горох, пшеницу, гречиху, овес, может купить на вырученные деньги коня и вола¹⁴⁷. Он советует покупать весной двух овец за полгривны, а осенью продать их за ту же цену. Барыш будет заключаться в том, что у помещика останется ягненок и шерсть с этих овец¹⁴⁸. Далее он говорит, что если купить бычка за две копы, а затем его откормить, то впоследствии его можно продать за четыре копы¹⁴⁹. Так же можно сделать и с поросенком, купить его за 10 злотых, откормив, продать за 30 злотых¹⁵⁰. Рей пишет и о более сложных торговых операциях: помещик «купив где-нибудь в низу...¹⁵¹ несколько десятков или сто яловых коров или баранов, пригонит их немного дальше в верх, так что почти 20 (коров или баранов. — Л. В.) каждый может даром взять себе в кухню»¹⁵². Таким же образом он советует поступать и с пивом. Закупив пиво оптом, половину его продать в другом месте с барышом¹⁵³. Рей советует, наконец, разводить пчел¹⁵⁴ и рыб¹⁵⁵, от которых можно иметь большую выгоду.

Кроме еженедельных торгов, в Польше, как и во всех странах Западной Европы, существовали ярмарки, длившиеся по две недели один-два раза в год. Наиболее крупными были ярмарки в Люблине, Львове, Кракове, Познани. Описание Люблинских ярмарок оставил Кленович. Он с гордостью перечисляет страны, присылавшие свои товары в Люблин, который являлся крупным торговым центром Польши XVI в. Следует отметить, что Кленович в этом случае несколько преувеличивает значение Люблинских ярмарок. Так, он пишет:

Все везется на продажу в город Люблин,
Москва с Литвой везут свои дары,
Все, что на целом свете бывает, в продаже найдешь здесь.
Все свезено, чтобы продавать в Люблина стенах святых...
Индия с Турцией и Аравией свои высылают товары,
и из Армении богатства находятя здесь,
С востока китайцы пряжу свою посылают...
Даже Британия, что отделилась от целого света,
Дары богатые также морем на парусных судах везет¹⁵⁶.

¹⁴⁶ M. Rej. Żywot... , str. 236.

¹⁴⁷ Там же, стр. 229.

¹⁴⁸ Там же, стр. 230.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Имение Рея находилось в верхнем течении Днестра. По всей вероятности, он, опираясь на собственный опыт, советует помещику покупать скот в малонаселенной местности и отправлять его по реке на городские торги.

¹⁵² Там же, стр. 236 (разрядка наша. — Л. В.).

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ M. Rej. Żywot... , str. 230.

¹⁵⁵ Там же, стр. 229—230.

¹⁵⁶ A c e r n u s. Roxolania. Przekłady poetów polsko-łacińskich. T. VI. Warszawa, 1852, str. 190.

Кленович оставил описание не только торговли польских городов, но и их внешнего вида. Так, например, он поэтически рисует город Торунь: «Ты увидишь над горами шпили и золотые верхушки высоких башен, которые врываются в небо и разрывают облака. И когда за твой корабль убегут назад эти горы, ты увидишь великолепные, как пламя, каменные стены, и город возникнет как будто из-за завесы во всем прекрасный»¹⁵⁷. К числу крупных городов Кленович относит Нешаву, имевшую большое количество складов зерна¹⁵⁸.

Особый интерес проявляет писатель к крупным городам Галицкой Руси. Он рассказывает о Львове, защищенном от неприятеля рвами, стенами, валами, говорит о его разноязычном населении, о купцах, привозивших в город различные товары. Кленович называет и другие города Галицкой Руси, прежде всего Перемышль и Дрогобыч, богатые соляными копами. Говорит он и о Холме, который славился добычей мела, и т. д.

По Торунскому миру, когда к Польше отошел Гданск, начался новый этап расцвета польской внешней торговли. Главный предмет вывоза составляла рожь, а затем пшеница. Вывоз хлеба частично находился в руках шляхты, частично в руках мещан.

С XVI в. вывоз хлеба мещанами значительно падает и составляет всего от 25 до 33% всего вывоза¹⁵⁹, что объясняется конкуренцией дворянства, вывозившего хлеб беспошлинно (статуты 1496 и 1538 гг.). Шляхта, вытесняя польское мещанство из торговли, сама стала торговать с границей, откуда вывозила лишь предметы потребления, главным образом предметы роскоши. Моджевский не упускает случая обратить на это внимание, замечая, что такая торговля причиняет большой вред польскому государству. Он пишет: «Пусть поэтому будут купцы, которые привозили бы товары, выдуманнные не для излишеств и для роскоши, но нужные для честного трезвого и полезного для государства пользования»¹⁶⁰.

Польская шляхта неумеренным вывозом хлеба за границу способствовала повышению в стране цен на хлеб и другие товары. О вздорожании предметов первой необходимости также пишет Моджевский: «Часто мы видим, что столь большое количество ржи от нас было вывезено, что после огромнейшего изобилия последовало у нас затруднение в хлебе и не только в хлебе, но и в мясе, и в сыре, и других вещах»¹⁶¹. В другом месте Моджевский более подробно развивает свою мысль: «Так, например, три года тому назад была дороговизна продуктов. Это случилось не из-за плохого урожая, ибо этот урожай, хотя и не был слишком обильным, но во всяком случае его хватило бы на то, чтобы прокормить всю нашу землю, это случилось отчасти из-за того, что мы выпустили рожь из своей земли, отчасти из-за перекупщиков, которые скупают рожь... После этой большой дороговизны, о которой мы говорили, стала очень дешевая рожь, теперь корец ржи продают за 12 грошей, а во время дороговизны продавали в 5 раз дороже, корец пшеницы продают по 24 гроша, а раньше по 3 золотых»¹⁶².

¹⁵⁷ S. F. Klonowicz. Flis, to jest spuszczenie statków Wisłą i inszemi rzekami do niej przypadającemi. Dzieła, t. I. Lipsk, 1836, str. 76. (Далее — Flis...)

¹⁵⁸ Там же, стр. 75.

¹⁵⁹ J. Rutkowski. Op. cit., str. 167.

¹⁶⁰ Ввиду отсутствия этих страниц в латинском издании 1554 г., которым мы пользовались, цитируем по польскому переводу с издания 1559 г. (O Naprawie Rzeczypospolitej. Przemysł, 1857, str. 83—84).

¹⁶¹ A. F. Modrewius. Op. cit., str. 51.

¹⁶² Modrzewski. O Naprawie Rzeczypospolitej, str. 343—344.

Таким образом, Моджевский выдвигает две причины вздорожания товаров: неумеренный вывоз и спекуляцию хлебом внутри страны, что несомненно верно.

Много внимания торговле хлебом уделил и Кленович. Он касается главным образом вопросов внешней торговли. Выступая в защиту интересов мещанства, вытесненного шляхтой из внешней торговли, Кленович выдвигал программу, которую можно свести к трем пунктам: 1. Требование прекращения ввоза промышленных товаров из-за границы, так как это вредит сбыту товаров местного производства. По этому поводу он пишет: «Так мы ударяемся в глупую спесь и не ограничиваемся тем, что родит Польша. Уже мы думаем о привозных заморских вещах»¹⁶³. 2. Предложение передать торговлю в руки мещанства. Правда, эту мысль Кленович выражает весьма осторожно: «Шляхтичу лучше всех, он обрабатывает свою землю, ждет богатого урожая. Он может не завидовать купеческим занятиям мещан, может не завидовать товарам гданышан. Кто быстро обогащается, пусть боится быстрого разорения. Пусть не играет со счастьем тот, кто имеет дома свой хлеб»¹⁶⁴. Несомненно, что под человеком «имеющим дома свой хлеб», Кленович подразумевает шляхтича. 3. Требование торговли с иностранцами лишь на территории Польши, без выезда за границу. Этим путем он стремился подорвать конкуренцию шляхты, вывозившей хлеб на внешний рынок беспошлинно. Руководствуясь этими соображениями, Кленович взывает к патриотизму поляков. Он пишет: «Мы к голодным немцам плывем по воде со своим хлебом и часто тонем, кланяясь своим польским хлебом англичанам и другим заморским жителям. Этим мы даем знать, что мы в деньгах больше нуждаемся, чем они нуждаются в хлебе»¹⁶⁵.

Неизбежным следствием вывоза хлеба Кленович считал усиление феодальной эксплуатации, потому что помещики, думая лишь о своей прибыли, беспощадно эксплуатируют крестьян. Так, например, во «Флисе», констатируя тяжелое положение крестьян, он так объясняет причину этого явления: «Почему так происходит? Если бы меня спросили, я, глядя на это, ответил, как будто бы читал: то, что родится на польской ниве, то проглатывает это море»¹⁶⁶.

Следует попутно отметить, что многие историки, рассматривая вопрос о причинах ухудшения положения польского крестьянства в XVI в., дают объяснение, по существу аналогичное тому, которое приводит Кленович. Для нас несомненно, что усиление хлебного вывоза способствовало ухудшению положения крестьян, но основную причину этого надо искать не в вывозе, а в общем характере развития социально-экономических и политических отношений в Польше.

Социальный состав польского города был в основном таким же, как и в других странах Западной Европы: патрициат, бюргерство-мещанство и плебейские массы города.

Органом городского управления являлся совет. Количество советников, или, как их называли в Польше, «райцев», колебалось от шести до восьми. Председателем совета был бурмистр (бургомистр).

Источниками для характеристики городского населения и его дифференциации являются для нас произведения Моджевского, Бельского и Кленовича. Говоря о горожанах, польские публицисты различают плебей

¹⁶³ S. F. Klonowicz. Flis... , str. 36.

¹⁶⁴ Там же, стр. 43.

¹⁶⁵ S. F. Klonowicz. Flis... , str. 46.

¹⁶⁶ Там же, стр. 35.

и патриция, ремесленника и купца. Моджевский больше всего пишет о положении плебейских масс города. Он рассказывает о вопиющей бедности народа, о большом количестве нищих в стране. Моджевский понимает, что нищенство в Польше — это социальное зло, с которым надо бороться¹⁶⁷.

О городских чиновниках рассказывает Кленович. Он бичует чиновников-взяточников и вымогателей, угнетающих народ. С негодованием говорит он о бургомистре города, который берет взятки, «продает справедливость». Кленович пишет: «Если кто-нибудь почтен высокой чиновничьей должностью, когда ему городские богатства поручают для управления или какую-нибудь провинцию дадут для суда, тогда он себе общественные присваивает доходы. Нарядившись в этот чин, как в какое-нибудь пугало, он угнетает народ... Он выдумывает фортели такие и этакие: «вины», «депактации», «памятные», «дорожные»... Когда видит, что есть что содрать, то он сдирает с простака (а не с виновного. — Л. В.)»¹⁶⁸.

Следует отметить, что Кленович относился с известной симпатией к выборным городским магистратам (ведь он сам был бургомистром и советником), хотя и порицал их взяточничество и злоупотребление властью. Кленович рассказывает об обременительных обязанностях городских чиновников, в частности бургомистров, стоявших во главе городского совета и имевших, кроме административных, также и судебные функции. Из произведений Кленовича мы узнаем о тяжелых феодальных повинностях, налагавшихся на город сеньором. Автор рассказывает, что на городском совете лежала обязанность доставлять подводы местному феодалу, и бурмистру неоднократно приходилось отрываться от дел и идти «от суда в хлев, искать коней по конюшням»¹⁶⁹.

Кроме того, на бургомистров была возложена обязанность следить за состоянием дорог и копанием прудов. Кленович насмешливо замечает: «Вместо управления и судов они следят за земляными работами. Когда начнут копать пруды, то ты уж, господин бурмистр, оставь другие дела: уж ты, брат, с соломенной подстилкой и навозом¹⁷⁰ прежде всех мчись... Мчись прежде чем сойдется народ к прорыву, а если придешь позже, то получишь от старосты рукояткой по хребту»¹⁷¹.

Кленович рассказывает также и о барщине, выполнявшейся горожанами в пользу местного сеньора: «Когда начинается пахота, то открывает ее бурмистр. Плуг его впереди выезжает, а городские серединой, простаки в конце. Народ поет, а пану мило слушать эту «вечерню»»¹⁷².

Классовая борьба в польских городах так же, как и в городах Западной Европы, принимала в этот период различные формы. В истории польских городов мы наблюдаем борьбу города с сеньором, борьбу между цехами и патрициатом, борьбу между мастерами и подмастерьями с учениками, борьбу между купцами и ремесленниками. Социальная борьба в городах переплеталась с национальной. Так, например, Ян Остророг в своей работе «Об устройстве государства» (1474 г.) требует от немецкого купечества, чтобы оно говорило по-польски¹⁷³.

К сожалению, публицисты XVI в. почти не писали о классовой борьбе внутри городов, но в их произведениях содержится большой материал

¹⁶⁷ Modrzewski. O Naprawie Rzeczypospolitej, str. 90—94.

¹⁶⁸ S. F. Klonowicz. Worek Judaszów..., str. 40.

¹⁶⁹ Там же, стр. 36.

¹⁷⁰ Соломенные подстилки с навозом применялись для затычки бреши в плотине.

¹⁷¹ Там же, стр. 36.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ J. Ostroróg. Monumentum pro Reipublice ordinatione. В. кн. T. Wierzbowski. Jana Ostroroga Pamiątnik. Warszawa, 1891, str. 15.

о борьбе городов с дворянством. Об этой же борьбе свидетельствует и аноним XV в. «Песнь об убийстве Тенчинского»¹⁷⁴.

Экономическая политика шляхты наносила удар городам, в которых польское дворянство видело торгового конкурента. По статуту 1496 г. шляхта получила право беспошлинной торговли с заграницей. Статут 1538 г. освободил шляхту от торговых пошлин внутри страны. Горожане от этих пошлин не освобождались.

Ударом по городам явилось приобретение шляхтой права пропинации, т. е. исключительного права производства спиртных напитков.

Наступление шляхты на мещанство шло и в направлении установления такс на ремесленные изделия, целью которых было понижение цен на товары, выработанные в городах или привезенные купечеством. Цены же на сельскохозяйственные продукты не были регламентированы¹⁷⁵. Цены на городские товары контролировались подвоеводами, и за нарушение их виновный карался большим штрафом, конфискацией товара и даже лишением права заниматься ремеслом. Таким образом, польское дворянство в сильной степени препятствовало развитию городов.

Дворянство все больше и больше замыкалось в узкую касту. По сеймовому постановлению 1505 г. шляхтич, занимавшийся ремеслом, лишался шляхетства. Это постановление касалось главным образом безземельной шляхты-голоты, искавшей себе средств к существованию.

Польское мещанство было полностью отстранено от участия в общественной и политической жизни страны. По статуту 1496 г. мещанам было запрещено занимать высшие церковные и светские должности, за исключением пяти должностей в кафедральных соборах для лиц, обладавших высшим научным цензом. Но в XVI в. рядом сеймовых постановлений были отменены и эти должности.

Против таких постановлений выступил Кленович. В «Победе богов» он восклицает:

Почему же и тебя, ксендз, соблазняют благородство происхождения, чудные звери в гербовой печати?

Дедовские гербы и каких-то чудовищ ты раскрашиваешь и оттискиваешь на воске И полагаешь, что недостойн епископской тиары тот,

Кто не украшен гербом и старым пергаментом¹⁷⁶.

Шляхта принуждала мещан распродавать свои земли вне городов. Она теснила мещан со всех сторон. До середины XV в. мещанин, привлеченный к суду шляхтичем, отвечал перед городским судом, но в дальнейшем шляхта провела постановления, по которым дела об убийстве или ранении шляхтича или его крестьянина мещанином были переданы в ведение шляхетских судов.

Шляхта добилась издания статуты, которые запрещали мещанам подражать ей в одежде. Против этого запрещения выступил Моджевский. Он отмечал, что шляхта, запретив мещанам богато одеваться, думала лишь о том, чтобы во всем, вплоть до одежды, провести резкую черту между господствующей шляхтой и ущемленным мещанством. По этому поводу Моджевский пишет: «Разве это хорошо, когда кто-нибудь, увлекшись излишними нарядами и всяческой роскошью, хочет, чтобы для других были писаны уставы скупости. Ты хочешь, чтобы ни один человек простого со-

¹⁷⁴ Аноним опубликован в „Albumie Literackiem“ (Warszawa, 1848, str. 301—302).

¹⁷⁵ J. Rutkowski. Op. cit., str. 182.

¹⁷⁶ S. F. Klonowicz. Victoria Deorum. В кн. L. Kondratowicz. Dzieje Literatury w Polsce od pierwiastkowych czasów do XVII wieku, t. III. Warszawa, 1875, str. 11.

словия, хотя бы он и был солидный и украшенный какими-нибудь достоинствами, не одевал золотую цепь только потому, что он не шляхтич, и не ходил в какой-нибудь дорогой одежде или шубе»¹⁷⁷.

Таким образом, Моджевский и в этом вопросе был прогрессивнее других публицистов. Для сравнения отметим, что Ян Остророг в трактате «Об устройстве государства» заявлял, что мещане должны отличаться одеждой от шляхты¹⁷⁸.

Подводя некоторые итоги, следует подчеркнуть, что восстановление крепостничества и экономическая политика польского дворянства тормозили дальнейшее развитие городов и нарождающейся буржуазии. Недостаточная зрелость городов, слабое развитие внутреннего рынка и отсутствие действительной централизации государства обрекли Польшу в будущем на потерю своей самостоятельности. Недаром Энгельс писал о Польше XVIII в.: «Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель»¹⁷⁹.

ПОЛЬСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ О ДВОРЯНСТВЕ

Верхушку господствующего класса составляли крупные магнаты — можновладство. Они были независимы от королевской власти, имели войско, занимали высшие должности в государстве, собирали налоги с подвластного им населения и т. д. Между магнатами и шляхтой-рыцарством шла непрерывная борьба, которая мешала централизации государства и всячески способствовала развитию анархии.

Польские короли, не имея поддержки в городах, не смогли использовать эту внутриклассовую борьбу в интересах укрепления центральной власти и шли на поводу у дворянства¹⁸⁰.

Отражение борьбы между шляхтой и можновладством мы находим в произведениях польских публицистов. Рей, например, считает богатства светских и церковных магнатов одной из причин войн между государствами. Он пишет: «Вы, духовные и паны (магнаты. — Л. В.), которые имеете много в мешках, стерегите замки и костелы, чтобы от них не остался один пепел, ибо в них много золота и серебра, на которые посягает неприятель»¹⁸¹.

Магнаты, замечает Рей, не думают о благе государства. В случае военных действий они не сражаются рядом со шляхтой, а сторожат свои сундуки. Образно рисует Рей такого Гарпагона: «Золото и серебро и ночью в углах блестит, а за это не одного бедняка ограбит. На шее висит цепь, на пальцах кольца... а сам милейший пан подобен свинье»¹⁸². Рей иронически замечает, что богач, «как собака на цепи, все служит сундуку», но богатство это ему впрок не идет. При жизни он им не пользуется, из жадности

¹⁷⁷ Modrzewski. O Naprawie Rzeczypospolitej, str. 121—122.

¹⁷⁸ J. Ostroróg. Op. cit., str. 29.

¹⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 159.

¹⁸⁰ Не следует, однако, переоценивать значение фракционной борьбы в господствующем классе Польши. Магнаты скоро восстановили и укрепили свои позиции, используя для этой цели голоса многочисленной шляхты-голоты, значительная часть которой играла роль прилебателей при можновладских дворах. При ее содействии магнатам нетрудно было влиять на деятельность сеймиков и на выборы депутатов Посольскую избу польского сейма.

¹⁸¹ M. Rej. Krótka rozprawa..., str. 41.

¹⁸² M. Rej. Wizerunek..., str. 27.

живет в нищете, а после смерти у него все растащат «монахи, попы и жаки»¹⁸³.

Могущественные магнаты ущемляли интересы мелкого и среднего дворянства. По этому поводу Рей замечает: «Толстый как хочет, так и скачет, а худым это вредит, и они от этого только приходят в упадок»¹⁸⁴.

Моджевский так же, как и Рей, считал магнатов, попирающих права и интересы других сословий, главными врагами общественного блага. Они, говорит Моджевский, посягают на чужое имущество, дают лживые клятвы, изменяют родине¹⁸⁵.

Антимагнатские мотивы выражены и в творчестве Кленовича, который рассказывает о произволе магнатов: «Есть люди, которые крадут и земли. Они неправильно проводят границы, распахивают межи, затопляют чужие луга прудами, забор неправильно строят на чужой земле, захватывают своей каменной стеной чужие земли. Предательски относясь к соседу, уменьшая чужие владения, они расширяют свои, захватывают чужие пергаменты, а старые печати они ни во что не ставят»¹⁸⁶.

Крупные магнаты окружали себя придворными дворянского происхождения, обязанности которых довольно часто бывали унижительны. Дворяне должны были оказывать личные услуги, а иногда служить для потехи своему сеньору. При дворах магнатов концентрировалось большое количество бездельников и туенядцев, что вызывало насмешку и осуждение передовых польских публицистов. Моджевский по этому поводу пишет: «А не знаю, где бы и при каком образе жизни могла бы быть большая свобода для безделья, чем при дворах больших панов, где бывает огромное количество слуг. Большая часть их не имеет никакого подобающего дела, а только ходит за паном своим. Когда он куда-нибудь идет, то они ведут его, когда он не отдыхает, тогда они стоят перед ним, улыбаясь, льстя, все панские дела и поступки восхваляя, а как только пан идет отдыхать или займется какими-нибудь своими делами, они все бездельничают. Это бездельничество дает им повод или путь к дурным играм, пьянству и другим непристойным делам»¹⁸⁷.

Не только Моджевский касался вопроса жизни дворян при дворах магнатов. Об этом повествуют также Миколай Рей и Лукаш Гурницкий (1527—1603 гг.).

Борясь с магнатами, шляхта стремилась к ограничению роста их земельных владений, к уменьшению их политической власти.

Результатом борьбы шляхты с королевской властью, католическим духовенством, с магнатами, городами и сопротивлявшимся закреплению крестьянством явилось создание уникальной дворянской республики, которая казалась рыцарству других стран идеалом.

В «Крестьянской войне в Германии» Ф. Энгельс, анализируя программу Ульриха фон Гуттена, замечает, что идеалом последнего было «установление дворянской демократии с монархом во главе, наподобие той, которая существовала в лучшие дни блаженной памяти польской республики»¹⁸⁸.

Польские и некоторые русские буржуазные историки сочиняли целые

¹⁸³ M. Rej. Wizerunek... , str. 77.

¹⁸⁴ M. Rej. Krótka rozprawa... , str. 57.

¹⁸⁵ A. F. Modrevius. Op. cit., str. 104.

¹⁸⁶ S. F. Klonowicz. Worek Judaszów... , str. 22.

¹⁸⁷ Modrzewski. O Naprawie Rzeczypospolitej, str. 90.

¹⁸⁸ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 67. (Разрядка Ф. Энгельса. — Л. В.)

панегирики польской шляхте того времени. Вот как, например, отзывается о шляхте Ф. Уманец, проповедник «прежнего духа шляхты»: «польская шляхта XVI века была вполне самостоятельной и полезной для государства силой»¹⁸⁹. В работах Г. Шмитта¹⁹⁰ также звучат дифирамбы шляхте.

Эти в корне ложные утверждения опровергаются указаниями Ф. Энгельса о том, что польская шляхетская республика не может рассматриваться как прогрессивная форма государственного строя: «Покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше... является одной из самых грубых общественных форм...»¹⁹¹.

Эта форма правления несла в себе в зародыше те причины, которые обусловили гибель Польши как самостоятельного государства в конце XVIII в.

Прогрессивные польские публицисты, которые уже в XVI в. видели нарождающийся кризис государства, в своих произведениях с исключительным сатирическим мастерством отразили пороки и вырождение господствующего класса Польши.

В этом вопросе их творчество сближается с творчеством русского публициста митрополита Даниила¹⁹². Так же как и последний, критикуя порчу нравов в среде дворянства, обжорство, попойки, дорогостоящую охоту и пр., Рей и Моджевский обвиняли шляхту в том, что подати, стоившие крестьянам огромнейшего напряжения и трудов, идут на обжорство и пьянство помещиков. Рей, например, пишет о пане: «Все, что в течение года для него выработают мужики, все за неделю вливает себе в брюхо»¹⁹³. В другом произведении Рей говорит, что обжорство помещиков вызывает проклятья бедных людей, из которых одни плачут потому, что с них ради этих излишеств содрали три шкуры, а другие потому, что они не могут купить себе куска хлеба, так как помещичьи экономы все заранее скупили¹⁹⁴. Рей беспощадно критикует пороки современного ему общества, разврат и распущенность дворян, их бессмысленные и азартные игры и т. п. Он с иронией рисует погоню дворян за внешним блеском. Во время приема гостей у помещика на столе «все блестит золотом — курицы, орлы, зайцы, а за позолотой гниль и слизь... Вот тот, что с позолоченными ушами, еще в пятницу варился, и только в воскресенье его подали к столу... Вот торт из хлеба и миндаля, он приготовлен уже несколько дней назад»¹⁹⁵.

Метко высмеивает Рей пристрастие дворян к различным нарядам, экипажам и т. п.: «Если ты 10 покровов выдумал в одну неделю, все-таки каждый найдет своих поклонников. Если будет платье с большим воротником по самый пояс, то скажут: хорошо, красиво, удобно — и от ветра можно прикрыться и спина не так почувствует палочный удар. У другого платья не будет воротника и на палец — все-таки хорошо: можно свободно оборачиваться во все стороны и воротник не будет мешать»¹⁹⁶. Рей, Моджевский, Кохановский, Бельский выступали против шляхет-

¹⁸⁹ Ф. Уманец. Вырождение Польши. СПб., 1872, стр. 15.

¹⁹⁰ Г. Шмитт. История польского народа, т. 1—2. СПб., 1864—1866.

¹⁹¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 67.

¹⁹² В. Д. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. М., 1881, стр. 19, 25 и др., а также И. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947.

¹⁹³ M. Rej. Wizerunek... , str. 53.

¹⁹⁴ M. Rej. Żywot... , str. 124—125.

¹⁹⁵ Там же, стр. 123.

¹⁹⁶ Там же, стр. 121.

ского подражания заграничной одежде, говоря, что поляки совсем забросили свою национальную одежду. Рей писал: «Иных нарядов назвать и заказать себе не умеешь, а только прикажешь портному, чтобы сшил модное платье. И я слышал, что в чужих странах, когда случается нарисовать каждый народ (т. е. представителей разных народов. — Л. В.), поляка изображают нагого с ножницами в руках и куском сукна перед ним. Крои себе, как хочешь»¹⁹⁷.

Прогрессивные польские публицисты резко критиковали дворян, которые, не имея к тому никаких оснований, кичились своим происхождением. Как может пьяница и бездельник, возмущается Рей, восхвалять свое аристократическое происхождение. «Посмотрите, он, как кабан, лежит и только жиреет. Ведь мы не для того созданы, чтобы только жрать и, набив брюхо, подыхать как свиньи»¹⁹⁸.

Он замечает, что люди, увидев человека с золотой цепью на шее, подобоострастно ему кланяются. «Видно, если бы на осла надели золотую цепь, то ему бы издавела оказывали почести»¹⁹⁹. Нельзя гордиться также гербами и предками, говорит писатель, так как обладатель их может оказаться совершеннейшим ничтожеством: «И волк стал бы шляхтичем, если бы ему дали герб, но все-таки его везде считали бы негодяем, так как гербы не спасут от дурных обычаев»²⁰⁰. Рей замечает, что благородство достигается только личными заслугами человека.

Кленович, так же как и Рей, говорит о вырождении аристократических фамилий. Ведя доказательство от противного, он в произведении «Мешок Иуды» рисует шляхтича, который целые дни лежит в постели. Он пьянствует, опускается, проматывает все свое состояние, но не хочет работать. Однако, чтобы не умереть с голоду, он начинает с небольшого воровства. Кленович рисует этот процесс в развитии и показывает, как такой шляхтич постепенно переходит к разбою и грабегам²⁰¹.

В силу ряда причин (дробление поместий, захват крупными феодалами земель более мелких, мотовство помещиков и т. д.) в Польше того времени существовала большая группа безземельной шляхты. Часть ее заняла место прихлебателей при дворах магнатов, а часть добывала средства к существованию на большой дороге. Поэтому в Польше XVI в. были повсеместно распространены грабежи и разбои.

Моджевский с гневом указывает на тех дворян, которые существуют лишь грабежами. Он пишет: «У нас найдешь не одного, который кроме шляхетского титула не имеет ничего, чем бы он мог похвастать: человек без имущества, без славы, на которого ничего не сеют, не жнут, дохода тоже никакого не платят, но такой обычно имеет немало слуг и коней... В его доме, — говорит далее Моджевский, — нет ничего, кроме оружия, и этим оружием он страшен всем соседям... Ему ни один сосед не может воспротивиться... ни один не смеет ни вызвать его в суд, ни объявить старосте...»²⁰². Своими нападка на жизнь «непорочной шляхты» польские публицисты стремились доказать, что дворянство само ведет государство к гибели. Нужно было иметь много смелости, быть людьми непреклонных принципов, чтобы выступить в период безграничного господства шляхты с критикой ее устоев, с критикой того, чем шляхта гордилась, называя это своей «золотой вольностью».

¹⁹⁷ M. Rej. Żywot... , str. 120.

¹⁹⁸ M. Rej. Wizerunek... , str. 53.

¹⁹⁹ Там же, стр. 144.

²⁰⁰ Там же, стр. 149.

²⁰¹ S. F. Klonowicz. Worek Judaszów... , str. 63—64.

²⁰² A. F. Modrevious. Op. cit., str. 50.

АНТИКАТОЛИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЛЬСКИХ ПУБЛИЦИСТОВ

Католическая церковь в Польше представляла как бы особую церковную республику, «государство в государстве». На своих соборах, созывавшихся по собственному усмотрению, католический клир решал, помимо церковных, также и общегосударственные вопросы, в том числе и вопрос о субсидии на ведение войны. Духовенство имело свои собственные церковные суды, где часто разбирались дела светского характера. Кроме того, духовенство, как и везде в Европе, не несло военной службы, не платило государственных податей и получало десятину. Большие денежные суммы, уплывавшие в Рим, вызывали в Польше всеобщее недовольство. Раздражение, вызванное господствующим положением католической церкви, борьба классов, развивавшееся национальное самосознание — все это подготовило почву для реформации в Польше. Но ввиду слабости польской буржуазии шляхта захватила в свои руки инициативу и постаралась приспособить реформационное движение к своим интересам.

В XVI в. в Польше распространяются гуситская церковь («Чешские братья»), кальвинизм, лютеранство, цвинглианство и другие реформационные течения. Наиболее радикальным из них было учение «братьев польских» — ариан-антитринитариев, возникшее во второй половине XVI в. Это течение не было однородным. К нему примкнула часть шляхты, крестьянство и плебейские массы. В то время как шляхта пыталась использовать арианство в качестве орудия против католического духовенства и в некоторых случаях заимствовала его рационализм, направленный против католической мистики, среди угнетенных слоев населения его положения и идеи истолковывались как призывы к социальному освобождению. Демократическое крыло «братьев польских», связанное с движением городских низов и части крестьянства, провозглашало наиболее радикальные лозунги польской реформации. Его идеологи говорили о том, что все люди — братья и поэтому ни один человек не имеет права угнетать другого, требовали равноправия для женщин, выступали против войн. Арианские проповедники (Шимон Будный, Павел из Визны, Якуб из Калинки и др.) выступали против крепостной зависимости. Под влиянием их идей некоторые помещики-ариане освободили своих крестьян от крепостной зависимости²⁰³. Ариане, на территории, принадлежавшей одному из них, zaloжили город Раков, в котором все должны были быть равны и жить и трудиться на равных основаниях, а женщины пользоваться одинаковыми правами с мужчинами. В Ракове были построены протестантские школы, типографии, в город съезжались со всех концов земли молодежь и ученые²⁰⁴.

Протест этого радикального крыла польской реформации против господствовавших феодальных отношений заставил объединиться католиков, лютеран, кальвинистов и других для совместной борьбы с арианами. Кроме того, их критика феодального неравенства оттолкнула от них умеренных ариан, перешедших в противоположный лагерь.

В результате успешного контрнаступления католицизма польская реформация потерпела поражение. Причины неудачи реформации в Польше можно свести к следующим.

1. Поскольку главной силой польской реформации являлась шляхта, — реформация не была выражением борьбы новых общественных сил против феодализма. Шляхетский характер польской реформации прежде всего обусловил ее поражение.

²⁰³ Ż. Kormanowa. Historia Polski. Warszawa, 1949, str. 15.

²⁰⁴ Там же, стр. 15.

2. Новой силой реформации могла бы стать польская буржуазия, но ее незрелость не позволила ей возглавить движение.

3. Шляхта больше всего боялась крестьянских восстаний, и нарастание классово-борьбы, появление левого течения в реформации заставило ее отойти от движения и вернуться в лоно католицизма.

4. Разграбив часть костелов и церковных земель, присвоив на некоторое время десятины католической церкви и несколько ослабив последнюю, шляхта вновь приняла католицизм.

5. Польско-литовская агрессия в ходе ливонской войны, а также экспансия в украинские и белорусские земли дали шляхте новые возможности получения земельных владений.

6. Существование множества реформационных партий и сект, враждовавших друг с другом, препятствовало созданию единого фронта в борьбе с католицизмом и облегчило подавление реформационного движения.

7. Привлечение в Польшу иезуитов дало мощное оружие католической церкви для борьбы с реформацией.

В результате выгоду от реформации получило лишь крупное дворянство, захватившее часть церковных богатств.

Идейная борьба в польском обществе в эпоху реформации нашла яркое отражение в публицистике и художественной литературе²⁰⁵. Она способствовала развитию национальной литературы и формированию польского литературного языка. Возникла новая литература, для которой были характерны дух критицизма и независимость суждений.

В своих произведениях прогрессивные публицисты (Рей, Моджевский, Кленович, Гурницкий) подвергали критике католическую церковь, высмеивали алчность духовенства, его хитрость, вымогательства, разврат, прикрываемый набожностью, и т. д.

С иронией писал Рей, что ксендзы больше интересуются приношениями прихожан, чем церковной службой, в костеле визжат поросята, кудахчут куры, а на алтаре считают яйца²⁰⁶.

Кленович бичевал представителей католической церкви, обиравших народ, выдумывавших разные предлоги для поборов вроде продажи «слез божьей матери», «мазей Христа» или сборов денег на постройку нового костела. Кленович разоблачал также мнимые «чудеса» и «видения», при помощи которых церковь обманывает простой народ: «Великий свет возник в сосновом бору на пне, на чудной возвышенности, — значит этот обман

²⁰⁵ Критике католической церкви уделял значительное внимание наиболее крупный предшественник прогрессивных польских публицистов XVI в. Ян Остророг (родился около 1436 г., умер в 1501 г.), доктор прав, воевода познанский, написавший для одного из сеймов „Записку об устройстве государства“. На возникновение этого произведения несомненно оказали влияние потребности современного ему общества, учение Гуса и гуманизм. Передовой человек своего времени, Остророг воспринял идеи века, которые были порождены экономическим и социально-политическим развитием Польши, и, систематизировав их, отразил в своем трактате. В нем Остророг выступил как сторонник абсолютизма. Центральной идеей его работы является мысль о том, что светская власть выше духовной. Для подчинения церкви королевской власти Остророг предлагает следующее: 1) епископов должен назначать не папа, а польский король (в данном случае Остророг возобновляет давний спор об инвеституре, который был вызван стремлением королевской власти освободиться от церковного вмешательства); 2) духовенство не должно иметь привилегий и обязано нести общегосударственные повинности (главным образом военную), наравне с другими сословиями; 3) по мере необходимости король может заставить церковь платить налоги; 4) отменить десятины и аннаты папе; 5) чтобы папа не вмешивался во внутренние дела Польши, а шляхта освободилась от духовной юрисдикции, — четко разграничить светские и церковные вопросы (J. Ostroróg. Monumentum pro Reipublica ordinatione. В кн. T. Wierzbowski. Jana Ostroroga Pamiętnik. str. 7—9).

²⁰⁶ M. Rej. Krótka rozprawa... str. 10.

щик утверждает, что он видел собственными глазами святую деву, которая ему приказала славить бога и на этом месте он выманивает деньги и продукты ... и богатеет от этого обмана»²⁰⁷. Успех одного мошенника, говорит дальше Кленович, не дает покоя другим. «Захудалые попики (klieszkowie) и простые монахи, видя, что так много прибывает гостей, бросают иногда свой старый костел и отправляются на отпущение грехов от своего старого прихода. Идут туда за хлебом, за глупой жертвой; куры, яички, монету, караван хлеба сдирают, помогают простакам по-старому заблуждаться»²⁰⁸.

С едкой иронией замечает Кленович, что плут-священник собирает «так много и так быстро, что даже не успевает в ответ каждому сказать «бог воздаст»²⁰⁹. Когда деньги на «святых» собраны, «он ключом святого Петра отпирает депозит и страшные поборы берет со святых. Он строит не костел, а себе дома...»²¹⁰.

Не ограничиваясь поборами на постройку костелов, католический клирищет новых и новых путей для вымогания денег у доверчивых прихожан.

В руках церкви находились больницы и приюты для бедных. Кленович замечает, что в них открывалось широкое поле деятельности для предприимчивого духовенства: «Но и те, которые имеют в своей власти больницы, хотя в сутанах ходят, как какие-нибудь пророки, хотя кажутся набожными и суровы лицом, однако ведь от них терпят угнетение бедняки»²¹¹. Они, говорит писатель, присваивают себе деньги, предназначенные для нужд бедных. «Ни Христос, ни бедные этим не воспользуются. На эти деньги сами только неверные иуды жиреют. Больницы алчут, забнут, бедствуют, а эти людям реестрами глаза ослепляют»²¹².

В своих произведениях прогрессивные публицисты рисуют пороки духовенства, выступают против постов, предписываемых католической церковью, индульгенций, монастырей и т. д.

Рей выступал также против celibата, так как считал, что безбрачие духовенства введено для прикрытия разврата священников. Он замечает, что священники соблазняют чужих жен, обещая уменьшить или снять десятину. Он пишет: «Они себе для того запретили супружество, чтобы легче было развлекаться с чужими (женами. — Л. В.), ибо если не красотой, то десятиной соблазняют госпожу хозяйку»²¹³.

Являясь противником монастырей, Рей возмущается тем, что молодых здоровых девушек, которым хочется танцевать, родители отдают в монастырь, где с ними жестоко обращаются злые «крикливые, как гусыни», игуменьи²¹⁴. Он замечает, что лучше было бы этих «христовых невест» отдавать замуж.

Во всех своих произведениях писатель, снимая покровы «святости» с духовенства, показывает его истинное лицо. Он говорит, что «святые отцы» развратничают и пьянствуют в винных погребках. «Достаточно мучеников можно найти в погребке. Если внимательно поищешь часик с вечера, то ты найдешь там иногда и конфессора и приора»²¹⁵. Рей не боится в своих произведениях нападать на высших католических иерархов — на епископов и папу римского. Он показывает их корыстолюбие и лживость

207 S. F. Klenowicz. Worek Judaszów..., str. 79.

208 Там же.

209 Там же, стр. 82.

210 Там же.

211 Там же, стр. 83.

212 Там же.

213 M. Rej. Wizerunek..., str. 93.

214 Там же, стр. 65.

215 Там же, стр. 205.

(«Шуточки»), показывает высокомерие папы, считающего себя земным богом. «Удивительная это вещь, кто смеет на бога живого покушаться, присваивая себе его место, забыв как был отмщен этот гордый чорт за его чванство... То же будет и нашему папе»²¹⁶.

В произведении «Зеркало» Рей словами приходского священника разоблачает различные преступления крупного духовенства, которые остаются безнаказанными. «Мелких воришек вешаете, большим низко кланяетесь», — пишет он.

Рисуя бесчисленные пороки духовенства, Рей угрожает ему небесными карами, замечая, что после смерти уже не помогут никакие индульгенции и священники прямой дорогой попадут в ад. Высмеивание Реем устоев католической церкви, его острая критика католического духовенства, многочисленные тяжбы с церковниками вызвали жгучую ненависть католиков. В своих пасквилях они называли писателя «распущенным дьяволом», «драконом из Окши», «Сарданапалом Нагловским», «пройдохой» и т. д. Более радикальными мерами церковь не решалась бороться с писателем, так как его популярность в кругах буйной шляхты в эпоху Реформации была велика, кроме того, у писателя были могущественные покровители среди магнатов, и даже польские короли Сигизмунд I и Сигизмунд II Август относились к нему весьма благосклонно. Высокопоставленные покровители Рея ценили его литературный талант, но они плохо знали его как социального мыслителя, так как все свои социально заостренные произведения Рей выпускал под различными псевдонимами. Однако после смерти писателя, как мы уже указывали выше, его произведения были смешаны с грязью, а затем реакция предала его имя забвению.

Кленович также подвергся преследованиям церкви. Его произведение «Победа богов» было сожжено, а о нем самом иезуиты писали, что он, умирая в иезуитской больнице, будто бы «раскаялся» в своих нападках на церковь.

Моджевский, пытавшийся примирить идеи католицизма и протестантизма, преследуемый церковью, изгнанный из родного дома, вынужден был скитаться по чужим именьям, ища временного приюта.

Так католическая церковь расправлялась с людьми, поднявшими на нее руку.

ПОЛЬСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ О СУДАХ И ЗАКОНАХ

Польское судоустройство целиком отражало классовый и сословный строй общества. Существовали, например, особые суды для шляхты, мещан, духовенства. Органами шляхетского суда были городские, земские, подкоморские суды, а с 1578 г. Стефаном Баторием был создан высший суд — «коронный трибунал» (до его образования все апелляции шли к королю и в сейм).

Органами мещанского суда были суд рады по гражданским делам и суд войта по уголовным делам. Апелляции на решения этих судов шли в надворный асессорский суд во главе с канцлером. Сложные процессы разбирали надворный реляционный суд, в котором участвовали король и сенаторы.

Крестьяне в частновладельческих имениях подлежали суду солтыса и помещика, а в королевских — суду короля. Крестьяне духовных имений подлежали судам церкви.

²¹⁶ M. Rej, *Zwierzyniec, w którym rozmaitych stanów ludzi, zwierząt i ptaków kształty, przypadki i obyczaje są właśnie wypisane*. Kraków, 1895, str. 192—193. (Далее — *Zwierzyniec*.)

Духовенство судилось в суде епископа и примаса. Высшей инстанцией для него являлась пунциатура.

В этих судах по разным законам судились шляхтич и мещанин. Нигде в такой мере не было распространено взяточничество, как в польских судах. Неразбериха и безалаберность, злоупотребления и подкупы, царившие в польских судах XVI в., вызвали резкую критику передовых людей той эпохи.

Рей, вскрывая взяточничество и продажность хищных судебских чиновников, писал, что судебный процесс можно выиграть лишь при наличии больших денег. Он восклицает: «О, жалкие наши законы, о, жалкие наши суды, везде добродетель ущемлена, везде ее обманывают. Пусть будет какой хочешь бурмистр или советник, расплетет эту слабую сеть (правосудия. — Л. В.) золотое шило»²¹⁷.

Рей рассказывает, что множество людей, апеллирующих в высшую инстанцию, съезжается на сеймовые суды, которые тянутся бесконечно долго и не дают справедливого решения беднякам. Рей обвиняет депутатов сейма в продажности и корыстолюбии. Он часто называет их «пустыми головами» и «ослами». Его возмущает, что депутаты, облеченные доверием своих избирателей, занявшие такую высокую и ответственную должность, не оправдывают возложенных на них надежд. «Пусть только появится какой-нибудь частный интересец и не только свой собственный, но пусть затронут монаха, ксендза, пана, старосту, воеводу или какого-нибудь чиновника, или шурина, или дядю, или какого-нибудь родственника, сразу услышишь быструю ложь...»²¹⁸.

Моджевский отмечает неправильный порядок следствия, по которому свидетели выступают сразу же после обвиняемого и часто слово в слово повторяют его показания, он отмечает также практиковавшиеся подкупы свидетелей. Вследствие того, что судебный приговор был устным, отмечает Моджевский, и часто неточно формулировался, его можно было толковать в любую сторону.

Моджевский рассказывает об очень характерной черте польского суда: «Нужно запретить, чтобы в суд приходила толпа вооруженных людей, ибо для чего эти толпы и оружие. Только для устрашения судьи и противника. Я слышал от некоего большого мужа, хорошо знающего суды, что уже долгое время не было известно суда такого рода между могущественными людьми и людьми низкого общественного положения (*infimae sortis*), в котором бы богатый, хотя и виновный, осуждался. А если бы случилось богатому пасть, тогда он и судье и противнику строил бы козни и угрожал бы опасностью»²¹⁹.

В Польше, как и в других странах Западной Европы, существовали всевозможные государственные законы, составлявшие огромные своды. К ним каждый сейм добавлял новые постановления. Королевские мандаты, иногда шедшие вразрез с уже существующими законами, создавали еще большую путаницу. И, конечно, ни один судья не мог правильно ориентироваться в этом множестве законов и постановлений, и решение того или иного дела зависело не от правоты обвиняемого или истца, а от степени заинтересованности судьи. Народ не знал и не понимал этих законов, обычно довольно туманных и запутанных. Между тем господствующий класс, используя услужливых адвокатов и судебных чиновников, умело направлял эти законы против народа.

²¹⁷ M. Rej. *Wizerunek...*, str. 151.

²¹⁸ M. Rej. *Zywot...*, str. 76—77.

²¹⁹ A. F. Modrevius. *Op. cit.*, str. 137.

В разных частях Речи Посполитой, кроме того, существовали разные законы. Таким образом, то, что разрешалось в одной части Польши, запрещалось в другой. Моджевский, интересовавшийся этим вопросом, замечает: «Действительно странно, что те, которые живут в одном государстве и являются подданными одного короля, пользуются различными законами. Почему то имущество, которое мне дает Хелминское право, отнимается у меня Магдебургским правом, почему согласно Польскому праву имущество умершего брата у живой сестры отнимают, а это же имущество присуждается сестре Мазовецким правом»²²⁰.

Для избежания разнобоя в законодательстве по одному и тому же вопросу, для пересмотра многих несправедливых законов, для уменьшения числа законов Моджевский предлагает создать свод законов, общий для всего государства²²¹.

По мнению Моджевского, к числу несправедливых законов относятся те, которые защищают господствующие сословия в ущерб народным массам, в то время как закон должен не угнетать, а защищать бедных. Таким образом, прогрессивные польские публицисты прекрасно понимали классовость польских законов, поставленных на службу феодалам, и называли эти законы несправедливыми.

К числу таких законов Моджевский относит и закон о «беспольном солтысе». Он говорит: «Видимо те, которые установили закон о солтысах, были панам солтысов и поэтому установили такой закон, какой они хотели»²²². Причину его появления писатель видит в алчности и самоуправстве панов.

Моджевский критикует также и тот закон, по которому вора за любую кражу присуждают к смертной казни. Он предлагает отменить его и дать ворами возможность исправиться, используя их в качестве рабочей силы на внутригосударственных работах и войнах²²³.

Особенно резко Моджевский выступает против закона о человекоубийстве. Его возмущает разница в наказании за убийство дворянина и недворянина. Отдельваясьсь легким штрафом, дворяне могли безнаказанно убивать мещан и крестьян. Поэтому количество убийств с середины XVI в. значительно возросло²²⁴.

Моджевский понимает, что такой закон возник не случайно, а на почве социального неравенства, и издан в интересах господствующего класса, поэтому он говорит: «Вполне ясно, что большинство (из сенаторов. — Л. В.) защищают денежный штраф из ненависти к плебеям и из любви к дворянам». В подтверждение своих слов Моджевский приводит примеры из жизни. Он рассказывает о том, как шляхтич убил человека недворянского происхождения и его преступление осталось безнаказанным.

²²⁰ A. F. Modrevious. Op. cit., str. 146.

²²¹ Против обидия и несправедливости польских законов уже в XV в. выступил Ян Остророг, который в „Записке об устройстве государства“ предлагал создать один свод законов для всех граждан государства: „У нас одни законы для шляхты, другие для плебеев, одни польские, другие тевтонские. . . Разумнее, чтобы все жители государства одним законом одинаково могли бы судиться“. Praeterea aliud nobiles ius habent, aliud plebei, unum polonicum, aliud theutonicum. . . Quare rationi magis consonum sit et reipublicae utile, ut naturale constituatur ius omnium particularibusque annihilatis“ (J. Ostroróg. Monumentum pro Reipublica ordinatione. В кн. T. Wierzbowski. Jana Ostroroga Pamiętnik; str. 18).

²²² Там же, стр. 144. О применении этого закона на практике см. выше.

²²³ Там же, стр. 113. Об этом же говорит и Рей (см. M. Rej. Zwyerciadło. . . , str. 248).

²²⁴ T. Czacki. O Litewskich i Polskich prawach, t. II. Kraków, 1861, str. 129—130.

«Произошло в некоем многолюдном городе, что некий *satelles*, человек простого рода, был ранен шляхтичем (имени которого я из-за своей честности не назову). Этот раненый побежал тотчас же к хирургу, чтобы перевязать рану, но потом, или изгнанный из дома хирургом, либо уйдя добровольно, был на улице убит. Этот шляхтич, так храбро совершивший дело, до тех пор, пока хотел, в этом городе без наказания проживал»²²⁵.

Моджевский требует, чтобы власти тотчас же задерживали преступников и наказывали их. Бывают, правда, случаи, говорит Моджевский, когда власти вдруг решаются наказать преступника и разыскивают его. Но виновным в любом случае оказывается не шляхтич, а человек недворянского происхождения. «Случилось в одном уезде, что двое людей — один плебей, а другой дворянин, оба богатые и земли имели достаточно, жестоко ранили одного человека, хотя не такого, как они, но все же шляхтича. Этого раненого отвели к *цирульнику*, но так как некоторые из нанесенных ему ран были смертельны, то через месяц или два он умер... После того, как этот человек умер от ран, тотчас же стали искать человека простого сословия, а когда он предстал перед лицом судьи, то за ним признали вину, а потом ему отрубили голову. Ибо есть такой закон, согласно которому, если человек простого сословия убил дворянина (если этот дворянин не сам первый упал) или сделал его хромым или тяжело ранил, то он должен быть за это казнен, — а тот шляхтич (соучастник убийства. — Л. В.) еще жив и живет среди людей»²²⁶.

Польские законы установили наказание для шляхтича за убийство крестьянина 10 гривен штрафа, а за убийство шляхтича — 100 гривен, а с 1557 г. — 120 гривен и заключение в башню²²⁷. Считалось, что при строгом режиме из башни редкий выйдет живым. Но на самом деле богатым узникам делались большие поблажки. Моджевский свидетельствует о многочисленных бегствах заключенных из башен, об уклонении их от исполнения решения суда, а также о том, что никто не умирал в этих башнях. «Сколько людей на нашей памяти убиты в домах и на улицах в городах и деревнях, а кто же из этих убитых не убежал из тюрьмы. Но, предположим, что между многих сотен был один, который отсидел год на дне в грязи в башне. Какой он потом смертью умер? Предположим, что годовое сидение является более жестоким, чем смертная казнь, но ведь это за шляхетскую голову, а что за крестьянскую голову?»²²⁸.

Моджевский требует установления смертной казни для убийцы, настаивая на том, что за убийство крестьянина или мещанина убийцу нужно наказывать смертью без различия социального происхождения.

Необходимо отметить, что Моджевский не побоялся бросить обществу вызов в то время, когда шляхта для прикрытия своих классовых интересов создала «сословную теорию», согласно которой шляхта была «другой крови», чем крестьянство, так как она произошла от другого народа, который якобы подчинил себе местную народность. Отсюда позднее возникла знаменитая лженаучная «теория наезда».

Призывам Моджевского внимали другие передовые лица того времени, которые общими усилиями старались опрокинуть существовавшие реакционные воззрения на народ. Так, Мартин Бельский выступал с требованием смертной казни для убийцы крестьянина. Он писал: «Если кто

²²⁵ A. F. Modrevious. Op. cit., str. 48.

²²⁶ Там же, стр. 49.

²²⁷ Volumina legum, t. 2, str. 6—7, 12.

²²⁸ A. F. Modrevious. Op. cit., str. 115 (разрядка наша. — Л. В.).

убьет крестьянина, надо того казнить. У бога нет цен на жизнь человека. Разве это по божески установлено, что человек ценится в 10 гривен, а кобыла в 100 золотых»²²⁹.

ПОЛЬСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ О ВОЙНЕ И МИРЕ

XVI век в истории Польши — это время непрерывных войн с Османской империей, татарами, Тевтонским орденом и Русским государством. В то время как войны с первыми вызывались необходимостью сохранения национальной независимости Польши, войны с Русским государством были агрессивными и захватническими. Шляхта рассматривала эти войны как источник наживы и обогащения.

Иной точки зрения в вопросе о войнах придерживались передовые польские публицисты. Они видели, что войны, развязанные правящими классами, тяжелым бременем ложились на плечи польского народа, обескровливали и ослабляли страну. Поэтому Рей и Моджевский были ревностными поборниками мира. Первые страницы книги «О войне» Моджевский посвятил вопросам мира и дал первой главе такое заглавие: «Нужно всячески стараться, чтобы война была отдалена».

Моджевский взывал о мире ко всем гражданам. Он писал, что нужно бороться за мир всеми способами, создавать для этого союзы: «Такие союзы следует заключать людям не только одной религии, но также и разной»²³⁰. Моджевский стремился к установлению мира и союза между враждующими государствами. Он писал: «Нужно добиваться мира со всеми людьми. Я говорю о таком мире, который был бы устойчивым и длительным и который не содержал бы в себе никакого подлога. Ибо если кто-нибудь, прикрываясь миром, готовит против нас войну, то с этим уже нет истинного мира, а чем дальше ему дают отсрочку от войны, тем более готовым и могучим он будет на войне. Поэтому во время мира надо внимательно следить, что делают те люди, с которыми мы имеем какие-нибудь дела, чем они занимаются, с какими людьми держат советы. А если выяснится, что советы и дела их направлены к войне, нужно этому препятствовать всеми способами, только бы они были честными»²³¹.

Относясь отрицательно к войне, Моджевский признавал, однако, оборонительную войну как необходимую для обеспечения свободы и независимости своего народа.

Моджевский и Рей считали, что войны прежде всего отражались на положении крестьян, так как на них падало бремя военных налогов, у них отбирали запасы продовольствия, коней и волов. Они показывали бесчинства и насилия, чинимые дворянством над крестьянами, ту разнузданность, которая так ярко характеризует польское феодальное ополчение. «И таким способом немало опустошив родную землю, причинив людям насилие, выезжают против неприятеля, сопровождаемые рыданиями народа, желаящего им того, чтобы они никогда не вернулись», — писал Моджевский²³².

В том же духе высказывался и Рей: «Когда поссорятся два светских тирана, то они сидят в стороне, а другим попадает по головам... Двое, поссорившись, получают наслаждение, когда горят города, рушатся замки.

²²⁹ M. Bielski. Rozmowa nowych proroków dwu baranów o jednej głowie starych obywatelów krakowskich o przemienność niniejszego wieku naprzeciw staremu w porządkach w obyczajach i w sprawach ludzkich. Bibl. pisarzy polskich, t. IV. Kraków, 1889, str. 51.

²³⁰ A. F. Modrevious. Op. cit., str. 149.

²³¹ Там же, стр. 149—150.

²³² Там же, стр. 149.

Сколько погибнет невинных людей за это время, прежде чем пройдет развлечение двух упрямых... Если бы они на войне били один другого, но ведь всюду дерут невинного барана»²³³.

Моджевский рассказывает о том, что многие дворяне, отправляясь на войну, изменяли свои имена, чтобы свободнее грабить народ²³⁴.

В случае военного поражения, говорит Моджевский, больше всего достается мирному населению. «Королям и другим верховным панам, побежденным либо в битве, либо добровольно сдавшимся в плен, или прощается или мягче к ним относятся, чем они заслужили (*quam pro culpa*), хотя они и были причиной войны, а невинные, которые не заслужили наказания, которые не дали никакой причины войне, должны тяжело поплатиться»²³⁵.

Как и во всяком классовом государстве, в феодальной Польше посполитое рушение являлось не только орудием, обеспечивающим господство дворянства над крестьянами, но и орудием, при помощи которого шляхта ослабляла королевскую власть. Пользуясь отсутствием постоянной армии, она угрожала прекратить войну с неприятелем и тем самым вынуждала короля идти на все новые и новые уступки.

Польское феодальное ополчение в XVI в. уже не оправдывало возложенных на него задач. Осевшие по своим именам шляхтичи собирались на посполитое рушение неохотно. В нем царяла дезорганизация и мародерство, отсутствовала подготовка военных кадров.

В 1551 г. Моджевский в своей книге «О войне» предложил проект военной реформы, в основе которого лежало создание постоянной армии.

В то время, когда Моджевский предложил этот проект, в Польше по вопросу об армии имелись две точки зрения. Одни требовали создания наемной армии из иностранцев, оплачиваемой всеми слоями населения (по польским законам наемные войска содержал король, он же вел за свой счет войну, платил жалованье шляхте-рыцарству, если война продолжалась за границами государства). Другие, в том числе и Моджевский, выступали за создание постоянной армии, набранной из поляков.

Государственный фонд для содержания армии Моджевский предлагает составить главным образом за счет взносов дворян. Отмечая, что по вопросу о содержании армии созывались неоднократные сеймы, на которых все рассуждения кончались тем, что налагались налоги на крестьян и мещан²³⁶, Моджевский советует освободить крестьян и большинство мещан от военных податей²³⁷ и налагать подати лишь на тех мещан, которые имеют большие доходы. Однако его проект остался нереализованным.

Много страниц своей книги Моджевский посвятил проекту создания новой армии, правильно организованной, обученной, дисциплинированной, борющейся за правое дело, за оборону своего отечества. Он высказал уверенность, что государство, ведущее справедливую войну, обязательно ее выигрывает.

ПАТРИОТИЗМ ПОЛЬСКИХ ПУБЛИЦИСТОВ

Творчество прогрессивных польских публицистов пронизано любовью к родине, к родному народу и родному польскому языку.

В произведении Кленовича «Матрос» ярко передан образный язык матросов, чувствуется влияние польского и украинского устного народного

²³³ M. Rej. *Zwyrciadko...*, str. 228.

²³⁴ A. F. Modrevious. *Op. cit.*, str. 171.

²³⁵ Там же, стр. 156.

²³⁶ Там же, стр. 177.

²³⁷ Там же, стр. 178—179.

творчества. Так, например, он приводит сказку о трех купцах, истоки которой уходят в народное творчество. Купцы потеряли все свои товары и состояние из-за кораблекрушения. С тех пор купец Нетопырь (летучая мышь) прячется от кредиторов, купец Нурек (нырок) ныряет за своими бриллиантами, а третий — Еженувый Кеш (репейник) цепляется за платье людей, говоря, что оно из его сукна²³⁸. В поэме «Роксолания» Кленович приводит причитания плакальщиц, передает сказки о ведьмах и т. д.

В произведениях Рея «Шуточки», «Зеркало» (где он говорит о киевском богатыре Чуриле Пленковиче) также отчетливо видны следы народного творчества. Задачу своей жизни и деятельности Рей видит в служении родному народу. Он является одним из первых польских писателей, начавших писать на родном языке. Рей, как передовой представитель той части польского общества, которая отходила от латыни и культивировала польский язык в литературе, обращался к современникам с призывом любить родной язык, развивать его, гордиться им. С горечью говорит он о пренебрежении многих к польскому языку, об увлечении латынью: «Мы свой язык, правда не очень стройный, так забросили и унизили, что по временам сами собственный язык не понимаем»²³⁹. Борясь за развитие литературы на польском языке, Рей восклицает: «И пускай чужие народы знают, что поляки не гуси, свой язык имеют»²⁴⁰.

Следует отметить, что такие же мысли выражал и Лукаш Гурницкий, который в произведении «Придворный» защищал чистоту национального языка, выступал против засорения его иностранными словами. Гурницкий возмущался теми дворянами, которые «забывали» свой родной язык или считали его «грубым»²⁴¹. Он выражал также идею славянского единства и родственности языков: «Наш язык... родился очень давно из славянского и таким образом все языки: польский, чешский, русский, хорватский, боснийский, сербский, болгарский и другие, были сначала одним языком, как и народ один славянский»²⁴².

Глубокое понимание этими публицистами значения родного языка следует высоко оценить потому, что в XVI в., когда поляки еще не были оформившейся нацией, никто не сумел так высоко, как они, поднять вопрос о роли национального языка для развития культуры²⁴³.

Горячо любя свою родину, польские публицисты видели тяжелое положение основной массы народа и не могли согласиться с существующими порядками. Их произведения отразили антифеодалную борьбу крестьян, в них говорится о беспорядках в административном аппарате, о грабежах

²³⁸ S. F. Klonowicz. Flis., str. 51—52.

²³⁹ M. Rej. Zwyciadło... str. 210.

²⁴⁰ M. Rej. Zwierzyniec... str. 282.

²⁴¹ L. Górnicki. Dworzaniński. Kraków, 1858, str. 43.

²⁴² Там же, стр. 46.

²⁴³ Борьба за литературу на польском языке началась еще с первой половины XV в. В 1440 г. вышел трактат Якуба Паркошевича из Журавицы, посвященный польской орфографии. В нем автор, краковский каноник, находившийся под сильным влиянием передовых идей гусизма, выступил в защиту родного языка. В предисловии к трактату Паркошевича безымянный автор, ссылаясь на чехов и немцев, которые «все государственные акты, привилегии и другие вещи пишут на собственном языке при помощи латинских букв», сообщает, что с этой целью «с великой для себя опасностью» Якуб Паркошевич решил издать трактат о польской орфографии. Опасность, которая грозила автору трактата, была очень реальна. О ней свидетельствует выписка из актов духовного суда в Познани в 1455 г. против обвиняемого в гуситской ереси учителя Станислава, который читал книги, написанные на «языке посольства». Борьба за польский язык возобновилась в первой половине XVI в. В 1534 г. на сеймке в Сродзе раздавались голоса против запрещения переводов церковных книг и хроник на польский язык. Послы сеймика жаловались: «Тут нам большая кривда от ксендзов... каждый народ имеет на своем языке произведения, а нам ксендзы говорят быть глупыми».

и насилиях, об ужасах подневольного существования масс. Видя печальную картину жизни современной им Польши, они не только констатировали факты, но и делали попытки вскрыть их причины, найти выход из создавшегося положения. Однако их классовая ограниченность не позволила им увидеть правильные пути общественного развития; реформы и мирное сотрудничество сословий и классов — вот выход, который они предлагали. Причина тяжелого положения родины, по их мнению, заключалась в том, что все заняты своими корыстными целями и никто не заботится о благе государства. «Другому кажется, что лучше один сегодня, чем два завтра, что я имею, то имею, а после моей смерти пусть хоть небо упадет и жаворонков раздавит»²⁴⁴.

Только единство может обеспечить процветание родины, говорит Рей. К этой мысли он возвращается в ряде своих произведений. Например, в «Зверинце», в басне «О ласточке» писатель рассказывает, что когда крестьянин саял коноплю, ласточка предостерегала птиц об опасности, но когда у крестьянина уже были сети из конопли, она улетела под крышу. «Так же и мы, — говорит Рей. — Сначала предостерегаем друг друга об опасности, но когда придет беда, разлетимся в разные стороны, говоря: «гляди каждый за своим»»²⁴⁵. Этими словами Рей обличал дворянство, которое видело близкий упадок страны, но не обращало на это никакого внимания²⁴⁶.

* * *

Анализируя произведения польских публицистов и сравнивая эти произведения друг с другом, можно отчетливо увидеть, что в польской публицистике шла непримиримая борьба прогрессивного и реакционного направлений по всем основным вопросам экономической и политической жизни Польши.

Для реакционного публициста Гостомского крестьянин являлся прежде всего рабочим скотом, не имеющим никаких прав, и он советовал применять по отношению к нему строжайшие меры: бить его плетью, палками, сажать на цепь и т. д. Реакционные публицисты считали единственно полноправным классом лишь помещиков, а крестьян и мещан их бесправными слугами. Наконец, Гостомский выступал с программой поднятия доходности имений путем усиленной эксплуатации крестьян. Рей же, Моджевский и Кленович настаивали на смягчении феодальной эксплуатации, на улучшении положения крестьян, требовали ограничения прав помещиков и установления контроля над их обращением с крестьянами.

Прогрессивные польские публицисты искренне сочувствовали угнетенным массам польского общества. Они обличали бесчеловечное обращение феодалов с крепостными, возмущались жестокими телесными наказаниями, требовали предоставления крестьянам права вызова в суд своих помещиков и свободы перехода.

Польская публицистика позволяет разбить утверждения шляхетско-буржуазных историков о «гармонических отношениях между паном и хлопом» в XVI в. Она вскрывает факты антифеодальной борьбы польских крестьян, выступавших против феодального угнетения, против существующего строя.

Ту же борьбу двух направлений мы видим и в отношении к католи-

²⁴⁴ Эти же мысли защищал и Моджевский в своей книге «О церкви» (см. Marya Renata Małepowa. Walka o język narodowy w epoce Odrodzenia „Nowa kultura“, Warszawa, 1954, № 42).

²⁴⁵ M. Rej. Zwierzyniec. . . , str. 245.

²⁴⁶ M. Rej. Krótka rozprawa. . . , str. 67.

ческой церкви и к вопросам войны и мира. В то время как реакционные публицисты (Ожеховский, Скарга, Верещинский) являлись идеологами католической церкви, утверждали приоритет церковной власти и стремились к подчинению всей общественной жизни ее контролю, в то время как они освящали захватнические войны церковным благословением, толкали свое правительство на войну с Русским государством, прогрессивные публицисты были противниками захватнических войн. Они требовали невмешательства церкви в светские дела и отделения школы от церкви. Они обвиняли католическое духовенство в безнравственности, корыстолюбии и лживости, разоблачали мнимые «чудеса» и «видения», при помощи которых католическая церковь обирала народ, вскрывали реакционную роль католической церкви в жизни феодальной Польши.

Критика католической церкви, которую мы находим в произведениях прогрессивных польских публицистов, не потеряла своей актуальности и в наши дни.

Рей, Кленович, Моджевский изображали в своих произведениях насквозь прогнивший государственный аппарат Польши, упадок королевской власти, беспорядок и неразбериху в деятельности сеймов, взяточничество судей, судебные тяжбы, не приводящие к справедливым решениям, потому что суд был поставлен на службу господствующему классу. Публицисты критиковали широко распространенную в Польше продажу церковных и светских должностей, так как должностные лица впоследствии компенсировали себя тем, что выколачивали затраченные деньги с подвластного населения.

Публицисты справедливо возлагали ответственность за язвы общественного строя Польши на польское дворянство и духовенство.

Прогрессивная польская литература и публицистика, подвергавшая критику общественный строй, исполненная гуманных идей и сочувствия народу, сыграла большую роль в дальнейшем развитии польской общественной мысли. Проникнутая патриотическим чувством, она немало способствовала развитию национального самосознания польского общества.

Г. Г. Литаврин

КРЕСТЬЯНСТВО ЗАПАДНОЙ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ В XI—XII вв.

XI—XII века являются временем византийского владычества в Болгарии. Едва ли какой-нибудь другой период средневековой истории Болгарии был ознаменован бóльшим количеством революционных выступлений угнетенных, чем этот (1018—1185 гг.). Крестьянское антифеодалное движение сливалось с народно-освободительной борьбой против иноземного ига, придавая этой борьбе ту силу и размах, которые в 1185 г. обеспечили освобождение Северной Болгарии от византийского господства. Поэтому особенно большой интерес вызывает вопрос об условиях жизни и социальном положении болгарского крестьянства в период иноземного ига.

В настоящее время достигнуты значительные успехи в изучении развития феодальных отношений в Болгарии XI—XII вв. Особенно много внимания уделяют этой проблеме историки народно-демократической Болгарии¹. В последнее время этой проблемой занимались и советские историки. В труде советских ученых по истории Болгарии, вышедшем в свет в 1954 г., поставлены основные проблемы истории средневековой Болгарии и дано их общее решение с марксистских позиций². Однако вопрос об условиях жизни и положении болгарского крестьянства в XI—XII вв. до сих пор остается еще мало изученным.

Одной из главных причин этого является недостаток источников. Болгарских документов от периода византийского господства почти не сохранилось. Поэтому изучение истории Болгарии этого времени возможно главным образом на материале византийских источников, многие из которых крайне тенденциозны и проникнуты ненавистью к болгарскому народу. Основными источниками по аграрным отношениям в Болгарии XI—XII вв. являются афонские акты³, типик Григория Пакуриана основанному им

¹ Д. Ангелов. Към вопроса за поземелните отношения в средновековна Балканска държава. Исторически преглед, год 1, кн. 4, 1945; Рабството в средновековна България. Исторически преглед, год 2, кн. 2, 1945—1946; А. К. Бурмов. Феодализъмът в средновековна България. Исторически преглед, год 2, кн. 2, 1945—1946; Зависимото население в България. Исторически преглед, год 3, кн. 3, 1946—1947; В. Николаев. Феодални отношения в покорената от Византия България, отразени в писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ Български. София, 1951.

² Б. Т. Горянов. Борьба болгарского народа против византийского ига. История Болгарии, т. I. М., 1954.

³ Actes de l'Athos, publiées sous la direction de Gabriel Millet. Actes de Lavra. Édition diplomatique et critique par Germaine Rouillard et Paul Collomp... Belles-Lettres, t. I, Paris, 1937.

в 1083 г. монастырю в Бачково под Стенимахом⁴, документы о владениях монастыря Богородицы Милостивой близ Струмицы⁵, переписка архиепископа Болгарии Феофилакта (конец XI—начало XII в.)⁶. Эти источники относятся к Центральной, Юго-Западной и Западной Болгарии. Поэтому сразу же следует оговориться, что выводы, сделанные на основании их, не могут быть распространены на Северную и Северо-Восточную Болгарию. Большая часть Западной и Юго-Западной Болгарии представляет собой гористую местность, где процесс феодализации в период, предшествовавший византийскому завоеванию, протекал несколько медленнее, чем в Северной и Северо-Восточной Болгарии. Здесь в X—начале XI в. еще сохранялся значительный слой свободного крестьянства, хотя большая часть крестьян уже была феодально зависимой. Успешность войн, которые длительное время вел Самуил с Византией, в значительной мере объясняется тем, что в болгарских войсках служило много свободных болгарских крестьян-общинников⁷.

Вопрос о болгарском свободном крестьянстве в XI—XII вв. является как раз одним из наиболее спорных вопросов болгарской истории этого времени. Нередко в историографии наличие остатков свободного крестьянства рассматривалось как доказательство незавершенности процесса феодализации. Эта точка зрения находит отражение и в современной болгарской историографии. В. Николаев, доказывая, что феодальные отношения в Болгарии восторжествовали в XI в., пытается отрицать существование в Болгарии этого времени категории свободного крестьянства⁸.

Источники свидетельствуют, что в Болгарии XI—XII вв., в условиях господства феодальных отношений, сохранялась как свободная сельская община, так и община под опекой феодала.

В переписке болгарского архиепископа Феофилакта неоднократно говорится о свободных крестьянах. Он сообщает о селе свободных крестьян, вынужденных пойти под патронат архиепископии и скоро оказавшихся ее париками, т. е. зависимыми крестьянами⁹. Феофилакт противопоставляет своих париков «как ничем казенным не владеющих», а поэтому «не должны рассматриваться налогоплательщиками казны» крестьянам, сидящим на государственной земле и обязанным платить казенные налоги¹⁰. Феофилакт был обвинен местными чиновниками в захвате и незаконном владении селом свободных крестьян по названию Могила¹¹. Сообщает он также об «участке вдовы», находящемся под угрозой присвоения, так как «защитить» его некому¹². Конечно, и в этом случае имеется в виду надел свободного крестьянина.

Монастыри Богородицы Милостивой близ Струмицы были пожалованы Алексеем I Комнином свободные разорившиеся крестьяне, «не имеющие

⁴ Le Typicon de Grégoir Pacourianos pour le monastère de Petritzos (Bačkovo). Éd. par L. Petit. Византийский временник, т. XI. Приложение, СПб., 1904.

⁵ Le monastère de Notre Dame de Pitié en Macédoine. Éd. par L. Petit. Известия Русского археологического института в Константинополе, т. VI, вып. I, Одесса, 1900 г.

⁶ Theophylactus, archiepiscopus Bulgariae. Opera omnia. Patrologiae cursus completus, Series Graeca, vol. 126, Paris, 1864.

⁷ А. П. Каждан. Феодальные отношения в Болгарии в IX—начале XI в. Начало феодальной раздробленности. История Болгарии, т. I, стр. 94, см. также стр. 79.

⁸ В. Николаев. Феодальные отношения в покорената от Византия България... стр. 119.

⁹ Theophylactus. Patr. Gr. vol. 126, col. 449, C; 452, A.

¹⁰ Ibidem, col. 449, A—B.

¹¹ Ibidem, col. 445, D; 533, D; 536, A.

¹² Ibidem, col. 405, C.

собственных стасей (хозяйств)»¹³. Через полвека Мануил Комнин пожаловал этому же монастырю казенные земли в его окрестностях. При этом несколько хорариев свободных крестьян — «подплатежных казне париков», как сказано в акте отвода земли, — оказались окруженными отведенными монастырю землями¹⁴. Монастырю была передана также запустевшая земля, покинутая разорившимися свободными крестьянами¹⁵.

В 1086 г. Алексей I Комнин пожаловал военачальнику Льву Кефале село свободных болгарских крестьян в феме Моглены. При этом местным чиновникам предписывалось не допускать в село для поселения свободных крестьян из окружающих деревень¹⁶. Митрополит Фессалоники Евстафий (конец XII в.) жаловался в одном из своих писем на жителя болгарского с. Мамицы, что они отвели ручей от мельницы соседнего монастыря к своей мельнице, «которой довольствовалося все село»¹⁷. В афонских актах не раз сообщается о небогатых дарениях в пользу монастырей. При этом дарители оговаривают, что их участок перейдет в полную собственность монастыря только после их смерти, так как у них нет ничего другого, что давало бы им возможность «приобретать все необходимое для пропитания»¹⁸. Безусловно, эти дарители — мелкие свободные землевладельцы. Дмитрий Хоматиан, бывший архиепископом Охридским в начале XIII в., сообщает о захвате земель свободных крестьян болгарской знатью (архонтами)¹⁹. О безотрадной, полной трудов и лишений жизни этих свободных крестьян в X—XI вв. рассказывается в житии Иоанна Младшего²⁰. В житии Якима Осоговского сообщается, что некоторые свободные крестьяне из области Овче-Поля были вынуждены заниматься охотой, так как разоренные хозяйства крестьян не могли обеспечить пропитание их семьям²¹.

Даже приведенных здесь сведений достаточно для того, чтобы не сомневаться в наличии остатков свободного крестьянства в Болгарии XI—XII вв. Некоторые из приведенных известий свидетельствуют одновременно о том, что свободное болгарское крестьянство этого периода было общинным крестьянством. Так село, которое попадает сначала под патронат, а затем в парикию к Феофилакту, само «избрало архиепископию, — как он говорит, — своей госпожой»²². Решение это было вынесено всем селом и было принято, очевидно, на общем собрании членов общины. При описании границ земли, отведенной монастырю Богородицы Милостивой, названы неподделенные общинные земли — «угодья» (*ὄγια*) двух соседних деревень — Кантарата и Леасковицы, населенных свободными налогоплательщиками казны²³. Несомненно, и мельница, которой, как говорит Евстафий Фессалоникийский, «довольствовалося все село», была общинной мельницей. Акт от 1008 г. сообщает о продаже жителями дер. Радохоста одному

¹³ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 29.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 44.

¹⁶ Actes de Lavra. Rouillard-Collomp, I, p. 111.

¹⁷ Eustathii mitropolitae Thessalonicensis Opuscula. Francofurti ad Moenum, 1832, p. 358.

¹⁸ Actes de Lavra, I, p. 49.

¹⁹ Analecta sacra et classica. Specilegio solesmensi parata. Ed. J. B. Pitra, VI, Romae, 1891, p. 262—263.

²⁰ Acta sanctorum Novembris collecta, digesta, illustrata ab Hippolyto Delehaye et Paulo Peeters. t. quartus. Bruscellis, 1925. Vita Joannis Junioris a Theodoro Metochita, col. 680.

²¹ В. Ламанский. О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене. Житие Иокима Осоговского. Приложение № 1 к 6 тому „Записок Ак. наук“, 1864, стр. 127—128.

²² Theophylactus, col. 449, C; 452, A.

²³ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 41, 42, 44.

из афонских монастырей части общинных угодий, удобных для постройки мельницы. Получило плату за проданное место все село. Затем это село затеяло тяжбу с монастырем, нарушившим условия продажи, выступая при этом как юридическое лицо²⁴.

Этих сведений, безусловно, недостаточно для заключений о характере общинного землевладения и землепользования в Болгарии XI—XII вв. Однако и они дают право на некоторые выводы. Прежде всего, они свидетельствуют о том, что сохранявшиеся свободные общины в этот период переживали время острой борьбы с крупным феодальным землевладением и расширение владений крупных землевладельцев происходило в значительной мере за счет земель свободного крестьянства. Процессу поглощения мелкого крестьянского землевладения способствовало еще более углубившееся в условиях господства феодальных отношений разложение самой сельской общины. Согласно свидетельству Феофилакта, в селе, которое «избрало архиепископию своей госпожой», была значительная имущественная дифференциация. Желая воспрепятствовать переходу этого села в собственность Феофилакта, местный налоговый чиновник (практор) угрожал жителям села, что он заставит в 7 раз менее состоятельного из них платить столько же казенных налогов, сколько уплачивает в 7 раз более состоятельный крестьянин²⁵. Когда село стало собственностью Феофилакта, этот же чиновник пытался «отписать» от него «наиболее зажиточных» крестьян села²⁶. Монастырю Богородицы Милостивой были подарены императором как разорившиеся свободные крестьяне, так и покинутые крестьянами-общинниками пахотные земли²⁷. В зависимость попадали не только отдельные члены сельской общины, но и сразу целые села.

Болгарская община в этот период представляла собой, по всей вероятности, соседскую общину-марку с наследственными отчуждаемыми участками-аллодами и неподделенными общинными угодьями, на которые она еще сохраняла право верховной собственности. Крестьянин-общинник имел право продать или подарить свой пахотный надел, но для отчуждения общинных угодий было необходимо согласие всех членов общины. Вопрос о болгарской общине в XI—XII вв. еще очень мало изучен. Недостаточность источников не позволяет рассмотреть его подробно. Есть некоторые данные, заставляющие предполагать, что болгарская община этого времени была довольно сложным по своей организации явлением и существенно отличалась от соседской общины стран Западной Европы того же периода средневековья. Не претендуя на решение этого вопроса, мы укажем здесь некоторые из фактов, заслуживающих, на наш взгляд, самого серьезного внимания.

По мнению Ф. И. Успенского, исследовавшего Вазелонские акты, одна из существенных особенностей аграрного строя трапезундских владений империй заключалась в том, что «стась» в этих районах представляла собой не отдельное крестьянское хозяйство, а целый хозяйственный комплекс²⁸. В его состав могли входить не только хозяйства крестьян, но и господский двор — само «имение» феодала²⁹. Однако источники свидетельствуют, что и для европейских владений Византии XI—XII вв. термин «стась» имел

²⁴ Actes de Lavra, p. 45—46.

²⁵ Theophylactus, col. 449, D.

²⁶ Ibidem, col. 449, C.

²⁷ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 29, 44.

²⁸ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии. XIII—XIV вв. Л., 1927, стр. LXI—LXIII.

²⁹ Там же, стр. LXXI—LXXII.

более широкое значение, чем отдельное крестьянское хозяйство. В хрисовуле Алексея I Комнина монастырю Амальфинян говорится, что зависимое от монастыря болгарское крестьянство в феме Стримон разбежалось, а «монастырю угрожает опасность подвергнуться взисканию платежей с указанных деревень (Кутариана, Воловисда и Римнон. — Г. Л.), так как монастырь владеет местами уничтоженных стасей этих самых деревень... и поставляет за них казенные платежи. Оставшиеся же наследственные держатели (κληρονόμοι) уходят из собственных частей стаси (τῶν ἰδίων μερῶν... στάσεως)»³⁰. Согласно этому свидетельству, болгарская деревня состояла из стасей, в которых крестьянин имел только долю, т. е. его хозяйство (μέρον) составляло только какую-то часть целого комплекса таких хозяйств — стаси. Это известие следует сопоставить, на наш взгляд, с данными источников об остатках в Болгарии изучаемого времени большой семьи, семейной общины.

Согласно хрисовулу Мануила Комнина от 1156 г., монастырю Богородицы Милостивой близ Струмицы было пожаловано в качестве серьезной привилегии разрешение владеть на прежних основаниях семьями париков, в которых взрослые сыновья оставались жить вместе со своими отцами. «Если же у кого-либо из этих принадлежащих вам (париков. — Г. Л.), — сказано в хрисовуле, — есть дети, не желающие быть отделенными, не имеющие собственных и постасей (ὕποστάσεις) и живущие вместе со своими родителями, царство мое милостиво разрешает им не отделяться от отцов своих»³¹. Смысл этого пожалования заключался, очевидно, в том, что благодаря ему монастырь мог фактически владеть большим количеством париков, чем ранее ему было разрешено, и уплачивать в казну меньшую сумму налога, чем он уплачивал бы, если бы выделившиеся взрослые сыновья его париков имели самостоятельные хозяйства. Намек на это имеется в этом же хрисовуле, где сказано, что «количество дарованных (монастырю) двенадцати париков... должно пополняться, когда они умрут, их детьми» и что государственные налоговые чиновники должны поступать соответственно этому хрисовулу³².

В переписи париков монастыря названо четыре семьи, в которых взрослые сыновья или зятья живут вместе со своими отцами или родителями жены³³. А. П. Каждан, изучая аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв., приходит также к выводу о том, что в балканских областях империи в пережиточной форме в рамках общины-марки сохранялся более архаичный тип общины — большая семья³⁴. Очевидно, сохранение таких семей в это время было менее распространенным явлением, чем отделение взрослых сыновей. Разрешение императора владеть большой семьей париков было пожаловано как особая привилегия. Дмитрий Хоматиан сообщает о разделах имущества членами большой семьи и о возникавших при этом спорах³⁵. Мы также считаем, что большая семья — семейная община в Болгарии XI—XII вв. была пережитком, все более утрачивавшим свое первоначальное значение и продолжавшим существовать только в рамках соседской общины-марки.

Но наше предположение сводится к тому, что стась как комплекс крестьянских хозяйств была генетически связана с большой семьей.

³⁰ Actes de Lavra, I, p. 96.

³¹ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРЯИК, т. VI, вып. I, стр. 32.

³² Там же, стр. 32—33.

³³ Там же, стр. 38—39.

³⁴ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 74—76.

³⁵ Pitra, VI, pp. 235—236, 260—263, 268, 441—446 etc.

Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечал, что встречающаяся в конце XIX в. в Сербии и Болгарии домашняя община-задруга «представляет собой наилучший еще существующий образец такой семейной общины». Ф. Энгельс признавал вполне доказанным для славянских стран вывод Ковалевского о большой семье как о переходной ступени, «из которой развилась сельская община, или марка, с обработкой земли отдельными семьями и с первоначально периодическим, а затем окончательным разделом земли и лугов»³⁶. Этот переход, однако, начался очень давно. Во всяком случае, согласно исследованиям Е. Э. Липшиц, славяне на Балканах жили соседскими общинами уже к VII—VIII вв.³⁷ Большая семья, следовательно продолжала свое существование в течение многих веков в качестве пережитка внутри соседской общины. Однако для XI—XIII вв., согласно нашим источникам, организация соседской болгарской общины еще сохраняла живые следы своих генетических связей с большой семьей. Мы считаем, что стась как комплекс крестьянских хозяйств возникла в результате разделов большой семьи, выделения из нее взрослых сыновей для ведения самостоятельного хозяйства. Эти выделившиеся из большой семьи самостоятельные хозяйства были равноправными членами соседской общины, но в то же время они сохраняли более тесные связи со своими родственниками. Единое хозяйство большой семьи, распавшись на отдельные самостоятельные хозяйства, образовало «семью» таких хозяйств. Очевидно, в течение довольно долгого времени, по крайней мере в XI—XIII вв., связи между членами соседской общины, живущими внутри таких комплексов-стасей, были более тесными, чем их связи с другими членами общины. Чем далее идти к истокам развития соседской общины, тем, вероятно, явственнее она будет представлять собой объединение целых комплексов семейств самостоятельных хозяев, возникших в результате распада больших семей.

Помимо постепенно слабеющих уз родства, внутри каждого из этих комплексов хозяйств должны были существовать и другие связи, обусловленные порядками землевладения и землепользования. Они, также, вероятно, были более тесными внутри данного комплекса, чем между разными такими комплексами или между отдельными хозяйствами общины. Эти связи могли сохраняться даже в том случае, если между домохозяевами стаси-комплекса со временем в силу разных причин исчезали отношения родства.

Это, конечно, не исключало (и чем позднее — тем в большей степени) существования в рамках соседской общины стасей как самостоятельных хозяйств, не входивших в более крупные объединения-комплексы хозяйств родственников. Интересно, что подобное явление имело место и в общинах салических франков^{37а}.

Таким образом, болгарская община XI—XIII вв. состояла из стасей, существенно отличавшихся друг от друга: этим термином обозначались как отдельные крестьянские хозяйства членов соседской общины, так и комплексы таких хозяйств, в основе образования которых было хозяйство большой семьи, теперь распавшееся на несколько самостоятельных хозяйств. Термином «стась» в значении отдельного самостоятельного хозяйства обо-

³⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1951, стр. 59, 60, 61; см. также Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке (Введение к английскому изданию). К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1952, стр. 85.

³⁷ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, М.—Л., 1945, стр. 118—120.

^{37а} А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. М. 1956, стр. 85.

значались такие хозяйства, которые не входили в состав стасей как комплексов крестьянских хозяйств. Что касается хозяйств крестьян, входивших в эти комплексы, то чаще, очевидно, они обозначались другим термином — «ипостась» (*ὑπόστασις*). У нас недостаточно материала для того, чтобы решительно защищать это предположение, но источники обозначают термином «ипостась» самостоятельные хозяйства именно тех крестьян, которые выделены из состава большой семьи.

Так, в хрисовуле Мануила I Комнина от 1156 г. взрослые сыновья, не выделившиеся из семей своих отцов, названы «не имеющими собственных ипостасей»³⁸. Дмитрий Хоматиан свидетельствует о спорах между родственниками различных степеней родства о наследовании хозяйства умершего. При этом последнее названо именно «ипостасью»³⁹.

Источники не позволяют установить какие-либо существенные особенности в имущественном положении свободных крестьян сравнительно с феодально зависимыми. По всей вероятности, в XI—XII вв. оно было в целом лучше, чем положение феодально зависимых крестьян. Источники этого времени говорят о попытках крестьян избавиться от «ярма парикии»⁴⁰ и о страхе свободных людей перед перспективой стать париками феодала⁴¹. Однако разоренных, нищих крестьян было немало и среди свободных, о чем уже говорилось выше.

Основную массу крестьян в Болгарии XI—XII вв. составляло феодально зависимое крестьянство. Рассмотрение его категорий осложняется тем обстоятельством, что в византийских источниках они обозначены терминами, характерными для самой Византии. Конечно, это является несомненным доказательством одновременности и сходства процессов социально-экономического развития Византии и Болгарии, но особенности этого развития в Болгарии затушевываются таким перенесением византийской терминологии. Тем не менее источники позволяют установить, что различные византийские термины для обозначения категорий зависимого болгарского крестьянства в основном соответствуют действительным различиям в положении его разных групп.

«... Если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, — говорит В. И. Ленин, — то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»⁴². Среди феодально эксплуатируемых в Болгарии людей мы находим как рабов, так и зависимых крестьян и ремесленников и постепенно становящихся зависимыми свободных.

Основной категорией зависимого крестьянства в Болгарии XI—XII вв. была категория крестьян, обозначаемая в византийских документах термином «парики». Хрисовулы Василия II болгарскому архиепископу, выданные в первые два года после завоевания Болгарии, свидетельствуют о том, что эта категория зависимого крестьянства была основной в Болгарии еще до ее завоевания. Василий II, устанавливая для епископа Кастории владение 40 париками и 40 клириками, оговаривает, что это число определено независимо от того, сколько епископ Кастории «имел их сначала», т. е. до завоевания Болгарии⁴³. Василий II освобождает от налогов в пользу

³⁸ Le monastère de Notre Dame de Pitié. p. 32.

³⁹ Pitra, VI, pp. 235—236, 260—262.

⁴⁰ Theophylactus, col. 444, C.

⁴¹ Actes de Lavra, I, p. 106.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 162.

⁴³ Хрисовулы Василия II архиепископу Охриды. Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей (Болгарской, Сербской, Румынской или Молдо-Валахской). М., 1871, стр. 259.

церкви зависимых от нее в Болгарии людей, «как они были свободны и при Самуиле»⁴⁴. Как правило, термином «парики» обозначаются в источниках зависимые крестьяне родовых владений феодалов⁴⁵, крестьяне деревень, розданных центральной властью феодалам в дар⁴⁶ или в пронию⁴⁷. Это заставляет предполагать, что парики — крестьяне, попавшие в зависимость и продолжающие возделывать свои наделы, но потерявшие на них право собственности и превратившиеся в феодально зависимых держателей этих наделов.

В отличие от париков разорившиеся свободные крестьяне, даримые центральной властью феодалам, церкви и монастырям без земли, называются в источниках «париками неплатежными» (ἄτελοι). При этом поясняется, что они не несут государственных налогов, так как «не имеют собственной земли»⁴⁸ или «не имеют собственных стасей (хозяйств)»⁴⁹. В акте отвода земли монастырю Богородицы Милостивой говорится как раз о таких «париках неплатежных», «не имеющих собственных стасей и поэтому не записанных в казенные налоговые практики»⁵⁰. После того как они были наделены монастырем землей — «стали зевгаратами», они рассматриваются налоговыми чиновниками и самим монастырем подлежащими обложению казенными налогами в размерах, определенных для частновладельческих париков. Однако монастырь добивается, чтобы в налоговом отношении к государству они попрежнему рассматривались как парики неплатежные⁵¹. Следовательно, под париками неплатежными следует понимать свободных разорившихся общинников, потерявших право на свои наделы или покинувших свои прежние места жительства. Именно крестьяне этой категории, не приносящие доходов казне из-за своего крайне бедственного имущественного положения, раздавались центральной властью феодалам в первую очередь.

Источники дают основание утверждать, что именно эти крестьяне, посаженные феодалами на своей земле или на пожалованной им государством, став зависимыми, обозначались термином «проскафимены». В исторической литературе уже не раз высказывалось в основном правильное замечание, что попытки этимологического толкования византийских аграрных терминов по меньшей мере бесплодны⁵². Однако нельзя упускать из виду, что употребление некоторых из этих терминов очень близко к их этимологическому значению. Таким термином и является термин «проскафименос», означающий буквально «посаженный», «сидящий». Именно в этом значении употребляет его Феофилакт. Говоря о проскафименах Девольской епископии, разбежавшихся по лесам из-за невыносимых притеснений, он называет их «сидящими прежде при церкви» или «сидящими в округ церкви»⁵³. Подаренные Алексеем I Комнином монастырю Богородицы Милостивой 12 «неплатежных париков» названы «посажен-

⁴⁴ Хрисовулы Василия II архиепископу Охриды. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 260.

⁴⁵ Le Typicon du monastère Kosmosotira près d'Aenos (1152). ИРАИК, т. XIII, София, 1908, стр. 52, 54, 67.

⁴⁶ Actes de Lavra, I, p. 103; Le Typicon de Grégoire Pacourianos. Византийский временник, т. XI. Приложение, стр. 42, 48.

⁴⁷ Actes de Lavra, I, p. 161—162.

⁴⁸ Acta et diplomata graeca medii aevi. Ed. F. Miklošich et J. Müller, v. VI, Vindobonae, 1890, p. 95.

⁴⁹ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 29.

⁵⁰ Там же, стр. 29.

⁵¹ Там же, стр. 36.

⁵² Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты, стр. LXVII; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 146, 151.

⁵³ Theophylactus, col. 529, B—C.

ными» при земле в 500 модиев⁵⁴. Хотя эти парики стали впоследствии зевгаратами, т. е. полнонадельными крестьянами, они попрежнему назывались не просто париками, а париками-проскафименами⁵⁵. И зависимых от Девольской епископии крестьян, о которых мы упоминали выше, продолжают обозначать этим термином, хотя «посаженными» были не они, а их отцы или деды. Феофилакт говорит, что участки покинутые ими, были «отеческими» (πατρῶν)⁵⁶. Не случайно термином «проскафимены» обозначаются обычно не крестьяне зависимых от феодалов деревень, а зависимые крестьяне отдельных проастиев⁵⁷, метохов⁵⁸, отдельных, дарованных центральной властью феодалу земельных участков⁵⁹, крестьяне небольших владений феодалов, удаленных от их основного массива⁶⁰, зависимые жители торжища или пристани⁶¹, люди, работающие на господской мельнице⁶². Следовательно, везде, где говорится о проскафименах, под ними имеются в виду не крестьяне зависимых деревень, попавшие в зависимость вместе с общинной землей или целым селом подаренные феодалу центральной властью, а именно такие крестьяне, которые перед превращением в зависимых не имели своей земли и получили ее от феодала на условиях *precaria data*. Таким образом, парики-проскафимены или просто проскафимены — действительно «испомещенные» на господской земле крестьяне, потерявшие перед этим свои земельные наделы и утратившие связи с общиной. А. П. Каждан, изучая аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв., пришел к выводу, что «у термина *προσκαφίμενος* нет вполне определенного значения, но мы можем предполагать, — пишет он — что в византийской деревне различались крестьяне, издавна жившие в деревнях, и «приселенцы», приходившие в поместье и поселявшиеся в усадьбе»⁶³. Этот вывод не противоречит нашему, однако точнее, на наш взгляд, определить «проскафименов» как зависимых держателей господской земли на условиях *precaria data*. Возможно, положение этих крестьян было на первых порах более тяжелым, чем положение крестьян, попавших в зависимость, но не потерявших права владения на свои общинные наделы. Русский буржуазный историк Панченко проводил резкую грань между проскафименами и париками, считая последних владельцами «родовой собственности»⁶⁴. Источники не дают права на такое противопоставление, не говоря уж о том, что в отношении собственности на свои участки-держания парики не имели существенных преимуществ перед проскафименами. Источники от XI—XII вв. говорят о париках и проскафименах как о зависимых крестьянах, находившихся в одинаковом положении: их вместе дарили⁶⁵, освобождали в пользу господина от одинаковых государственных повинностей и облагали одними и теми же казенными налогами⁶⁶. Нет в источниках указаний и на отличия в их феодальных повинностях.

⁵⁴ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 27, 38.

⁵⁵ Там же, стр. 38.

⁵⁶ Theophylactus, col. 529, B.

⁵⁷ Actes de Lavra, I, p. 139.

⁵⁸ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 27, 38.

⁵⁹ Actes de Lavra, I, p. 123.

⁶⁰ Ibidem, p. 154.

⁶¹ Le Typicon du monastère Kosmosotira près d'Aenos. ИРАИК, т. XIII, стр. 52.

⁶² Acta et diplomata, MM. vol. IV, Vindobonae, 1870, col. 331; Le Typicon de Grégoire Rasourianos. Византийский временник, т. XI. Приложение, стр. 48.

⁶³ А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 134.

⁶⁴ А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. 190—191.

⁶⁵ Acta et diplomata, MM. vol. V, Vindobonae, 1870—1890, col. 318.

⁶⁶ Ibidem, col. 142, 318.

Другой категорией, обозначаемой термином, этимологическое значение которого также до некоторой степени соответствует действительному положению крестьян этой категории, были «дулопарики». Обычно источники говорят о них вместе с париками, но отличая первых от вторых. Из хрисовула Константина X от 1060 г. и хрисовула Вотаниата от 1079 г. ясно, что дулопарики, как и парики, вели самостоятельное хозяйство. Термины *δουλεῖς* и *δουλεύειν* употребляются в наших источниках обычно для обозначения отработочных повинностей⁶⁷. В постановлении императора Алексея I Комнина и патриарха Николая о влахах, зависимых от монастырей Афона, о дулопариках сказано вполне определенно. Влахи, гласит постановление, «как пастухи пасут овец и молочный скот и скот, дающий шерсть, а также готовят и месят тесто для монастырей — одним словом, они как дулопарики были полезными для монахов»⁶⁸. Если крестьяне, обозначаемые этим термином, действительно несли главным образом отработочные повинности, мы вправе предполагать, что эти крестьяне находились в большей зависимости, чем парики и проскафимены. Есть основания думать, что под дулопариками следует понимать посаженных на землю рабов.

Именно ко времени византийского господства относится усиление института рабства в Болгарии. В то время как по «Закону судному людем» пленный раб, проработавший три года, отпускался на свободу⁶⁹, в XI—XII вв. в Болгарии положение раба снова стало близким к его положению в античную эпоху. Очевидно, немало болгар было обращено в рабство при самом завоевании Болгарии. Но источником рабства была не только война. В 1095 г. Алексей I Комнин выдал особый хрисовул о рабах. Согласно этому хрисовулу, должны быть освобождены те из рабов, которые представят достаточные свидетельства своего происхождения от свободных родителей. Рабы требовали освобождения, говорится в хрисовуле, «доказывая свое право на свободу своим происхождением (ведь они говорили, что родились от свободных родителей, от болгар или [им.] подобных, которых наше государство захватило в рабство)»⁷⁰. Указывает хрисовул и на обстоятельство, при которых эти болгары попали в рабство. Рабы говорили, сообщается в хрисовуле, «что они произошли от отцов болгар, но когда-то прежде, во время угнетавшего их голода, были по дешевке проданы родителями»⁷¹. Исходя из того, что в этом же хрисовуле дается разрешение венчать рабов при вступлении в брак, можно приблизительно определить время, когда они попали в рабство. Очевидно, это люди в возрасте от 20 до 40 лет. Следовательно, время их детства, когда они были проданы родителями, будет приходиться примерно на 1060—1070 гг., отмеченные особенно тяжелым налоговым и феодальным гнетом в Болгарии, приведшим к одному из крупнейших восстаний болгар в 1072 г.

Киннам сообщает также, что в XII в. продавали себя в рабство обнищавшие свободные люди⁷². Феофилакт сообщает об обращении в рабство болгар налоговыми чиновниками, очевидно, за недоимки. Сборщик податей, говорит он, «уводит в рабство одного из пяти детей, подобно тому,

⁶⁷ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 29—30; Acta et diplomata. MM, vol. V, p. 318; Theophylactus, col. 424, A.

⁶⁸ Ph. Meyer. Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1895, S. 163.

⁶⁹ С. С. Бобчев. Старобългарски правни паметници, ч. I. София, 1903, стр. 90.

⁷⁰ Jus Graeco-Romanum, III, Ed. Zachariae a Lingenthal, Lipsiae, 1857, p. 402.

⁷¹ Ibidem, p. 405.

⁷² Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum, Corpus script. nist. Byzantinae, Bonnae, 1836, p. 275.

как отсчитав пятую или десятую [голову] из скота»⁷³. В другом своем письме он также говорит о практорах, «лишающих детей»⁷⁴. В стихотворении, обращенном к беглому рабу, Феофилакт угрожает рабу возвращением со связанными руками, так как «господин владеет всеми путями твоего бегства»⁷⁵. Анна Комнина сообщает о двух рабах болгарского вельможи, замечая при этом, что и они, несомненно, ненавидят своего господина, «так как сама природа раба враждебна его господину»⁷⁶. Катакалон Кекавмен, живший среди болгар Фессалии и имевший родственные связи с болгарскими феодалами, советовал своим детям не печалиться об умершем рабе, как и о потерянном сосуде⁷⁷. Однако выяснить положение рабов по этим кратким известиям очень трудно. Сближение понятий «раб» и «парик» в переписке Феофилакта⁷⁸ и в «Слове» Козмы Пресвитера⁷⁹ имеет, по всей вероятности, своей причиной действительное постепенное сближение в их положении в этот период. Возможно, это сближение и нашло свое выражение в появлении особой категории крестьян, обозначаемых термином «дулопарик», первая часть которого (δούλος) означает — «раб». Требование рабов, чтобы церковь освящала браки между ними, свидетельствует о том, что они имели семьи и, возможно, вели самостоятельное хозяйство на земле своего господина. Феофилакт в упомянутом выше стихотворении также говорит о семье у раба⁸⁰. Однако положение этих рабов оставалось попрежнему приниженым в большей степени, чем положение зависимого крестьянина. В том же хрисовуле Алексея I говорится о том, что многие господа, разрешая своим рабам жениться, не позволяли им венчаться, опасаясь, что это даст рабам какие-то основания требовать освобождения⁸¹. Император развеял эти опасения, заявив, что венчание рабов не делает их свободными, и «рабы служат господам, как и раньше, ни в какой мере не избавляемые венчанием от рабства»⁸².

Нередко в источниках понятие «раб» сближается также с понятием «слуга». Из хрисовула Никифора Вотаниата о слугах ясно, что они не имели самостоятельного хозяйства. В хрисовуле говорится о том, что после смерти господина слуги остаются безо всяких средств к существованию. Но знаменательно и то, что Вотаниат рекомендует наделять «слуг селян и горожан» недвижимым имуществом⁸³. Об их положении можно судить по свидетельству Никиты Хониата, согласно которому, быть «наследственными слугами» (κληρωτοῖς θεραποῦσι) — значит быть в положении «несвободных» (οὐχ ἐλευθέρους)⁸⁴.

⁷³ Theophylactus, col. 337, B.

⁷⁴ Ibidem, col. 336, C.

⁷⁵ Studi Bizantini, I, Roma, 1925, p. 189—190.

⁷⁶ Annae Comnenae Alexiadis libri 10—15, vol. 2. Corpus scr. hist. Byz. Bonn., 1878, p. 182.

⁷⁷ Сесаменус. Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus. Ed. V. Wasiliewsky et V. Jenrstedt. Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, т. XXXVIII, СПб., 1896, стр. 60.

⁷⁸ Theophylactus, col. 424, B; 508, A.

⁷⁹ Козмы пресвитера Слово на еретики и поучение от божественных книг. Сообщение М. Г. Попруженко. Памятники древней письменности и искусства. CLXVII, 1907, стр. 40.

⁸⁰ Studi Bizantini, I, p. 190.

⁸¹ Jus Graeco-Romanum, III, pp. 402, 403.

⁸² Ibidem, p. 47. На важность этого пункта новеллы для правильного понимания всего ее текста указал также М. Я. Сюзюмов. (О правовом положении рабов в Византии. УЗ Свердловского Госпединститута за 1955 г., Свердловск, 1955, стр. 172).

⁸³ Michaelis Attaliotae Historia. Corpus scr. hist. Byz. Bonn., 1853, pp. 317—318.

⁸⁴ Nicetae Choniatae Historia. Corpus scr. hist. Byz., Bonn., 1835, p. 79.

Византийским терминам «раб» (δοῦλος) и «слуга» соответствовал, по всей вероятности, болгарский термин «отрок». Доказательством того, что уже в XI в. в Болгарии была категория зависимых людей под таким названием, является сообщение Феофилакта об особой казенной подати с владений феодалов, носившей наименование «отрочины» (отρочίνα)⁸⁵. Мы считаем, что эта подать взималась с феодалов как раз за владение отроками, подобно тому как взимались и другие подати за владение зависимыми людьми иных категорий. Так, например, в инвентарной переписи монастыря Богородицы Милостивой говорится о казенной подати с монастыря «за владение зависимыми влахами»⁸⁶. В. Николаев отказывается высказать свое мнение по поводу значения термина «отрочина»⁸⁷. Бельгийский филолог Алиса Леруа-Молинген считает, что под отроками Феофилакт имеет в виду дулопариков⁸⁸. Это мнение можно считать вполне правдоподобным. Дулопарики-отроки представляли собой промежуточную категорию феодально эксплуатируемых людей, занимавших среднее положение между рабами и париками. Они могли иметь самостоятельное хозяйство на земле господина и могли еще в XI—XII вв. не иметь такого хозяйства. Главной их обязанностью было, очевидно, обслуживание нужд своего господина личным трудом или в качестве дворовых слуг, или в качестве зависимых крестьян, несущих преимущественно отработочную ренту. Об отроках болгарского феодала, находящихся на положении слуг, или дворовых холопов, сообщается также в одном из болгарских житий, относящемся по содержанию к XI в. В житии они названы также рабами⁸⁹. Положение их в XI—XII вв. еще оставалось близким к положению рабов, но вместе с тем имела место явная тенденция к сближению с зависимым крестьянством, обусловленная всем ходом социально-экономического развития Византии и Болгарии. Пережитки рабства все далее отходили в прошлое, имевшиеся еще рабы все чаще переводились на положение зависимых крестьян. От XI—XII вв. у нас достаточно высказываний византийских авторов — представителей феодальной знати о том, что владение рабами стало опасным и неудобным. У них, по словам Евстафия Фессалоникийского, «один глаз дома, а другой смотрит к бегству», «одна рука выполняет рабские работы, а другая хватается за меч»⁹⁰. В тех же словах о рабе, на которого «силой надели ярмо», говорит и Киннам⁹¹. Мы уже приводили слова Анны Комнины о том, что «сама природа раба враждебна его господину»⁹².

Рабы принимали активное участие в болгарских восстаниях XI—XII вв. По свидетельству Кедрина, сам предводитель восставших в 1040 г. болгар Делян был беглым рабом какого-то константинопольского вельможи⁹³.

⁸⁵ Theophylactus, col. 517, A—B; см. поправки к тексту у Alice Leroy-Molinghen „Prolégomènes à une édition critique des Lettres de Theophylactes. Revue International des Etudes Byzantines...“, vol. XIII, fasc. I, 1938, p. 257.

⁸⁶ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 124.

⁸⁷ В. Николаев. Указ. соч., стр. 184.

⁸⁸ Alice Leroy-Molinghen. Trois mots slaves dans les lettres de Theophylacte de Bulgarie. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire orientales et slaves, t. VI, Bruxelles, 1938, p. 117.

⁸⁹ В. Ламанский. О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене. Приложение № 1 к 6 тому „Записок Ак. наук“, 1864, стр. 134.

⁹⁰ Eustathius, Opuscula, p. 200.

⁹¹ Ioannes Cinnamus, p. 224.

⁹² Annae Comnenae Alexiadis libri 15, vol. I, Corpus scr. hist. Byz. Bonnae, 1839, p. 94.

⁹³ Georgius Cedrenus. Compendium historiarum, II, Corpus scr. hist. Byz. Bonnae. 1838—1839, col. 527.

Особой категорией зависимых людей в Болгарии XI—XII вв. были скотоводы-влахи. В акте от 1094 г. говорится о влахах в феме Моглен, «принадлежащих» (διχοφρούτας) монастырю Амальфинян. Они писали «всевозможный, принадлежащий им (влахам.— Г. Л.) скот в пределах границ этой фемы»⁹⁴. Их повинности по отношению к монастырю выражались, очевидно, в выплате ему натуральной ренты — продуктов скотоводческого хозяйства влахов. В уже приводившемся нами постановлении императора Алексея I и патриарха Николая говорится об отработочных повинностях влахов, пасших скот монастыря и оказывавших другие услуги монахам⁹⁵. Есть данные о том, что какая-то часть влахов, попавших в зависимость, занималась земледелием, возделывая участки земли, предоставленные им во владение, и уплачивая ренту натурой⁹⁶.

О зависимых влахах монастыря Богородицы Милостивой говорится в инвентарной переписи этого монастыря⁹⁷. В 1198—1199 гг. Стефан Первовенчаный подарил Хиландарскому монастырю сразу 140 влахов. При этом в дарственном хрисовуле царя предписывалось возвращать в монастырь этих влахов силой в случае их бегства, т. е. эти влахи были уже на положении настоящих крепостных⁹⁸.

Влахи, жившие среди болгарского населения, подвергались такому же феодальному и налоговому гнету, какому подвергались болгары. Поэтому они активно участвовали во всех болгарских восстаниях периода византийского ига. Значительную роль сыграли они и в восстании 1185 г., приведшем к освобождению Северной Болгарии от иноземного господства.

Источники сообщают еще об одной категории людей, испытывавших на себе гнет феодальной эксплуатации, — о мистиях, свободных обнищавших жителях городов и деревень, вынужденных жить работой по найму. Григорий Пакуриан — основатель монастыря в Бачково — похваляется в типике монастыря, им составленном, тем, что он воздвиг этот монастырь не благодаря «ангарию, привлечению [к работе] и крайнего отягчения своих париков, принуждая их ради постройки святых церквей и самого монастыря страдать самым злым образом», а на собственные средства⁹⁹, т. е. Пакуриан использовал труд наемных людей-мистиев. О таких мистиях-рабочих (τεχνίται), подрядившихся построить за 100 золотых монастырь Косиницкого в X в. в Македонии, рассказывается в византийском житии игумена Германа — основателя монастыря. Кстати, этому «святому» ставится в заслугу, что он отказался уплатить мистиям за труд¹⁰⁰. Действительно, далее в типике Пакуриана сообщается о мистиях, работавших для монастыря в Бачково и после его основания. О них упоминается как об одной из наиболее нуждающихся категорий людей, эксплуатируемых монастырем. Пакуриан приказывал раздавать в день его памяти (после его смерти) деньги и продукты «бедным и услуживающим (κλιθερετοῦσι) этому монастырю мистиям и парикам»¹⁰¹. Никифор Вриенний сообщает о множестве людей, работавших по найму во Фракии и Македонии¹⁰².

⁹⁴ Actes de Lavra, I, p. 125.

⁹⁵ Ph. Meyer. Haupturkunden. . . , S. 163.

⁹⁶ Actes de Lavra, I, p. 90.

⁹⁷ Le monastère de Notre Dame de Pitié, стр. 124.

⁹⁸ Акты Хиландаря. Византийский временник. СПб., 1915, т. XIX, вып. 1—4. Приложение, стр. 377.

⁹⁹ Le Typicon de Grégoire Pacourianos. Византийский временник, т. XI, СПб., 1904. Приложение, стр. 9.

¹⁰⁰ Хр. Лопарев. Византийские жития святых VIII—IX веков, стр. 9. Византийский временник, т. XIX. СПб., 1915, стр. 112—113.

¹⁰¹ Le Typicon de Grégoire Pacourianos. Византийский временник, т. XI, стр. 42.

¹⁰² Nicephori Bryennii Commentarii. Corpus scr. hist. Byz. Bonnae, 1836, p. 134.

Атталиата говорит о «работающих за плату», что во время голода при Никифоре Вотаниате они требовали ее повышения¹⁰³.

Положение этой категории эксплуатируемых феодалами людей, очевидно, также постепенно приближалось к положению зависимых крестьян. По «Закону судному людем» нанятый пастух или пахарь, прекративший работу до истечения срока сделки, только лишался условленной платы¹⁰⁴, в то время, как в XII в., согласно сообщению Киннама, мистия, ушедшего от нанявшего его хозяина, ловили и приводили назад «как беглого» (*καθάπερ δραπέτας*)¹⁰⁵. Таким образом, представление о несвободе закрепощаемого крестьянства постепенно переносится и на свободных мистиев.

Наиболее трудным является вопрос о такой категории феодально эксплуатируемых людей, как зависимые ремесленники. О свободных ремесленниках, строителях кораблей, медниках, золотарях, ткачах, кожевниках, оружейниках, кузнецах говорит уже Экзарх Болгарский, замечая при этом, что «человеческие искусства нуждаются одно в другом»¹⁰⁶. Сведения о зависимых ремесленниках крайне скудны. Обширное хозяйство архиепископа Болгарии Теофилакта не могло, конечно, обойтись без услуг зависимых ремесленников. Действительно, того беглого раба, о котором он говорит в упомянутом нами стихотворении, Теофилакт называет также и «ремесленником» (*τεχνίτης*), «пренебрегшим работами по поручениям своего господина»¹⁰⁷. Пакуриан производил в своих владениях обширные строительные работы. В то время как монастырь и церковь он построил с помощью мистиев, что он оговаривает особо, строительство других сооружений, военных укреплений, башен, странноприимных домов¹⁰⁸ осуществлялось им, несомненно, благодаря труду зависимых от него крестьян и вотчинных ремесленников. В хрисовуле Феодора Дуки от 1223 г. митрополиту Иоанну Навпактскому, жившему среди смешанного греческого и славянского населения¹⁰⁹, говорится о зависимых от митрополита (*ὄπο τῆν μητρόπολιν*) ремесленниках: ткачах, сапожниках, портных¹¹⁰. Ремесленники эти еще вели самостоятельное хозяйство. В хрисовуле сказано, что соседний митрополиту Иоанну местный феодал пытался привлечь этих зависимых от церкви ремесленников к барщине в свою пользу вместе с их скотом¹¹¹.

Наконец, следует сказать еще об одном разряде людей, также испытывавших на себе гнет феодальной эксплуатации, — о представителях низшего духовенства и о низших слоях монашества, нередко оказывавшихся в положении, близком к положению зависимых крестьян. В наиболее приниженном положении находились такие представители низшего духовенства, как церковные клирики. Иногда в исторической литературе их даже называют «зависимыми церковными и монастырскими крестьянами»¹¹². Действительно, источники подчеркивают сходство в положении клириков и зависимых крестьян. Хрисовулы Василия II архиепископу Охриды одинаково «даруют» церкви и париков и клириков, причем в по-

¹⁰³ Mich. Attal, p. 204.

¹⁰⁴ С. С. Бобчев. Старобългарски правни паметници, стр. 111.

¹⁰⁵ Ioannes Cinnamus, p. 276.

¹⁰⁶ Иван Дуйчев. Стара българска княжнина. София, 1943, стр. 80.

¹⁰⁷ Studi Bizantini, I, p. 189—190.

¹⁰⁸ Le Turpicon de Grégoire Rasourianos. Византийский временник, т. XI, стр. 10, 48, 55.

¹⁰⁹ Epirótica saeculi XIII (Из переписки Иоанна Навпактского); В. Г. Васильевский. Византийский временник, т. XIII, вып. 2, 1896, стр. 249, 252.

¹¹⁰ Там же, стр. 298.

¹¹¹ Там же, стр. 297—298.

¹¹² История Болгарии, т. I, стр. 108.

давляющем большинстве случаев — в равном числе (40 клириков и 40 париков; 15 клириков и 15 париков), и те и другие освобождаются в пользу церкви от одних и тех же налогов¹¹³. По сообщению Кедрина, налоги эти были натуральными и уплачивались пшеницей, просом и вином, а за единицу обложения была принята упряжка волов¹¹⁴. Следовательно, клирики, как и парики, были непосредственными производителями, ведущими самостоятельное хозяйство, основанное на личном труде. Феофилакт также говорит о зависимых от него клириках, что они были освобождены в пользу церкви от казенных налогов «только с одного зевгаря, а со всего, превышающего эту меру, несли повинности казне»¹¹⁵. Пользовались его клирики и «ограниченной экскусией» от налогов со скота, «мелкого и крупного»¹¹⁶. Теперь же, жалуется Феофилакт, с них взыскивают налоги в большем размере, «чем с мирян», в частности с мельниц клириков и с их рыбных ловель¹¹⁷. Налоговые чиновники обвиняли Феофилакta в том, что он «наживался за счет клириков»¹¹⁸, препятствуя взысканию с них казенных налогов, так как не хотел, «чтобы доход казне шел и от клириков»¹¹⁹.

Таким образом, Феофилакт подтверждает данные хрисовулов Василия II о близости положения клириков к положению париков. Но вместе с тем он подчеркивает духовный сан клириков, противопоставляя их «мирянам». Не смешиваются они и в хрисовулах Василия II. Согласно «Завещанию Воилы», византийскому документу от XI в., клирики получали церковную ругу¹²⁰. Нам неизвестно, получали ли ее клирики Феофилакta, однако из его писем можно заключить, что в имущественном отношении положение клириков Феофилакta выгодно отличалось от положения его париков. О бедственном положении своих париков Феофилакт сообщает не раз¹²¹. О клириках же он говорит, что они владели имуществом, большим, чем в один зевгарь¹²². У некоторых клириков были мельницы¹²³, тогда как, согласно Евстафию Фессалоникийскому, даже у свободных болгарских крестьян была одна мельница на все село¹²⁴. Тем не менее клирики были зависимы от представителей высшего духовенства. Они подлежали церковному суду, т. е. суду своего епископа, как лица духовного звания, и это, несомненно, способствовало их превращению в феодально зависимых людей. Иоанн Навпактский говорит о клириках церкви, «обрабатывающих» церковную землю¹²⁵. Когда соседний феодал отнял эту землю, клирики разбежались, поставив тем самым митрополю в стесненное положение¹²⁶. Иоанн, ссылаясь на церковные каноны, требует вернуть из Охриды в Навпакт одного из таких, «сбросивших узду» клириков¹²⁷.

¹¹³ Хрисовулы Василия II болгарскому архиепископу. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 260.

¹¹⁴ Cedrenus, II, p. 530.

¹¹⁵ Theophylactus, col. 448, B.

¹¹⁶ Ibidem, col. 448, C.

¹¹⁷ Ibidem.

¹¹⁸ Ibidem, col. 448, B.

¹¹⁹ Ibidem.

¹²⁰ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 171.

¹²¹ Theophylactus, col. 445, B; 473, D; 500, B.

¹²² Ibidem, col. 448, B.

¹²³ Ibidem, col. 448, C.

¹²⁴ Eustathii Opuscula, p. 358.

¹²⁵ А. И. Пападопуло-Керамевс. Συμβολή εις την ιστορίαν της Ἀχρίδας. Сб. статей, посвященных... В. И. Ламанскому, ч. I, СПб., 1907, стр. 241.

¹²⁶ Там же, стр. 241.

¹²⁷ Там же, стр. 234—235.

В таком же положении оказывались и сельские приходские священники, своими силами и силами своей семьи ведшие самостоятельное хозяйство. О них упоминается в акте отвода земли монастырю Богородицы Милостивой. Причем хорафий «священника (παπός) Малорада» попал в полное окружение отведенными монастырю землями¹²⁸. О приниженном положении сельских священников сообщает Феофилакт. Он пишет, что местные чиновники принуждали их выполнять «грязные работы», подобно людям из «простого народа»¹²⁹, используя их даже «для своих домашних услуг»¹³⁰ и «нарушая привилегии церкви ради собственной выгоды»¹³¹. Дмитрий Хоматиан сообщает, что «от подчиненных... епископу Пелагонии иереев было ежегодное приношение плодов (καρποφορμια) в пользу этой самой епископии, а именно воска, пшеницы, ячменя, овчин, льна и домашней птицы»¹³². Вначале, согласно Хоматиану, эти «приношения» были будто бы «добровольными». Но некоторые архиереи из-за «чревоугодия и жадности» увеличили эти взносы, превратив их добровольность в «насилие и тиранию». «... Не вынес я слез и стенаний иереев», — говорит Хоматиан, и решил точно определить размеры взносов, чтобы они были «популярны», и впредь «не изменялись». «Теперь мы определяем, — пишет Хоматиан, — чтобы иерей-зевгарат давал три меры пшеницы, три — ячменя; воидат же — соответственно меньше: три овчины, 50 горстей обработанного льна и одну литру воска, а из упомянутых продуктов земледелия ни одного зернышка»¹³³. Недаром в болгарских грамотах XIII в. церквам и монастырям жалуются царями экскусии с «попов», «како и с меропсь»¹³⁴, т. е. как с крепостных крестьян.

Об эксплуатации низших слоев монахов сообщается в типике Григория Пакуриана. В основанном им монастыре было несколько разрядов монахов. Причем самую многочисленную группу составляли монахи низшего разряда. В типике даже сделана попытка «идейного» обоснования эксплуатации монахов со стороны игумена и господина монастыря. В типике сказано, что для «спасения» не обязательно трудиться, так как «много путей на небо»¹³⁵. Одни монахи пусть будут заняты службой, «другие же пусть будут поставлены к работе и к труду телесному — те, нрав которых непостоянен и сердца нераскаившиеся, и таким образом следует их добровольно или недобровольно через тягостный труд приближать к богу»¹³⁶.

Действительно, в двух странноприимных домах этого монастыря два монаха должны были выполнять все работы по обслуживанию этих домов: носить воду, топить печи, готовить пищу, делая все это, «подобно стенимахиту», т. е. наравне с париком из дер. Стенимах, выполняющим такую же работу¹³⁷. Феофилакт сообщает, что в числе зависимых от него людей было несколько монахов. Он снабдил их собственным скотом

¹²⁸ La monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 44—45.

¹²⁹ Theophylactus, col. 525, C.

¹³⁰ Ibidem, col. 517, B.

¹³¹ Ibidem. См. поправки к тексту у Alice Leroy-Molinghen. Prolégomènes... p. 257.

¹³² Pitra, VI, p. 573.

¹³³ Ibidem, p. 574.

¹³⁴ Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова. Тимофей Флоринский, СПб., 1880, стр. 26.

¹³⁵ Le Tyricon de Grégoire Rasourianos. Византийский временник, т. XI. Приложение, стр. 37.

¹³⁶ Там же, стр. 37.

¹³⁷ Там же, стр. 37, 49.

и решительно протестовал против обложения их казенными налогами, ссылаясь на то, что «они ничем казенным не владеют»¹³⁸. Недаром уже в X в., согласно сообщению Козмы Пресвитера, монахи иногда бежали из монастырей, «не желая потрудиться и покориться игумену»¹³⁹. На бегство монахов из монастырей жаловались патриарху Харитону в XII в. игумены Афона¹⁴⁰.

Таким образом, положение представителей низшего духовенства нередко приближалось к положению феодально зависимого населения, чем и объясняется их активная роль в богомильском движении на Балканах и участие в крестьянских антифеодальных восстаниях. Ф. Энгельс, указывая на то, что представители низшего духовенства «стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в её богатствах», говорит: «Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили свою жизнь на эшафоте»¹⁴¹.

Характерной особенностью для XI—XII вв. в положении всех рассмотренных выше категорий феодально эксплуатируемых людей было не углубление отличий между ними, а постепенное их ослабление, сближение в положении всех этих угнетенных людей. Эта нивелировка проходила под знаком все большего усиления зависимости крестьян от феодалов и роста эксплуатации.

Наметить особые категории крестьян по их имущественному положению отдельно для каждой из рассмотренных выше групп, основываясь на сохранившихся материалах невозможно. Причиной этого является, однако, не столько недостаток источников, сколько действительное положение вещей: имущественное положение крестьян каждой категории было разнообразно.

Византийские термины для обозначения различных групп крестьян по имущественному признаку не находятся в связи с теми, которые были рассмотрены нами. Они указывали на способы вовлечения в зависимость крестьян разных категорий и на их правовое положение. Исключение составляет, пожалуй, единственный из рассмотренных выше терминов — «парк неплатежный» (не имеющий земли, хозяйства), которому соответствует термин «актимон», указывающий на бедственное имущественное положение. Но термин «актимон» мог употребляться и по отношению к крестьянам всех других категорий, если они были немущими.

Подавляющее большинство источников говорит о зависимых крестьянах всех категорий как о мелких хозяевах, ведущих на земле своего господина самостоятельное хозяйство, основанное на личном труде. При этом в качестве основных элементов крестьянского хозяйства, учитывавшихся фиском или феодалом при определении размеров налога или ренты, источники называют пахотную землю — надел крестьянина — и тягловый скот¹⁴². Кроме основного имущества крестьянина: земельного участка — держания — и тяглого скота (зевгарь — упряжка волов) источники говорят еще о мелком и крупном мясном и молочном скоте¹⁴³, об огоро-

¹³⁸ Theophylactus, col. 448, D — 449, A.

¹³⁹ Слово Козмы Пресвитера... Памятники древней письменности и искусства, CLXVII, стр. 60.

¹⁴⁰ Actes de Lavra, I, p. 165—166.

¹⁴¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 25—26.

¹⁴² Acta et diplomata. MM, vol. V, p. 318; Cedrenus, II, p. 530; Theophylactus, col. 449, C—D.

¹⁴³ Theophylactus, col. 448—449.

дах¹⁴⁴, мельницах¹⁴⁵, домашней птице¹⁴⁶, пчелах¹⁴⁷, рыбных ловлях¹⁴⁸. Интересно, что рыбные ловли, очевидно так же, как и луга, скоро перестают быть общинными угодьями и переходят в индивидуальное пользование. Сеяли болгары, повидимому, все известные в то время злаки. Источники упоминают пшеницу¹⁴⁹, просо¹⁵⁰, ячмень¹⁵¹. Установить районы преобладающего распространения того или иного злака в Болгарии XI—XII вв. по имеющимся материалам невозможно. Почти для всех районов Болгарии этого времени, в том числе и для Северо-Восточной Болгарии¹⁵², есть данные о распространении перечисленных злаков. То же следует сказать и о виноградарстве: оно было распространено повсеместно. Источники сообщают и о льноводстве¹⁵³, садоводстве¹⁵⁴, огородничестве¹⁵⁵.

К сожалению, мы не можем говорить по этому вопросу подробнее, так как не располагаем описями крестьянских хозяйств, подобными тем, которые сохранились от других районов империи или самой Болгарии более позднего времени.

Византийские источники сообщают о следующих категориях крестьян по их имущественному положению: о двузевгаратах, зевгаратах, вондатах, активонах, апорах. Конечно, эти категории далеко не охватывают всего разнообразия в имущественном положении крестьян. Если мы правильно понимаем уже приведенный нами отрывок из письма Феофилакта, то в зависимом от него селе некоторые крестьяне были в 7 раз состоятельнее своих бедных односельчан¹⁵⁶. Феофилакт говорит о «наиболее зажиточных париках» своего села, которых у него пытался отнять местный практор¹⁵⁷, и о таком парике-бедняке, как Лазарь, который был, по выражению его господина, «гол, как речной рак»¹⁵⁸, и «не имел ничего, что мог бы потерять»¹⁵⁹. Практора, выяснявшего имущественное положение крестьян архиепископии, Феофилакт просил переписать крестьян «соответственно их достатку» и не облагать налогом «свыше их сил»¹⁶⁰. Разнообразным было имущественное положение и париков Пакуриана. Он говорит о «наиболее нуждающихся из париков», приказывая после его смерти в день его (Пакуриана) памяти раздавать им в виде благодеяния продукты и деньги¹⁶¹. Некоторые зажиточные парики епископа Моглен, наоборот, не довольствуясь держанием у своего господина, ежегодно арендовали землю у Лавры св. Афанасия. Они платили за аренду «десятину» — долю урожая, доставляя ее монастырю «во время жатвы»¹⁶².

¹⁴⁴ Theophylactus, col. 500, B.

¹⁴⁵ Eustathii Opuscula, p. 358; Theophylactus, col. 448, C.

¹⁴⁶ Pitra, VI, p. 573; Jus Graeco-Romanum, III, p. 323.

¹⁴⁷ Le livre de préfet, l'édit de l'empereur Leon de Sage, publié par Jules Nicole, Genève, 1893, p. 39, 40.

¹⁴⁸ Theophylactus, col. 448, C.

¹⁴⁹ Cedrenus, II, p. 403, 530, Nicetae Choniatae Historia, II, p. 669.

¹⁵⁰ Ibidem, p. 403, 530.

¹⁵¹ Pitra, VI, p. 574.

¹⁵² Cedrenus, II, p. 403.

¹⁵³ Pitra, VI, p. 574; Le livre de préfet, p. 39, 40.

¹⁵⁴ Theophylactus, col. 533, A.

¹⁵⁵ Ibidem, col. 500, B; Le Typicon de Grégoire Pacourianos. Византийский временник, т. XI. Приложение, стр. 24—25, 48.

¹⁵⁶ Theophylactus, col. 449, C.

¹⁵⁷ Ibidem.

¹⁵⁸ Ibidem, col. 445, B.

¹⁵⁹ Ibidem, col. 445, A.

¹⁶⁰ Ibidem, col. 449, C.

¹⁶¹ Le Typicon de Grégoire Pacourianos. Византийский временник, т. XI. Приложение, стр. 42.

¹⁶² Actes de Lavra, I, p. 140.

Крестьянское хозяйство было основной хозяйственной ячейкой в эпоху феодализма. Поэтому, беспощадно эксплуатируя своих крестьян, феодалы предпочитали владеть крестьянами, ведущими самостоятельное хозяйство, а не крестьянами, отдающими весь свой труд своему господину, работающими на его домене и получающими от него содержание. Получив 12 париков неплатежных-актимонов, «не имеющих собственных стасей», монастырь Богородицы Милостивой предпочел наделить их землей и скотом, так что уже через несколько лет они стали париками-зевгаратами, т. е. полнонадельными крестьянами, имеющими все необходимое для ведения самостоятельного хозяйства¹⁶³. Феофилакт снабжал своих неимущих париков скотом¹⁶⁴.

В одном из афонских актов рассказывается о возмещении ущерба, понесенного монастырем из-за самоуправства крупного местного чиновника. При возмещении тщательным образом были учтены как утраченные монастырем ценности, так и те, которые их должны были возместить. При этом объекты собственности, будучи равноценными, отличаются по своему составу, что позволяет для некоторых из них установить сравнительную стоимость. Монастырю не было возвращено при возмещении до 270 модиев земли в переводе на землю первого качества, но зато вместо 15 отнятых у него париков ему было передано теперь 35. При этом особое внимание обращено на имущественное положение париков. У монастыря было четыре двузевгаратных парика и 11 однозевгаратных, а ему передано 18 однозевгаратных, 10 воидатов, семь актимонов. Один двузевгаратный парик приравнивается к двум однозевгаратным, парик-однозевгарат — к двум воидатам, воидат — к двум актимонам. Одного однозевгаратного парика возмещала передаваемая монастырю мельница, что и оговорено в акте особо¹⁶⁵. Потерю четырех двузевгаратных париков и 10 однозевгаратных возмещают 18 переданных монастырю однозевгаратных париков. 10 же воидатов и семь актимонов должны возместить недоданные монастырю 270 модиев земли первого качества. Таким образом, 27 актимонов (10 воидатов \times 2 + 7 актимонов = 27 актимонам) признаны равноценными 270 модиям земли первого качества, а один актимон — 10 модиям. Актимон расценивается в 4 раза ниже, чем однозевгарат. Следовательно, владение зевгаратом приравнено к владению 40 модиями земли первого качества (цифру эту следует несколько увеличить, так как 10 воидатов и семь актимонов, кроме земли в 270 модиев, возмещали еще заброшенный сад)¹⁶⁶. В этом же акте говорится особо о пожаловании монастырю 480 модиев земли с 10 париками-зевгаратами¹⁶⁷. Таким образом, на каждого парика-зевгарата приходилось по 48 модиев земли, что как будто подтверждает правильность объясненных здесь нами расчетов, которые были сделаны в акте возмещения ущерба. Правда, Ф. И. Успенский отмечал большие колебания в размерах надела парика-зевгарата (от 40 до 420), но он здесь же высказал предположение, что это объясняется разницей в качестве земли¹⁶⁸. Как мы видели, и в приведенных выше расчетах учтено качество земли — на парика-зевгарата приходится 40—50 модиев земли первого качества.

¹⁶³ Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I, стр. 35, 36.

¹⁶⁴ Theophylactus, col. 449, A—B.

¹⁶⁵ Actes de Lavra, I, p. 141.

¹⁶⁶ Ibidem, p. 140.

¹⁶⁷ Ibidem.

¹⁶⁸ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Наблюдения по истории сельского хозяйства. Труды VI Археологического съезда в Одессе, т. II, Одесса, 1888, стр. 310.

Успенский же приводит данные о взимании казенных налогов из расчета — 1 номисма с участка в 48 модиев земли первого качества в 169, т. е. и здесь за единицу расчета принят, всего вероятнее, надел парика-зевгарата. Выше мы установили, что участок земли первого качества в 40—50 модиев приравнивается к доходам от эксплуатации парика-зевгарата. Следовательно, такой участок, отданный в держание, считается в 2 раза более ценным, чем не отданный в держание. К такому же выводу на других материалах приходит и П. Безобразов, доказывая, что участок в 40 модиев с сидящим на нем крепостным «во всяком случае» вдвое дороже такого участка без крепостного¹⁷⁰. Отсюда понятна та борьба за зависимое крестьянство между феодалами, которая велась в Болгарии в XI—XII вв. Все чаще предметом тяжб между феодалами становились не только земля и не столько земля, сколько сами люди. Архиепископа Феофилакта — церковного владыку Болгарии — чиновники уличали в том, что он «похищал людей на пашнях и виноградниках»¹⁷¹. Феофилакт вел отчаянную борьбу за село, так как «дело это необходимо более всех других» «ради парической службы» жителей этого села¹⁷². Лавра св. Афанасия добивалась возвращения восьми своих париков-болгар, захваченных без земли и переселенных на свою землю проиаром Панкратием¹⁷³.

Таким образом, категории крестьян, определяемые по способу вовлечения в зависимость и по правовому положению, и категории крестьян, устанавливаемые по их имущественному положению, не совпадают друг с другом.

Установить категории крестьян в зависимости от размеров и видов феодальной ренты, основываясь на имеющихся материалах, крайне трудно. Несомненным является только то, что размеры и виды феодальной ренты с зависимых крестьян находятся в связи с их правовым и имущественным положением. Здесь следует оговориться, что нам представляется спорным вывод А. П. Каждана о том, что в XIII—XIV вв. в Византии наблюдается «исчезновение функциональной зависимости между размерами имущества и суммой ренты». Этому факту А. П. Каждан придает большое значение в доказательствах того, что в Византии XIII—XIV вв. существовала феодальная рента, а не Диоклетианова система обложения¹⁷⁴. От XI—XII вв. есть достаточно определенные свидетельства в пользу того, что при взыскании как казенного налога, так и частновладельческой ренты принималось во внимание и имущественное положение крестьян. Целью этого было, конечно, не желание предотвратить разорение крестьянина, а стремление к наиболее полному изъятию прибавочного продукта, произведенного в крестьянском хозяйстве. И это, безусловно, не лишило ренту ее феодального характера, представлявшую собой реализацию феодальной собственности — форму изъятия прибавочного продукта феодальными собственниками земли у зависимых держателей этой земли.

Вопрос о феодальной ренте в Болгарии XI—XII вв. представляет собой особую проблему, требующую самостоятельного рассмотрения. Мы здесь ее только касаемся, утверждая, что имущественное положение зависимых крестьян оказывало также существенное влияние на размеры ренты,

¹⁶⁹ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры, стр. 306.

¹⁷⁰ П. В. Безобразов. Крестьяне. Приложение к «Истории Византии» Ф. Герцберга, переведенной с немецкого П. Безобразовым. М., 1896, стр. 647.

¹⁷¹ Theophylactus, col. 445, A.

¹⁷² Ibidem, col. 424, A.

¹⁷³ Actes de Lavra, I, p. 162.

¹⁷⁴ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 136, 138—139, 164 и др.

особенно в тех случаях, когда речь шла о крестьянах с различным имущественным положением, живущих в пределах одной и той же вотчины, одного и того же зависимого села и т. п.

Если у того или иного парика, говорит Михаил Атталиата, «окажется больше земли, предоставленной ему во владение ... или другого чего-либо... тогда следует увеличить для него [размеры] работ и взносов»¹⁷⁵. Феофилакт негодует на то, что его хотят лишить «наиболее зажиточных» крестьян¹⁷⁶. Мы уже говорили о том, как тщательно было учтено имущественное положение крестьян при возмещении ущерба, понесенного монастырем. Феофилакт же не раз сообщает о мелочном и придирчивом обследовании крестьянских хозяйств для обложения их казенными податями¹⁷⁷.

Источники не позволяют установить какие-либо существенные особенности в видах феодальных повинностей для каждой из тех категорий крестьян, о которых мы говорили выше. Только относительно дулопариков можно предполагать, что их повинности заключались главным образом в отработках на домене господина. Но переписка Феофилакта свидетельствует о том, что отработочная рента была основным видом феодальных повинностей в его владениях, населенных париками и проскафименами, а не дулопариками¹⁷⁸.

Невозможно также определить достаточно точно степень зависимости от феодала крестьян каждой категории. Причиной этого, на наш взгляд, является не столько недостаток источников, сколько то обстоятельство, что положение этих крестьян в правовом отношении постепенно сближалось в XI—XII вв.; отличия в их положении, обусловленные различием путей вовлечения их в зависимость, все более отодвигались на задний план, лишая термины «проскафимен», «дулопарик» и другие их прежнего реального содержания. Термин «парик», характеризующий зависимое состояние держателя земли у феодала, все более становился обобщающим. Поэтому мы можем говорить о степени личной зависимости крестьян в XI—XII вв. лишь в целом, не разделяя их в этом отношении на вполне определенные категории. Но и этот вопрос до сих пор остается одним из наименее ясных вопросов средневековой истории Болгарии.

Буржуазный историк А. Л. Погодин считал, что «эта область болгарской истории очень темна и вряд ли при отсутствии данных когда-либо разъяснится»¹⁷⁹. Но под «данными» для решения этого вопроса буржуазные историки имели в виду только юридические памятники, которые официально свидетельствовали бы о несвободном состоянии крестьян. Рассмотрение действительного положения крестьян в эту эпоху завершения процесса феодализации, изучение тех отношений, в которых они находились со своими господами, уже может дать нам основания для выводов, даже при отсутствии законодательных памятников, официально санкционирующих сложившееся на деле господство феодала над личностью зависимого от него крестьянина. Ссылки при этом на официально признаваемые за крестьянами некоторые права не могут иметь силы доказательства, если не дается обоснованный ответ на вопрос, мог ли крестьянин на деле осуществить эти права, формальным обладателем которых он признавался.

В. И. Ленин, характеризуя феодальный способ производства, подчеркивает, что «если бы помещик не имел прямой власти над личностью

¹⁷⁵ Acta et diplomata. MM, vol. V, p. 318.

¹⁷⁶ Theophylactus, col. 449, C.

¹⁷⁷ Ibidem, col. 316, B; 348, A; 448, C; 452, A.

¹⁷⁸ Ibidem, col. 424, A; 452, A.

¹⁷⁹ А. Л. Погодин. История Болгарии. СПб., 1910, стр. 63.

крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, надежного землей и ведущего свое хозяйство»¹⁸⁰.

Феодальная собственность является основой феодальных производственных отношений, ее экономическая реализация есть феодальная рента. Но возможность ее взыскания феодальным собственником превращалась в действительность благодаря внеэкономическому принуждению, которое порождается самой системой хозяйства, основанной на феодальной собственности. За поземельной зависимостью с необходимостью следовала зависимость личная. Для изъятия прибавочного продукта у крестьянина «необходимы, — говорит Маркс, — отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени...»¹⁸¹. Стихийный процесс образования, укрепления и расширения феодальной собственности с необходимостью вызывал усиление личной зависимости крестьянина. Не только государственная власть с ее централизованным аппаратом, но и сами феодалы на местах — и чем далее, тем в большей степени — закрепощали крестьянство, создавая и укрепляя аппарат принуждения в своих владениях.

Уже первые документы от периода византийского ига дают основание предполагать, что крестьяне Болгарской архиепископии находились и под судебной юрисдикцией своих епископов и архиепископов. Василий II запрещает в своих хрисовулах вмешиваться во внутренние дела болгарской церкви государственным чиновникам всех рангов¹⁸². Соборное определение от 1071 г. гласит, что лица, получившие землю от церкви, становятся ответственными не перед светским, а перед церковным судом. Здесь же дано и разъяснение, кого следует понимать под этими «лицами». Соборное определение предписывает раздавать землю только «парикам и клирикам... а не мирянам-неземледельцам»¹⁸³. Хрисовул Никифора Вота-ниата от 1079 г. монастырю Меланон¹⁸⁴, хрисовул Мануила I Комнина от 1156 г.¹⁸⁵ монастырю близ Струмицы предписывают пополнять число париков и дулопариков этих монастырей их детьми. Вероятно, эти парики и дулопарики уже не могли просто покинуть свои держания, освободившись тем самым от бремени платежей и работ в пользу своего господина, — они разбегались, как об этом говорится в хрисовуле Алексея I монастырю Амальфинян от 1081 г.¹⁸⁶ и в переписке Феофилакта, причем Феофилакт говорит, что разбежавшиеся парики Девольской епископии «скрывались в лесной чаще»¹⁸⁷.

В типике Пакуриана монастырю в Бачково сообщается о его иммунитетных правах: о невмешательстве чиновников всех рангов во внутренние дела монастыря и о запрете им вступать на территорию владений монастыря¹⁸⁸. Права эти считались принадлежностью владений (как об этом определенно сказано, например, в типике монастыря Космосотиры¹⁸⁹) и

¹⁸⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159 (разрядка наша. — Г. Л.).

¹⁸¹ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1953, стр. 803 (разрядка наша. — Г. Л.).

¹⁸² Хрисовулы Василия II Болгарской архиепископии. Е. Голубинский.

Указ. соч., стр. 263.

¹⁸³ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления Константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии). ИРАИК, т. V, Одесса, 1900, стр. 10, 19—20.

¹⁸⁴ Actes de Lavra, I, p. 84.

¹⁸⁵ Le monastère de Notre Dame de Pitié, стр. 33.

¹⁸⁶ Actes de Lavra, I, p. 96.

¹⁸⁷ Theophylactus, col. 529, B.

¹⁸⁸ Le Typicon de Grégoire Pascarianos. Византийский временник, т. XI. Приложение, стр. 36, 44, 45.

¹⁸⁹ Le Typicon du monastère Kosmosotira près d'Aenos (1152). ИРАИК, т. XIII, София, 1908, стр. 53.

перешли к монастырю вместе с владениями от его основателя Пакуриана, обладавшего этими правами еще до основания монастыря (1083 г.)¹⁹⁰. Действительно, власть монастыря, а до того власть Пакуриана, над своими крестьянами была велика. Так, в типике говорится, что для обслуживания странноприимных домов назначаются парики из соседних с этими домами деревень. Странноприимные дома должны были действовать круглый год, парик назначалась руга в размере, определенном для низшей категории монахов¹⁹¹. Следовательно, парика принуждали или значительно сократить, или совсем ликвидировать свое хозяйство. Подобное обращение с крестьянами уже граничит с крепостничеством. Парик Феофилакта Лазарь забросил свое хозяйство на земле своего господина. Однако это не избавило его от «ярма парикии», которое он всеми силами пытался сбросить¹⁹². В акте от 1094 г. говорится о том, что зависимые от монастыря влахи были прогнаны с его пастбищ куманами. Монастырь, жалуюсь на это императору, продолжал считать этих влахов, ушедших с его земли, зависимыми от себя. Он хлопотал не столько о возвращении своих пастбищ, захваченных куманами, сколько о возвращении влахов. И император наделил монастырь новыми пастбищами для его влахов¹⁹³. В акте от 1162 г. рассказывается о том, что стратиот-прониар Панкратий захватил восемь париков Лавры св. Афанасия (в том числе Недана, Черноту, Славоту) и переселил их на землю своего проствия. Монастырь добился возвращения этих париков на земли монастыря¹⁹⁴.

Итак, предметом тяжбы здесь стали сами люди, которых захватывает, присваивает без земли один феодал, а другой, их прежний господин, на законном основании требует их возвращения и получает при этом содействие властей. Конечно, можно сослаться на какой-либо законодательный памятник того времени, не позволяющий обращаться с париками подобным образом. Но перед нами более ценный источник, свидетельствующий о действительном положении крестьян монастыря, а не об их формальных правах. Как мы упоминали, в похищении людей на пашнях и виноградниках обвинялся и архиепископ Болгарии Феофилакт¹⁹⁵. Ясно, что эти парики были лично зависимы от своих господ. Безусловно, личная зависимость крестьян от феодалов находилась в этот период в стадии оформления, еще не сложилась окончательно, но она усиливалась от десятилетия к десятилетию в результате развития феодального землевладения и иммунитета феодального поместья.

Усиление личной зависимости крестьян несло с собой увеличение эксплуатации и еще большее их бесправие. Недаром даже монахов могущественной Лавры св. Афанасия, пользующейся особым покровительством царствовавших в то время Комнинов, охватывал ужас перед перспективой оказаться париками частного лица — брата Алексея I Комнина Адриана. Алексей I передал право сбора казенных налогов с некоторых владений Лавры своему брату, и хотя размеры этих налогов остались прежними, монахи обеспокоены тем, не стали ли они париками того, кому уплачивают налоги¹⁹⁶. Мануил I Комнин стал широко практиковать систему раздачи казенных земель, населенных свободными крестьянами, под условием

¹⁹⁰ Le Typicon de Grégoire Rasourianos. Византийский временник, т. XI. Приложение, стр. 54—55.

¹⁹¹ Там же, стр. 48.

¹⁹² Theophylactus, col. 444, C.

¹⁹³ Actes de Lavra, I, p. 126.

¹⁹⁴ Там же, стр. 162.

¹⁹⁵ Theophylactus, col. 445, A.

¹⁹⁶ Actes de Lavra, I, p. 126.

несения военной службы. Никита Хониат свидетельствует о положении этих свободных людей, переданных теперь стратиотам-прониарам. Он говорит, что они тем самым были отданы «в рабство», что Мануил поступил с ними, «как с рабами». Прониары, согласно его сообщению, беспощадно обирали этих париков, лишая их последнего имущества¹⁹⁷. Иоанн Навпактский говорит о безмерных и произвольных поборах феодала Константина Дуки не только со своих крестьян, «но и с полей чужих». Константин Дука, сообщает он, обирал крестьянские семьи и при смерти крестьянина и при рождении у него ребенка¹⁹⁸. А как известно, право *main morte* было связано на Западе именно с личной зависимостью крестьянина от феодала. Константин Дука принуждал являться к нему на барщину даже крестьян и ремесленников митрополии вместе со своим скотом¹⁹⁹.

Недаром сохранившиеся от конца XII—начала XIII в. славянские акты свидетельствуют уже не только о полном иммунитете феодального поместья, но и о настоящей крепостной зависимости крестьян. В хрисовуле Асеня II, даровавшего Ватопедскому монастырю с. Семалто у Серр, говорится о получении игуменом монастыря со своих крестьян судебной подати «арико» (*ἀρικόβν*). Монастырю был пожалован полный иммунитет. Владеет он селом «властью самовластной», как сказано в хрисовуле, и «дают люди те и да работают святому тому монастырю»²⁰⁰. Хрисовул Стефана Первовенчанного от 1199 г. свидетельствует прямо о крепостной зависимости крестьян. «И если кто-нибудь из монастырских людей, — говорится в нем, — бежит, или влах — под великого жупана, или под иного кого, да будет возвращен обратно, если же из жупановых людей переходит (кто-нибудь) в число монастырских людей, да будет возвращен обратно»²⁰¹.

Итак, источники говорят о том, что вместе с развитием феодальной собственности постепенно развивалась и неуклонно усиливалась личная зависимость крестьян от феодалов, которая к концу XII—началу XIII в. начинала принимать формы настоящего крепостничества. Необходимый атрибут феодальной собственности, средство ее реализации, личная зависимость порождалась ею, развивалась и усиливалась вместе с ее развитием.

На усиление и укрепление личной зависимости крестьян был направлен и постепенно складывающийся иммунитет феодального поместья. Все в большей степени функции подавления и насилия осуществляет в своем поместье сам феодал, полновластный господин своих бесправных крестьян.

Втягивание в зависимость остатков свободного крестьянства, разорение крестьян и потеря ими общинных земель, усиление личной зависимости, рост ренты и казенных налогов, укрепление иммунитета феодального поместья и усиление власти феодала над бесправным и задавленным непосильным гнетом и нуждой болгарским населением — вот те процессы, которые характеризуют положение болгарского крестьянства в XI—XII вв. Все это и объясняет нам ту непрерывную, скрытую и явную борьбу, которая временами выливалась в мощные народные восстания против иноземных поработителей и против болгарских феодалов.

¹⁹⁷ Nicetae Choniatae Historia, vol. I, col. 273—274.

¹⁹⁸ А. И. Пападопуло-Керамевс. Συμβολή εις την ιστορίαν της Αχρίδας. Сб. статей в честь В. И. Ламанского, ч. I, стр. 243, 244, 245.

¹⁹⁹ В. Г. Васильевский. „Epirotica saeculi XIII“. Византийский временник, т. XIII, вып. 2, СПб., 1896, стр. 298.

²⁰⁰ Български старини, XI, София, 1930, стр. 5.

²⁰¹ Акты Хиландаря. Византийский временник, т. XIX. Приложение, стр. 377.

У нас, к сожалению, нет достаточных сведений о положении крестьянства в Северной и Северо-Восточной Болгарии в этот период. Очевидно, в социально-экономическом развитии Западной и Северо-Восточной Болгарии к концу периода византийского господства различия не исчезли; однако к последним десятилетиям этого почти двухвекового периода Западная Болгария не только не отставала в развитии феодальных отношений от Северо-Восточной Болгарии, а, напротив, опережала ее. В это время в Северо-Восточной Болгарии, где господство византийских феодалов было гораздо слабее, слой свободного крестьянства был значительно многочисленнее, чем в Западной Болгарии.

Возможно, это было одним из тех обстоятельств, в силу которых население Северной и Северо-Восточной Болгарии до последней четверти XII в. не принимало достаточно активного участия в неоднократных героических усилиях населения Южной и Западной Болгарии сбросить иноземное иго. Несомненно, однако, что борьба населения Южной и Западной Болгарии способствовала освобождению в 1185 г. Северной Болгарии от продолжительного ненавистного господства византийских феодалов и византийского государства.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>В. И. Владимирская.</i> Борьба болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) против империалистической войны (1914—1918 гг.)	3
<i>К. Л. Струкова.</i> Социально-экономические основы движения за воссоединение в Южной Болгарии в 1879—1885 гг.	56
<i>Н. Д. Ратнер.</i> Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. . . .	83
<i>Ль В. Волкова.</i> Прогрессивные польские публицисты XVI в. о современной им действительности	179
<i>Г. Г. Литаврин.</i> Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв.	226

*Ученые записки
Института славяноведения, т. XIV*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР*

*

*Редактор издательства В. Д. Вознесенский
Технический редактор С. Г. Новикова
Корректор В. К. Гарди*

*

РИСО АН СССР № 55—76В. Сдано в набор 14/VIII-1956 г.
Подп. в печать 21/XI-1956 г. Формат бум. 70 × 103¹/₁₆.
Печ. л. 15,75 = 21,58. Уч.-изд. лист. 22,5. Т—11050.
Тираж 1500. Изд. № 1763. Тип. зак. 802.

Цена 15 руб.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64. Подсосенский пер., д. 21.

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

